Забавное
ЕВАНГЕЛИЕ

ЛЕО ТАКСИЛЬ

Забавное ЕВАНГЕЛИЕ,

ИЛИ ЖИЗНЬ ИИСУСА

Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1963

2
Т 15

Французский писатель Лео Таксиль (1854—1907) хорошо известен советскому читателю по «Забавной Библии», где он дал блестящую, остроумную и боевую критику «священной» книги христиан и иудеев.

Вторая книга французского писателя — «Забавное евангелие, или Жизнь Иисуса» содержит критику евангелия. С уничтожающим сарказмом вскрывает Лео Таксиль многочисленные противоречия и нелепости в Новом завете, срывает все богословские покровы с личности «богочеловека» Иисуса Христа, показывает всю абсурдность евангельских легенд о «жизни и деятельности» мессии, спасителя. У читателя не остается сомнений в том, что в евангелиях нет ничего божественного, что, составляя этот сборник древних легенд и мифов, отцы христианской церкви сплошь и рядом не могли свести концы с концами.

Русский перевод «Забавного евангелия» сохранил живость и образность языка, свойственные французскому тексту. Перевод печатается с незначительными сокращениями.

Перевод с французского
Б. САВЕЛЬЕВА и Ф. ЯРИЛИНА

ОТ АВТОРА

Относительно личности Иисуса Христа можно услышать три мнения:

1. Одни считают, что это бог, на некоторое время сошедший на землю в обличье человека.

2. Другие полагают, что он был евреем-проповедником, который подвергался суровым гонениям и был обожествлен сторонниками своих социально-освободительных идей.

3. И наконец, третьи утверждают, что никакого Иисуса Христа, как и его апостолов, не существовало и что христианская легенда, сфабрикованная по образцу множества других религиозных легенд, была придумана в эпоху упадка язычества, когда людям, извлекающим пользу из человеческой глупости, понадобилась новая религия.

Тщательно взвесив все доводы за и против, я твердо примкнул к сторонникам последней версии.

Эта книга написана не для того, чтобы, принизив Иисуса-бога, возвеличить тем самым Иисуса-человека: ни в существование того, ни в существование другого автор не верит. Его цель,— шаг за шагом проследив христианскую легенду, выявить весь тот вздор, который она содержит, и таким образом показать, что вся история об Иисусе Христе, будь то человек или божество, с какой стороны ее ни рассматривать, есть не что иное, как сплетение лживых и глупых выдумок.

Часть первая

ДЕТСТВО ХРИСТА

ГЛАВА I

ВИДЕНИЕ ЗАХАРИИ

Во дни Ирода, царя иудейского, был священник из Авиевой череды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета. Оба они были праведны пред богом, поступая по всем заповедям и уставам господним беспорочно. У них не было детей; ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных.

Лука, гл. 1, ст. 5—7



В ту пору Слово, то есть господин по имени Иисус *, еще не родилось; среди иерусалимских священников был тогда один левит *, которого звали Захария.

Этот Захария жил в своем загородном домике в Ютте, расположенной в горах Иудеи. Была у него жена (еврейские священники жили в браке), и звали ее Елисаветой. «Оба они,— как сообщает апостол Лука *,— были праведны пред богом, поступая по всем заповедям и уставам господним беспорочно» (Лука, гл. 1, ст. 6). Но благочестие супругов подверглось суровому испытанию. Может быть, вы думаете, что верующие не опускали денег в их копилку? Нет, дело не в этом.

Захария и Елисавета горевали оттого, что, несмотря на все старания, у них не было детей.

Священник и его жена были уже не первой молодости. Еще несколько лет бесплодия супруги, и почтенному левиту пришлось бы навсегда распрощаться с надеждой оставить после себя потомство. Это было тем более огорчительно, что у евреев бесплодие считалось позором и на бездетных супругов показывали пальцем.

Захария был вне себя. Тем временем наступил его черед служить в храме, и Захарию призвали в Иерусалим. Конечно, он куда охотнее продолжал бы сидеть дома и сажать вместе с женою капусту, ту самую чудесную капусту, в которой иногда находят малышей. Однако дисциплина превыше всего.

И Захария, ворча, отправился в Иерусалим. К счастью, если каждая медаль имеет свою оборотную сторону, то, по логике вещей, одна из них должна быть приятной: священ-

ники выполняли различные обязанности по жребию, и Захарии досталось каждение *. А надобно вам знать, что более высокой чести на долю священника и выпасть не могло: дело это было не пустячное — богослужение у евреев совершалось очень торжественно.

Прежде всего в самой середине святейшего места, между огромным семирожковым паникадилом и столиком со святым хлебом, помещался золотой алтарь. Что скажете? Это ли не роскошь? Великолепное святилище было отделено занавесом от другого помещения, которое называлось дарохранительницей. Оно считалось еще более священным, потому что именно там, скрытый от взоров, пребывал могущественный бог Яхве, иначе называемый Иеговой, или всевышним, или богом Саваофом.

Входить в дарохранительницу разрешалось не всякому: право на это имел только кадильщик. Когда он появлялся в Иерусалимском храме, толпа начинала петь радостные гимны, в храме зажигали свечи, все почтительно расступались; кадильщик, оставляя поющих за барьером, один поднимался на ступени святилища и по знаку первосвященника бросал в огонь благовония: то был чистейший ладан — символ молитв, воссылаемых верующими. Отвесив поклон, кадильщик направлялся к дарохранительнице; он пятился к ней задом, чтобы, упаси бог, не оказаться спиною к алтарю. Колокольный звон возвещал его выход из дарохранительницы и сопровождал благословение, которое он давал народу. Левиты тотчас начинали голосить молитвы под аккомпанемент священной какофонии. О, это было поистине великолепно, величественно, грандиозно — ну просто не передать!

Эта церемония до того потрясала присутствующих, что каждого невольно охватывал какой-то тайный трепет. Подумайте только: священник, вступавший в дарохранительницу, возносил их молитвы самому богу, он возносил их в виде ладана, который курился перед опущенным занавесом. И стоило Яхве отвергнуть его приношение, стоило ему покарать священника за какую-нибудь оплошность, кара эта обрушилась бы на весь народ Израилев * и всех евреев поразила бы тяжкая болезнь: с вещами божественными шутки плохи! Вот почему прихожане с таким нетерпением ждали возвращения кадильщика. Какой ответ принесет он от предвечного? Этот вопрос тревожил всех, кто находился в храме. Чтобы не заставлять их волноваться понапрасну, кадильщик обычно старался выйти к ним побыстрее.

Но на сей раз Захария застрял надолго. Сыны Израилевы забеспокоились не на шутку: проходили секунды, минуты, они тянулись медленно, как века, а Захария все не появлялся.

Наконец он высунул из-за занавеса нос. Но какой нос!.. Он был огромен, он вытянулся до невероятной длины. Нос мрачно и угрюмо висел на перепуганном лице Захарии. К тому же обладатель этого перепуганного лица и удручающего носа дрожал как осиновый лист. Уж не случилось ли чего за занавесом?

Да, там действительно произошло нечто невообразимое. Итак, внимайте и трепещите!

Захария, будучи себе на уме, решил: «Раз уж мне привелось возносить господу богу молитвы за всю эту братию, на которую мне, честно говоря, начхать, надо по крайней мере воспользоваться случаем и обратиться к незримому Саваофу с маленькой личной просьбой». Подумав так, он простерся ниц и стал шептать:

— Боже всемогущий, не окажешь ли ты мне небольшую любезность: не исцелишь ли от бесплодия мою жену? Умоляю, сделай так, чтобы Елисавета наградила меня малышом, и не заставляй себя долго упрашивать.

Преклонив колено, Захария замер в молитвенной позе.

Встав, он неожиданно очутился нос к носу с сияющим ангелом. Ему бы, простофиле, обрадоваться, а он ни с того ни с сего оробел: никак не ожидал увидеть перед собою посланца божьего. Ангелу даже пришлось его успокаивать.

— Не бойся, Захария, благословеннейший из всех Захариев! — сказал ему ангел.— Ибо услышана молитва твоя, и внял ей господь. С помощью особой ретроактивной силы, недоступной человеческому разумению, он трансформирует твою жену. Ты оставил Елисавету бесплодной, как пустыня; пройдет девять месяцев, и ты ее не узнаешь. Скажу тебе больше: у тебя родится сын и ты наречешь его Иоанном. И будет тебе радость, и сыны Израилевы возрадуются. Сын твой не будет пить вина и других горячительных напитков. Он станет проповедовать в народе, и люди будут верить ему: трезвому всегда верят. Многих неверующих приведет он к господу богу. А напоследок, старина, я сообщу тебе потрясающую штуку: быть твоему сыну предтечей мессии! *

Захария ушам своим не верил. Решив, что его разыгрывают, он сказал ангелу:

— Сударь, господь бог чересчур щедр ко мне, ведь я просил его о малом. Уж не смеется ли он надо мною? Допустим,

я вам поверю, но чем вы докажете, что вы и впрямь посланец божий?

Сомнения Захарии задели ангела за живое.

— Нехорошо, нехорошо, старина,— сказал он в ответ.— Я пришел к тебе по-дружески, с поручением от отца Саваофа, а ты вообразил, будто я хочу тебя надуть! Это уж чересчур! Так знай же: я Гавриил, архангел первостатейной важности, предстоящий пред богом. А чтобы ты больше не сомневался и не требовал от меня дальнейших объяснений, отныне и до того дня, когда сбудется то, о чем я тебе возвестил, ты лишишься дара речи.

С этими словами архангел Гавриил взлетел к потолку и на прощание даже не поклонился ошеломленному Захарии.

Миссия архангела, по-видимому, и впрямь была нешуточной, коли Захария потерял способность говорить: бедняга сделался нем как рыба!

Теперь вам понятно, что неспроста у несчастного левита был такой потешный вид, когда он появился перед народом.

Напрасно обращались к нему с вопросами:

— Ну что?.. Что случилось?.. Да говорите же, говорите, господин священник!

Кроме покачивания головой и каких-то нечленораздельных звуков, так от него ничего и не добились.

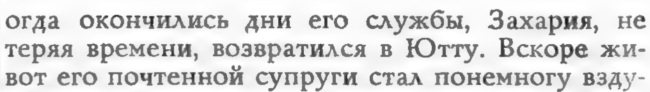
В тот вечер сыны Израилевы легли спать в смертельной тревоге, и всю ночь их мучали кошмары.

ГЛАВА II

ПРЕДТЕЧА

После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев, и говорила: Так сотворил мне господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми.

Лука, гл. 1, ст. 24–25



Когда окончились дни его службы, Захария, не теряя времени, возвратился в Ютту. Вскоре живот его почтенной супруги стал понемногу вздуваться. Это обстоятельство привело в движение языки всех соседей, и только язык ее мужа пребывал в полнейшем бездействии. Несчастный Захария не только онемел, но вдобавок еще и оглох, что вовсе не было предусмотрено *.

Однако, несмотря на свою глухоту, он прекрасно понял, что люди смеются из-за того, что мадам Елисавета столь внезапно оказалась в интересном положении. Поэтому в течение последних пяти месяцев ее беременности муж прятал свою супругу от посторонних взоров. «Такое затворничество вполне естественно,— говорят католические богословы.— Надо было скрыть от недобрых взглядов и людского злословия чудо этого неожиданного зачатия». Что и говорить, чудо и впрямь невероятное.

Но вот пришло время, и Елисавета произвела на свет младенца. Пророчество ангела сбывалось, но это хитрое пророчество сбылось еще не до конца: ведь Гавриил пообещал, что после рождения сына Захария вновь обретет дар речи. Однако ничего подобного: он по-прежнему был глух и нем, ибо господь бог хотел, чтобы исцеление священника произошло на глазах у публики — стоило ли, право, творить чудеса при закрытых дверях?

Итак, Захария оставался глухонемым до тех пор, пока не наступил день публичного религиозного обряда, которым у евреев обычно сопровождалось рождение мальчика. Это был обряд обрезания. Через неделю после того, как Иоанн — так по повелению ангела назвали младенца — появился на свет, его принесли в Иерусалимский храм и там совершили над ним хирургическую операцию, которая у евреев и мусульман означает крещение.

Тут Захария вдруг закричал:

— Ай-ай-ай!.. Вот так здорово!.. Я могу говорить!.. Миленькие мои, я разговариваю!..

И чтобы наверстать упущенное за девять месяцев немоты, он тут же, что называется с места в карьер, стал читать длинную молитву собственного сочинения во славу Иеговы-Саваофа.

Право же, стоит ее процитировать, эту молитву, она того заслуживает. Текст ее приводится в евангелии и начинается так:

«Благословен господь бог Израилев,— вскричал Захария, как только заработал его язык,— благословен господь бог Израилев, что посетил народ свой, и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида...» и тому подобное (Лука, гл. 1, ст. 68—69).

Так буквально и сказано, я ничего не придумываю. Однако стоит ли жалеть Захарию, если он так радовался своему рогу?..

Младенец Иоанн рос, окруженный самой нежной заботой матери и Захарии. Но любопытная подробность: мальчишка при всяком удобном случае удирал из родительского дома и один слонялся по окрестностям, часами разговаривая сам с собою.

Как видите, Иоанн бесспорно был предтечей мессии, которого ожидали евреи.

Когда же и как родился долгожданный мессия? Именно об этом сейчас и пойдет речь.

ГЛАВА III

ВМЕШАТЕЛЬСТВО СВЯТОГО ДУХА

И сказал ей ангел: не бойся, Мария; ибо ты обрела благодать у бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь сына, и наречешь ему имя: Иисус.

Лука, гл. 1, ст. 30—31



х и расторопным же малым был этот архангел Гавриил, юный посланец Иеговы! Если верить тому, что рассказывают о нем священные книги, Гавриил был большой мастак огорошивать людей известиями о предстоящем прибавлении семейства. Мы уже были свидетелями того, как он предупредил о рождении Иоанна; сейчас мы увидим его в той же самой роли — и где бы вы думали? — у двоюродной сестры Елисаветы.

У Елисаветы была кузина, по имени Мария, которая жила в Назарете, захолустном городишке Галилеи. Юная смуглянка Мария была просто прелестна — лакомый кусочек, от которого не отказался бы даже царь.

В ту пору царем Иудеи считался некий Ирод *, которого евреи за настоящего царя не признавали. Этот монарх, навязанный им римлянами, был в их глазах просто выскочкой, захватившим трон законного царя. Между тем царский род Давидов * насчитывал нескольких потомков, в том числе и некоего плотника, нареченного Иосифом.

И вот Марию обручили с Иосифом из рода Давидова.

Отец и мать девушки, папаша Иоахим и матушка Анна, сперва решили посвятить свое чадо господу богу: когда Мария была еще совсем маленькой, они привели ее в храм и там взяли с нее торжественную клятву, что она никогда не выйдет замуж и посвятит себя служению господам священникам.

Но в один прекрасный день Иоахим и Анна передумали. По какой причине? Об этом евангелия умалчивают. Как бы там ни было, Иоахим и Анна решили обручить свою дочь с плотником Иосифом. Возможно, они просто-напросто ему задолжали, а платить было нечем, и старый плут Иосиф в погашение долга потребовал, чтобы родители отдали ему в жены свою девчонку. Иногда совершаются и такие сделки...

Короче говоря, прежние обещания были преданы забвению, и Марию с Иосифом торжественно обвен-

чали в том самом храме, в котором она некогда дала свой обет.

Надо сказать, что священники испокон веков отличались редкой сговорчивостью: ведь красотка-то, как известно, была обещана им, но за небольшую мзду они согласились ее уступить и благословили плотника на брак точно так же, как благословили бы первого попавшегося шалопая.

Но тут закапризничала Мария: Иосиф был уже не первой молодости, угрюмого вида, плешивый, с огромной косматой бородой, да к тому же еще и ворчун; жених этот не сулил особого счастья. А кроме того, малютка всерьез относилась к своей клятве.

Когда с ней заговорили об Иосифе, она надула губки и воскликнула:

— Вот тебе раз! Ведь я же дала обет девственности!

К счастью для себя, Иосиф был весьма тонким дипломатом. Он запустил пальцы в жидкие пряди своих волос и, лукаво улыбаясь, непринужденно сказал:

— Послушайте, барышня, если это единственное, что вас тревожит, могу вас утешить. Все дело в том, что мне очень скучно одному, не с кем словом перемолвиться. Был у меня попугай, да и тот на прошлой неделе умер. Взгляните на мои штаны! Я сам пришиваю себе пуговицы. Видите, как плохо они пришиты? Послушайте, жену я хочу взять только для того, чтобы она жарила мне котлеты и чинила одежду. Вот как я понимаю женитьбу!

Все это было сказано таким задушевным тоном, что на глазах матушки Анны выступили слезы умиления. Она повернулась к дочке и шепнула ей в самое ухо:

— Да не ломайся ты, дурочка! Раз уж мы с отцом порешили выдать тебя замуж, ты не имеешь права ослушаться. От прежнего намерения придется тебе отказаться. Ты ведь знаешь, дела у отца идут неважно. Чтобы взять тебя в храм, священники сдерут с нас три шкуры, а Иосиф не просит никакого приданого. Соглашайся, негодница! Лучшего мужа тебе вовек не сыскать.

Мария опустила глаза и прошептала:

— Хорошо, мама, я согласна, но только с условием, что я никогда не нарушу своего обета...

Иосиф поклонился и сказал:

— Мадемуазель, вы делаете мне великую честь.

Так случилось, что дочка папаши Иоахима стала невестой потомка царя Давида.

В ожидании дня бракосочетания смуглянка оставалась у отца и матери: она сторожила дом, пока родители уходили на работу.

И вот как-то раз — дело было ранним мартовским утром, в самом начале весны,— когда Мария одна-одинешенька сидела в своей каморке, к ней явился очаровательный юноша.

Смуглянка подняла голову, она была удивлена, но удивлена приятно.

Юноша подошел к ней, на устах его сияла обворожительная улыбка.

— Добрый день, Мария,— сказал он.— Да ты и впрямь милашечка! Сразу видно, что на тебе благодать божья — он с тобой, наш творец всего прекрасного. Ты счастливейшая из женщин, ибо младенец, который у тебя родится, будет тысячу раз благословенным.

Мария недоумевала все больше, в то же время она была восхищена. Никогда не доводилось ей слышать столь мелодичный голос: до чего же он непохож на скрипение старого бородача, которого прочили ей в супруги!

Однако более всего Марию поразило известие о том, что у нее родится малыш. На это она сказала прекрасному юноше следующее (цитирую слова евангелиста Луки, гл. 1, ст. 34): «Как будет это, когда я мужа не знаю?»

Такое наивное простодушие привело юношу в неописуемый восторг.

— Об этом, прелестная Мария, пожалуйста, не беспокойся,— ответил он.— Это сущий пустяк! Меня зовут Гавриил и по профессии я ангел, поэтому можешь вполне на меня положиться. Сила всевышнего осенит тебя, а там увидим! Поверь мне, голубушка: у тебя родится ребенок, ты назовешь его Иисусом, а все остальные нарекут его сыном божьим.

С этой минуты все сомнения Марии рассеялись.

— Я ваша послушная раба,— промолвила она,— пусть будет так, как вы сказали.

Что же произошло в доме Иоахима в Назарете? На этот вопрос некий святой епископ отвечает: «В это мгновение Слово стало плотью».

Ну что ж, плотью так плотью!

Выполнив свою миссию, архангел Гавриил взмахнул крыльями и упорхнул сквозь отверстие в потолке.

Пресвятая дева была оплодотворена; вмешательство святого духа увенчалось блестящим успехом.

В этой связи я позволю себе задать один простой вопрос моему старому приятелю, нашему святейшему папе: почему Иисуса Христа называют в евангелии то «сыном божьим», то «сыном человеческим»? Ведь это, черт побери, не одно и то же! Тем более, что слово «Гавриил» по-еврейски значит «человек божий». Святой отец, с вашей стороны было бы очень любезно, если бы вы разъяснили нам это на ближайшем соборе. Ибо если верующие вообразят, будто евангелисты, называя Иисуса то сыном человеческим, то сыном божьим, хотели тем самым сказать, что означенный Иисус является сыном «человека божьего», то это угрожает нам новой ересью.

Только, пожалуйста, святой отец, не подумайте, что соображение это исходит лично от меня.

До корней волос верующий, я убежден, что архангел Гавриил никакого отношения к проделкам святого духа не имеет. Я предпочитаю верить — и притом верю глубоко,— что голубь справился без посторонней помощи.

Это куда забавнее!

ГЛАВА IV

МАРИЯ У ЕЛИСАВЕТЫ

> Встав же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин. И вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась святаго духа... Пребыла же Мария с нею около трех месяцев, и возвратилась в дом свой.
>
> *Лука, гл. 1, ст. 39—41, 56*

Итак, голубок сделал свое дело, и, надо признать, сделал его недурно. Настолько недурно, что по прошествии нескольких дней Мария уже вполне отдавала себе отчет в том, какое ей привалило счастье. Плутовка, утверждают евангелия, обо всем молчала, но сама-то она отлично понимала что к чему.

Целыми днями сидела она, погруженная в свои думы, с восторгом вспоминая визит прекрасного Гавриила и то, что за ним последовало.

Вечерами, вернувшись домой с работы, папаша Иоахим и матушка Анна удивлялись: с чего бы это их дочурка стала такой задумчивой?

— Она думает об Иосифе,— говорил отец, хитро подмигивая.

— Нет уж, дудки! — отвечала более сметливая Анна.— Что-то тут не то... И не Иосиф тому причиной...

— Ты так считаешь?

— Готова дать голову на отсечение!

— Тогда, видать, дело серьезное...

— Ничего страшного! Мария не дурочка. Я уверена, что у нашей проказницы что-то на уме... В ее возрасте это простительно, ведь в такие годы начинает говорить сердце... Притом Мария — девушка порядочная, и беспокоиться нам нечего... Она слишком разумна, чтобы натворить глупостей. Уж кто-кто, а я свою дочь знаю! Ведь не зря же я ее мать...

Что до Иосифа, то он продолжал ухаживать за Марией с усердием заправского жениха. Не проходило недели без того, чтобы он не явился в дом Иоахима, вооруженный огромным букетом цветов, в котором преобладали роскошные лилии: сказывались его деликатность и вкус. Впрочем, плот-

ники всегда отличались галантностью, не выходя при этом за рамки приличий.

Между тем Мария все не решалась поведать свою тайну ни папе, ни маме, хотя ей страсть как хотелось излить все, что переполняло ее душу, какой-нибудь иной душе, верной и преданной. Такое желание надо признать вполне естественным.

И вот она попросила у родителей отпустить ее на некоторое время погостить у своей кузины Елисаветы.

Иоахим и Анна посовещались и решили, что нет никаких причин запретить ей это. И Мария отправилась в Ютту.

В ту пору жена Захарии еще не произвела на свет малютку Иоанна: предтеча мессии был еще только в проекте. Евангелист Лука, чьи сведения всегда отличаются большой точностью, утверждает, что Елисавета зачала ровно за шесть месяцев до бракосочетания Марии и Иосифа.

Увидев свою кузину, Елисавета, жившая вдали от людей, в горах Иудеи, была очень удивлена и обрадована. С первого же взгляда обе женщины поняли друг друга.

— Добро пожаловать, Мария,— обратилась Елисавета к кузине.

Они расцеловались.

— Дорогая кузина,— сказала Мария, чуть покраснев от смущения,— если бы вы знали, как я рада вас видеть!

— Да, да, знаю, знаю... Нам обеим выпало большое счастье, особенно вам, не правда ли?.. Но подумайте, до чего занятно: едва я вас увидела, младенец сразу же взыграл в моем чреве... Это — хорошее предзнаменование, уверяю вас!

Мария охотно поверила добрым словам кузины. Разговорам их не было конца.

— Я не отпущу вас, моя душечка, вы останетесь у меня на несколько дней,— сказала Елисавета,— ваше присутствие принесет мне счастье.

Бóльшую любезность трудно себе представить.

И Мария решила не таиться от Елисаветы. Она рассказала ей о визите ангела и о своей любви к тому, кто удостоил ее своим вниманием. Она изливала свои чувства. В порыве восторга она воскликнула:

— Душа моя славит господа моего, и сердце мое, думая о нем, с каждым днем наполняется радостью. Я раба моего господа, он осыпал меня своими милостями и произвел во мне нечто очень важное...

Елисавета улыбалась нежной дружеской улыбкой.

Мария продолжала:

— Имя его для меня священно. Я изголодалась — он насытил меня. Ради меня он явил свою силу. Поэтому во все времена люди будут называть меня блаженной [1].

Елисавета взяла ее за руки.

— Вы обворожительны, моя дорогая Мария!

Взаимные излияния кузин длились три месяца, до того дня, когда священник Захария был по всей форме объявлен отцом.

В этот день Мария вернулась в Назарет. Но так как прошло уже три месяца с тех пор, как Слово превратилось в плоть, животик девушки начал привлекать к себе людские взгляды.

---

[1] «И сказала Мария: величит душа моя господа; и возрадовался дух мой о боге, спасителе моем, что призрел он на смирение рабы своей; ибо отныне будут ублажать меня все роды; что сотворил мне величие сильный; и свято имя его; и милость его в роды родов к боящимся его. Явил силу мышцы своей; рассеял надменных помышлениями сердца их; низложил сильных с престолов и вознес смиренных; алчущих исполнил благ, и богатящихся отпустил ни с чем» (Лука, гл. 1, ст. 46—53).

ГЛАВА V,

В КОТОРОЙ ИОСИФ ПРИМИРЯЕТСЯ СО ВСЕЙ ЭТОЙ ИСТОРИЕЙ, ХОТЯ ПОНАЧАЛУ ОНА ЕМУ ВЕСЬМА НЕ ПОНРАВИЛАСЬ

> Иосиф же муж ее, будучи праведен и не желая огласить ее, хотел тайно отпустить ее. Но когда он помыслил это,— се, ангел господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою; ибо родившееся в ней есть от духа святаго. Родит же сына, и наречешь ему имя: Иисус; ибо он спасет людей своих от грехов их... Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему ангел господень, и принял жену свою.
>
> *Матфей, гл. 1, ст. 19—21, 24*



Мы уже знаем, что Иосиф был самым обыкновенным плотником, но, несмотря на свой простоватый вид, он был парень не промах, да и самолюбием его бог не обидел.

— Раз появился росток, значит, было посеяно зернышко! Не иначе как в огороде моем кто-то хозяйничал! — сказал он, едва увидел свою прелестную невесту.

И тут плотника охватила горькая печаль-кручина. Надо отдать ему справедливость: у него были для этого некоторые основания. В самом деле, мог ли столь простодушный и наивный человек представить себе, что соперник его всего-навсего голубь и что, хотя Мария забеременела не на шутку, она по-прежнему оставалась такой же девственницей, как и до вмешательства святого духа. Нет, этого Иосиф представить себе не мог.

Поставьте на его место самого благочестивого верующего, вообразите, что женихом Марии был бы самый что ни на есть набожный человек и что, вернувшись в Ютту после трехмесячной отлучки, этот человек застает свою милую смуглянку в интересном положении: готов держать пари, что он расстроился бы куда больше, чем наш плотник.

Иосиф намеревался взять жену для того, чтобы она готовила ему обед и чинила штаны; однако он был не настолько уж безразличен к супружеской любви, чтобы оставаться вовсе нечувствительным к тому смешному положению, в какое неизбежно попадает супруг-рогоносец.

Однажды, явившись к Марии, как обычно, с букетом цветов, он заметил, что животик его невесты принял довольно крупные размеры. Иосиф в ярости швырнул букет и воскликнул:

— Черт побери, сударыня, за то время, что я не имел удовольствия вас видеть, вы кое в чем преуспели!..

Мария смущенно опустила голову. Папаша Иоахим и матушка Анна просто обомлели. Иосиф повернулся к ним и сказал:

— Тьфу, пропасть! Если вы надеетесь, что после всего этого я женюсь на вашей вертихвостке, то с таким же успехом вы можете ждать, что на пальме вырастет редиска!.. И без того уже приятели смеются надо мною, говорят, я, мол, позарился на молоденькую! Да они просто не дадут мне прохода! Таких песенок про меня насочинят!.. А стервецы-подмастерья, те будут из кожи вон лезть, только бы им придумать обо мне еще какую-нибудь пакость! Нет уж, благодарю покорно, так дело не пойдет... Беру свое слово назад... Я не хочу, чтобы обо мне судачила вся округа!

Пока Иосиф все это говорил, Мария успела овладеть собой. Она попыталась умаслить жениха и, состроив умильную рожицу, чтобы подсластить пилюлю, сказала:

— Иосиф, дружок, клянусь вам, вы ошибаетесь... я чиста, как младенец, который от меня родится...

— Чиста, как будущий приблудыш?! Ну, знаете, это уж слишком!

— Иосиф, зайчик мой, даю вам слово, я, как и прежде, достойна вас... Ни один мужчина не может похвастать, что поцеловал хотя бы кончик моего пальца...

— Нет уж, оставьте, оставьте... Кого-кого, а меня не проведешь! Кто же иной, как не мужчина, привел вас в такое плачевное состояние?

— Да это голубь!

Тут плотника взорвало.

— После всего ты еще смеешь потешаться надо мной! — воскликнул он.— Ну и штучка! Хорошо еще, что она пустилась в разгул до того, как мы побывали в мэрии... Ох и попал бы я в переплет, будь я ее мужем!

С этими словами Иосиф в ярости выбежал из дома.

Иоахим и Анна совершенно растерялись. Удивление их было так велико, что они просто рты разинули.

Когда Иосиф ушел, в доме разразился ужасный скандал. На Марию градом посыпались неприятные слова. Папа и

мама во что бы то ни стало хотели знать имя того шалопая, который был повинен в том, что Иоахим и Анна, не ведая о промысле божьем, считали делом позорным. По соседству жил некий молодой человек, по имени Пантер, и подозрения мамаши сразу же пали на него. Пантер был недурен собой и в свое время делал Марии предложение.

Мария клялась всеми богами, что во всем виновен только голубок, но никто ей не верил.

В конце концов удрученные Анна и Иоахим решили ждать развития событий.

Они уже потеряли всякую надежду выдать замуж свою дочь, как вдруг однажды утром к ним явился Иосиф. Плотник вошел, потирая руки; никогда еще не видели они на его лице такого счастья.

— Здорово, будущий тесть и будущая теща! Вы не передумали насчет того, чтобы взять меня в зятья?

— Вот тебе и на! — разом воскликнули Иоахим и Анна.— А мы решили, что вы отказались от Марии после той маленькой неприятности, которая с ней произошла!..

— Что верно, то верно. Я действительно рассердился, не стану этого отрицать... Но теперь мне все известно...

Анна и Иоахим удивились пуще прежнего.

— То есть как? — сказал папаша.— Теперь вам известно все и потому вы хотите жениться?..

— Вот именно.

— Мы, должно быть, вас плохо поняли...

— Я говорю: вот именно.

— Вы шутите, Иосиф... Зачем так зло смеяться над нашим горем?

— Я не шучу... Я все знаю и могу вас уверить, что малютка не соврала, сказав, что всему виной голубь.

Анна и Иоахим переглянулись.

— И нечего глядеть друг на друга, словно нашкодившие коты... Я тоже утверждаю, что это голубь...

— Ну что ж,— пробормотал Иоахим,— если вы настаиваете, пускай будет голубь... В конце-то концов, это ваше дело.

— Вообразите, сегодня мне приснился сон... Прекрасный златокрылый ангел запросто уселся на моей кровати и, скрестив ноги, сказал мне: «Послушай, Иосиф, ты же форменный остолоп... Ведь стоит тебе протянуть руку, и ты станешь обладателем сокровища. А ты не хочешь пальцем шевельнуть!..» — «Где, где сокровище?» — спросил я у ангела.

«В двух шагах от тебя, в твоем же городке, в самом Назарете. Сокровище это — Мария, дочь папаши Иоахима, очаровательная брюнетка, с которой ты обручен».— «Да-да,— ответил я,— это та самая, что забеременела неизвестно от кого. Все думают, что это работа Пантера. Если Мария и в самом деле сокровище, то уж во всяком случае не сокровище добродетели».— «Ты ошибаешься, Иосиф. Пантер здесь ни при чем, ни при чем тут и прочие смертные: Мария невинна, словно птенец в яйце. Младенец, которого она носит в своем чреве,— это, дружище, мессия, оказавшийся там в результате вмешательства святого духа».— «Стало быть, рассказ про голубя — это правда?» — спросил я.— «Правда, сущая правда. Я архангел Гавриил, так что можешь мне поверить».— «Ну, раз так, молчу. Что же вы мне посоветуете?» — «Женись, дружок, на Марии, и как можно скорее. Таким образом в глазах закона ты без всякого труда станешь папашей мессии, который спасет народ Израиля, а заодно и весь род людской».

Иоахим и Анна пришли в восторг. Иосиф продолжал:

— Теперь вам, надеюсь, ясно, почему я тороплюсь стать вашим зятем... Не дай бог, кто другой получит такое же небесное откровение и перехватит у меня это сокровище!

— Ну что ж, по рукам, любезный Иосиф! — воскликнули счастливые родители.— Мы отдаем вам Марию. Объявим о помолвке, и дело в шляпе... Но только, чур, на попятный не ходить!

— Решено!

Прошло десять дней после этого разговора, и юную Марию стали величать мадам. Во время брачной церемонии несколько мальчишек попробовали было отпустить шутку насчет венка из флердоранжа на голове невесты, но первосвященник Симеон по наитию божьему толкнул плотника в бок и тихо шепнул ему на ухо.

— Не робей, счастливчик!

ГЛАВА VI

РОДОСЛОВНАЯ МЕССИИ

Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов. Рождество Иисуса Христа было так: по обручении матери его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что она имеет во чреве от духа святаго.

Матфей, гл. 1, ст. 17—18

Теперь, пожалуй, будет кстати познакомить читателя с родословной Иисуса и напомнить о тех обещаниях, которые Яхве дал патриархам. Сия любопытная родословная — любопытная главным образом тем, как она оканчивается,— изложена в евангелии. А посему необходимо уделить ей место.

Вполне допустимо, что в момент, когда пречистая дева вот-вот должна была разрешиться от бремени, оставаясь при этом девственницей, патриархи направили к Яхве делегацию, дабы выразить ему свою радость в связи с тем, что в их прямом потомстве появится на свет младенец, которому пророки предопределили спасти род человеческий и искупить грех, совершенный Адамом и Евой.

Первым к всевышнему явился Авраам * и сказал:

— Господь бог, в награду за мою верность твоим небесным законам ты обещал, что я стану праотцом благословенного рода и что среди моих прямых потомков будет мессия. И вот время пришло. О всемогущий бог! Клятвы твои святы и неизменны, ты сдержишь свое слово.

— Разумеется, Авраам, причем охотно.

— Господь, я родил Исаака.

Исаак пришел и сказал: «Я, боже, родил Иакова». Иаков пришел и сказал: «Я родил Иуду». Иуда пришел и сказал: «Я родил Фареса». Фарес пришел и сказал: «Я родил Есрома». Есром пришел и сказал: «Я родил Аминадава». Аминадав пришел и сказал: «Я родил Наассона». Наассон пришел и сказал: «Я родил Салмона». Салмон пришел и сказал: «Я родил Вооза». Вооз пришел и сказал: «Я родил Овида». Овид пришел и сказал: «Я родил Иессея». Иессей пришел и сказал: «Я родил Давида».

Тут явился Давид. Иегова дружески потрепал его по щеке и сказал:

— Милый Давид, ты всегда был моим любимцем. Поэтому я повторил тебе обещание, которое дал Аврааму. В истории ты, мой дорогой, будешь называться прародителем мессии.

Давид отвесил поклон и сказал:

— Я родил Соломона.

Соломон пришел и сказал: «Я родил Ровоама». Ровоам пришел и сказал: «Я родил Авию». Авия пришел и сказал: «Я родил Асу». Аса пришел и сказал: «Я родил Иосафата». Иосафат пришел и сказал: «Я родил Иорама». Иорам пришел и сказал: «Я родил Озию». Озия пришел и сказал: «Я родил Иоафама». Иоафам пришел и сказал: «Я родил Ахаза». Ахаз пришел и сказал: «Я родил Езекию». Езекия пришел и сказал: «Я родил Манассию».

Явился Манассия. Он уже готов был назвать имя своего сына, но господь бог жестом прервал его.

— Кого-кого, а тебя, Манассия, я хорошо знаю,— сказал он.— Тебе здорово повезло, что ты оказался в списке предков мессии. Не в упрек тебе будь сказано, но ведь всю жизнь ты был негодяем, каких мало. На твоей совести не одно нечестивое деяние: ты поклонялся дьяволу, ты приказал распилить пополам Исаию, одного из любимых моих пророков. Христос родится со дня на день — неужто ты думаешь, ему будет лестно иметь тебя в числе своих предков?

— Что верно, то верно,— согласился Манассия,— признаюсь, я был нечестивцем и не верил в бога моего. В угоду идолам я велел укокошить твоего пророка Исаию [1]. Но ведь и то правда, господи, что я не преступал законов морали, как Соломон, никогда не спекулировал прелестями своей жены, как Авраам, не являюсь сыном блудницы, как толстяк Вооз *.

— Простите, мне послышалось, вы что-то сказали по моему адресу? — забеспокоился Вооз.

---

[1] «Двенадцати лет был Манассия, когда воцарился, и пятьдесят лет царствовал в Иерусалиме; имя матери его Хефциба. И делал он неугодное в очах господних, *подражая* мерзостям народов, которых прогнал господь от лица сынов Израилевых. И снова устроил высоты, которые уничтожил отец его Езекия, и поставил жертвенники Ваалу, и сделал дубраву, как сделал Ахав, царь израильский; и поклонялся всему воинству небесному, и служил ему... И поставил истукан Астарты... Еще же пролил Манассия и весьма много невинной крови, так что наполнил *ею* Иерусалим от края до края, сверх своего греха, что он завлек Иуду в грех — делать неугодное в очах господних» (4 Царств, гл. 21, ст. 1—4, 7, 16).

— В чем дело? В чем дело? — полюбопытствовали Авраам и Соломон.

— Дело в том,— ответил Манассия,— что господь упрекает меня в святотатстве, а я привожу смягчающие обстоятельства и сравниваю себя с вами. Для мессии не очень-то лестно числить меня среди своих предков, с этим я готов согласиться. Но за меня, я думаю, ему придется краснеть ничуть не больше, чем за мать Вооза госпожу Раав, иерихонскую потаскушку...

— Тише, тише! — оборвал его всевышний.— К чему нам перетряхивать свое грязное белье в присутствии всех этих юных херувимов и серафимов? Угомонитесь, голубчики! Манассия, друг мой, я прощаю все твои проделки, и не стоит тебе критиковать остальных предков Христа. Давайте продолжим наш экскурс в родословную, которая весьма любопытна и которая имеет целью доказать, что я сдержал обещания, данные мною Аврааму и Давиду. Итак, кого же родил ты, Манассия?

Манассия ответил:

— Я родил Амона.

Амон пришел и сказал: «Я родил Иосию». Иосия пришел и сказал: «Я родил Иеханию». Иехания пришел и сказал: «Я родил Салафииля». Салафииль пришел и сказал: «Я родил Зоровавеля». Зоровавель пришел и сказал: «Я родил Авиуда». Авиуд пришел и сказал: «Я родил Елиакима». Елиаким пришел и сказал: «Я родил Азора». Азор пришел и сказал: «Я родил Садока». Садок пришел и сказал: «Я родил Ахима». Ахим пришел и сказал: «Я родил Елиуда». Елиуд пришел и сказал: «Я родил Елеазара». Елеазар пришел и сказал: «Я родил Матфана». Матфан пришел и сказал: «Я родил Иакова».

Иаков поднялся со своего места.

— Уф! — вздохнул Яхве.— Остался ты один, мой милый Иаков номер два.

— Да, да, господи, совсем недавно ты вычеркнул меня из списка живых, но сын мой еще здравствует.

— Кого же ты родил?

— Я родил Иосифа,— ответил Иаков.

Патриархи переглянулись.

— Стало быть, этот Иосиф и будет отцом мессии? — спросил Авраам.

— Вовсе нет, Иосиф всего-навсего муж некой Марии, которая родит означенного Христа.

— Вот-вот! — заметил Давид, полагавший, что он все понял.— Этот Иосиф, мой потомок, будет отцом обещанного вами мессии.

— Да нет же, черт возьми!.. Иосиф не имеет к нему никакого отношения.— Он — муж Марии, и только. А остальное вас не касается.

Патриархи о чем-то долго перешептывались, а потом воскликнули:

— Выходит, господи, что ты над нами посмеялся?!

— На кой тогда черт мне вся эта генеалогия,— сказал Авраам,— если последний из моего рода палец о палец не ударил для появления на свет мессии?.. Меня просто облапошили!

— Нас всех облапошили! — подхватили остальные.

Бог-отец ударил кулаком по своей конторке (это была замечательная конторка, украшенная бриллиантами).

— Ну и упрямцы! — крикнул он.— Ни черта не могут понять, только вынь да положь им решение загадки!

— Загадка так загадка! Как тебе будет угодно,— заметил Давид.— Но ведь обещал же ты мне, что мессия будет происходить из моего рода? Да или нет?

— Обещал.

— А мне? — накинулся на бога Авраам.

— Бесспорно. Именно поэтому вашим прямым потомком и является плотник Иосиф, супруг Марии, которая станет завтра матерью Христа.

— Помилуй, господи,— заголосила разом вся компания,— но если этот Иосиф всего-навсего супруг платонический?..

— Пусть так, а вам-то что?

— То есть как это нам-то что?! Ты нарушаешь свои обязательства!

— Извините, пожалуйста, но...

— Ты уклоняешься от их выполнения!

— Ни в какой мере.

— Ну, это уж слишком!

И фальшивые предки мессии затопали ногами, даже не пытаясь скрыть ярость, в которую повергло их сие жестокое разочарование.

Всевышний потерял терпение, он тоже вышел из себя.

— Разрази вас гром! — вскричал он не своим голосом.— Вы мне в конце концов осточертели! Убирайтесь прочь отсюда, да поживее! Ваши претензии просто нелепы. Я выполнил свое обещание, потому что я непогрешим. Иосиф не

отец мессии, и тем не менее мессия происходит из вашего рода. Не довольно вам того, что я это утверждаю? И не вашего ума это дело, потому что здесь тайна.

Но патриархи продолжали бушевать, и тогда Саваоф приказал:

— Престолы, Власти, Начала! А ну-ка выпроводите всех их за дверь!

В мгновение ока приказание было выполнено.

Вот почему евангелие всячески старается нам доказать, что Иисус Христос происходит от Давида и Авраама, хотя и не является сыном Иосифа, прямого потомка этих двух любимых богом патриархов [1].

---

[1] Чтобы меня не упрекнули в том, что я выдумываю всякие несуразицы и приписываю их так называемым «священным» книгам, привожу дословно шестнадцать первых стихов из Евангелия от Матфея:

«Глава 1.— Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова.— 2. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его;— 3. Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама;— 4. Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона;— 5. Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; — 6. Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею; — 7. Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; — 8. Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию; — 9. Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию; — 10. Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию; — 11. Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон.— 12. По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафииля; Салафииль родил Зоровавеля; — 13. Зоровавель родил Авиуда; Авиуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора; — 14. Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуда; — 15. Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; — 16. Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос».

Читая евангелие, невольно поражаешься нагромождению вопиющих глупостей и противоречий. Ну не абсурдна ли религиозная доктрина, которая в большой мере основывается на непорочности Марии и под страхом анафемы запрещает хотя бы на секунду допустить причастность Иосифа к рождению мессии? А наряду с этим евангелие усердствует вовсю, ведя родословную инертного супруга Марии от Давида и Авраама и таким образом доказывая, будто бог выполнил свои обещания, данные патриархам, и мессия явится их потомком. Какой величественный памятник глупости!

Но и в этом нелепейшем утверждении евангелие само себе противоречит. Так, родословная Христа в изложении святого Луки и в изложении святого Матфея — отнюдь не одно и то же. Вот как излагает генеалогию мессии евангелист Лука:

«Глава 3.— 23. Иисус, начиная *свое служение,* был лет тридцати, и был, как думали, сын Иосифов, Илиев,— 24. Матфатов, Левиин, Мелхиев, Ианнаев, Иосифов,— 25. Маттафиев, Амосов, Наумов, Еслимов,

Склонимся же, братья мои, перед этой галиматьей и поверим в нее, ровным счетом ничего в ней не понимая.

Наггеев,— 26. Маафов, Маттафиев, Семеиев, Иосифов, Иудин,— 27. Иоаннанов, Рисаев, Зоровавелев, Салафиилев, Нириев,— 28. Мелхиев, Аддиев, Косамов, Елмодамов, Иров,— 29. Иосиев, Елиезеров, Иоримов, Матфатов, Левиин,— 30. Симеонов, Иудин, Иосифов, Ионанов, Елиакимов,— 31. Мелеаев, Маинанов, Маттафаев, Нафанов, Давидов,— 32. Иессеев, Овидов, Воозов, Салмонов, Наассонов,— 33. Аминадавов, Арамов, Есромов, Фаресов, Иудин,— 34. Иаковлев, Исааков, Авраамов...»

Таким образом, святой Матфей и святой Лука сходятся в так называемой родословной Иисуса Христа от Авраама до Давида; но начиная с Давида эти два евангелиста, оба вдохновленные голубем, явно противоречат друг другу: по словам Матфея, род шел через Соломона, а по словам Луки, бог выполнил свои обещания через другую, Нафанову ветвь рода Давида. И — о чудо из чудес! — эти две противоположные ветви тем не менее завершаются плотником Иосифом: вот до чего всемогущ Иегова!

Вывод: обе родословные Иисуса Христа, приводимые в евангелии, не только смехотворны сами по себе, поскольку их вывод разрушает все их построения, но они к тому же еще находятся в вопиющем противоречии друг с другом, что является уже верхом глупости.

ГЛАВА VII

РОЖДЕСТВО И ПАСТУХИ

В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им ангел господень, и слава господня осияла их; и убоялись страхом великим. И сказал им ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом спаситель, который есть Христос господь... Когда ангелы отошли от них на небо, пастухи сказали друг другу: пойдем в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чем возвестил нам господь. И поспешив пришли, и нашли Марию, и Иосифа, и младенца, лежащего в яслях.

Лука, гл. 2, ст. 8—11, 15—16

Мы уже знаем, что Иосифу достаточно было увидеть сон, и он сразу успокоился. Этот образцовый жених обещал стать неоценимым супругом. Напрасно, ей-ей напрасно, Мария боялась замужества!

Сразу же после брачной церемонии плотник заявил, что они с женой будут спать на разных постелях. Остался ли он верен своему слову? Евангельская легенда не содержит на этот счет никаких указаний. Все дальнейшее говорит за то, что непорочная дева из Назарета, вероятно, не всегда столь сурово относилась к своему почтенному супругу. Однако не будем забегать вперед.

Истина вынуждает признать (и мы охотно это делаем), что, по крайней мере поначалу, Мария довольствовалась единственным посещением святого духа[1].

Иосиф со своей стороны очень гордился честью, которая выпала на его долю. Пусть он не был отцом мессии, но хотя бы именоваться таковым — это вам тоже не шутка! Он с радостью объявил себя законным папашей ожидавшегося младенца и окружил Марию самой нежной заботой.

---

[1] Священный текст, приводимый профессором факультета богословия в Руане аббатом Фуаром в его книге «Жизнь Иисуса», гласит: «После брачной церемонии молодая супруга вернулась в свой дом; но Иосиф не знал ее до того дня, когда она родила сына и нарекла его Иисусом» (выдержка из Вульгаты *).

— Ну, а потом? — спросит любознательный читатель. Потом?.. Это мы увидим.

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись всех подданных Римской империи *. Иудея составляла тогда часть этой могущественной державы; управляли ею уполномоченные кесаря, одним из которых был и упомянутый выше тетрарх Ирод.

По повелению императора, каждый подданный записывался не там, где он родился или проживал, а в том месте, откуда происходила его семья или род. Поэтому Иосифу, принадлежавшему к роду Давидову из города Вифлеема, пришлось идти записываться в Вифлеем.

Время для путешествия оказалось весьма неудачным: надо было покидать Назарет, а Мария была уже на сносях.

Едва супруги добрались до Вифлеема, у молодой женщины начались родовые схватки. Иосиф сунулся в гостиницу, но, увы, все номера были заняты приезжими.

Что оставалось делать? Пришлось искать хоть какое-нибудь пристанище. Устроились в первом же попавшемся хлеву. И тут холодной зимней ночью, лишенная чьей бы то ни было помощи, Мария родила нашего героя прямо на соломе, служившей подстилкой скоту. Поистине удручающая обстановка для появления на свет божества!

Однако не станем сокрушаться по поводу этого скорее комичного, нежели печального происшествия. Пожалеем лучше тех бедняков, с которыми подобные несчастья случались не раз и не по их воле. Ведь не следует забывать, что Иисус все предвидел и сам пожелал для себя такой жалкой участи, что никто не заставлял его рождаться в хлеву и что только по собственному желанию Иисуса бык и осел были удостоены чести услышать его первый божественный крик. Прибережем наше сочувствие для тех поистине несчастных людей, которые ни за что ни про что терпят бедствия и пострашнее.

Иосиф же был счастлив: вот он, вот его мессия, он держит его в своих руках, он пеленает его, он делает ему «агу-агу»! Именно он, и никто иной, будет отныне считаться папашей малютки. Какая слава!

О том, что Иосифу на роду написано было изумляться, об этом не приходится и говорить. Но сюрпризы для него только начинались.

Прежде всего, со всех окрестных холмов стали стекаться пастухи, чтобы поклониться его сыну.

Вы не верите, что в самый разгар зимы — дело-то происходило 25 декабря — по холмам бродили пастухи? Да, да.

любезные читатели, самые настоящие живые пастухи, те, что пасли стада в холодную зимнюю ночь. Вас это удивляет? А между тем церковь ручается нам за это своим честным словом.

Пастухи эти находились на холмах Вифлеема и сторожили там овец. Внезапно они увидели яркое сияние. Небеса разверзлись, и оттуда градом посыпались ангелы; они стали трубить в свои трубы и подняли невероятный шум. Шум, должно быть, и впрямь был оглушительный, ибо, как говорит святой Лука, пастухи «убоялись страхом великим».

— Не бойтесь, пастухи,— сказали им ангелы.—Мы явились, чтобы возвестить великую радость вам и вашему народу. Слушайте же: только что родился спаситель. Идите в город по главной дороге, а там сверните в третью улицу налево. Не доходя пятьдесят шагов до шестого фонаря вам попадется небольшой сарай, дверь его будет приоткрыта. В сарае вы увидите молодую женщину, быка, старца, осла и голенького младенца. Этот младенец и есть мессия. Вы читали книги пророков? Ну конечно не читали, ведь вы же неграмотные. Но это неважно: знайте, что пророки возвестили приход мессии; весь мир ждет его вот уже четыре тысячи лет, как видите, не со вчерашнего дня. Сегодня долгожданный мессия у вас под носом. Идите же в Вифлеем, да поживее, и он будет там!

Пастухи встали, а ангелы, возносясь туда, откуда они низринулись, запели во все горло: «Осанна! Осанна! Осанна небесам, и на земле мир, и в человеках благоволение!»

Не прошло и часу, как пастухи уже заполнили хлев и распростерлись перед малышом, который визжал, как обычно визжат дети его возраста. Они поклонялись ему, дарили масло, молоко и сыры всевозможных сортов.

Иосиф благодарил их, пожимал им руки и запихивал сыры в свою котомку. Со слезами радости на глазах он говорил:

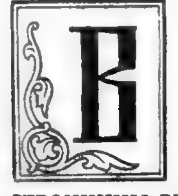
— Это я для ребенка!..

ГЛАВА VIII

НЕСМОТРЯ НА НЕПОРОЧНОСТЬ, МАРИЯ ВСЕ-ТАКИ ОЧИЩАЕТСЯ

А когда исполнились дни очищения их по закону Моисееву, принесли его в Иерусалим, чтобы представить пред господа.

Лука, гл. 2, ст. 22



ыполнив все формальности, связанные с переписью, Иосиф поспешил покинуть Вифлеем, этот негостеприимный городишко, где девственницы вынуждены рожать в конюшнях.

Он захватил с собою жену и малыша и отправился в Иерусалим, чтобы, согласно обычаю, принести младенца в храм.

По прошествии восьми дней, опять же согласно еврейской религии, маленькому Иисусу следовало сделать обрезание.

По поводу этого обрезания среди ученых-теологов происходили жаркие дискуссии. Кто произвел сию операцию? — задавались вопросом христианские врачи. Евангелисты хранят об этом молчание, а между тем такую проблему любопытно было бы прояснить.

Наиболее смекалистые полагают, что священный обряд совершил не кто иной, как Иосиф: таким образом отец-кормилец сам пролил первые капли божественной крови.

Однако не станем тратить время на выяснение вероятности этих предположений. Лучше отметим удивительную непоследовательность бога, который нисходит на землю специально для того, чтобы, покончив с еврейской религией, основать вместо нее другую, и первым делом позволяет (ибо без его ведома ничего не делается) совершить над собою еврейский обряд *.

Одновременно с операцией обрезания новорожденным младенцам присваивалось имя. Нашего героя назвали Иисусом; это имя архангел Гавриил порекомендовал Марии во время своего визита в Назарет. Как при жизни, так и после смерти Иисуса его называли бесчисленным количеством других имен, в том числе было и прозвище Христос, что значит «спаситель», Слово, или, вернее, ходячее Слово, помазанник, или миром помазанный и т. д.

Но дать младенцу имя — это еще не все.

Согласно закону Моисееву * принести новорожденного в храм было недостаточно: необходимо еще было совершить обряд очищения матери.

Духовенство испокон веков отличалось редкой изобретательностью в способах поднажиться за чужой счет. Для обряда очищения женщина, которую церковь объявляла оскверненной родами, обязана была принести в дар священникам горлицу и ягненка, а за неимением таковых — компенсацию в виде некоторой суммы денег. Что касается ягненка, то его поджаривали на жертвенном алтаре, после чего он попадал в дом священника и тот имел отличнейшее жаркое. Деньги также переходили к нему в карман.

Мария не видела надобности уклоняться от установленного обычая. Конечно, она могла бы сослаться на то, что вмешательство святого духа ничуть не осквернило ее, что она теперь еще более непорочна, чем когда-либо, и посему ни в каком очищении не нуждается. Но видимо, сама она не была убеждена в своем целомудрии в такой мере, как ее муж-плотник.

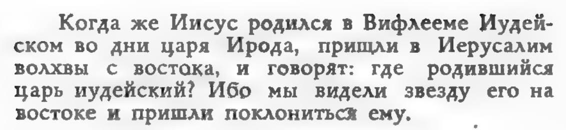
Впрочем, она правильно поступила, что пошла в Иерусалимский храм, ибо благодаря этому ей посчастливилось встретить там старца Симеона, того самого, который благословил ее союз с Иосифом, и услышать из его уст молитву, приводимую в евангелии.

Несмотря на почтенный возраст, у Симеона была великолепная память на лица. Он с первого взгляда узнал Марию и Иосифа, а когда ему показали младенца Иисуса, старик воскликнул дискантом:

— Теперь я могу умереть спокойно, ибо видели очи мои спасителя народа Израилева!

ГЛАВА IX

ВОЛШЕБНАЯ ЗВЕЗДА


Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят: где родившийся царь иудейский? Ибо мы видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему.

Матфей, гл. 2, ст. 1—2


В это время далеко на Востоке было много небольших государств. Правили ими монархи, которых называли волхвами или магами, потому что они занимались магией, астрологией и тому подобными науками *.

Трое из этих монархов-мудрецов дружили между собою; они собирались поочередно то у одного из них, то у другого и вместе штудировали свои колдовские книги.

Имена этих ученых властелинов не были известны евангелистам, но достопочтенный Беда, английский монах, живший в VIII веке *, получил на сей счет божественное откровение, и благодаря ему весь католический мир знает теперь их имена наизусть.

Итак, их звали: первого — Мельхиор, второго — Гаспар и третьего — Валтасар.

Достопочтенный Беда, знавший о них куда больше, чем все четыре евангелиста, вместе взятые, сообщает нам множество разнообразных сведений: «Мельхиор был седовласым старцем с большой бородой. Гаспар, который, напротив, был молод, не носил бороды; он был краснокожим. Что касается Валтасара, то этот принадлежал к черной расе и бороды не брил».

Однажды ясной осенней ночью три наших мудреца находились в принадлежащей одному из них обсерватории и наблюдали за небесными светилами, пытаясь открыть какую-нибудь доселе еще неизвестную комету. Вдруг они видят, что на небосводе появилась необычайно яркая звезда, которая тут же начала совершать какие-то странные движения. Наблюдатели были поражены.

— Видите эту звезду? — обратился Мельхиор к своим друзьям.— Она движется, не так ли?

— Да, да, перемещается справа налево, а потом слева направо,— подтвердил Валтасар.

— Больше того! — воскликнул Гаспар.— Мне кажется, она отплясывает польку!

Что сие может означать? — задумались волхвы.

Мельхиор, как председатель учёного общества, внес следующее предложение:

— Давайте, друзья, разойдемся на часок по отдельным кабинетам и там, в тишине и покое, основательно изучим это явление, а потом соберемся снова и обменяемся результатами своих подсчетов.

Так они и сделали.

В течение часа три ученых монарха испещрили цифрами горы пергамента. За это короткое время они побледнели и осунулись — до такой степени изнурила их работа. Вернувшись в большой зал обсерватории, они с торжественным видом положили свои исписанные пергаменты на стол, затем ненадолго снова подошли к окну.

Загадочная звезда по-прежнему сверкала перед ними и продолжала носиться по небу в неистовом танце.

— Странно, очень странно,— бормотали волхвы, усаживаясь вновь за стол.

Первым взял слово Мельхиор:

— Я подсчитал, сколько прыжков делает светило за семнадцать минут; это количество я умножил на 4 228 695, из произведения вычел 5 372. Остаток я разделил на 47. После этого я произвел двадцать девять умножений, столько же вычитаний и делений, каждый раз используя один и тот же множитель, одно и то же вычитаемое и один и тот же делитель. Вот мой окончательный результат.

И Мельхиор показал длинное-предлинное число.

Гаспар и Валтасар тоже усердно потрудились и произвели множество математических расчетов, положив в основу своих вычислений первые пришедшие им в голову цифры.

Между тем — поистине чудо! — полученный ими результат тютелька в тютельку совпадал с результатом Мельхиора.

Монархи-мудрецы переглянулись, и все трое в один голос торжественно произнесли:

— Результаты наших расчетов движения звезды с неопровержимостью доказывают, что в окрестностях Иерусалима нынешней зимой родится новый царь иудейский и что, поскольку царь этот есть бог, мы должны отправиться к нему на поклонение.

Превосходная это штука — математика! Великолепная вещь — точные науки!

Заметьте, я нисколько не преувеличиваю: в самом евангелии сказано, что не ангел возвестил волхвам рождение Христа, нет; по движению звезды, по ее перемещениям они заключили, что в окрестностях Иерусалима и т. д...

Так как сама звезда ничего им не сказала, то, следовательно, ключ к этой феноменальной проблеме они нашли путем своих необычайных расчетов.

— Пойдем на поклонение к новому иудейскому царю,— вновь подтвердили свое решение Гаспар, Валтасар и Мельхиор.

Не теряя зря времени на то, чтобы проститься со своими женами, они отправились в путь, даже не подумав о том, что на время их отсутствия, которое могло оказаться весьма длительным, подвластные им государства останутся без правителей.

Путешествие продолжалось четыре месяца. В самом начале февраля три монарха прибыли в Иерусалим.

На основании своих вычислений ученые властелины знали, что в Иудее должен родиться новый царь; но эти вычисления не указывали точного места, где его чудесное рождение должно произойти. Однако у них был безупречный проводник — та самая звезда. Она шла перед ними, она сияла как днем, так и ночью. Им достаточно было следовать за нею. Так она привела их в Иерусалим спустя несколько дней после того, как Мария совершила обряд очищения и принесла своего младенца в храм.

ГЛАВА X

ПОКЛОНЕНИЕ ВОЛХВОВ

> Они, выслушав царя, пошли: и се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над *местом,* где был младенец.
>
> Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою.
>
> И, войдя в дом, увидели младенца с Мариею, матерью его, и, пав, поклонились ему; и, открыв сокровища свои, принесли ему дары: золото, ладан и смирну.
>
> *Матфей, гл. 2, ст. 9—11*



рибыв в Иерусалим, наши волхвы узнали, что новый царь родился шесть недель тому назад. Они отправились в путь месяца за три до его появления на свет.

Нетрудно представить, как были изумлены жители Иерусалима при появлении роскошного каравана восточных монархов. Подобного великолепия им давно уже не приходилось видеть; мальчишки высыпали на улицу и восхищенно глазели на верблюдов, покрытых попонами из драгоценных тканей.

Волхвы взяли себе гида, и он проводил их к царю. Поскольку из их вычислений не явствовало, что к семейству царя Ирода новорожденный принц отношения не имеет, они рассчитывали застать достопочтенного малютку в главном городском дворце.

Царь Ирод был крайне поражен, когда его коронованные коллеги, прибывшие из дальних стран, обратились к нему на чистейшем еврейском языке со следующими словами:

— Дорогой собрат, мы пришли, чтобы поздравить вас с благополучным рождением вашего сына.

— То есть как?! — воскликнул Ирод.— Моя жена уже давно никого мне не рожала!

— Однако,— возразил Мельхиор,— нам с математической достоверностью известно, что сорок дней тому назад родился будущий царь иудейский. Если он не принадлежит к вашей династии, то не будете ли вы любезны указать нам, где мы можем его найти?

— Послушайте, что за вздор вы несете? — спросил Ирод.

— Ваше величество, нам явилась звезда, волшебная звезда, звезда, которая двигается. Она и привела нас в эти края. Сами понимаете, если звезда позволяет себе подобные вольности, значит, на то есть серьезные причины. Словом, мы уверены в своем утверждении. Мы доскональнейшим образом изучили науку о небесных светилах, и мы можем лишь повторить наш вопрос: если будущего царя иудейского нет в вашем дворце, то где, скажите, он обретается?

Ирода смутила убежденность, с какой говорили эти ученые государи. Он подумал про себя, что такие почтенные люди вряд ли отправились бы за тридевять земель верхом на верблюдах только за тем, чтобы над ним подшутить. А так как Ирод считал, что будущим царем иудейским может быть лишь его законный наследник, то его до смерти перепугала мысль о каком-то таинственном сопернике.

Но, будучи человеком опытным, он не обнаружил и тени тревоги и с улыбкой на устах ответил волхвам:

— Новость, которую вы мне сообщаете, дорогие мудрецы, действительно неожиданна, но она переполняет меня радостью. Продолжайте, пожалуйста, следовать за вашей звездой и, когда вы найдете будущего царя иудейского, возвращайтесь во дворец и скажите мне, где находится его резиденция. Я тоже буду счастлив нанести визит августейшему младенцу.

— О, мы собираемся к нему не с обычным визитом! — заметил Гаспар.— Будущий царь иудейский будет могущественнее нас с вами. Мы идем к нему на поклонение.

— Ах вот как! — воскликнул Ирод.— Ну что ж, и я хочу ему поклониться. Вы не можете отказать мне в этом удовольствии.

Ирод предложил волхвам по стаканчику вина с бисквитом, и они удалились, обещав по возвращении сообщить ему точный адрес будущего царя.

С этой минуты Ирода охватила сильнейшая тревога. Он был до того расстроен внезапной вестью о рождении конкурента, что даже и не подумал воспользоваться самым простым способом его отыскать. А способ этот заключался в следующем: по примеру волхвов, Ироду достаточно было пойти вслед за звездой. Но такая мысль не пришла ему в голову.

Валтасар, Мельхиор и Гаспар одни побрели за блуждающим светилом. И куда бы вы думали оно их привело в итоге всех этих странствий? В Назарет? Ничуть не бывало!

Зарегистрировавшись в переписном листе, Иосиф со своею семьей оставил Вифлеем и двинулся в Иерусалим, чтобы представить Иисуса в храм. После этого им ничего не оставалось, как возвратиться домой, в свой родной Назарет, но они почему-то вновь направились в негостеприимный Вифлеем, ибо, если верить евангелию, поклонение волхвов происходило в Вифлееме.

Напрасно мне стали бы возражать, будто оно состоялось до принесения Иисуса во храм. Я бы ответил, что это немыслимо: поскольку Ирод знал о рождении мессии и разыскивал его, младенец Иисус наверняка не избежал бы царского гнева, если бы в такое тревожное время его родители имели неосторожность открыто принести ребенка в синагогу, дабы первосвященник Симеон публично совершил над ним соответствующий обряд [1].

Логически рассуждая — если вообще уместно говорить о логике применительно к евангельским сказкам,— семейство Иосифа сперва исполнило все формальности, которые по закону Моисееву были связаны с обрядами принесения и очищения, а затем совершенно без всякой надобности вернулось в Вифлеем. Впрочем, как знать: может быть, плотник позабыл в хлеву дюжину-другую пристежных воротничков?..

Итак, звезда остановилась в городе Давидовом как раз над легендарной конюшней. В ней, бесспорно, еще находились бык и осел. Что же до Иосифа, то, если верить святому Матфею, он отсутствовал.

Волхвы, говорится в Новом завете, «войдя в дом, увидели младенца с Мариею, матерью его, и, пав, поклонились ему; и, открыв сокровища свои, принесли ему дары: золото, ладан и смирну» (Матфей, гл. 2, ст. 11).

Дары волхвов неизменно повергают меня в недоумение.

Церковные писатели сообщают в подробностях, какой по-

---

[1] Могут еще возразить, что установленная церковью дата поклонения волхвов — 6 января, тогда как сретение господне состоялось 2 февраля, и что, следовательно, визит волхвов предшествовал очищению богородицы. На это я отвечу: даты церковного календаря вообще противоречат здравому смыслу. В самом деле, как объяснить, что поклонение волхвов состоялось 6 января, а избиение младенцев (его следствие), в соответствии с католическим календарем, произошло за девять дней до того, то есть 28 декабря?

Дело все в том, что христианская легенда представляет собою сплошной вымысел; что же касается священнослужителей, то их ложь просто бессовестна, а противоречия в их россказнях вопиющи.

дарок сделал каждый из волхвов, и надо признать, что двое из них не обнаружили особой щедрости.

Мельхиор раскрыл свой ларец и преподнес все его содержимое: оно состояло сплошь из золота. Гаспар подарил ладан — вещь не слишком ценную. Валтасар положил перед яслями немного смирны — пахучей смолы, которая стоит ничуть не больше, чем ладан.

Для монархов, прибывших издалека, Гаспар и Валтасар проявили невероятную скаредность. Право, не стоило тащиться невесть куда, чтобы везти подобные гостинцы!

Ну ладан еще куда ни шло: подарок, конечно, грошовый, но в нем хоть можно усмотреть желание польстить. Гаспару не дорого обошелся преподнесенный им комплимент...

Но Валтасар... Ох уж этот Валтасар! Какой скряга!.. Чуточку смирны — вот все, чем он одарил своего бога!.. Ну не обидно ли, право? Что же означала ваша смирна, Валтасар? Достопочтенный Беда объясняет нам, в чем тут дело: «Смирна, которая была в руках царя-негра, напоминала о том, что сын человеческий должен умереть». Древние действительно пользовались смирной для бальзамирования покойников. Что скажете? Не правда ли, какой милый знак внимания, какой подходящий подарочек: бальзамировочная смола для новорожденного!

Лично я не могу согласиться с объяснением английского монаха: по-моему, Валтасар был просто скупердяем, который неохотно раскошеливался на подарки; однако я не склонен заподозрить его в том, что он хотел сыграть с мессией злую шутку, преподнеся ему к рождению то, что может пригодиться для похорон. Я думаю вот что: как известно, смирна наряду с другими веществами применяется фармацевтами для изготовления средства, которое дают малышам, чтобы они не мочили пеленки; вероятно, с этой целью Валтасар и преподнес свою смолу. Это мне кажется вернее.

Во всяком случае, вместе с золотым ларцом волхвам удалось всучить свой ладан и смирну. Однако подношение Мельхиора надо признать поистине царским. Даже если он преподнес ларец средней величины, то и тогда в этой шкатулке золота было приблизительно на тридцать — сорок тысяч франков, что по тем временам представляло собою кругленькую сумму.

Но вот новая загадка для моего простодушия: об этом весьма приличном состоянии евангелие ни разу больше не упоминает. В «священном писании», напротив, говорится о

том, что Мария и Иосиф всегда бедствовали. Что же касается Христа, то он был попросту нищим и всю жизнь находился на содержании у щедрых и предприимчивых женщин довольно сомнительного поведения, которыми мы еще займемся.

То обстоятельство, что Мария так быстро растранжирила золото, преподнесенное Мельхиором, дает основание предположить, что у молодой смуглянки были какие-то тайные страсти. Кто знает? Быть может, она скрыла от Иосифа, какую неожиданную прибыль принесло ей посещение старого волхва! Надеясь увеличить свое сокровище, шалунья могла принять участие в лотерее, и не исключено, что в результате она проигралась в пух и прах.

ГЛАВА XI

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО БЕЖИТ В ЕГИПЕТ

И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.

Когда же они отошли,— се, ангел господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми младенца и матерь его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать младенца, чтобы погубить его.

Матфей, гл. 2, ст. 12—13

Ни о чем не подозревая, трое наших волхвов были исполнены готовности сдержать обещание, данное ими Ироду. Они собирались повидать тетрарха и сообщить ему местонахождение конюшни, которая служила резиденцией его будущему конкуренту. Надо сказать, что они чуть было не влипли в пренеприятную историю. Но к счастью, Яхве с высоты приглядывал за сыном божьим (названным так потому, что он родился от голубя).

Однажды ночью трем волхвам приснился одинаковый сон. Чей-то голос предупредил их:

— Не вздумайте идти к Ироду. Он злодей, он замыслил недоброе против малютки, к которому вы ходили на поклонение. В Иерусалим вы больше не суйтесь, а отправляйтесь-ка лучше восвояси другой дорогой.

Волхвы послушались совета.

Как им удалось попасть к себе домой, минуя дорогу, которой они пришли в Иерусалим,— об этом в «священном писании» не говорится. По-видимому, какая-то другая, а быть может та же самая, звезда и на этот раз послужила им проводником. Вернувшись, они, разумеется, застали своих подданных в тревоге по случаю их долгого отсутствия и вновь взяли в руки бразды правления. Но вот что любопытно: монархи, совершившие восьмимесячное путешествие, включая дорогу туда и обратно, ради того, чтобы поклониться новому божеству, даже и не подумали ввести в своих странах его религию. На самом деле ни у одного из историков мы не находим сообщения о том, чтобы в Персии, в области, где находились владения монархов-мудрецов, когда-либо существовал культ Христа.

Впрочем, все это мелочи. Вернемся лучше к Иосифу. Немного времени спустя после поклонения волхвов плотнику снова приснился архангел Гавриил (в «священном писании», заметьте, сны играют очень большую роль). Посланец неба предупредил его об опасности, которая угрожала маленькому Иисусу.

— Вставай, Иосиф,— сказал архангел,— бери малыша и его маменьку, и удирайте все побыстрее! Идите в Египет, это здесь неподалеку, только Аравию перейти. Библия говорит, что Авраам потратил на такое путешествие лет шестьдесят, но, учитывая всеобщий прогресс, вы доберетесь гораздо быстрее. Беги же, Иосиф, беги, пока не поздно, ибо с завтрашнего дня Ирод приступит к поискам младенца Иисуса, чтобы его удавить.

Иосиф не заставил себя долго упрашивать. Он не стал дожидаться рассвета, растормошил жену, которая, лежа на соломенной подстилке, грезила святым духом.

— Жена, живо подымайся! — крикнул он ей.

— В чем дело? Что случилось? — спрашивала Мария, протирая глаза.

— Подымайся, подымайся! — повторял супруг.

— Ах, Иосиф, до чего же вы несносны! Ну зачем было меня будить?

— Дрыхнуть не время, моя женушка: дело в том, что царь Ирод собирается убить Иисуса. Неужто тебе охота связываться с могущественным тетрархом? Я понимаю, что сын твой — бог и он не позволит себя удушить, но, по-моему, рановато еще полагаться на божественную силу малютки. А посему куда разумнее будет уйти подальше от готовящейся резни. Бери-ка лучше своего карапуза и айда отсюда!

При этих словах, произнесенных тоном приказания, супруга плотника встала.

— Убираться так убираться,— сказала она.— Но кто потащит наши пожитки? Вы, надеюсь, понимаете, что, кроме ребенка, я ничего не понесу.

— О мадам, за это не беспокойтесь: мы заберем с собой осла.

— Но он же нам не принадлежит. Его кто-то оставил здесь в конюшне. Элементарная порядочность не дает нам права его присвоить.

— Прости, но мы действуем не в своих личных интересах: мы заботимся о спасении сына. А разве Иисус не владыка мира?

Возражать не приходилось. Вопрос об ослике был решен. Мария уселась на него верхом, взяла сынишку на руки, и они отправились в путь.

Когда над горизонтом появилось солнце, святое семейство было уже далеко от Вифлеема. Беглецы шли целый день. Под вечер, в сумерках, их окружили какие-то подозрительные типы со свирепыми физиономиями.

— Кошелек или жизнь! — крикнул главарь шайки.

Мария скрыла от Иосифа, что она прихватила с собою ларец с золотом, преподнесенный волхвом. Поэтому на требование разбойника Иосиф с восхитительным простодушием ответил:

— Голубчики мои, вы просто ошиблись: мы вовсе не богатые путешественники, за которых вы, должно быть, нас принимаете. Сам я бедный плотник, почти ни с чем я покинул родные края. Пила да рубанок — вот все мое богатство. Эта молодая женщина — моя жена, а мальчуган — не кто иной, как мессия, которого пророки обещали еврейскому народу.

Разбойник, по-видимому, читал пророчества и даже верил в них. Он бросился на колени перед непорочной мамашей, умоляя простить ему несколько бесцеремонное обращение.

— Мадам или мадемуазель,— обратился он к ней,— меня зовут Димас. Я вор по профессии, но это не мешает мне тонко чувствовать. Прошу прощения за то, что я вас задержал, а за то, что мы вас напугали, позвольте пригласить к себе переночевать. У меня тоже есть малыш, он, бедняжка, хворает. Пойдемте ко мне, там вам будет хорошо. А поскольку ваш карапуз — мессия, его пребывание в моем доме принесет мне счастье.

— Как ты смотришь на это приглашение? — спросил Иосиф у Марии.— Мне кажется, оно сделано от чистого сердца. А кроме того, похоже, дождик собирается. Разве мы можем допустить, чтобы божественный мальчуган, которого доверил нам Яхве, подхватил насморк?

— Среди воров тоже встречаются порядочные люди,— ответила пречистая дева.— Примем его приглашение.

Христианская легенда не сохранила других воспоминаний о бегстве в Египет. Первую ночь семейство Иосифа провело в доме у разбойника Димаса, с которым мы еще встретимся позже, в конце этого рассказа. На другой день, когда Иосиф покинул гостеприимный кров грабителя, больной ребенок был уже здоров.

Надо еще сказать, что около дома Димаса находился источник, в котором Мария полоскала пеленки своего божественного дитяти, ибо, хотя Иисус и был божеством, над ним имели силу все законы человеческой природы.

До наших дней в окрестностях Вифлеема паломникам показывают источник Димаса, где стирались пеленки, испачканные малюткой Христом. В память об этой постирушке источник и по сей день порою творит великие чудеса.

ГЛАВА XII

У ЦАРЯ ИРОДА ТОЖЕ ЕСТЬ НЕРВЫ

Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов.

Матфей, гл. 2, ст. 16



Между тем, как уже было сказано, царь Ирод подозревал о появлении на свет маленького помазанника божия. По словам волхвов, которые, видимо, были в курсе дела, новорожденному впоследствии суждено было стать царем иудейским; сие означало, что ему, Ироду, грозило свержение с престола. Тетрарх был очень встревожен, тем более что он дорожил своей короной.

Царь Ирод велел пригласить к себе во дворец первосвященников и книжников. Подробно рассказав им о посещении волхвов и о том, что они ему сообщили, упомянув, в частности, случай с блуждающей звездой, он поставил перед ними вопрос ребром:

— Что во всей этой истории соответствует действительности?

Первосвященники ответили:

— Да, мы видели караван царствующих волхвов, мы видели на небе блуждающую звезду, но мы не знаем, что это означает.

— Стало быть, вы просто ослы! — гневно вскричал царь Ирод.— Подумать только, волхвы, никогда не читавшие книг ваших пророков, по движению светила вычислили, что поблизости от Иерусалима должен родиться новый царь, а вы, вы, которых всех учили уму-разуму в Иерусалимском храме, вы, которые назубок знаете предсказания пророков, вы понятия не имеете о том, что должно произойти! Да видано ли такое?! Вы, господа, даром деньги получаете! А ну-ка живо растолкуйте мне смысл пророчеств, иначе не уйти вам от виселицы!

Книжникам и первосвященникам не улыбалась такая перспектива. Они притащили все свои книги и принялись лихорадочно их листать.

Ничто в Библии с достоверностью не указывало на рождение иудейского царя в эпоху кесаря Августа. Но раз уж надо было во что бы то ни стало угодить Ироду, они перевели ему один отрывок из пророка Михея (гл. 5, ст. 2), где говорилось:

«И ты, городок Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? Из тебя произойдет мне тот, который должен быть владыкою в Израиле и которого происхождение из начала, от дней вечных».

Когда и как должен был родиться этот царь — об этом в пророчестве Михея умалчивалось.

Опять-таки для того, чтобы не перечить Ироду, ученые иудеи высказали мысль о том, что можно усмотреть совпадение между этим довольно расплывчатым предсказанием и алгебраическими выкладками волхвов.

— Хорошо,— подумал Ирод,— придется последить за Вифлеемом.

Он выпроводил священников, не сообщив им о коварном плане, который уже обдумывал. А он действительно обдумывал коварный план.

Среди представителей иудейского духовенства по крайней мере один человек мог достаточно точно осведомить царя Ирода по интересовавшему его вопросу. Этим человеком был первосвященник Симеон, участвовавший в обряде очищения Марии и принесения Иисуса во храм: ведь Симеона — читатель, должно быть, помнит об этом — осенила благодать божья, и он с первого же взгляда узнал мессию. Более чем вероятно, что Симеон присутствовал на собрании первосвященников во дворце тетрарха. Почему же он не сказал о том, что было ему известно? Ясно, что Яхве, который 2 февраля сделал его таким разговорчивым, на сей раз заткнул ему рот.

Ирод решил дождаться возвращения волхвов, однако волхвы, повинуясь небесному гласу, пошли другим путем, минуя Иерусалим.

Раздражаясь все сильнее и сильнее, царь Ирод кончил тем, что впал в страшную истерику. Ярости его не было границ! Он перебил всю посуду, отхлестал по щекам всех своих слуг, нагрубил ни в чем не повинной супруге, повыдирал у себя на голове немало волос и даже вывихнул руку, размахнувшись для того, чтобы ударить кулаком по зеркалу.

Он отправился в Вифлеем, взяв с собою палача и его помощников. Там Ирод вызвал к себе именитых граждан.

— Не появлялись ли здесь совсем недавно три восточных монарха? — спросил он у них.

— Так точно, ваше величество, появлялись. Три монарха верхом на роскошных верблюдах шли за какой-то звездой и проследовали в конюшню.

— В конюшню?

— Да, да, ваше величество, в конюшню, где поселился старичок со своею женой, которая на днях родила ребенка.

— Вы в этом твердо уверены?

— Еще бы, ваше величество, в нашем городе нет и трех тысяч жителей,— ответили именитые граждане.— Мы все тут друг друга знаем, и неужели вы думаете, что появление трех приезжих монархов могло остаться незамеченным? Мы порядком удивились, когда увидели, как три царя верхом на своих верблюдах торжественно направились к конюшне!.. К самому что ни на есть захудалому хлеву, устроенному в скале, где обычно держат свою скотину пастухи и бедные крестьяне.

Ирод на минуту задумался, а потом возобновил свой допрос:

— Где же теперь три этих странных царя, что пошли к обитателям конюшни?

— Вот уж об этом мы, право, ничего не знаем. Они ни к кому не обращались, ни у кого ничего не спрашивали, потому что целиком полагались на свою звезду, и они исчезли так же неожиданно, как появились.

— А старичок и его жена с новорожденным младенцем все еще находятся в конюшне?

— Нет, ваше величество, в одно прекрасное утро или, вернее сказать, в одну прекрасную ночь они тоже исчезли. Одного беднягу угораздило оставить в конюшне своего осла, так они и осла увели с собою. Мы, конечно, не знаем, что это за семейка, но, видать, они люди непорядочные.

— Довольно! — пробормотал Ирод.— Вы скрываете от меня правду. Вы прячете этого необыкновенного младенца, ради которого три царя прибыли следом за своей звездой в Вифлеем.

— Мы клянемся вам, ваше величество...

— А я не верю! Из политических соображений я заинтересован в том, чтобы этот ребенок не прожил ни одной лишней секунды, и мне необходима гарантия, что он не уйдет из моих рук. Поэтому господин палач и его помощники, коих я имею честь вам представить, сейчас же присту-

пят к истреблению всех вифлеемских мальчиков в возрасте до двух лет.

Поднялся общий вопль. Именитые граждане в слезах бросились к ногам царя Ирода. Он был неумолим.

— Палачи! — крикнул он. — Вы слышали мой приказ? Приступайте же к выполнению своих обязанностей!

Палачи тотчас бросились обыскивать две-три сотни домов, из которых состоял городок, и, когда к вечеру солнце скрылось за горизонтом, они уже справились со своим кровавым делом: в городишке, едва насчитывавшем три тысячи жителей[1], было уничтожено, как утверждает церковь, двадцать тысяч невинных младенцев.

Что касается бога-отца, то он и пальцем не пошевелил, чтобы предотвратить чудовищную резню. Судьба невинных жертв царского гнева должна была (так, по крайней мере, мне кажется) представлять особый интерес для мало-мальски праведного судьи. Одного вздоха всемогущего было бы достаточно, чтобы уберечь от смерти всех этих крошек, которые, здраво рассуждая, никак не могли быть повинны в рождении Христа. Но бог Саваоф на сей раз не счел нужным спуститься со своего облака и безучастно взирал на кровавую бойню.

---

[1] Вифлеем никогда не насчитывал более трех тысяч жителей; это максимальная численность его населения.

ГЛАВА XIII

ИИСУС В ЕГИПТЕ

По смерти же Ирода, се, ангел господень во сне является Иосифу в Египте.

И говорит: встань, возьми младенца и матерь его, и иди в землю Израилеву; ибо умерли искавшие души младенца.

Он встал, взял младенца и матерь его, и пришел в землю Израилеву.

Матфей, гл. 2, ст. 19—21

Расстояние между Вифлеемом и Гелиополисом, египетским городом, в котором, по христианскому преданию, скрывалась семья Иосифа, составляет добрых четыреста километров. Учтите при этом, что беглецам пришлось пересечь Аравийскую пустыню в самой широкой ее части, начисто лишенной дорог, что путь их лежал среди песков и камней, где без компаса (или в крайнем случае без помощи путеводной звезды) просто немыслимо было не заблудиться, и вы поймете, что бегство в Египет отнюдь не могло быть для святого семейства увеселительной прогулкой.

Однако мамаша-девственница и ее супруг не заблудились. Они шли и шли себе напрямик, и ангелы время от времени указывали им путь. Ночью они вполне обходились без фонаря: «тело божественного младенца излучало вокруг яркий свет».

Но как выжил в дороге через пустыню осел, уведенный ими из конюшни,— это никому не известно.

Церковь считает, что всевозможные чудеса сопутствовали святому семейству и всячески облегчали ему путешествие. Дороги расстилались перед ним сами собой, и жаль, что они исчезали, как только у семейства Иосифа пропадала в них надобность. Пески пустыни — увы, тоже временно — превращались в плодородные земли, где на минуту зацветали иерихонские розы. Плоды были к их услугам буквально на каждом шагу, собирать их святому Иосифу не составляло ни малейшего труда: деревья сами склоняли свои ветви ему навстречу.

Понятно, что в подобных условиях святое семейство легко могло пройти хоть через две пустыни. Тем более, что аравийские львы, тигры и даже драконы (ибо в то время драконы

существовали) целыми толпами подбегали к Иисусу и бросались к его ногам в знак преклонения перед его святостью.

Местопребыванием семейства Иосифа в Египте был город Гелиополис, или Он, нынеМатариех, в восьми километрах от Каира. Никто не знает, чем занимались блаженные эмигранты в годы своего изгнания. О наиболее ясном эпизоде из тогдашней жизни Иисуса напоминает в настоящее время монастырь коптских монахов в Матариехе: здесь паломникам за известную плату показывают дикую смоковницу, которую богородица удостоила великой чести, покормив под ее сенью своего бутуза.

Вы, вероятно, скажете, что эта смоковница должна была бы уже высохнуть от старости? Как бы не так! Она зелена, как никогда, и, несмотря на свои тысяча девятьсот лет, сохранила все очарование молодости.

Тот, кто не верит в подобные чудеса, пусть отправится в Матариехский монастырь и проведет там всего каких-нибудь лет двести — триста, а я буду ждать от него известий.

Другое чудо, в котором каждый может убедиться, никуда не выезжая,— это чудо с финиками. Купите кулек фиников и съешьте их. На каждой косточке этого плода вы заметите маленький кружок в виде буквы «О». Раньше на финиках никакого «О» не было — косточки были совершенно гладкими.

Произошло вот что: когда Иисусу было полтора годика, мать однажды дала ему финики. Крошка, до тех пор лепетавший лишь что-то невнятное, при виде фиников вдруг воскликнул: «О, прекрасные плоды!» Маленькое «О» на косточках финика служит вечным напоминанием об этом чудесном возгласе.

По словам святого Бонавентуры *, святое семейство провело в изгнании семь лет. Все это время маленький Иисус находился на попечении матери, которая питала его своими сосцами. Молоко девственницы — вот вам еще одно чудо. Мальчуган, как и подобает сыну, играл папиными инструментами, а папа, как и подобает отцу, мастерил ему кубики. Словом, раннее детство Христа, если не считать нескольких мелких чудес, прошло так, как оно проходит у всех ребятишек, и не исключено, что малютка утирал свои божественные сопли мамашиным рукавом или подолом ее платья.

Ангелы постоянно держали Иосифа в курсе всего, что предпринималось Иродом. Так он узнал и об избиении два-

дцати тысяч вифлеемских младенцев. Можно себе представить, как он радовался, что вовремя дал тягу!

Иосиф узнал также о совершенно ошеломляющем событии. Рахиль, любимая жена старого Иакова, сына Исаака, Рахиль, похороненная в Раме, неподалеку от Вифлеема, в день резни проснулась в своем гробу и издала жалобный вопль, который был услышан на расстоянии четырех километров. Чудо это засвидетельствовано в евангелии: «Глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться; ибо их нет» (Матфей, гл. 2, ст. 18).

Когда Ирод умер, ангел незамедлительно сообщил об этом Иосифу. Тот подумал, что наступило время возвратиться в Галилею, и, продав свое заведение, снова отправился в родной Назарет (Лука, гл. 2, ст. 39).

Чтобы покончить с Иродом, укажу на одно существенное противоречие между утверждениями историков и евангелистов. Исторические документы свидетельствуют, что Ирод умер ровно за четыре года до той даты, которую церковь указывает в качестве даты рождения Христа.

Если не считать этого пустяка, то во всем остальном христианская легенда является безупречным отражением истины. Итак, царь Ирод действительно был злодеем, убийцей маленьких детей. Да будет проклята память об этом изверге, который даже после своей смерти принимал у себя царствующих волхвов и устраивал кровавые побоища!

ГЛАВА XIV

ИИСУС-ВУНДЕРКИНД

И когда он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник.

Когда же, по окончании дней *праздника,* возвращались, остался отрок Иисус в Иерусалиме...

Через три дня нашли его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их.

Все слушавшие его дивились разуму и ответам его.

Лука, гл. 2, ст. 42—43, 46—47

Возрастающим и исполняющимся премудрости — таким рисует Иисуса евангелист Лука. Отцы церкви прибавляют: «Его ум пробуждался по мере того, как развивалось его тело» (рукописи Ватикана, Синая и Беза).

Обратите внимание: оказывается, божественный разум Христа еще не был в полном расцвете в момент зачатия. Значит, трепыхаясь в материнской утробе, он был самым что ни на есть обыкновенным зародышем? Значит, пока его молодые органы были несовершенны, божественный ум его тоже был несовершенным? Странно, странно...

Маленький Иисус не избежал затруднений, с которыми сталкивается любой ребенок, но ему повезло по крайней мере в том отношении, что его умственное развитие шло необычайно быстро.

Ему ровно ничего не стоило разом выучиться читать: достаточно было только пожелать этого. Однако он предпочел этого не пожелать и начал учиться грамоте, как все дети, с чтения по складам.

Первой его учительницей была мать: она учила его читать по Библии. «В священном писании говорилось о нем самом,— пишут богословы,— Мария знала, кто он такой, так что, обучая его, она в то же время не забывала ему поклоняться».

Я живо представляю себе, как проходили эти уроки, сопровождавшиеся поклонением; они в самом деле выглядели довольно забавно:

Мама. Иисус, расскажи свой урок.

Малыш. Мама, я проспал и не успел его выучить...
Мама. В таком случае покажи письменное задание.
Малыш. Мамочка, ты знаешь, я очень расстроился, потому что у меня никак не выходила одна фраза. А потом я поставил огромную кляксу и, даю тебе честное слово, бросил тетрадку в огонь...
Мама. Негодный мальчишка! За это ты не получишь сегодня сладкого.
Малыш (хныча). Мама, мамочка, я больше не буду!..
Мама (про себя). Вот беда-то! Я заставила плакать моего бога...
Малыш (успокаиваясь). А я хочу сладкого, хочу! И ты не имеешь права лишать меня сладкого, потому что я владыка мира!
Мама (сложив молитвенно руки). О господь мой Иисус Христос, умоляю тебя, не сердись на свою мать, твою рабу! Ты получишь большущий кусок хлеба с вареньем, о мой божественный владыка!
Малыш. Ну и чудесно, мамочка, вот так-то лучше! Ты у меня просто прелесть! Будем считать, что урок окончен, а потому, мамуля, становись на колени и поклоняйся мне!
Мама становится на колени и поклоняется малышу.

Не следует думать, что так было всегда. Не по годам развитый Иисус, как правило, исправно готовил уроки и приходил на занятия с аккуратно написанным заданием. То, чему его учила мамаша, попутно поклоняясь ему, шло ребенку на пользу.

Когда Иисусу исполнилось двенадцать лет, Иосиф напомнил Марии, что по еврейскому закону надо отвести малыша в Иерусалим.

Действительно, в этом возрасте еврейский мальчик частично выходил из-под родительской опеки. Его приводили в синагогу, он надевал на голову повязку с филактериями — кусками пергамента, испещренными священным текстом,— и становился «сыном закона», обязанным выполнять все его предписания, причем одно из главных предписаний заключалось в том, чтобы посещать Иерусалим во время праздника пасхи.

Отроку Иисусу было двенадцать лет (Лука, гл. 2, ст. 42), когда он в первый раз вместе с родителями совершил путешествие в Иерусалим. Назарет находился в ста двадцати километрах от Иерусалима. Дорога занимала три-четыре дня.

Святое семейство провело в Иерусалиме все семь дней пасхи. Иисуса сводили в храм, а также во все балаганы, где показывали бородатых женщин, великанов и тому подобное. Дело в том, что пасха была настоящим национальным праздником, которым, как и во все времена, пользовались всевозможные шарлатаны, чтобы обирать зевак.

По окончании празднеств Иосиф и Мария собрались в обратный путь и присоединились к каравану, направлявшемуся в сторону Назарета. К концу первого дня пути отец и мать вдруг обнаружили, что сынишка их куда-то исчез: они потеряли его, как теряют самый обыкновенный зонтик.

Приведем текст евангелия:

«Когда же, по окончании дней *праздника,* возвращались, остался отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и матерь его; но думали, что он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать его между родственниками и знакомыми. И, не найдя его, возвратились в Иерусалим, ища его» (Лука, гл. 2, ст. 43—45).

— Что за напасть! — суетился Иосиф.— Не припомнишь ли ты, Мария, был ли он с нами, когда мы выходили от шестиголовой коровы?

— Я не уверена, но мне кажется, что был.

— Да, да, Иисус был тогда с нами, мы еще купили ему вафли... Стоп! Я знаю, где мы его потеряли!..

— Где?

— У прекрасной Береники, у русалки!

— Да нет же!

— Ручаюсь!

— А я думаю, что мессия остался в зверинце, около дрессированных собак... Ты заметил, Иосиф, как они его заинтересовали, особенно пудель, который ходил по проволоке?

— Возможно, ты и права... Давай обратимся в муниципалитет, узнаем, куда девались эти дрессировщики.

— Только бы эти проклятые клоуны не увели с собою нашего маленького Иисуса! — причитала Мария.— Я не хочу, чтобы мой сын сделался канатоходцем!..

— Не волнуйся, дорогая, не волнуйся,— успокаивал ее Иосиф.— Мы его найдем; я уверен, что он в ратуше, у швейцара, вместе с потерянными ключами...

Они искали повсюду, обращались к городским властям,

заходили в увеселительные заведения: Иисус как в воду канул!

Иосиф был просто в отчаянии: он не мог поверить в свалившееся ему на голову несчастье; он рвал на себе волосы, укоряя себя — и, надо сказать, не без основания — в беспечности. Ему уже чудился страшный суд, и он слышал обращенный к нему громоподобный глас всевышнего:

— Иди сюда, Иосиф!.. Ближе, ближе! Я сейчас сотру тебя в порошок!.. Я доверил тебе моего сына, вернее, сына голубя, чтобы ты за ним присматривал. Этот ребенок — мессия, ему предстояло искупить грехи рода человеческого... Я полагался на тебя и рассчитывал, что ты сумеешь вырастить божественного мальчугана, как это сделал бы я сам, будь у меня только время сойти на землю... А что получилось? Ему едва исполнилось двенадцать лет, как тебя угораздило его потерять! Нет уж, такое ротозейство переходит всякие границы!.. Да ты знаешь, что по твоей вине род человеческий не дождался спасения? Ведь моего мессию так и не удалось найти?! И ты думаешь, это сойдет тебе с рук? Твоя беспечность — преступление, и ты должен понести суровую кару. А потому я приговариваю тебя к трижды вечному заключению в аду. Ты этого заслужил!

Бедняга плотник то и дело спрашивал себя, не снится ли ему все это, до того ему казалось невероятным постигшее его несчастье. Каждые полчаса он распаковывал один из своих чемоданов, чтобы проверить, уж не туда ли из озорства спрятался маленький Иисус.

Мария была просто убита горем. Она предпочла бы претерпеть любые страдания, лишь бы избавиться от снедавшей ее тревоги.

Безрезультатные поиски продолжались два дня, и лишь на третий день они нашли мальчика «в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их. Все слушавшие его дивились разуму и ответам его» (Лука, гл. 2, ст. 46, 47).

По-видимому, Иисус действительно был вундеркиндом. Он вошел в храм смело и уверенно, как к себе домой, сразу же задал несколько каверзных вопросов самым искушенным богословам и с большим удовольствием посадил их в калошу.

Однако учителям храма хитрости было не занимать стать. Тут находилось высшее еврейское духовенство: «Хиллель, почитавшийся наравне с Моисеем и еще сохра-

нивший все величие старости; непреклонный Саммай, увязывавший все, что развязывал Хиллель; Ионатас, сын Юзиеля, чье слово было таким пламенным, что птицы либо сгорали, пролетая над его головой, либо превращались в серафимов [1]. Рядом с ними родители Иисуса могли увидеть еще священника Симеона, того самого, который пророчил во время церемонии очищения, и Иосифа Аримафийского, сенатора».

И маленький Иисус приводил в изумление всех этих людей. Он по-своему запутывал и распутывал сложнейшие теологические проблемы. В конце концов все сочли более благоразумным замолчать; Иисус никому не давал сказать слова, и они с разинутыми ртами слушали его разглагольствования.

Однако, несмотря на удивление, в которое эта сцена повергла Марию, она не могла забыть то, что ей пришлось испытать, и сердце ее излилось в горьких упреках:

— Что же это значит, проказник? Ты удрал от своих родителей, и, пока отец и мать, не зная, что и думать, ищут тебя по всему городу, ты сидишь себе здесь и философствуешь?! Живо марш домой, шалопай эдакий!

Иисус, который за словом в карман не лез, ответил с усмешкой, увертываясь от матери:

— Вот тебе на! А зачем вам было искать меня? Разве вы не знали, что мне должно заниматься делами, касающимися моего отца? [2]

Иосиф же, который считал себя единственным законным папашей, не желал слушать подобные шутки. Он схватил мальчонку за ухо и потащил из храма, после чего святое семейство в полном составе отправилось в Назарет.

Есть основания предполагать даже, что Иосиф, во избежание подобных проделок, сразу же положил конец дальнейшим штудиям мальчика и с той поры стал обучать его ремеслу. Он взял его к себе в мастерскую, и наш юный мыслитель сделался простым учеником плотника, пока мания поучать не овладела им вновь.

И в самом деле, когда сограждане Иисуса услыхали, как он учил в назаретской синагоге, они воскликнули (об

---

[1] *Мисма.* Сукка, 28; Баба-Батра, 134.

[2] «И, увидев его, удивились; и матерь его сказала ему: чадо! что ты сделал с нами? Вот, отец твой и я с великою скорбью искали тебя. Он сказал им: зачем было вам искать меня? или вы не знали, что мне должно быть в том, что принадлежит отцу моему?» (Лука, гл. 2, ст. 48—49).

этом сказано в евангелии): «Так ведь это же плотник, сын Марии?»

До тридцати лет Иисус жил спокойно, трудился в мастерской, орудуя пилой и рубанком, а когда Иосиф умер, он заступил его место.

Теперь нам предстоит взглянуть, как он со всей серьезностью принялся за то, что называл своей божественной миссией, которая в конечном счете сводилась к праздношатанию и пустословию.

С того дня, как Иисус начал часами без умолку тараторить, сидя среди учителей в Иерусалимском храме, он стал достоин того, чтобы его называли Словом,— язык у него и впрямь был хорошо подвешен!

Часть вторая

ПЕРВЫЕ ШАГИ СЛОВА

ГЛАВА XV

СЕМЬЯ ИИСУСА НЕ ВЕРИТ В БОЖЕСТВЕННОСТЬ СВОЕГО РОДСТВЕННИКА

...И братья его не веровали в него.

Иоанн, гл. 7, ст. 5

И, услышав, ближние его пошли взять его; ибо говорили, что он вышел из себя.

Марк, гл. 3, ст. 21

Итак, до тридцати лет Иисус был опорой своей довольно многочисленной семьи.

Иосиф, как мы видели, «не знал Марии до того дня, когда она родила сына, который был Христос»; но зато потом он лихо наверстал упущенное.

Разумеется, Мария, которая, будучи невестой, с ужасом думала о том, как она проживет всю жизнь вдвоем с плотником, понемногу избавилась от своих опасений и в конце концов убедилась, что ее девичьи страхи не имели под собой почвы.

Кавалер, преподносивший ей лилии, оказался в общем-то славным малым: под его грубой внешностью скрывалось нежное сердце.

Кроме того, теперь уже совершенно ясно, что на самом деле Иосиф был куда бодрее, чем это могло показаться, и что он вполне был в состоянии утереть нос и юному Пантеру и другим ровесникам Марии.

Со временем девственно-невинная супруга поняла, что, поскольку она в целости и сохранности сберегла свою непорочность, чтобы родить мессию, этого с нее вполне достаточно и свой долг перед богом она исполнила по всем правилам.

К тому же, и святому духу не было никакой надобности вновь спускаться на землю, дабы зачать второго Христа.

Марию не связывали никакие обязательства. Правда, еще совсем девчонкой она в храме дала обет девственности; но разве ее не освободил от этого обета сам первосвященник, который благословил ее замужество? А ведь замуж выходят не для того, чтобы орешки щелкать.

Что же касается обещания, которое она сама себе дала и которое состояло в том, чтобы никогда не нарушать условий, поставленных во время ее помолвки, то это, разу-

меется, была ерунда. Сколько раз девушка дает себе слово: «Буду благоразумной», но едва только случается ей надкусить запретный плод, как она тут же добавляет: «... с завтрашнего дня!» Клятвы, которые даешь самому себе, всегда очень непрочны.

Иосифу пришлось весьма ловко маневрировать. Ясно, что он старался ничем не задеть щепетильности своей юной супруги. После рождения сына голубя — в этом я даю голову на отсечение — он оставался таким же сдержанным в своих ухаживаниях, как и раньше. В этом, собственно, и состояла его тактика: несмотря на свой преклонный возраст, Иосиф не проявлял излишней торопливости.

Я бы нисколько не удивился, если б выяснилось, что инициатива исходила от самой Марии. А почему бы и нет, в конце-то концов? Понемногу Мария привязалась к плотнику: он относился к маленькому Иисусу как всамделишный папа, он уберег от гибели божественного карапуза, он кормил, воспитывал его как свое родное чадо.

Постепенно, я уверен, муж Марии перестал казаться ей таким уж противным; в его хриплом голосе ей почудились какие-то нежные ноты, да и манеры его показались ей довольно приятными. И вот однажды вечером она подумала: «Бедняжка Иосиф! Я к нему слишком сурова, а ведь он со мною так мил!..»

Когда женщине приходят в голову подобные мысли, значит, должно произойти что-то серьезное.

Результатом всего этого было то, что все четыре евангелиста признают наличие у Иисуса братьев и сестер (Матфей, гл. 12, ст. 46—50; Марк, гл. 3, ст. 31—35; Лука, гл. 8, ст. 19—21; Иоанн, гл. 7, ст. 3—10). Имена сестер и их количество не известны, зато в Новом завете точно указаны имена братьев, которых было четыре: Иаков, Иосия, Симон и Иуда (Марк, гл. 6, ст. 3).

Святой Епифаний *, отец церкви и человек крайне дотошный, упорно настаивает на том, что эти братья и сестры Иисуса — дети Иосифа, прижитые им в первом браке.

Рассказывайте эти сказки кому-нибудь другому, хитрейший отец Епифаний!

Во-первых, в евангелии нигде не говорится, что плотник был вдовцом, когда женился на Марии.

А кроме того, существует одна легенда, целиком признаваемая церковью, легенда, которой мы пока не

касались и о которой весьма кстати будет сказать именно здесь.

Когда папаша Иоахим и матушка Анна, изменив намерение посвятить Марию служителям храма, решили выдать ее замуж, все претенденты на ее руку, собравшись, постановили, что малютка будет принадлежать тому, кто окажется самым целомудренным из них. Был устроен своего рода конкурс непорочности. Испытание заключалось в следующем: каждый претендент принес обыкновенную сухую палку и все они положились на волю божью в ожидании чудесного знамения. И тут случилось чудо: все палки остались сухими и лишь одна палка, палка Иосифа, вдруг начала цвести — на ней появилась великолепная лилия. Эта лилия была красноречивее всяких слов.

Мы просим у читателя извинения за то, что раньше не рассказали ему об этом событии, но ведь поведать о чем-то интересном никогда не поздно.

И наконец, если бы Иосиф имел детей от первого брака, мы бы видели их в Вифлееме во время переписи и он потащил бы их за собою в Египет.

А посему, почтеннейший святой Епифаний, придержите-ка лучше свою версию при себе, ибо тот, кто стремится доказать слишком много, не доказывает ничего.

Вполне естественно предположить, что Иисус был старшим среди своих братьев и сестер, что они родились вскоре после его возвращения из Египта и что Христос, как при Иосифе, так и после его смерти, был главным кормильцем семьи.

Когда ему исполнилось тридцать лет, двое из его братьев стали уже почти взрослыми, и Иисус, считая, что теперь родня сможет обойтись без него, решил заняться проповедничеством.

Вначале, когда у Христа едва только обнаружилась его склонность к суесловию, в семье над ним потешались. Все недоуменно пожимали плечами, когда он объявил, что собирается привести мир в движение одним лишь звуком своего голоса.

Его братья, родственники и друзья сокрушались, встречая друг друга, и, должно быть, вели такого рода разговоры:

— Ну, что Иисус?

— Я вчера его видел. Все носится со своей идеей...

— Значит, не проходит?..

— Увы, нет.

— Так что же, он по-прежнему хочет обратить человеческий род?

— И даже упорнее, чем прежде!

— Меня это искренне огорчает; особенно жаль его матушку: славная женщина этого не заслужила.

— А что поделаешь? Приходится мириться. У Иисуса с головой не в порядке, и к тому же он упрям, как старый осел. Вздумалось ему проповедовать — и он будет проповедовать.

— Ох и порасскажет он всякой всячины!..

— Не знаю, что уж он там станет болтать всяким зевакам, но, разумеется, мы, его братья, не собираемся его слушать. Он и так все уши нам прожужжал своими россказнями о том свете: час послушаешь — и можно одуреть. Поэтому, как только у него это начинается, мы со всех ног бежим из дома.

— Печально, печально; видно, он совсем свихнулся...

— Ваша правда.

— Какое это несчастье для вашей семьи! Бедняга плохо кончит...

С этими словами родственники и друзья расходились, удрученно качая головой.

Вы думаете, что я преувеличиваю? Читайте в Евангелии от Иоанна (гл. 7, ст. 5): «Ибо и братья его не веровали в него». Если вам этого недостаточно, читайте у святого Марка (гл. 3, ст. 21): «И, услышав, ближние его пошли взять его; ибо говорили, что он вышел из себя».

Если бы в то время, когда в Иисусе еще только просыпалась его страсть к бродяжничеству, Иосиф был жив, он, возможно, принял бы какие-нибудь меры. Но старик уже ушел к праотцам. Умер он, должно быть, самым заурядным образом, поскольку в евангелии даже не говорится о том, при каких обстоятельствах плотник сыграл в ящик.

Словом, так или иначе у Иисуса была семья, и она не верила в его божественную миссию. Для своего лакея великий человек никогда не будет гением — для своего родного брата пророк никогда не будет прорицателем.

ГЛАВА XVI

В ДЕЛО ВМЕШИВАЕТСЯ ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ

И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского, и крестился от Иоанна в Иордане.
И когда выходил из воды, тотчас увидел *Иоанн* разверзающиеся небеса и духа, как голубя, сходящего на него.

Марк, гл. 1, ст. 9–10

Установим некоторые даты, чтобы чуточку досадить приверженцам христианской легенды. На основе неопровержимых исторических свидетельств установлено, что Ирод умер в апреле 750 года от основания Рима [1]. Вместе с тем по постановлению непогрешимых пап началом христианской эры принято считать год рождества Христова, который, опять-таки в соответствии со святейшим папским мнением, соответствует 753 году римского летоисчисления.

Между смертью Ирода и рождением Христа прошло, стало быть, девять месяцев 750 года, весь 751 год, весь 752 год и без шести дней 753 год, то есть всего около четырех лет.

Церковь утверждает еще, что Иисус начал проповедовать, когда ему было тридцать лет, проповедовал три года и умер тридцати трех лет от роду. Тут как будто бы все ясно.

А вот что говорится в Евангелии от Луки (гл. 3, ст. 1–2): «В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод [2] был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне» *.

Кроме того, Новый завет утверждает, что Иоанн начал проповедовать всего за несколько месяцев до первого публичного выступления Иисуса.

---

[1] Работы историка Жосева́ не оставляют никакого сомнения относительно точной даты смерти Ирода.

[2] Речь идет об Ироде Антипе. Этот Ирод Антипа был одним из сыновей Ирода Великого, того самого, который через четыре года после своей смерти стремился уничтожить младенца Иисуса.

С другой стороны, известно, что кесарь Август, которому наследствовал Тиверий, умер 19 августа 767 года от основания Рима; значит, пятнадцатый год правления Тиверия начался 19 августа 781 года римской эры, а следовательно, Иисусу было тогда не тридцать, а только двадцать восемь лет.

Отсюда следует, что евангелие, хотя оно и продиктовано святым духом, и на сей раз явно противоречит самому себе. Если считать, что Христос приступил к своей деятельности в тридцать лет, то придется признать, что он должен был родиться за два года до начала христианской эры. Ну, не забавно ли это?

Однако не стоит задерживаться на подобных мелочах. Лучше вернемся к Иоанну, сыну Захарии.

Иоанн с детства любил слоняться безо всякого дела. Он не играл со своими сверстниками, а уходил в пустыню и там развлекался разговорами с самим собою. Пустыней его была невозделанная земля между Хевроном и Иерусалимом; она представляла собою холмистую гряду, кое-где пересеченную сухими бесплодными долинами. Лишь чахлые кустарники немного оживляли однообразный облик этих известняков, ослепительная белизна которых утомляла глаз. Но даже и такая скудная растительность совершенно исчезала по мере приближения к Мертвому морю: там уже царило сплошное уныние.

Так выглядела пустыня, в которой Иоанн пребывал до тридцатилетнего возраста. Спрашивается: чем же он там питался? Быть может, бог Саваоф отправлял ему с неба жареных перепелок? Евангелист Матфей сообщает, что Иоанн пробавлялся исключительно копченой саранчой [1].

Изредка путешественники встречали нашего сумасброда, рассказывали о нем местным жителям, и немало любопытных приходило поглазеть на этого чудака, который с утра до ночи оглашал пустыню своими воплями.

«Приготовьте путь господу,— кричал он без устали,— прямыми сделайте стези ему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими» (Лука, гл. 3, ст. 4—5).

Кроме того, «писание» сообщает, что этот святой чело-

---

[1] «Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищею его были акриды и дикий мед» (Матфей, гл. 3, ст. 4).

век никогда не стриг волос. Длинные косы, кожаный пояс да верблюжья шкура составляли все его одеяние.

Забавные чудачества Иоанна принесли ему некоторую известность.

Заметив интерес к своей персоне, сын Захарии обосновался на берегах Иордана. Он предлагал своим посетителям погружаться до пупа в воду и вдобавок выливал им ушат воды на голову. И всегда находились любители, которые были не прочь принять участие в столь невинной забаве.

Но вот однажды вместе с толпой любопытных к своему кузену явился Иисус собственной персоной. Иоанн никогда раньше его не видел, но сразу же узнал.

— Чем могу служить? — обратился он к Христу.

— То есть как?! Я тоже пришел креститься,— ответил Иисус.

— Да ты шутишь! — изумился Иоанн.— Мне надо креститься от тебя, а ты приходишь ко мне?!.

— Оставь, оставь эти церемонии,— прервал его Христос.— Пока что обязанности крестителя лежат на тебе, а посему крести меня!

Иоанн решил, что отказываться было бы неучтиво. Он взял сына Марии на руки, окунул его в воду и сделал ему свое обычное обливание.

Когда Христос, отряхиваясь, вышел из Иордана, небеса вдруг разверзлись, оттуда выпорхнул голубь (впрочем, он вполне мог быть и уткой) и уселся Иисусу на плечо. Тут Иоанн услышал, как пташка отчетливо произнесла:

«Сей есть сын мой возлюбленный, в котором мое благоволение» (Матфей, гл. 3, ст. 17).

К сожалению, люди, присутствовавшие при этой сцене, не слышали слов голубя. Иначе они прямо тут же, не сходя с места, обратились бы в новую веру, это совершенно очевидно. Однако, несмотря на чудесное появление птички — святого духа, никакого обращения присутствовавших не последовало. Дело в том, что Иоанн был единственным свидетелем чуда; все остальные, видимо, заткнули уши и зажмурили глаза.

Святой Юстин * прибавляет, что, едва только крещение Иисуса совершилось, Иордан превратился в огненную реку (Диалог с Трифоном, § 88).

А мне почему-то думается, что река превратилась в разливанное море пунша, и все пили его сколько влезет.

ГЛАВА XVII,

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О ТОМ, КАК ДЬЯВОЛУ ВЗДУМАЛОСЬ ИСКУШАТЬ БОГА

Иисус, исполненный духа святаго, возвратился от Иордана и поведен был духом в пустыню. Там сорок дней он был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни; а по прошествии их, напоследок взалкал... И, окончив все искушение, диавол отошел от него до времени.

Лука, гл. 4, ст. 1, 2, 13

Нет более прилипчивой заразы, чем глупость. У Иоанна Крестителя была болезненная страсть к пустыне. Едва только Иисус крестился, эта мания появилась и у него. Иоанн питался только копченой саранчой; Иисус решил его перещеголять.

Неподалеку находился обширный участок земли, в точности схожий с пустыней, где поселился Иоанн. Именно туда и направился Христос. Он устроил свою резиденцию на холме со множеством гротов; впоследствии этот холм получил название Горы сорока дней в память шестинедельного пребывания там сына Марии.

В этой пустыне не было даже паршивой саранчи, чтобы заморить червячка, там не было ровным счетом ничего, кроме диких зверей. Пророки оставили довольно красочное описание этой унылой местности. Там, среди хищников, Иисус и провел в полном одиночестве целых полтора месяца. Наличие единственной компании в виде диких животных отмечает также и евангелист Марк (гл. 1, ст. 13).

Иисус, преуспевший в своем совершенствовании больше, чем Иоанн, ибо он как-никак был богом, жил все это время абсолютно впроголодь. Справедливости ради надо сказать, что именно в силу божественной сущности Иисуса с его стороны это уж не ахти какой подвиг. Если говорить о чуде, то оно состоит скорее в том, что шакалы, львы и леопарды не пустили плоть Христову себе на бифштексы, ибо ведь им тоже нечего было есть и потому они вполне могли бы воспользоваться мясом того, кому взбрело в голову сунуться в их владения.

Правда, всемогущему богу ничего не стоило сделать себя неосязаемым, едва только хищники вздумали бы вонзить свои когти в «Слово, ставшее плотью».

«И ангелы служили ему»,— прибавляет евангелист Марк. Интересно знать, чем именно, если Иисус обрек себя на полное голодание? Разумеется, они не подавали ему на серебряном блюде антрекотов с яблоками. Чем же, спрашивается, они служили Иисусу? Впрочем, я догадываюсь: вероятнее всего, они чистили ему башмаки.

Между тем дьяволу пришла в голову странная идея: он решил подвергнуть Христа искушению. Сатана до того был раздосадован рождением мессии, явившегося в мир для того, чтобы искупить страшный первородный грех, что он даже не дал себе труда поразмыслить хотя бы в таком духе: «Если кто и безгрешен, так это безусловно господь бог. Просто невероятно, чтобы он позволил себе совершить грех! Поэтому нечего тратить зря время на какое-то дурацкое искушение».

Сатана обо всем этом не подумал и отправился совершать свое черное дело с надеждой преуспеть.

«Если мне удастся втравить Христа в какую-нибудь неблаговидную историю,— подумал он,— то-то будет потеха! Господь бог в преисподней — это же находка! Вот уж когда я разожгу огонек под моей сковородкой!..»

И коварный искуситель, весело насвистывая, помчался к Иерихонской пустыне.

Был сороковой день Иисусова поста. Несмотря на все божественные преимущества, у сына Марии начало сосать под ложечкой. В продолжение сорока дней у него не было никакого аппетита, но под конец пустой желудок напомнил о себе.

Об этом недвусмысленно говорится в евангелии: «Там сорок дней он... ничего не ел..; а по прошествии их, напоследок взалкал» (Лука, гл. 4, ст. 2).

Тут ему и явился Сатана. С дьявольской учтивостью он отвесил Иисусу нижайший поклон и начал так:

— Неужто ты так и не пытался избавиться от желудочных колик? Да кто тебе поверит? Иметь перед собой столько камней и не заморить ими червячка — это было бы чересчур наивно!..

Иисус пожал плечами.

— Я не шучу,— продолжал дьявол.— Да есть ли ты сын божий? Если да, то стоит тебе только повелеть этим

камням превратиться в хлеб, и они сочтут своим святым долгом это сделать.

Таково было первое искушение. Допустим на минуту, что Иисус последовал совету Сатаны: я не вижу в том никакого смертного греха. Изготовление хлеба посредством чуда не является деянием, заслуживающим адской муки. Наоборот, множество святых было канонизировано церковью именно за то, что они проделывали подобного рода фокусы. И разве сам Иисус впоследствии не совершал аналогичные чудеса, причем многократно?

Весь грех тут мог состоять в нарушении поста, который Иисус должен был блюсти по приказанию папаши Саваофа. Но ведь как раз в тот момент пост кончился, поскольку с этого дня Иисус опять стал вкушать!

Тем не менее Христос не поддался на дьявольское искушение. Он ответил Сатане:

— Мне нет надобности превращать эти камни в хлеб, ибо не хлебом единым будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст божьих [1].

Сатана не нашелся что возразить: видимо, слово божье действительно является весьма калорийной пищей. Если бы я был поваром у епископа и он велел бы мне приготовить ему глазунью, я бы вместо этого почитал ему Библию: интересно, как бы он к этому отнесся?..

Итак, дьявол не затевал спора: в запасе у него оставалось еще два средства. Он схватил Иисуса в свои лапы, полетел с ним по воздуху в Иерусалим и опустил его на крыло храма. Богословы считают, что это была верхушка портика Соломона, который выходил на восточный берег истока Иордана. Крыша высокого портика выступала над двором храма. Тогда дьявол, показав на толпу, заполнившую площадь, стал подзадоривать Иисуса, чтобы тот совершил что-нибудь необычайное:

— Глянь-ка! Недурная высота?! Вот тебе, миляга, подходящий случай показать, на что ты способен. Сигай вниз! Тебе нечего бояться, что ты переломаешь себе ребра: ведь ангелы оберегают тебя, они вовремя тебя подхватят, чтобы ты, не дай бог, не повредил своих божественных пяток.

---

[1] «И приступил к нему искуситель, и сказал: если ты сын божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст божиих» (Второзаконие, гл. 8, ст. 3)» (Матфей, гл. 4, ст. 3—4).

Иисус устоял и перед вторым искушением и не совершил того, что возбраняется богам. И на этот раз он отверг дьявольское предложение самыми простыми словами.

— Где-то написано: «Не искушай господа бога твоего»,— гласил его ответ.

Тогда Сатана снова схватил бога своего Иисуса и полетел с ним так высоко, как только мог. Наконец он опустил его на вершину огромной горы. С этой горы, утверждает евангелие, открывались «все царства мира». Однако, как бы ни была высока эта гора, трудно объяснить, каким образом с вершины ее можно было объять глазом всю землю, если известно, что земля имеет форму шара. Но стоит ли останавливаться на такой мелочи?..

Сатана показал Иисусу «все царства мира и славу их» (Матфей, гл. 4, ст. 8).

— Ну и красотища! — воскликнул он.— И все эти огромные владения принадлежат мне. Я раздаю их кому захочу. Хочешь, подарю парочку, а то и две? Впрочем, может быть, ты хочешь все? Пожалуй, я готов их отдать, но при одном условии: если ты, мой бог, падешь передо мною ниц и поклонишься мне, дьяволу.

В ответ на такое предложение Иисусу следовало бы расхохотаться дьяволу в лицо, ибо, говоря это, Сатана явно был не в своем уме.

И действительно, Христос, до сих пор покорно терпевший адские объятия дьявола и совершивший в этих объятиях несколько воздушных перелетов, на сей раз заупрямился.

— Нет уж, хватит! — недовольным тоном проворчал он.— Проваливай-ка ты отсюда, да поживее! Ишь чего ему захотелось — поменяться ролями! Нет уж, старый плут, это ты должен мне поклоняться и мне служить. Довольно с меня твоих шуточек. Убирайся прочь, нечистая сила!

Дьявол не заставил себя упрашивать: он безропотно повиновался и, удрученный неудачной попыткой искушения, провалился в преисподнюю [1].

---

[1] Желающих убедиться в том, что, рассказывая об искушении Иисуса, я строго придерживался текста «священного писания», отсылаю к следующим источникам: Евангелие от Матфея, гл. 4, ст. 1—11; Евангелие от Марка, гл. 1, ст. 12—13; Евангелие от Луки, гл. 4, ст. 1—13.

ГЛАВА XVIII

СЛОВО ПОЛУЧАЕТ ПЕРВЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его.

И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот агнец божий.

Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом.

Иоанн, гл. 1, ст. 35—37



ока Христос, попустительствуя дьяволу, разрешал ему таскать себя то на верхотуру храма, то на макушку горы, Иоанн продолжал горланить пуще прежнего, оглашая своими воплями мирные берега Иордана.

Мало-помалу в Иерусалиме пошли толки о том, что в Вифании появился некий чудак, который кропит людей водою и окунает их в реку, и что об одном из окрещенных таким манером людей Иоанн говорил: «Сей был тот, о котором я сказал, что идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня» (Иоанн, гл. 1, ст. 15).

Узнав об этом, некоторые члены синедриона, высшего совета иудейского духовенства *, забеспокоились и подумали: а должно ли позволять этому Иоанну Крестителю продолжать свои религиозные чудачества? Уж не является ли он опасным конкурентом, помышляющим о создании нового культа? Или, быть может, к нему следует отнестись просто как к одному из многих помешанных, безумие которых не представляет ни малейшей опасности?

Чтобы действовать наверняка, синедрион уполномочил нескольких своих членов отправиться к Крестителю и дипломатично все у него выведать. Представители, выбранные для этой миссии, были из секты фарисеев, которые у иудеев занимали примерно такое же положение, как иезуиты у католиков *. Фарисеи составляли своего рода религиозное общество; члены его вели светский образ жизни и пользовались большим уважением; они занимались политикой, лечили все болезни заклинаниями и больше всего стремились к господству над своими согражданами и единоверцами. Короче говоря, это были честолюбивые интриганы.

Делегаты отправились в Вифанию.

— Кто ты есть? — обратились они к Крестителю.— Не мессия ли ты, которого мы ожидаем?

— Ни в коем случае! — ответил Иоанн.— Я мессия? О нет, никак нет.

— Уж не Илия * ли ты, который исчез несколько сот лет тому назад и теперь снова вернулся на землю?

— Нет, я не Илия.

— Но ты пророк, по крайней мере?

— Ни капельки.

— Так кто же ты, в конце-то концов?

— Я глас всемогущего в пустыне: исправьте путь господу!

Фарисеям стало ясно, с кем они имеют дело. Однако один из них, считавший, что Иоанн не вправе купать своих посетителей, задал ему еще такой вопрос:

— Какого же рожна ты крестишь, если ты не мессия, не Илия и не пророк?

Уклоняясь от прямого ответа, Иоанн ответил:

— Ну какое вам дело до того, что я крещу? Я крещу в воде, но стоит среди вас некто, которого вы не знаете: он-то и есть идущий за мною, но который стал впереди меня; и вот ему, который среди вас, я не достоин развязать ремень у обуви его! [1]

Фарисеи были удовлетворены. Комплимент, содержавшийся в последней фразе Крестителя, каждый из них мог принять на свой счет. Они возвратились в Иерусалим и доложили синедриону о результатах своего расследования. Мнение их, вероятно, было таково:

— Мы видели Крестителя, друзья! Ну и псих! Право же, не часто услышишь, чтобы даже сумасшедший нес такую околесицу! Мы не касаемся того, насколько он опасен. Если его устраивает сидеть в пустыне и драть там глотку, то пусть себе сидит на здоровье! Котелок у него не варит — вот в чем дело.

На другой день после визита фарисеев Иисус, который сошел с высокой горы, куда он позволил уволочь себя дьяволу, в свою очередь явился к Иоанну Крестителю.

Едва только сын Захарии заметил своего родственника, он закричал:

---

[1] Весь этот бред приведен в Евангелии от Иоанна (гл. 1, ст. 26—27).

— Вот он! Вот агнец божий! Вот тот, кто принял на себя все грехи мира!

Присутствовавшие, не видя ни ягненка, ни барана, не обратили внимания на крики Иоанна.

А он продолжал:

— Я не знал его, не знал агнца божьего. Но он идет за мною, и он выше меня, потому что был прежде меня.

— Ты уже об этом говорил,— заметил кто-то.

— Ну и что же? Я опять скажу. И если вы спросите, почему я крещу в воде, то знайте: затем, чтобы этот агнец явлен был Израилю.

Вокруг Иоанна стала собираться толпа. Присутствие любопытных подзадоривало Крестителя, и он распалялся все больше.

— Я видел святого духа,— кричал Иоанн,— я видел, видел его! С неба спустился голубь, уселся на агнца и остался на нем. Готов поклясться чем угодно, я не знал его. Но тот, кто послал меня крестить, сказал мне: «На кого увидишь духа сходящего и пребывающего на нем, тот есть крестящий духом святым» (Иоанн, гл. 1, ст. 29—34).

Никому и в голову не пришло, что Иоанн имеет в виду Иисуса, и публика стала расходиться, на все лады толкуя безумие Крестителя.

На другой день Иоанн Креститель снова был на том же месте с двумя галилейскими рыбаками: Андреем и Иоанном, сыном Заведеевым. Последний был совсем молоденький парнишка с длинными белокурыми волосами — ну просто красавчик!

Мимо прошел Иисус. На этот раз Креститель пальцем показал на сына Марии и вновь завел свою шарманку:

— Обратите внимание на этого светлого шатена. Это и есть агнец божий, о котором я все время толкую.

Иоанн и Андрей оставили Крестителя и последовали за Иисусом. Иисус обернулся и, увидя, что они идут за ним по пятам, спросил их:

— Что вы ищете?

Они ответили ему:

— Скажите нам только, где вы живете.

— Ну, если так, тогда пошли со мной,— сказал Иисус.

Он привел их в заброшенную хижину, где иногда ночевал, и, когда они вошли, плотно запер за ними дверь. Было четыре часа пополудни.

Что происходило в хижине — об этом в евангелии ничего не говорится. О чем беседовало Слово со своими первыми двумя прилагательными, остается тайной.

Как бы там ни было, Андрей и красавчик Иоанн были очарованы своим новым знакомым. Андрей рассказал о нем своему брату Симону, тоже рыбаку, и привел его к Иисусу.

Иисус обратился к Симону с такими словами:

— Ты Симон, не правда ли? Так вот, с сегодняшнего дня я тебя переименовываю, и будешь ты зваться Петром, что значит «камень».

Симон согласился, чтобы его называли Камнем.

На другой день все там же, на берегу Иордана, Иисус повстречал четвертого галилеянина, по имени Филипп. Он был родом из Вифсаиды, из того же города, что и Андрей и Симон-Петр.

— Иди за мной,— сказал ему Иисус.— Кто меня любит, тот идет за мной.

Филипп пошел за Иисусом.

Наконец, по настоянию Филиппа, к этой маленькой компании присоединился еще и некий Нафанаил, сын Толмая (Бар-Толмай), названный по сему случаю Варфоломеем.

Когда его представили Иисусу, мессия сказал:

— Вот уж, право слово, настоящий иудей! Мне нравится этот хлопец!

— Послушай, откуда ты меня знаешь? — поинтересовался Варфоломей.

— Я тебя видел.

— Когда же это было?

— Прежде, чем назвал тебя Филипп.

— И где?

— Как где? Под смоковницей (Иоанн, гл. 1, стр. 48—50).

— Вот так здорово! — воскликнул Варфоломей.— Ты и впрямь молодчина! Готов поручиться, что ты сын божий, царь Иудеи.

Иисус продолжал:

— Тебя это удивляет, милейший? Ты поверил, потому что я сказал, что видел тебя под смоковницей. Но это все пустяки: дай только время, и ты еще не такое увидишь!

— Что же такое я могу увидеть? — заинтересовался Варфоломей.

Остальные ученики тоже вопрошающе смотрели на Христа.

— Ты увидишь... вы увидите небо отверстым и ангелов божьих, восходящих и нисходящих ко мне (Иоанн, гл. 1, ст. 50—51).

В предвкушении такого изумительного зрелища ученики заплясали от радости.

Так Иисус составил первоначальное ядро апостолов. В него вошли: Андрей, Иоанн, Симон-Петр, Варфоломей и Филипп.

Слово было дополнено пятью прилагательными — учениками, которые в свою очередь привлекли к нему новых приверженцев.

ГЛАВА XIX

О ТОМ, КАК БОГ ЯВИЛСЯ НА СВАДЬБУ

Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу свою; и уверовали в него ученики его.

Иоанн, гл. 2, ст. 11

С этой небольшой компанией из пяти учеников Христос отправился в путь. Сперва они подались в сторону Назарета. Ни экипажа, ни лошадей у них не было, так что, переночевав одну ночь в Сихеме, а вторую — в Эль-Ганииме, они пешком пересекли Эсдрелонскую равнину и кое-как добрались до безвестного городишки, где проживала семья Иисуса.

У наших странников — об этом не следует забывать — в кармане не было ни гроша: все шестеро побросали свои хибары и не слишком доходные, но зато вполне честные ремесла и отныне решили жить за счет сердобольных дураков. Они, без сомнения, налагали контрибуцию на попадавшиеся им по дороге курятники и фруктовые сады, так что во время походной трапезы у них всегда было что-нибудь на десерт.

Кроме того, они рассчитывали на некоторую поддержку со стороны назаретских друзей, но, когда они туда явились, семьи Иисуса не оказалось дома: была на свадьбе неподалеку.

— Превосходно,— сказал Иисус,— пойдем и мы на свадьбу.

И они отправились в Кану, всего в каких-нибудь четырех километрах от Назарета, где скромные ремесленники выдавали замуж свою дочь.

В Иудее свадьба считалась большим событием, так что даже в бедных семьях она праздновалась весьма торжественно и пышно.

Когда появился Иисус в сопровождении пяти спутников, торжество было уже в полном разгаре. Все предусмотренные обычаем церемонии были уже выполнены, и дело шло к свадебному пиру. Наши скитальцы прибыли весьма кстати: им представился удобный случай как следует выпить и закусить на дармовщинку, тем более что иногда свадебный пир продолжался несколько дней подряд.

Они без зазрения совести примазались к приглашенным, а хозяин дома, не желая конфузить их и нарушать общего веселья, сделал вид, что ничего не видит.

Мария попыталась было сделать Иисусу родительское внушение, но тот, отличавшийся сыновьим почтением отнюдь не более, чем благовоспитанностью, довольно дерзко оборвал ее:

— Женщина, что между мной и тобой общего?

Евангелие от Иоанна (гл. 2, ст. 4) приводит эти более чем грубые слова с такою невозмутимостью, как будто это самый обычный и естественный ответ сына своей мамаше.

Заметьте кстати: слова эти изобличают Иисуса не только как грубияна, но и как воплощение невежества. Будь то Иосиф, ему Иисус, строго говоря, мог бы еще сказать: «Между нами нет ничего общего». Но ляпнуть такое родной матери?! Вот уж действительно образец глупости и хамства!

Я спрашиваю у всех отцов и матерей: не заслуживала ли подобная выходка крепкого подзатыльника?

Оправдать Иисуса может только одно обстоятельство: вероятно, перед тем как войти в зал, он хватил лишнюю рюмку и от этого у него зашумело в голове.

Однако не все ли равно? Как и у большинства матерей, у Марии были слабости: она лишь обернулась к хозяину и слугам и сказала:

— Ладно, не мешайте ему, пусть делает что хочет.

И вот вся святая компания уселась за общий стол. Андрей, Симон, Иоанн, Филипп и Варфоломей, которых никто раньше и в глаза не видел и которые не получили никаких приглашений, без лишних церемоний заняли самые почетные места.

Ясно, что такая публика живо опорожнила все бутылки, и через некоторое время гости стали требовать еще вина.

Иисуса — ему тоже хотелось промочить горло — так и подмывало нажать на все педали всемогущества. Он решил пустить в ход свою божественность и сотворить чудо.

В зале, где происходил пир, было шесть каменных сосудов, к концу пиршества их наполняли водой, чтобы гости могли вымыть руки.

Христос подозвал к себе слуг и сказал им:

— Наполните сосуды водою.

Слуги наполнили сосуды до краев.

— А теперь почерпните из них и обнесите гостей.

Слуги сделали, как он велел.

И — о чудо! — вода превратилась в вино, да еще какое!

Отец невесты ненароком подумал, что это зять его приготовил гостям такой сюрприз, и обратился к своему новому родственнику:

— Я восхищаюсь вами! Вы поступаете не так, как другие! Обычно сперва подают хорошее вино, а потом, когда гости захмелеют, им подсовывают всякую дрянь, считая, что теперь они все проглотят. Вы же, наоборот, сначала угостили нас хорошим вином, а теперь предлагаете еще лучшее. Это похвально, друг мой, очень похвально! Вы заслужили мое уважение (Иоанн, гл. 2, ст. 10).

Но молодожен-то отлично знал, сколько у него было бутылок; он не мог не воздать должное странствующему плотнику: внезапно превратив самую обыкновенную воду в превосходнейшее вино, тот сполна расплатился и за себя и за своих друзей, без приглашения явившихся на праздник. Таким образом, Иисус, на которого поначалу смотрели довольно косо, сразу же стал героем празднества.

Благодаря Иисусу лучшие вина текли рекой. Все изрядно налакались и разошлись по домам сильно навзводе.

Итак, первым своим чудом Христос оказал покровительство не кому иному, как пьяницам.

ГЛАВА XX

СКАНДАЛ В ИЕРУСАЛИМСКОМ ХРАМЕ

Приближалась пасха иудейская, и Иисус пришел в Иерусалим; и нашел, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег.

И, сделав бич из веревок, выгнал из храма всех, *также* и овец и волов; и деньги у меновщиков рассыпал, а столы их опрокинул.

Иоанн, гл. 2, ст. 13—15



Можете себе представить, сколько шума рассказ об этом чуде наделал в Назарете. Однако земляки Иисуса не очень-то верили в его чудодейственную силу.

— Вы слыхали,— говорили назаряне, встретившись друг с другом на другой день после свадьбы в Кане,— вы слыхали, про Иисуса, сына плотника?

— Ну? Какой еще номер он выкинул?

— Вчера он ни с того ни с сего заявился на свадьбу к Елеазару...

— Я нисколько не удивляюсь, при его-то нахальстве!..

— Но это не все: он еще привел с собой пятерых каких-то приятелей. Неизвестно, где он с ними познакомился; он называет их своими учениками...

— Ну, а дальше?

— Они пили, не зная удержу, а когда все было выпито, плотник сам изготовил вино...

— Изготовил вино?! Из чего же?

— Из воды.

— Ну, понятно: подкрасил чем-нибудь воду, как это делают все мелкие торговцы.

— Да нет же, кроме чистой воды, у него, говорят, ничего не было...

— Почем вы знаете? Вы что, были на свадьбе?

— Сам я не был, но мне об этом рассказал Набей, а Набей узнал от Мафусаила, тот узнал от Иосиаса, Иосиас же узнал от Гедеона, которому обо всем сообщил его кузен Гиркан.

— О-о-о! Так ведь этот Гиркан приходится дядей невесте, рыжей Ноэми?

— Совершенно верно.

— Но ему же нельзя верить! Это же отчаянный пьянчужка. Он, наверно, как всегда, нализался, а уж после этого плотник мог его убедить в чем угодно!

— А что ты думаешь, вполне возможно! Впрочем, все там были хороши...

— Что и говорить! Этот Иисус просто посмеялся над ними, и только! Это чудо — обычное мошенничество в его духе.

Действительно, если чудо в Кане привело в движение все назарейские языки, то немало нашлось людей, которых оно заставило недоуменно пожимать плечами.

Это с очевидностью явствует из евангелия.

Иоанн, один из учеников Христовых, присутствовавший на свадьбе, не может скрыть досады всякий раз, когда ему приходится говорить о назарянах.

Так, он пишет: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Иоанн, гл. 1, ст. 46). Такого же мнения придерживался и Варфоломей.

Вывод: если не считать гостей, бывших на свадьбе, но, увы, не потрудившихся передать своих впечатлений потомкам, да еще Иоанна, то знаменитый трюк с превращением воды в вино ни у кого не вызывает доверия.

Иисус быстро сообразил, что в Назарете он со своим репертуаром успеха не добьется, и поспешил из этого города, где его знали как облупленного.

Он отправился на берега Генесаретского озера: там и природа была живописнее, и люди попроще. Кроме того, вокруг озера было разбросано множество загородных вилл, в которых весьма весело проводили время галилейские красотки, а наш озорник Иисус не чурался общества молодых и хорошеньких грешниц. Особенно славились такими красотками прибрежные города Капернаум, Магдала и Тивериада. И наконец, сами берега Генесаретского озера были как нельзя более удобны для Иисусовых проповедей. Христу достаточно было для этого забраться в лодку и, обращаясь оттуда к собравшимся на берегу зевакам, нести любую околесицу. При появлении тогдашних полицейских он тотчас снимался с якоря и на всех парусах устремлялся к противоположному берегу.

Первую остановку Христос сделал в курортном городе Капернауме, но тут он задержался ненадолго.

Решив, что история в Кане уже забыта, Иисус надумал объявиться на сей раз в самом Иерусалиме. Было это на

пасху; караваны со всех концов Галилеи потянулись к святому городу. Иисус и пятеро его сотоварищей вместе с другими нищими, святошами и бродягами присоединились к одному из таких караванов.

По приходе в Иерусалим Иисус первым делом подумал о том, что надо посетить храм. Народу в нем набилось видимо-невидимо. Лучшего места обратить на себя внимание какой-нибудь скандальной выходкой и придумать было нельзя. А у Христа уже созрел кое-какой замысел.

Храм в ту пору был переполнен торговцами, продававшими всевозможные предметы, необходимые для жертвоприношений. Во дворе, на площади, в прилегающих улицах и даже у самого входа в храм громоздилось все, что только могло понадобиться при богослужении. Подобно тому как в наши дни вокруг церквей и в притворах соборов к услугам святош устраиваются настоящие базары предметов благочестия, так и во времена Христа торговцы предлагали вниманию богомольцев предписываемые законом жертвы. Теперь это разнообразный ассортимент свечей, образов, четок, всяких реликвий, иконок с текстом пламенных молитв, религиозной литературы и прочей чепухи, которую ловкие торгаши всучивают наивным людям, верящим в то, что им будут отпущены грехи. Тогда же это были голуби для жертвоприношений бедняков и стада быков и овец для жертвоприношений богачей. Заклание ягненка совершалось только на пасху. Иудеи, жившие в отдаленных городах и приходившие в Иерусалим один раз в год, сберегали весь запас своего благочестия для этого великого религиозного праздника. И уж тогда они одним махом исполняли обеты, накопившиеся за все двенадцать месяцев, и совершали разом все молитвы. С тех пор, как видите, мало что изменилось.

Чтобы составить себе представление о том, что творилось на пасху вокруг Иерусалимского храма, достаточно побывать в парижском Пантеоне во время праздника в честь святой Женевьевы.

Это был самый настоящий базар, где было все, вплоть до менял — даже в них не ощущалось недостатка. По библейскому предписанию (Исход, гл. 30, 11—16) каждый должен был платить священникам «на выкуп за душу свою». Однако после римского завоевания иудейские деньги стали редки, и большинство паломников имело при себе лишь монеты с изображением кесаря. Разумеется, такие деньги не-

мыслимо было подносить господу богу. По сему случаю еврейские священники устроили при входе в храм меняльные конторы. Видать, тогдашние священники были не дураки! За право мены они взымали серебряную монету, которую прикарманивали без всякого зазрения совести.

И вот туда явился Иисус в сопровождении своей свиты.

— Вот так штука! — пробормотал Симон-Петр, таращa глаза.— Да тут немало деньжат на столах! И подумать только, что у нас нет ни гроша.

— А быков-то сколько, а баранов! — прибавил Андрей.

— Да, кстати пришелся бы ягненочек на наш вертел! — размечтался Варфоломей.

— Я охотно занялся бы парочкой голубей,— многозначительно произнес Иоанн.

Шестеро бродяг переглянулись.

— Внимание! — сказал Иисус.— И берегитесь давки!

С этими словами он схватил связку веревок и словно одержимый бросился в самую гущу торговцев. Лихо орудуя ногами, он перевернул прилавки менял, так что их деньги со звоном покатились на землю. В то же время он чем попало колошматил быков, баранов, овец и ягнят, которые с мычанием и блеянием пустились от него наутек. Что же до голубей, с которыми Иисус был в родстве по отцовской линии, то он ломал их клетки, крича во все горло:

— Вон отсюда, бесстыжие торгаши! Вы оскверняете обитель молитв! Вы превращаете ее в воровской притон!

Тут началась потасовка. Если бы Иисусу пришлось отбиваться одному, ему бы здорово досталось, торговцы как следует намяли бы ему бока. Один человек, как бы силен он ни был, не может противостоять в рукопашной схватке сотням разъяренных торговцев, окруженных сочувственно расположенной толпой. И напротив, шайке проходимцев, учинившей описанный в евангелии скандал, нетрудно было увеличить панику, ничем особенно не рискуя. Нет сомнения, что именно так все и произошло.

Иисус взял на себя труднейшую часть этого блистательного предприятия, а пятеро его друзей, поддержанные другими бродягами, с которыми они свели знакомство уже в Иерусалиме, помогали ему.

Повод к такому скандалу был придуман недурно.

Между нами говоря, это был всего лишь предлог. И вот почему я так думаю: Иисус был богом, с этим я не спорю; будучи богом, он обладал даром провидения, а обладая

таким даром, он знал наперед, что христианские священники будут торговать предметами благочестия на пороге своих церквей, точно так же как это делали иудейские священники на пороге Иерусалимского храма. Являясь богом, Иисус жив и теперь, и он всемогущ — это не подлежит сомнению. Живя, он наблюдает в нынешних христианских священниках ту же коммерческую жилку, что и в иудейских священниках тех времен. И если всемогущий Иисус тем не менее не повергает в прах продавцов четок и ладана, наводняющих своим товаром притворы своих церквей, следовательно, он считает, что торговля не оскверняет его божественного дома. Имея в виду божественность Иисуса, его провидение, его вечность и его всемогущество, следует с несомненностью заключить, что сын голубя просто-напросто разыграл комедию, выставив из Иерусалимского храма торговцев под тем предлогом, что в священном месте якобы не следует торговать предметами благочестия.

Все дело заключается в том, что Иисус хотел снискать себе известность в столице Иудеи, а заодно и добыть денег и съестного для своих учеников.

Когда ошеломленная толпа несколько оправилась от удивления, некоторые обратились к бесноватому бродяге с вопросом, зачем он так поступил.

— Зачем?! — гордо ответил Христос.— Разве я обязан отчитываться перед вами? Я же мессия, черт подери!

— Мессия? — изумились люди.— А как ты можешь это доказать?

— Да очень просто: стоит вам разрушить сей храм, и я берусь воздвигнуть его в три дня.

— Вот так здорово! — вскричали иудеи.— Храм этот строился сорок шесть лет, а ты можешь воздвигнуть его за три дня? За кого ты нас принимаешь? (Иоанн, гл. 2, ст. 18—20).

— Я от своих слов не отказываюсь,— ответил Иисус.— Кто желает заключить пари?

На этот раз слова Христа были встречены гробовым молчанием. Слово восторжествовало, и для этого ему даже не потребовалось творить чудо.

Надо полагать, что ради удовольствия поспорить никто из присутствующих не стал бы разрушать священный храм. К тому же у них не было при себе необходимых инструментов. И наконец, уничтожение общественных зданий каралось законом.

Что же касается менял и торговцев баранами, то у них были заботы посерьезней, чем выяснять, чего стоило хвастовство нашего героя: одни подбирали свои монеты, другие пустились вдогонку за разбежавшейся скотиной.

Воспользовавшись всеобщим замешательством, вызванным его невероятным гонором, Иисус скрылся в толпе и присоединился к своим ученикам, которые, надо думать, зря времени не теряли.

ГЛАВА XXI

НИКОДИМ

Между фарисеями был некто, именем Никодим, *один* из начальников иудейских.

Он пришел к Иисусу ночью, и сказал ему: равви! мы знаем, что ты учитель, пришедший от бога; ибо таких чудес, какие ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним бог.

Иоанн, гл. 3, ст. 1—2

Вы, вероятно, помните о посольстве фарисеев, которое синедрион направил к Иоанну Крестителю. Вы помните, что эти делегаты возвратились в Иерусалим с твердым убеждением, что пожиратель саранчи с берегов Иордана не в своем рассудке.

Так вот, в интересах истины я должен признать, что один из фарисеев мучился сомнениями. Он никому ничего не говорил, но, вернувшись вечером домой, поставил перед собою целый ряд вопросов.

— Кто он? Самый обыкновенный псих, этот Иоанн? Или на нем действительно благодать божья? Может быть, это шут гороховый, который плетет всякий вздор? А возможно, он всамделишный пророк? Но он это отрицает, отрицает и то, что он Илия. Он выливает ушаты воды на головы людей и объявляет о приходе господина, которому он, по его словам, недостоин развязать ремень у обуви. Пришел ли уже этот господин? Придет он или не придет? Можно ли верить этому Иоанну или нельзя? Следует ли мне доложить куда надо, чтобы этого молодчика засадили в дом для умалишенных? Или же я должен отправиться к нему и пасть перед ним, умоляя окропить мой затылок иорданской водицей?

Наш фарисей был в полнейшей растерянности. Звали его Никодим. Имя его стало нарицательным: когда хотят кому-нибудь сказать, что он дурак, обычно говорят: «Ну и Никодим же ты!»

С тех пор как Никодим увидел Иоанна Крестителя, он жил словно на иголках. Он украдкой поглядывал на своего камердинера, на садовника, на повара и думал:

— Что, если это мессия? Он у меня в услужении, а я, быть может, недостоин даже развязать ремень у его обуви...

Потом, внимательно всмотревшись в своего слугу, он думал про себя:

— Эх, Никодим, Никодим! Ну зачем же мессия стал бы являться в такое время? Никогда еще вера в бога не процветала так, как теперь, никогда люди не были столь набожны. Ежегодно на празднике пасхи храм до отказа набит паломниками, прибывшими со всех концов Иудеи. Нет, вера умирать и не собирается, значит, мессия придет позднее.

Ночью, когда Никодим ложился в свою уютную постель, душу его опять начинали терзать сомнения, и он засыпал с мыслью об Иоанне Крестителе.

С тех пор жизнь нерешительного сенатора стала невыносимой (между прочим, Никодим по совместительству был членом иудейского сената).

И вот, когда Иисус устроил в храме вышеописанную вакханалию, Никодим, прослышав об этом, был поражен и усмотрел в случившемся целый ряд совпадений с пророчеством Иоанна Крестителя.

— Человек, опрокидывающий прилавки менял,— думал он,— разумеется, особенный человек, и не каждый отважится развязать ремни у его обуви.

И он в который уже раз поставил перед собою следующий вопрос: может быть, это и есть мессия?

Никодим решил на всякий случай справиться у самого Иисуса, уж не о нем ли возвещали пророки.

Однако хотя господину Никодиму не терпелось разрешить свои сомнения, он отнюдь не хотел себя компрометировать: он дождался ночи и только тогда отправился к Иисусу с визитом.

Ему удалось — евангелие не указывает, каким образом,— обнаружить местожительство нашего бродяги, и он постучал в дверь.

Считая себя дипломатом, Никодим не начал разговора с расспросов. У него был план все выведать у плотника, вызвав его самого на откровенность.

Никодим поклонился Иисусу до земли и назвал его «равви».

У иудеев было два слова, оба начинавшихся на «ра», причем одно выражало высшую степень почтения, а другое, наоборот, было самым сильным ругательством. Слова эти — «равви» и «рака» *.

Назвать человека «равви» было равносильно величайшей похвале, назвать человека «рака» это было, пожалуй, хуже, чем публично отхлестать его по щекам.

— Равви,— медоточивым голосом обратился к Иисусу Никодим,— мы все знаем, что вы учитель, пришедший от бога, чтобы учить нас. Весь Иерусалим в один голос прославляет чудеса, которые вы творите ко всеобщему нашему удовольствию. А раз вы творите чудеса, это значит, что с вами бог.

Ну не восхитительна ли дипломатия лукавого сенатора? К этому времени Иисус еще не сотворил в Иерусалиме ни одного чуда. Пока что в его активе значилась лишь история с претворением воды в вино в пьяной компании в Кане — ловко сработанный трюк, изрядно посмешивший неверующих назарян. Во всяком случае, если этот фокус и был чудом, слухи о нем до столицы не дошли. Никодим ничего о нем не знал, но, чтобы сразу же заручиться симпатией Христа, он считал, что для начала будет неплохо, если он ему тонко польстит.

Однако Никодим имел дело с сильным противником.

Иисус подбоченился и ответил:

— Вы очень милы. Но я знаю, зачем вы пришли сюда: вам хочется получить точные сведения о моей миссии. Однако, друг мой, чтобы узреть царство божье, надо сначала взять на себя труд родиться сызнова.

Ответ, как видите, довольно туманный. Никодим пребывал в полнейшем недоумении.

— Прошу прощения,— сказал он,— но я не вполне уясняю смысл ваших слов. Как это человек может родиться, если он уже стар? Неужели может он вернуться в материнскую утробу, чтобы появиться на свет второй раз?

Иисуса разбирал смех.

«Ну и простофиля! — думал он.— Намеков не понимает! Так уж и быть, придется ему помочь».

И он сказал:

— Истинно, истинно говорю вам, милейший Никодим, если кто не родится вновь от воды и духа, тот не может войти в царство божье.

— От воды?..

— Разумеется, от воды и духа.

— Как же это понять?

— В том-то все и дело: вас не окунал в воду мой кузен Иоанн, голубь не дул на вашу лысину. Потому вы ни бель-

меса не смыслите. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от духа есть дух.

Никодим вытаращил глаза.

Иисус продолжал:

— Не удивляйтесь тому, что я рассказываю. Все это очень серьезно. Я повторяю, что вам надобно родиться вновь. Голубь дует, куда ему заблагорассудится, и вы слышите его голос, но вам неведомо, откуда он приходит и куда уходит. Так бывает со всяким, кто родился от голубя.

— Что за черт! — воскликнул Никодим.— Никак не уразумею, что вы мне тут нарассказали; видать, не моего ума это дело. Ну, взять хотя бы голубя, который дует и от которого рождаются люди; или, к примеру, ванна, которую необходимо принять у вашего кузена Иоанна, чтобы родиться второй раз,— как все это возможно?

Тут уж Иисус сделал удивленный вид и сказал:

— Ай-ай-ай! Вы, такой искушенный богослов, член синедриона, и не можете понять, на что я намекаю. Странно, очень странно:

— Но я действительно не понимаю!

— Истинно, истинно говорю вам, я не утверждаю того, чего не знаю и чего не в силах доказать. То, о чем я говорю, я видел, а вы стоите разинув рот, будто я сказки рассказываю. Но если вы не верите мне, когда я говорю о воде и духе, то есть о земном, как же вы мне поверите, когда я буду говорить вам о небесном? Ведь никто не восходил на небо, как только сошедший с небес сын человеческий, сущий на небесах. И как Моисей вознес медного змия в пустыне...* Вы меня слушаете?

— Слушаю, давайте дальше!

— Ну вот... так должно вознесену быть сыну человеческому...

— Но какая тут связь?..

— Дабы всякий верующий в него не погиб, но имел жизнь вечную. Видите ли, любезный друг, бог так возлюбил мир, что отдал сына своего единородного. Вы удивляетесь? Однако это так. Ибо не послал бог сына своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез него. Все это я объясняю вам для того, чтобы вы знали, что сын божий — это... это некто, о ком вы и не догадываетесь!..

Этот разговор полностью приводится в Евангелии от Иоанна, гл. 3, 1—17. Заметьте, дорогой читатель, что я здесь пасую, ибо вовсе не хочу, чтобы с вами приключилось

то же, что приключилось с Никодимом, когда он вышел от господа.

Бедный сенатор был повержен в пучину недоумений. Сначала его интриговал Иоанн Креститель, а теперь ему заморочил голову сын Марии. Между тем по части хвастовства Креститель и в подметки не годился своему кузену.

Нигде в евангелии мы не находим указания на то, что Иоанн Предтеча был хоть сколько-нибудь красноречив. Иисус же — совсем другое дело. Правда, речам его зачастую не хватало смысла, но зато он мог часами тараторить без умолку: для него это не составляло ни малейшего труда. Когда господь говорил глупости, он на них не скупился.

У бедняги Никодима в течение нескольких дней голова ломилась от бессвязных фраз, которые ему намолола эта божественная мельница. Когда он пришел к себе домой, в ушах у него стоял звон, ему казалось, что он все еще слышит нескончаемое гудение.

Словом, он задумал тонкий маневр, но потерпел неудачу. Домой он вернулся дурак дураком, как и прежде, и с еще большим упорством спрашивал себя:

— Мессия это или не мессия? Уж не Иоанн ли это Креститель? Или Иисус? А может быть, просто никто? В своем ли рассудке Иоанн? Возможно, Иисус смеялся надо мной? Как бы мне родиться снова? Сказать ли моим коллегам по синедриону, что скоро придет сын человеческий? Или лучше сказать им, чтобы ни о чем не беспокоились и поменьше прислушивались к болтовне всяких шутов? А что, если доложить обо всем Ироду? Впрочем, может быть, подождать, когда я почувствую на своей лысине дыхание голубя?

ГЛАВА XXII

ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ ПОПАДАЕТ ВПРОСАК

...Сей Ирод, послав, взял Иоанна и заключил его в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего; потому что женился на ней.

Ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего.

Марк, гл. 6, ст. 17—18

Не подумайте, однако, что на сей раз Иисус обосновался в Иерусалиме; он был страшный непоседа и не мог подолгу засиживаться на одном месте. А кроме того, после избиения торговцев у храма Иисусу и его ученикам дышалось в Иерусалиме не очень привольно, так что он отправился в дальнейшее странствие по Иудее.

Куда же он пошел? Неизвестно. Ученые богословы полагают, что к границам Идумеи, и пытаются привести соответствующие доказательства. Не будем спорить с ними из-за такой мелочи.

Во всяком случае, Иисус не прогуливался ни по холмам, ни по бесплодной пустыне: в евангелии говорится о том, что после памятной пасхи он начал крестить точно так же, как это делал Иоанн.

Сын Захарии мог бы счесть такую конкуренцию противозаконной, но он был славным малым.

Этого нельзя сказать об учениках Иоанна Крестителя; пожиратель саранчи и впрямь кончил тем, что собрал вокруг себя нескольких психопатов, разделявших его сумасбродные идеи. Эти чудаки относились к своему ремеслу как к священнодействию и окунали людей в воду с беспримерной серьезностью. Они считали — не без некоторого основания,— что процедуру опрокидывания на голову ушата с водой изобрел их учитель, а поэтому, узнав, что Иисус тоже занялся этим делом, подняли крик о грубой подделке.

И вот они пришли к Иоанну Крестителю и обратились к нему с такими словами:

— Учитель, до нас дошли кое-какие вести о том высоком светлом шатене, которого ты в свое время крестил еще на берегах Иордана.

— Прекрасно, друзья мои. Ну и как же он поживает?

— Это фальсификатор. Он занимается подделкой: начал крестить по нашему примеру и делает это так, словно ничем другим отродясь не занимался. Но самое досадное состоит в том, что все идут к нему.

Чувствуете ли вы всю горечь этой жалобы?

Иоанн Креститель и его ученики уже давно перестали крестить бесплатно, и вот совсем неподалеку у них объявился конкурент. Ученики были этим очень раздосадованы.

Поставьте себя на их место: едва только ремесло стало приносить барыши, как появляется какой-то проходимец и портит все дело. Было отчего прийти в ярость.

Но Иоанн слушал их сетования абсолютно спокойно. Он пожал плечами и так ответил своим ученикам:

— Солнце светит для всех, конкуренция — это душа торговли. Человек не может иметь ничего, что он не получил бы с неба. Надо, друзья мои, шире смотреть на вещи! Я вам всегда говорил, что я не Христос, что я только послан возвестить его приход.

— Пусть будет так,— ответили ученики.— Но ведь первый кому пришла идея ушата с водой, был ты, не правда ли? Христос мог бы с этим посчитаться и не подрывать нашу коммерцию.

Иоанн снова пожал плечами.

— Вы меня смешите! — воскликнул он.— Послушайте лучше, я приведу вам такое сравнение: супруг тот, кто имеет супругу,— верно? А когда человек присутствует на свадьбе своего друга, он радуется счастью своего друга, который женится. Так же и я радуюсь, что мой кузен Иисус счастлив тем, что он крестит. Вместо того чтобы завидовать ему, я радуюсь. Так и познаются истинные друзья! Иисус растет изо дня в день, а я по мере сил и возможностей становлюсь все меньше. Итак, да здравствует мой кузен!

Поскольку эти рассуждения не убедили учеников, сын Захарии добавил:

— Видите ли, кроткие мои ягнятки, мы происходим от земли, а кузен мой пришел с неба. Отсюда следует, что он выше нас. Надеюсь, это ясно?

Ученики улыбались.

— Да перестанете вы наконец смеяться! — вскричал Иоанн Креститель.— Вы мне в конце концов осточертеете. Иисус — сын голубя, а голубь — это бог. И уж наверно не

зря голубь родил на свет сына! А бог, я думаю, любит своего сына. Так что послушайтесь моего совета и оставьте-ка лучше Иисуса в покое, ибо верующий в сына имеет жизнь вечную, а не верующий в сына не увидит жизни, но гнев божий пребывает на нем. Так-то!

На сей раз ученики сочли бесполезным спорить. Они остались при своем мнении, но решили не перечить наставнику: переубедить Иоанна Крестителя было немыслимо.

Он и не думал обижаться на Иисуса за то, что тот подражает ему. Он как ни в чем не бывало продолжал опрокидывать ушаты с водой на людские головы и даже нашел себе новое занятие: он сделался политическим оратором и принялся критиковать правительство.

Тетрархом Галилеи был Ирод Антипа, сын Ирода Великого от его четвертой жены — самарянки по имени Мальтас. У этого Антипы был брат Филипп, тетрарх Батанеи, Трахонитиды и Гавланитиды. Он был сыном Мариамны, дочери первосвященника, третьей жены Ирода Великого.

Филипп женился на одной из своих племянниц, прекрасной Иродиаде, очень властной и темпераментной молодой особе.

Однажды Антипа, находясь при дворе своего брата Филиппа, по уши влюбился в Иродиаду, которая была не только его невесткой, но и племянницей.

Долго Антипа пытался подавить в себе эту растущую страсть, но в конце концов так и не мог ей противостоять. Тогда он пригласил брата Филиппа и его жену к себе на обед, устроил в их честь роскошный пир.

Филипп был озадачен.

— Странное дело,— думал он,— сегодня мой братец чертовски со мною любезен. Не иначе как он хочет о чем-то меня просить. Вероятно, он замышляет войну против соседнего принца и сейчас, между двумя закусками, будет добиваться от меня помощи. Ну и злодей, ну и хитрец! Но я-то понимаю все его каверзы!

На самом же деле Филипп ничего не понимал. Ни о какой войне Антипа и не думал. Чтобы оказать честь своим гостям, он посадил свою жену рядом с Филиппом, а Иродиада уселась рядом с ним.

Во время обеда Антипа то и дело жал колено своей прелестной соседки, а Филипп без всякой задней мысли усердно подливал себе вина.

Одни изысканные блюда сменялись другими, а Антипа все жал и жал колено Иродиады. Наконец подали десерт.

— Филипп,— обратился к брату тетрарх Галилеи,— мне надо тебе кое-что сказать.

— Эге! — подумал Филипп и произнес не без некоторого лукавства.— Ну, ну, говори же, дорогой Антипа!

— Только не сейчас, после обеда.

— Как тебе угодно.

— Понимаешь ли, Филипп, то, что я хочу тебе сказать, нельзя говорить при наших дамах.

— Что за черт! — удивленно воскликнул тетрарх Батанеи.

Стало быть, речь шла вовсе не о военном союзе. Что же мог тогда означать загадочный вид брата Антипы? Обеим супругам не следовало присутствовать при разговоре: не иначе как речь шла о каком-то деликатном дельце...

Крайне заинтригованный, Филипп наспех проглотил свой десерт и, даже не обтерев салфеткой выпачканную вареньем физиономию, вышел из-за стола. Антипа последовал за ним.

Державные братья взялись под руки и подземным ходом направились в сад.

— Ну, так что же ты хочешь мне сказать?

— Дорогой мой, моя жена мне до того надоела, что я просто видеть ее не могу. Я решил с ней разводиться.

— Теперь я понимаю, почему ты не мог говорить со мною за столом... Однако, послушай, Антипа, жена твоя вовсе не дурна, она очень миленькая...

— Может быть, но я ее разлюбил, я люблю другую...

— Это уже хуже... Ну что ж, разводись с женой, если ты ее не любишь, и женись на той, которую ты полюбил. Но только учти: твой тесть — человек крутой. К тому же у него есть сила: он царь Аравии, у него многочисленное войско. Ясно, что он это дело так не оставит и пойдет против тебя войной...

— Ты прав! Но я безумно люблю свою возлюбленную!!!

— Ну и влип же ты, бедняга! Я искренне тебе сочувствую... Ты ведь знаешь, Антипа, как я тебя люблю. Ты можешь на меня рассчитывать. Если твой тесть вторгнется на твою территорию, я приду тебе на помощь, я тебе обещаю.

— Спасибо, Филипп.

— Итак, женись снова! На свадьбу-то меня, надеюсь, пригласишь?

— Филипп, я скажу тебе все... Я хочу развестись с женой, но я не могу жениться на той, которую люблю.

— Почему?

— Увы, она замужем...

— Ну так похить ее!

— Какой ты шустрый!.. Иногда бывают обстоятельства, с которыми нельзя не считаться... Я думаю, если бы ты влюбился в жену своего лучшего друга, ты бы не стал ее похищать?

— Да, случай весьма затруднительный.

— Если бы можно было договориться с другом, если бы он был настолько предан, что уступил бы свою жену, тогда бы дело было в шляпе!

— А ты попробуй, Антипа. Сходи к этому другу и откровенно ему признайся.

— Он меня пошлет ко всем чертям!

— Как знать? Не все же сходят с ума от страсти, как ты, мой бедный Антипа. Есть и другие. Вот я, например. Для меня жена вроде мебели, да к тому же еще и не самой важной.

Антипа вздохнул с облегчением и уже смелее добавил:

— Филипп, ты вселяешь в меня бодрость. Я обещал тебе все сказать... и я все тебе скажу...

— А я знаю твою возлюбленную?

— Знаешь.

— Может быть, я могу посредничать в этом деле?

— Можешь.

— Тогда скажи мне имя мужа, и, если он принадлежит к той категории, о которой я тебе говорил, я берусь убедить его развестись со своей женой, чтобы доставить тебе удовольствие.

— Но, понимаешь ли, Филипп... дорогой Филипп...

— Что еще?

— Понимаешь ли...

— Да говори же ты, черт подери!

— Сказать?.. Ты хочешь?.. Так слушай же: муж — это ты!

— Ах, вот оно что! Значит, ты любишь Иродиаду?

— Если бы я только любил!.. Но я ее обожаю, я боготворю ее! Отныне Везувий уже не в Неаполе, Филипп, он в моей груди!..

С этими словами Антипа изо всех сил ударил себя кулаком по животу. Филипп был потрясен. Но когда первое удивление прошло, он разразился хохотом:

— Вот так номер! — воскликнул он.— Никак не ожидал!.. Ты любишь мою жену и до сих пор молчал об этом?

— Что поделаешь, Филипп! Бывают случаи, когда не станешь кричать о своей любви на всех перекрестках!..

— Словом, ты влюблен, ты разведешься и хочешь, чтобы я тоже развелся... Последний вопрос: моя жена тебя любит?

— Бог ты мой!.. Клянусь тебе, твоя честь ни капельки не запятнана...

— Мне довольно твоего слова... Ну хорошо, Антипа, дорогой мой Антипа, раз ты любишь Иродиаду, которая, в конце концов, обоим нам доводится племянницей, я уступаю ее тебе. Я разведусь, женись на ней на здоровье!

— А я не смел и заикнуться об этом.

— Ну и дурень!

И братья нежно расцеловались.

Кому такой поворот дела доставил удовольствие, так это Иродиаде. Зато жене Ирода Антипы он пришелся не по вкусу. Не дожидаясь, пока о ее разводе с мужем будет объявлено в официальной прессе, она с достоинством удалилась в крепость Махер, расположенную на одной из гор, окаймляющих с востока Мертвое море.

Филипп сдержал свое слово: развод был совершен полюбовно, и Антипа торжественно женился на Иродиаде. Бывший супруг присутствовал во время свадебной церемонии, и можно даже предположить, что он подписался в качестве свидетеля, если, разумеется, в ту эпоху существовал такой порядок.

Короче говоря, Филипп отнесся к Антипе воистину по-братски, и Антипа не знал, как выразить ему свою признательность.

Среди любовных излияний он говорил Иродиаде:

— Другой на его месте, наверное, поступил бы иначе... Филипп просто золото, а не человек!

И он прижимал Иродиаду к своему сердцу.

— Филипп всегда хорошо ко мне относился,— отвечала она.— Его великодушию мы обязаны нашим счастьем.

Она нежно склоняла свою головку на плечо Антипы, и влюбленные шептали, награждая друг друга поцелуями:

— Да ниспошлет господь долгие дни нашему замечательному Филиппу!

Но нашелся один господин, которого эта братская сделка привела в неистовство. То был Иоанн Креститель.

Когда странники приходили к нему в пустыню, чтобы получить себе на голову ушат воды, он делился с ними своими соображениями о поведении Ирода.

— Какая мерзость! Сущий скандал! — рычал Иоанн.— Этот царь — дважды кровосмеситель: его новая жена приходится ему и племянницей и невесткой сразу! Позор! Позор!

— Простите,— возражали некоторые.— Что касается брака между дядей и племянницей, то такое под небесами совершается не впервые, и сами же вы не находили ничего предосудительного, когда на Иродиаде женился ее дядя Филипп. Что же касается вашего замечания относительно невестки, то, раз Филипп развелся по своей доброй воле и на законном основании, что вы можете иметь против?

— Что я могу иметь против?.. Мне это не нравится — и дело с концом!

— Но частная жизнь людей совершенно не должна вас касаться.

— Она меня касается! Я не желаю, чтобы этот ненавистный мне союз продолжался!

— Ну, и как же вы мыслите с ним покончить?

— Я буду кричать с утра до вечера и с вечера до утра о том, что Ирод — негодяй, а Иродиада ему под стать.

— И ничего вы этим не добьетесь. От того, что вы будете кричать и возмущаться, царь едва ли вернется к прежней жене.

— Будь что будет, а кричать вы мне не запретите.

— Да ведь вас засмеют! Кончится тем, что Ирод разозлится и посадит вас за решетку.

— Он не посмеет.

— Рассчитывайте на худшее!

Иоанн Креститель не слушал добрых советов. Он стал распространять об Ироде всякие сплетни.

Поначалу тетрарх находил забавным этого торговца ушатами воды, который взялся судить его поведение. Но в конце концов это ему надоело, и он потребовал, чтобы ясновидец с берегов Иордана оставил его в покое. Но Иоанн Креститель и в ус себе не дул. Так как предупреждение не возымело действия, Ирод отдал строгий приказ. К Иоанну Крестителю явились полицейские.

— Пока вы ограничивались тем, что устраивали людям водные процедуры, никто вас не беспокоил,— обратился к нему старший полицейский.— Фарисеи сообщили, что с головой у вас не в порядке, однако ваши безвредные чудаче-

ства еще можно было терпеть. Но теперь вы стали опасны. Вы систематически поносите правительство. Вы утверждаете, что проповедуете религию, а ведь религия учит повиновению властям. Выходит, что вы противоречите самому себе, а это доказывает, что вы дошли до полной невменяемости. А поскольку это продолжается уже довольно долго, мы имеем честь вас арестовать.

Крестителя схватили, ушат конфисковали, а лачугу опечатали. После чего его заточили в крепость Махер, в ту самую крепость, куда бежала первая жена Антипы. Но только разница состояла в том, что разведенная жена жила на свободе, а Иоанн Креститель сидел за железной решеткой и под надежным замком — положение не из веселеньких, особенно для жителя пустыни и любителя широких горизонтов.

Вместо того чтобы подействовать на предтечу успокаивающе, арест совершенно вывел его из равновесия. Когда ласточка, вспорхнув с крепостной стены, устремилась в пространство, Иоанн Креститель, потрясая руками сквозь решетки, кричал ей как исступленный:

— Милая ласточка, лети к Ироду и скажи ему, что он потерял все мое уважение и это принесет ему несчастье!

ГЛАВА XXIII

ИИСУС ПОКОРЯЕТ САМАРЯНКУ

Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа; ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала.

Женщина говорит ему: господи! вижу, что ты пророк.

Иоанн, гл. 4, ст. 17—19



Хотя Иисус обладал всемогуществом, его никак нельзя было отнести к той категории людей, которых принято называть храбрецами. Больше того, было в его натуре что-то трусливое.

Узнав об аресте Иоанна Крестителя, он подумал, что вскоре может наступить его черед, и поспешил сменить местопребывание.

Стараясь несколько смягчить комичное впечатление, производимое таким трусливым бегством, евангелие объясняет, что Христос пошел на этот шаг не по собственной воле, а по наитию свыше: святой дух вмешался и на сей раз. Так удачно объяснить это обстоятельство сумел не кто иной, как святой Лука (гл. 4, ст. 14).

Итак, поскольку в то время наш странник крестил на границах Идумеи и решил направить свои стопы в Галилею, ему надо было пересечь всю Иудею, а затем Самарию.

Апостол Иоанн взял на себя труд поведать нам об этом путешествии.

Около полудня — до чего же точен Иоанн в своих воспоминаниях[1] — Иисус пересек границу между Самарией и Иудеей. И вот слева от дороги показался самарийский город Сихарь, окруженный садами и пастбищами. Однако, утомленный ходьбой, Иисус не пошел в город. Он остановился у колодца, как раз в том месте, где начиналась долина, в которой лежал городок.

Ученики же его направились к Сихарю, ибо провизия у них была на исходе, и им пришлось подумать о том, чтобы где-то раздобыть себе пропитание.

---

[1] Подумать только, Иоанн писал свое евангелие девяностолетним старцем. Какая удивительная память!

Оставшись один, Иисус уселся на скамью под навесом (на Востоке колодцы обычно укрыты навесом и имеют скамьи). Он стал размышлять, из чего бы ему напиться: ведра поблизости не было, на вороте висела только веревка. Люди, приходившие за водой, приносили свой собственный кувшин, привязывали его за веревку, набирали воду и уносили к себе домой.

Иисус изнывал от жажды, и ему оставался единственный способ утолить ее — пососать пропитанную водой веревку. Он уже готов был это сделать, как вдруг увидел на дороге женщину с кувшином на плече. Это была самарянка — молодая, стройная и красивая.

«Как нельзя кстати»,— подумал про себя наш бродяга и стал ждать ее приближения.

Тут ему пришла в голову мысль, что вид незнакомого мужчины может испугать сихарскую красавицу, и она, чего доброго, убежит. В самом деле, восточные женщины на редкость застенчивы и пугливы. Обычно они не ходят за водой вот так, среди бела дня. Зная, что мужчины — народ предприимчивый, они идут к колодцу не иначе как целой гурьбой и притом на закате. Между тем эта женщина шла совершенно одна и нисколько не испугалась даже тогда, когда заметила, что у колодца на скамейке развалился здоровенный детина. Ясно, что она была не слишком добродетельна,— сомнений тут быть не могло.

Женщина привязала свой кувшин к веревке, опустила его в колодец и набрала воды.

— Дай мне пить! — с места в карьер выпалил Иисус.

Самарянка взглянула на незнакомца. Видимо, учтивость не составляла главного его достоинства. По его выговору и по одежде красотка поняла, что имеет дело с иудеем.

— Странно,— ответила она не без иронии,— как ты, будучи иудеем, просишь пить у меня, самарянки?

А надобно знать, что между самарянами и иудеями существовала глухая неприязнь. Гордые сыны Иудеи считали своих соседей из земли Самарийской недостойными существами.

Однако Иисус был не склонен проявлять высокомерие: ему слишком хотелось пить. Но вот странная штука: этот ловкий фокусник, сумевший на свадьбе в Кане сделать вино, здесь, в Сихаре, оказался не в состоянии сделать себе воду.

Бедняга томился жаждой, и, чтобы получить несколько капель влаги, в которой так нуждалась его пересохшая глотка, он решил пококетничать с самарянкой.

— О! — воскликнул он в ответ.— Есть вода и вода. Как известно, вещь вещи рознь. Я прошу у тебя пить, а ты мне отказываешь. Если бы ты знала, кто к тебе обращается, ты бы не отказала, а сама просила бы у меня воду живую.

— Да ты смеешься надо мной! — сказала самарянка.— Как, интересно, ты ее почерпнешь? Ведь колодец глубокий, а у тебя нет ни ведра, ни кувшина. Неужто ты можешь перехитрить отца нашего Иакова, который дал нам этот колодец и сам из него пил, и дети его, и скот?

С этими словами красотка, в глубине души существо очень доброе, набрала кувшин воды, поднесла его Иисусу, и тот напился.

— Послушай,— снова начал он,— вода из этого колодца ничуть не утоляет жажды, а вода, о которой я говорю, избавляет от нее навсегда. Если ты напьешься из моего источника, то уже вовек не попросишь пить.

«Ну и забавник»,— подумала самарянка и произнесла вслух:

— За это время ты уж мог бы напоить меня своей водой, чтобы я никогда больше не хотела пить.

Иисус хитро подмигнул:

— Сходи за своим мужем и приведи его сюда, я охотно с ним познакомлюсь.

Самарянка разразилась хохотом.

— Но у меня нет мужа,— сказала она.

— Кому ты это рассказываешь? У тебя нет мужа? Да ты счет им потеряла! У тебя был один, другой, третий, четвертый, пятый — целая куча! И тот, которого сейчас имеешь, не муж тебе. Уж я-то, матушка, знаю!

Женщина пристально посмотрела в лицо Иисусу и воскликнула:

— Ей-богу, ты меня просто сразил! Ты обо всем догадался с первого взгляда!.. Может быть, ты колдун? Значит, мне верно говорили, что иерусалимским книжникам все известно... Теперь-то мне ясно, что ты иерусалимский книжник... А по твоей неприглядной одежде этого не скажешь. Впрочем, возможно, ваши ученые всегда ходят в лохмотьях... Смотри, однако, как легко можно столковаться... Оба наших народа разделяет сущий пустяк: наши отцы молились богу

вот на этой горе, а ты говоришь, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме...

Иисус привлек к себе самарянку.

— Поверь мне,— сказал он ей,— наступает время, когда и не на сей горе, и не в Иерусалиме будете поклоняться отцу. Тот, кому вы станете поклоняться, душечка, будет мессией, Христом.

— Верно, верно, так говорили в храме, что должен явиться какой-то мессия и что он нас кое-чему поучит. Где же он, этот мессия?

— Да это я и есть!

— Вот так так!..

— Уверяю тебя, можешь поверить мне на слово.

Самарянка, как и все женщины легкого поведения, была очень набожна. Ей ничего не надо было, только бы кому-нибудь поклоняться. Она бросилась к ногам нашего бродяги и стала целовать ему руки. Иисус радовался своему успеху.

Вдруг появились ученики.

«Вот, черт,— выругался про себя Иисус,— принесла же их нелегкая как раз в тот момент, когда красотка разоткровенничалась».

Самарянка, смутившись, что ее застали целующей руки мужчине, быстро вскочила и убежала прочь, оставив свой кувшин.

Жители Сихаря, встретив ее на дороге в таком замешательстве, стали спрашивать:

— Что с тобой стряслось? Куда ты так несешься? Да на тебе лица нет!

— Еще бы! — отвечала женщина.— Я встретила человека, которого никогда раньше не видела, и оказалось, что он все про меня знает. Он сказал, что он Христос. А вдруг это правда?

Жители Сихаря, разумеется, сразу же направились к колодцу, где находился странный субъект, о котором им только что рассказала женщина.

Наш герой, увидев себя в центре всеобщего внимания, не преминул тут же пустить пыль в глаза: когда друзья предложили ему поесть, говоря: «Кушай, учитель», он громко, так, чтобы все слышали, ответил:

— Напрасно, друзья мои, вы предлагаете мне еду. Спасибо вам, но у меня есть пища, которой вы не знаете.

Удивленные ученики говорили между собою:

— Вероятно, кто-то уже накормил его, не иначе как та женщина, с которой мы его застали.

«Однако Иисус вовсе не имел в виду пищу телесную,— замечает один богослов.— Он очень радовался тому, что заронил искру своей божественной любви в душу самарянки, сердце его насытилось этим, и поэтому он забыл о всяком другом голоде».

Вот почему Иисус сказал:

— Моя пища есть творить волею пославшего меня и совершать дело его.

Жители Сихаря подумали:

«Если он рассчитывает на эту курочку, то его просто жаль».

Иисус продолжал, обращаясь к своим товарищам:

— Возведите очи ваши и будьте так любезны взглянуть на ваши нивы. Вы говорите, что время жатвы наступит через четыре месяца. А я утверждаю вот что: нивы уже побелели и поспели к жатве. И я добавлю: часто бывает, что один сеет, а другой жнет. А между тем и тот и другой довольны. Поймите правильно мой намек: я послал вас жать необходимое для пропитания, и пока вы были далеко, сюда явилась женщина, которую я сжал.

Пока Иисус балагурил в таком духе, его обступили любопытные. Многие, в восторге от того, что им довелось услышать сына божьего, пригласили его остаться в их городе, и он два дня пробыл там.

Самарянка, встретившая Иисуса у колодца, всем рассказала о своем новом знакомом, который, по ее словам, был просто очарователен.

Жители Сихаря отвечали самарянке:

— То, что он тебя удивил, это вполне возможно, он и нам наговорил много всяких вещей. Послушав его, мы уверовали, что он на самом деле Христос и что он будет спасителем мира.

Так, по крайней мере, говорится в евангелии. Поскольку сам я при сем не присутствовал, я не могу дать гарантии, что сихаряне произнесли именно такие слова. Но я и не отрицаю этого, отнюдь нет. Я лишь констатирую и обращаю ваше внимание на то, что даже в евангелии мы не находим ни одного сколько-нибудь убедительного признака обращения целого города.

Жители Сихаря объявили, что Иисус является Христом и что он спасет мир. Однако ни один из них не присоеди-

нился к небольшому эскорту учеников. Так что в общем это обращение носило довольно платонический характер.

Таким было первое явление Христа своим соотечественникам (Иоанн, гл. 4, ст. 1—42).

Начал он с того, что сотворил чудо в угоду пьяной компании. В Иерусалиме он впервые прославился, по сути дела, как скандалист. А когда он решил наконец открыться людям, то прежде всего покорил сердце недостойной женщины. Ибо все комментаторы сходятся на том, что самарянка, встретившаяся Христу у колодца, была потаскушкой.

ГЛАВА XXIV

ПЕРВОЕ ФИАСКО

Услышав это, все в синагоге исполнились ярости. И, встав, выгнали его вон из города, и провели на вершину горы, на которой город их был построен, чтобы свергнуть его; но он, пройдя посреди них, удалился.

Лука, гл. 4, ст. 28—30



аКончив свои пропагандистские выступления в Самарии, Иисус возвратился в Галилею и направился в Назарет.

Насмешки, которыми его встречали назаряне после событий в Кане, не давали Иисусу покоя, но он не отчаивался и мечтал когда-нибудь увидеть земляков, знавших его простым плотником. Слух о скандале в Иерусалиме, думал он, должен дойти и до Назарета. Если по дороге ему удастся еще чем-нибудь упрочить свою славу, то в своем скромном городке его ждет настоящий триумф.

Ради этой цели он повсюду, где только представлялся случай, выдавал себя за ученого, весьма сведущего во всех богословских вопросах.

Его принимали в синагогах и просили выступить с проповедями. Предоставляю читателю судить о том, насколько охотно наш миром помазанный сын голубя давал свое согласие и ловко ли работал он языком.

Первый попавшийся стих из Библии служил ему темой для бесконечных словоизлияний.

Заметьте, что, хотя Иисус и не получил образования, он с полным правом называл себя доктором богословия. То, что являлось бы незаконным со стороны другого, с его стороны выглядело совершенно естественно: ведь он был сыном голубя и был семи пядей во лбу и чушь, которая могла сорваться у него с языка, являлась пророчеством, поскольку она исходила от божественного существа. Только голубь, его отец и компаньон по святой троице, нес ответственность за его речи; они были внушены голубем, и в случае какой-либо промашки вина, разумеется, пала бы все на того же голубя.

Итак, Иисус продолжал делать свое дело, не опасаясь критики. Придя в одно селение, он прежде всего поспешил в синагогу, где как раз шла служба.

В то время все синагоги строились на один манер. Они отличались друг от друга лишь богатствами и размерами — соответственно значению города. Все они представляли собой длинный зал, расположенный между двумя портиками, в конце которого находилось святилище. В синагогах не было ни икон, ни алтаря, но зато стоял деревянный сундук, где под покрывалом хранились «священные» книги Израиля. Этот предмет меблировки, по форме напоминавший ящик, в котором сидел бог во время ночного разговора с юношей Самуилом *, занимал в синагоге почетное место.

Самой же высокочтимой частью синагоги было святилище. Именно там находились сиденья, на коих покоились почтенные зады книжников и фарисеев; там же были места, предназначенные для наиболее состоятельных верующих, ибо толстосумы во все времена пользовались особым уважением церковников, а святая мошна была и есть для них святейшее из святых.

Посредине синагоги находилось возвышение, своего рода эстрада. С нее раввин читал «священные» книги и наставлял верующих.

Что же касается паствы, то ей предоставлялось устраиваться в нефе, разделенном барьером на две части — одна для мужчин, другая для женщин.

Перед ковчегом со «священными» книгами день и ночь горел неугасимый светильник.

Крыша синагоги должна была возвышаться над всеми окружающими домами, а если не крыша, то хотя бы высокий шпиль, отдаленно напоминающий колокольни современных церквей или минареты мусульманских мечетей.

На колоннах у входа висели кружки для сбора пожертвований, всегда готовые поглотить приношения доверчивых простаков.

Как видите, основатели христианской религии скопировали все изобретения иудаизма до мельчайших подробностей.

Во главе каждой синагоги стояли раввин и совет старейшин (их называли пастырями). Этот синклит руководил всеми религиозными отправлениями, судил, рядил, карал и даже изгонял из общины смельчаков, не принимавших всерьез весь этот святой балаган. В крайних же случаях, когда дерзость богохульника переходила в святотатство, совет пастырей мог заковать провинившегося в цепи и отправить в синедрион, высший духовный суд Иерусалима.

Главную роль в синагогальном совете играл персонаж, носивший довольно смачное имя,— его называли ангелом. Чаще всего это был какой-нибудь согбенный старик, беззубый, слюнявый, сморщенный, как гриб, и лысый, как страусиное яйцо. Тем не менее его величали ангелом, хотя вследствие этого у верующих могло возникнуть не слишком высокое мнение о небожителях.

Следующим за достойными старцами шел так называемый шаззан, священнослужитель второго разряда, в обязанности которого входило подавать чтецу или кантору * «священные» книги, открывать и закрывать двери и делать все необходимые приготовления для обрядов.

Что касается порядка службы, то он был раз и навсегда определен особыми предписаниями. При входе нужно было омыть пальцы в «святой» воде, так сказать умыть руки. Вытянув омытые руки перед собой, жрец читал молитву. Затем все присутствующие затягивали псалом. Каждый старался петь более или менее в такт, но все равно какофония стояла невообразимая, и лишь пронзительные выкрики кантора прорезали несвязный рев. Затем священник обращался к молящимся с увещеваниями, и те хором отвечали ему: «Аминь!»

После этого шли восемнадцать благословений и, наконец, основное блюдо — проповедь. Обычно отдувался местный раввин, но когда в синагоге оказывался какой-нибудь известный приезжий богослов, его тотчас затаскивали на возвышение, чтобы послушать мудрые речи.

Когда Иисус прибыл в Назарет, был как раз день торжественного богослужения. Приверженцы Иисуса заранее собрались в синагогу, чтобы устроить ему подобающую встречу. Но пока они смешались с толпой и ждали.

Миропомазанный приоделся. Сведущие богословы утверждают, что в тот день на нем были длинный широкий бурнус, а на голове — платок, перевязанный, на манер бедуинов, веревкой на уровне лба. Из обычной одежды на нем остался только его хитон.

Кстати, этот хитон заслуживает особого внимания. Он был без единого шва. Понимаете? Без единого! И он служил Иисусу со дня рождения!!!

Этот идеальный хитон обладал удивительным свойством: он рос и растягивался по мере того, как росло и развивалось тело Иисуса. Члены его становились крупнее, мускулистее, они даже изредка напрягались. Однако хитон ни разу не лопнул. Когда у Иисуса появлялось брюшко, хитон расширялся,

когда же хозяин его сбрасывал жирок, чудесный хитон садился. Иисус сохранил его до самой смерти. Позднее мы узнáем, что с ним потом стало, ибо с этим одеянием тоже связана особая легенда.

Итак, добрый приятель самарянки внезапно появился в своем бедуинском наряде посреди назаретской синагоги. По данному знаку сторонники его хором закричали:

— Учитель! Доктор! Доктор из Иерусалима! Пусть говорит! Пусть говорит!

Тотчас же, словно его и в самом деле пожелало слушать большинство присутствующих, Иисус бросился к возвышению и быстро выхватил из рук шаззана длинный свиток папируса, навитый на палочку из слоновой кости; на таких свитках раньше записывали «священные» тексты.

Развернув папирус, Иисус принялся читать, вернее, сделал вид, что читает:

— Пророчество Исаии... Внимание! «Дух господень на мне, ибо он помазал меня благовествовать нищим, и послал меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето господне благоприятное!» (Исаия, гл. 61, ст. 1—2) (Лука, гл. 4, ст. 18—19).

Нетрудно понять, как наш хитрец намеревался использовать эту умело выбранную цитату!

Свернув свиток, он отдал его служителю и сел.

«Глаза всех в синагоге были устремлены на него»,— утверждает евангелие (Лука, гл. 4, ст. 20).

И тогда он торжественно заговорил:

— Дамы и господа! Сегодня предсказание, которое я вам прочел, исполнилось!

Слова его прозвучали как благовест.

Толпа верующих, всегда готовая проглотить любое месиво, лишь бы ей преподносили его с достаточной торжественностью, как зачарованная смотрела Иисусу в рот и ловила каждый звук, слетавший с велемудрых уст ученого богослова.

Иисус уже хотел было продолжать, когда один из присутствующих, не столь наивный, как остальные, вдруг закричал:

— Стойте! Лопни мои глаза, если это не сын Иосифа! Ей-богу, это же наш плотник!

Достаточно было этого возгласа, чтобы все очарование Иисуса рухнуло. Тот, кто знает впечатлительность толпы и неустойчивость ее симпатий, легко поймет, как внезапно переменилось настроение собравшихся.

Кое-кто из верующих с самого начала бормотал про себя:

«Где же я видел этого парня? Знакомая рожа...»

А когда менее наивный закричал: «Это плотник», вся синагога ответила ему хором, но только не «аминь», а «вот так черт!»

И тогда началась буря. Каждый чувствовал себя оскорбленным, каждый старался отыграться, и ехидные вопросы сыпались на миропомазанного со всех сторон:

— Эй, Иисус, где твой рубанок?

— Надо же иметь нахальство!

— Как поживают твои домашние, пророк?

— Он хотел нас околпачить, друзья!

— Ты что, сменил плотничье ремесло на фиглярство? Строить рожи полегче, чем дома́?

— Не тебе толковать пророков, особенно Исаию! Ведь его распилили плотничьей пилой! *

— А откуда у тебя звание доктора? Уж не от папаши ли Иосифа?

— Плотник потому и взялся за Исаию, чтобы еще раз его убить!

— Возвращайся к своему верстаку, Иисусик!

— Если ты доктор, исцели для начала самого себя! Ведь ты не в себе, бедняжка, тебе надо бы полечиться!

Насмешки сыпались на сына голубя как град. Он пытался отвести грозу. Воспользовавшись секундной паузой, Иисус снова заговорил, перекрывая шум:

— Я слышал, кто-то кричал мне: «Врач, исцели себя сам!» Я вас понимаю. Судя по вашим возгласам, вы мне не очень-то верите. Вы, конечно, хотели бы, чтобы я при вас в Назарете сотворил те же чудеса, которые, как вы слышали, я творил в Кане Галилейской; тогда бы вы в меня уверовали. Разрешите привести вам одно сравнение. Когда в дни пророка Илии три года и шесть месяцев не шли дожди и сделался большой голод по всей земле, много вдов было в Израиле, однако Илия пришел на помощь только одной вдове, и это была язычница из Сарепты Сидонской. Было также много прокаженных в Израиле при пророке Елисее *. Но кого исцелил Елисей? Думаете, одного из своих соплеменников? Как бы не так! Он исцелил Неемана, сирийского военачальника. Но если такие пророки, как Илия и Елисей, предпочитали творить свои чудеса перед чужестранцами, почему бы и мне не последовать их примеру?

Ответ, как видите, довольно нахальный. Естественно, что он вызвал общее недовольство. «Услышав это, все в синагоге исполнились ярости» (Лука, гл. 4, ст. 28). Еще бы! Их, жителей Назарета, сравнили с язычниками и прокаженными! Это уж было слишком!

На сей раз Иисус услышал не ропот, а единодушный вопль негодования:

— Долой! В шею его! В шею!

Собравшиеся бросились к оратору, стянули его с возвышения и вышибли из синагоги, подгоняя пинками и тумаками.

Иисусу досталось на орехи, однако он только посмеивался в жиденькие усы. При каждом ударе кулаком по загривку или коленом пониже спины он удовлетворенно бормотал про себя:

— Лупите, дорогие сограждане, старайтесь, бейте! Сейчас я вас кое-чем удивлю!

А те и в самом деле старались, даже не подозревая, что им готовится. Они гнали миропомазанного перед собой, подбадривая затрещинами и подзатыльниками. Так они довели его до ближайшей горы, возвышавшейся над городом. Там, на вершине, был обрыв, и наши маловеры явно намеревались сбросить нахального плотника с порядочной высоты.

Но, когда они достигли края обрыва, Иисус неожиданно пустил в ход свою божественную сущность: раздвинул всех и, «пройдя посреди них, удалился» (Лука, гл. 4, ст. 15—30).

Назаряне буквально позеленели. Однако Иисус их так обозлил, что, несмотря на чудо, ни один из них в него не уверовал.

Сын голубя был этим весьма огорчен. Уверуй хоть один, он мог бы гордиться блестящим уроком, преподанным недоверчивым соотечественникам: ведь он показал им свое всемогущество! А так чудо пропало зря и только напоминало ему о неудачном выступлении в синагоге. Это был полный провал.

Подумать только! Бог и треть бога одновременно, он оказал Назарету величайшую честь, более двадцати лет считаясь его уроженцем, и вот как его отблагодарила родина!

Он не пожалел труда, чтобы растолковать согражданам, что предсказания Исаии уже исполнились, и они его дружно освистали, словно тенора, пустившего петуха!

Самолюбие Иисуса было уязвлено не на шутку.

Что касается апостолов, то их во время свалки не было ни видно, ни слышно. Может быть, кто-то из них и вступился

за учителя, может быть, даже пытался спасти его от гибели в пропасти, но евангелие об этом почему-то не упоминает. Странно... По-видимому, решив, что дело плохо, верные ученики Христа убрались от греха подальше и были весьма удивлены, когда их учитель вернулся с горы целым и невредимым. Если бы Иисус их спросил: «Где вас носило?» — они бы наверняка ответили, что сделали все от них зависящее, дабы спасти дорогого учителя от погибели, однако все их усилия оказались тщетными, ибо давка в синагоге, ...ярость толпы... и так далее и тому подобное.

ГЛАВА XXV

ИСЦЕЛЕНИЕ НА РАССТОЯНИИ

Иисус сказал ему: вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес.

Царедворец говорит ему: господи! приди, пока не умер сын мой.

Иисус говорит ему: пойди, сын твой здоров. Он поверил слову, которое сказал ему Иисус, и пошел.

На дороге встретили его слуги его и сказали: сын твой здоров.

Иоанн, гл. 4, ст. 48—51

Выгнанный из Назарета, Иисус отправился в Кану, а оттуда дальше и так обошел все маленькие города, расположенные на берегу Тивериадского озера. В предыдущей главе мы уже говорили, из кого главным образом состояло население таких городков. В сущности, это были модные курорты, куда съезжалась жаждущая развлечений публика и, разумеется, самые бойкие девицы со всей Иудеи и Галилеи.

Евангелие утверждает, что Христос был убежденным и образцовым бродягой; всю жизнь он якобы не имел ни кола ни двора и никогда не знал, где ему преклонить свою голову.

Мне кажется, евангелисты преувеличивают.

Иисус был не так уж прост, чтобы не иметь никакого пристанища. Допустим, ему нравилось ночевать под открытым небом — я не возражаю,— но никто не заставит меня поверить, что пологом над головой ему всегда служил небосвод, усыпанный звездами. Тем более, что женщины сходили по нему с ума,— это общеизвестно. Не удивительно, что он частенько вступал в самые интимные отношения с дамами легкого поведения.

По большей части это были просто гулящие девки, которые на все махнули рукой и пустились во все тяжкие. Именно они повсюду оказывали Иисусу наилучший прием.

Многочисленные подтверждения тому нетрудно отыскать на каждой странице евангелия.

Учитывая это обстоятельство, вряд ли кто-нибудь поверит, что наш любезный и красноречивый герой так уж часто ночевал на улице.

Итак, он путешествовал из Каны в Эммаус, из Эммауса в Тивериаду, из Тивериады в Магдалу, из Магдалы в Геннисарет, из Геннисарета в Капернаум, из Капернаума в Вефсаиду, из Вефсаиды в Хоразин и повсюду производил фурор: чары его оказывали неотразимое действие! Наш малость неотесанный обольститель бесспорно был оригинален, а, как известно, любительницы запретных плодов всегда испытывали непреодолимое влечение ко всему, что хоть чем-нибудь отличается по вкусу от банальной повседневной жвачки.

Однажды, когда Иисус прогуливался по Кане, к нему вдруг приблизился один из царедворцев Ирода.

«Ай-ай-ай! — сказал про себя наш артист.— Похоже, придется мне делить в каталажке нары с моим кузеном Иоанном Крестителем!»

Пятеро учеников — их все еще было только пять — начали тревожно озираться, готовясь задать лататы и заранее отыскивая местечко поукромней.

У всей компании сжалось сердце и затряслись поджилки; однако на сей раз они отделались легким испугом.

У царедворца не было никаких враждебных намерений: он держал в руках свиток, но это был вовсе не ордер на арест.

Бравый вояка — царедворец имел военный чин — только что получил из Капернаума письмо от своих домашних, в котором говорилось, что сын его заболел и вот-вот преставится.

Евангелие не сообщает имени царедворца. Некоторые богословы полагают, что это был некий Манаил, сын царской кормилицы или «совоспитанник Ирода», то есть его молочный брат; он упоминается в числе первых христиан (Деяния апостолов, гл. 13, ст. 1). Другие утверждают, что это был домоправитель Ирода Хуза, чья жена Иоанна вместе с прочими галилеянками последовала за Христом (Евангелие от Луки, гл. 8, ст. 3). Впрочем, имя его не имеет никакого значения.

Царедворец узнал о нашем бродяге по слухам, которыми полнился город. Он-де претворил воду в вино, он-де читал в сердцах и рассказывал всем встречным и поперечным об их самых тайных помыслах и делах— короче, слыл настоящим волшебником!

Известно, как любят досужие сплетники в маленьких городах раздувать и преувеличивать малейший пустяк. Благодаря россказням наивных провинциалов Иисус превратился

для многих в несравненного исцелителя, знающего какие-то таинственные, безотказные средства от всех болезней.

В общем, хотя бывший плотник еще не совершил ни одного сколько-нибудь выдающегося исцеления, он уже приобрел славу знаменитого врачевателя. Впрочем, он имел на нее право: ведь он в конце концов был сыном голубя, а когда ты родился от голубя, тебе уже никакие чудеса нипочем.

Итак, царедворец предстал перед Иисусом со слезами на глазах.

— Учитель! — сказал он.— Прочтите это письмо, которое я получил из Капернаума.

Иисус взял папирус и пробежал его глазами.

— А при чем тут я? — спросил он.— Я не имею чести знать ни вас, ни вашего сына. Конечно, печально, что молодой человек заболел, я вам искренне сочувствую.

Но царедворец явился к Иисусу вовсе не для того, чтобы выслушивать банальные соболезнования.

— Учитель! — заговорил он снова.— Вчера у постели моего сына собрался консилиум лучших врачей. Самые ученые доктора объявили, что мое дитя обречено. Ему уже не выкарабкаться...

— Это весьма прискорбно.

— Кому вы это говорите? Я ведь отец! Но вы, учитель, неужели вы не можете спасти моего дорогого сыночка?

— Что вы? Я этого не сказал.

— Умоляю вас, заклинаю всем святым, готов даже стать перед вами на колени,— видите? — только спасите, исцелите моего сына! Он умирает!

Иисус подпер ладонью подбородок и на минуту погрузился в размышления.

Потом он сказал:

— Если не ошибаюсь, вы просите у меня чуда... Я не могу вам отказать. Но позвольте заметить: все вы, иудеи, одинаковы! Пока я не совершу вам чуда по первому требованию, никто из вас в меня не верит.

Царедворец готов был на все.

— Господи! — вскричал он душераздирающим голосом.— Во имя всего самого дорогого для вас прошу вас, поспешите в Капернаум, пока мой бедный сын еще жив!

Какая восхитительная наивность, не правда ли? Царедворец верил в сверхъестественные способности Христа, поскольку пришел к нему просить чуда. Но если Иисус мог творить чудеса, зачем ему было тащиться к постели умираю-

щего в Капернаум? Он с тем же успехом мог проделать свой маленький фокус на расстоянии!

Во всяком случае, Иисус решил именно так и поступить. В Кане у него, несомненно, было назначено на вечер какое-нибудь свидание, и ему вовсе не хотелось шагать по жаре за десятки километров. С какой стати, если несчастного юнца можно было спасти без лишних хлопот?

Поэтому, когда царедворец повторил свою просьбу, Иисус ему возразил:

— Друг мой, а зачем, собственно, мне приходить к ложу вашего сына? Сейчас он жив.

— Жив? — вскричал отец.— Хотелось бы верить. Но все равно жить ему осталось недолго...

— Да нет же, ваш сын чувствует себя как молодой бог!

— Господи, возможно ли это?

— Ступайте к нему и убедитесь. Раз, два, три — ваш сын исцелился!

Успокоенный этими словами, царедворец отправился в Капернаум. Был седьмой час по местному времени, что сегодня соответствует первому часу пополудни.

Наш царедворец так верил в слова бродячего чудотворца, что даже не спешил увидеть своего сына. По пути он задержался и переночевал в придорожной харчевне.

На следующее утро едва он тронулся в путь, как увидел своих слуг, спешивших к нему в Кану.

— Радуйся! — закричали они, полагая, что сообщают замечательную новость.— Твой сын здоров!

— Знаю,— ответил он флегматично.— А когда ему полегчало?

— Вчера, в седьмом часу.

— Я был в этом уверен.

Нет нужды говорить о том, что слуги так и не поняли, откуда у их хозяина вдруг такая глубокая проницательность. Долго еще ломали они головы, пытаясь разобраться в этом таинственном происшествии, но так ничего и не придумали.

Что касается царедворца, то он обо всем рассказал домашним «и уверовал сам и весь дом его» (Иоанн, гл. 4, ст. 46—54).

В свою очередь и мы, друзья читатели, без колебаний можем занести этот случай в актив Иисуса. На сей раз он вел себя совсем по-божески... Жаль только, что эта мифическая личность в действительности никогда не существовала.

ГЛАВА XXVI

ОДЕРЖИМЫЙ ДЬЯВОЛОМ

> В синагоге их был человек, *одержимый* духом нечистым, и вскричал:
>
> Оставь! что тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас. Знаю тебя, кто ты, святый божий.
>
> Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него.
>
> Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него.
>
> *Марк, гл. 1, ст. 23—26*



есьма по-разному в те дни относились к Иисусу в Назарете и Капернауме: если в первом городе Христа терпеть не могли, то во втором он уже приобрел славу маститого чудотворца.

Варфоломей, любимчик Иоанн и три других ученика рассказывали всем, кто хотел их слушать, многозначительную историю с сыном царедворца. Они старались вовсю, и уже на следующий день многие сбежались посмотреть на бродячего исцелителя.

Этот следующий день был субботой, днем саббата, еврейским воскресеньем, когда святоши неукоснительно являются в синагогу.

В субботу богослужение начиналось с раннего утра. Иисус не преминул явиться в синагогу в час «пик», когда народу там было больше всего. Любопытные стекались толпами. Каждый устраивался поудобнее и выискивал такое положение, в котором мог бы со всем вниманием вкушать необычайное красноречие, готовое излиться из божественных уст.

Иисус одернул складки хитона, разгладил воротник и засучил рукава. Ходячее Слово готовилось к основательному словоизлиянию.

Предварительно Иисус прокашлялся, чтобы прекратить передвижку стульев в синагоге. Когда желаемый результат был достигнут, стало так тихо, что можно было слышать, как муха пролетит.

Отступив на шаг, ходячее Слово провело рукой по бороденке, опустило божественный подбородок на божественную грудь, затем внезапно шагнуло вперед, выбросило руки эф-

фектным жестом и произнесло следующие очаровательные фразы:

— Дамы и господа! Сегодня перед вами выступает отнюдь не закаленный в словесных битвах боец, как вы, без сомнения, полагаете, а потому я с самого начала прошу у почтеннейшей публики снисхождения. Нет, уважаемые дамы и уважаемые господа, я не оратор! Воспитанный и вскормленный в семье плотника, я не мог с младенческих лет впитать с молоком матери мед сладкоречия и желчь риторики. Пусть книжники и фарисеи занимаются словесными вывертами, а я буду счастлив и горд, если моя безыскусная речь хотя бы в какой-то степени привлечет к себе ваше внимание...

На секунду он приостановился, чтобы оценить эффект своего вступления. Большинство мужчин, восхищенных столь скромным и сдержанным началом, сидело с широко разинутыми ртами. Женщины строили Иисусу глазки и шушукались:

— Какой милый предсказатель! Он просто восхитителен! Какое пьянящее изящество стиля! Он очарователен! Он божествен!

Иисус был удовлетворен — и продолжал:

— Благодарю вас, дамы и господа, за милостивое снисхождение. Я приложу все усилия, чтобы не обмануть ваших ожиданий.

Новая пауза с многозначительным покашливанием. Затем, сразу перейдя к делу, Иисус воскликнул:

— В жизни каждого народа наступает мгновение, когда гусеница превращается в куколку, а из куколки вылетает бабочка. Соприкоснувшись с божеством, народ стряхивает с себя вековое оцепенение, поднимается и шагает вперед, на завоевание новых горизонтов. Вчера никому не известный темный бедняк сегодня вдруг начинает излучать ослепительное сияние, а блистательный богач смущенно уходит в тень.

— Превосходно! Восхитительно! — зашептались наиболее восторженные слушатели.

— В такое мгновение глас божий касается не только оболочки душ, но проникает вглубь, в святая святых сердец и разливает в них благоухание веры. На отверженных обществом грешников внезапно нисходит вдохновение, и они осознают, что пора сбросить цепи, пора исполнить предписанный свыше долг, который...

Тут Иисуса остановил громкий вопль, раздавшийся из угла синагоги. Ходячее Слово поперхнулось на полуслове.

Слушатели повскакали с мест и полезли на стулья, пытаясь разглядеть наглеца, посмевшего прервать столь блистательную речь.

— За дверь крикуна! Выгнать в шею нахала! — раздались возмущенные возгласы.

— Вернуть ему деньги за вход и пусть убирается! — визжали дамы.

Иисус простер над толпою руки, пытаясь восстановить тишину. Однако крикун продолжал испускать дикие вопли, жестикулируя как сумасшедший. Всеобщая сумятица усиливалась.

Внезапно один из присутствующих, видимо наделенный большей проницательностью, нежели остальные, узнал буяна и крикнул:

— Да это же бесноватый, одержимый дьяволом!

Такое сообщение никого не удивило: людей, с которыми дьявол сыграл злую шутку, вселившись в их тело, в ту эпоху можно было встретить довольно часто во всех публичных местах, даже в храмах.

Сегодня не стало одержимых дьяволом, и нам трудно представить, как выглядели эти прихожане. Остается лишь положиться на ученых богословов, которые описывают таких одержимых со всеми подробностями.

Тщетно доктора всевозможных медицинских факультетов уверяют, что факт одержимости отдельных индивидуумов дьяволами, или бесами, не подтверждается новейшими исследованиями; тщетно современная наука твердит, что состояние, в которое впадают так называемые рабы Сатаны, на самом деле является результатом умственного расстройства,— церковь плюет на медиков и на науку. А в подтверждение своей версии церковь ссылается на многочисленные случаи столь отдаленной давности, что проверить их, к сожалению, уже невозможно.

Говорят, некогда были одержимые, которые с помощью вселившихся в них бесов совершали вещи поистине феноменальные.

Если верить богословам, досконально изучившим данный предмет, происходило это обычно следующим образом.

С утра пораньше дьявол являлся к лицу, которым намеревался завладеть. Для этого он принимал вид полузверя-получеловека, например человекособаки или человекожабы. Когда несчастный бывал в достаточной степени напуган и впадал от ужаса в оцепенение, дьявол входил в него через рот.

«Обосновавшись в теле одержимого,— пишет один из авторитетных отцов церкви, епископ Сегюр,— дьявол становится его полновластным господином. Он колет несчастного, гложет его, раздирает ему сердце и внутренности и мучает его всевозможными способами. При этом он издает гнуснейшую вонь: от одержимого разит серой или старым козлом. Иногда,— чаще всего это бывает с женщинами,— дьявол заставляет свои жертвы изрыгать непристойную брань. Некоторых одержимых он поднимает на воздух и переносит в ад, где они с ужасом наблюдают мучения проклятых душ. Других одержимых дьявол превращает в животных, в деревья или плоды. В ярости он может даже испепелить несчастного, однако некоторые одержимые бесами все же излечиваются и обретают прежний вид благодаря святой воде и молитвам священников. Многие одержимые живут среди мерзких гадов ползучих или трупов. Бывали среди них и такие, кто по собственной воле продавал свою душу Сатане и кровью подписывал с ним договор. Эти несчастные заранее обречены на вечные муки. И есть, наконец, одержимые, которые не испытывают никаких страданий: это те, кто пользуется покровительством князя тьмы. Дьявол их защищает, учит их делать золото, открывает им будущее и тайны преисподней, а также наделяет их способностью творить чудеса, конечно, не святые, а с помощью черной магии и колдовства. Души этих потатчиков дьявола тем более обречены и потеряны безвозвратно».

Одержимый из Капернаума явно принадлежал к категории жертв самого зловредного нечистого духа. Он корчился на полу синагоги, сопровождая свои вопли непристойными телодвижениями. Так, во всяком случае, утверждает аббат Фуар, и, конечно, не мне его опровергать.

Этот бесноватый незаметно пробрался в синагогу вместе с толпой, однако слова сына голубя не замедлили оказать на его жильца — дьявола — свое действие, и тот выдал себя с головой. Бесноватый, не в силах более сдерживаться, разразился чудовищной бранью, обвиняя сладкоречивого пророка во всех смертных грехах. В конечном счете он был не так уж виноват, ибо устами его говорил сам черт.

Сначала скандальное поведение бесноватого возмутило толпу, но постепенно все успокоились: во-первых, одержимый не отвечал за свои слова и поступки, а во-вторых, зрелище было в достаточной мере захватывающим. Схватка дьявола с пророком — что может быть занимательнее?

Иисус, божество с головы до ног, был заранее уверен в своей победе. Он позволил бесноватому высказаться, а затем потребовал, чтобы его подвели поближе.

— Чего ты хочешь? — обратился сын голубя к одержимому.

— Оставь нас в покое — вот чего мы хотим! — ответил тот.— Что тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас? Знаю, знаю, кто ты такой: ты — святой божий!

Это дьявольское признание в конечном счете могло только польстить Иисусу: оно констатировало его божественное происхождение. Набожные комментаторы евангелия утверждают, что Сатана заговорил так с перепугу, подобно бичуемому рабу, который под плетями восхваляет своего хозяина, надеясь его разжалобить.

Тем не менее Иисус отверг эту лесть. Он подошел прямо к одержимому и, угрожая вселившемуся в него бесу, строго приказал:

— Замолчи и выйди из него!

«Тогда дух нечистый, сотрясши его и вскричав громким голосом, вышел из него» (Марк, гл. 1, ст. 26).

Зрелище было, наверное, весьма странное.

Несчастный едва не вывихнул челюсти, выпуская из себя дьявола, а затем поднялся и сел как ни в чем не бывало. Даже на теле его, столько времени служившем обиталищем для сатанинских сил, не осталось ни малейшего следа.

Восхищению присутствующих не было границ. Из обычного колдуна Иисус сразу превратился в чудотворца.

У евреев было великое множество бесноватых, и для изгнания из них бесов существовала довольно сложная церемония, которая Иисусу не понадобилась.

Например, Иосиф рассказывает, что дьявола извлекали через нос одержимого с помощью кольца из волшебного корня. В таких случаях бесноватый катался по земле, а дьявол, чтобы доказать, что он действительно из него вышел, должен был опрокинуть все сосуды с водой, расставленные вокруг на определенном расстоянии.

Итак, Иисус обошелся без обычного священного ритуала.

Ему было достаточно произнести несколько слов, чтобы владыка тьмы выскочил из захваченного им тела. И при этом одержимый полностью излечился, хотя способ лечения был проще простого.

«Что это? — вопрошали друг друга ошеломленные капернаумцы.— Что это за новое учение? Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются ему!» (Марк, гл. 1, ст. 21—27).

ГЛАВА XXVII

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

При наступлении же вечера, когда заходило солнце, приносили к нему всех больных и бесноватых.

И весь город собрался к дверям.

И он исцелил многих, страдавших различными болезнями; изгнал многих бесов, и не позволял бесам говорить, что они знают, что он Христос.

Марк, гл. 1, ст. 32—34

Так одним махом Иисус приобрел солидную репутацию, во всяком случае в Галилее.

Однако наш бог был не таким человеком, чтобы на этом успокоиться. Тем более, что у него в запасе имелось полное решето других чудес.

Едва Иисус вместе с толпою восхищенных капернаумцев вышел из синагоги, к нему устремился Симон-Камень и воскликнул так, чтобы его услышали все окружающие:

— Господи, беда стряслась!

— Что такое? — спросил Иисус.

— Ты знаешь, господи, что моя семья живет в Вифсаиде?

— Знаю.

— Но семья жены моей живет здесь.

— В самом деле, припоминаю: ты мне рассказывал, что женился на девице из Капернаума... Так в чем дело, старина, ты с ней несчастлив?

— Я сейчас не о ней...

— Так о ком же?

— О своей теще. Старушка подхватила где-то горячку, и я боюсь, как бы она не преставилась.

— Твоя теща?

— Да, господи.

— Ничего не понимаю. Заболела теща, и ты из-за этого портишь себе кровь? Странно...

— И вовсе не странно, господи! Моя теща всем тещам теща — истинный клад.

— То есть теща, на тещ не похожая?

— Вот именно, господи. Добрая старушка дорога мне, и я прошу тебя исцелить ее.

— Не могу тебе отказать, старина. Веди меня к этой феноменальной теще!

Симон-Камень, не дожидаясь повторного приглашения, направился к дому больной, и сын голубя последовал за ним.

Вскоре они вошли в дом. Это была скромная хижина. Теща, о которой шла речь, лежала на жиденькой подстилке и бредила: горячка трепала ее не на шутку.

При виде Иисуса больная понесла уже совершеннейшую чушь, однако миропомазанный не обиделся. В общем-то он был добродушным парнем.

— Видишь, она уже не знает что говорит,— пробормотал один из сыновей рыбака Ионы.— Эта ее горячка нас всех беспокоит. В бреду она болтает такое, что хоть святых выноси. И так с утра до вечера и с вечера до утра.

— Да, это серьезно,— согласился Иисус.

Он пощупал у больной пульс, а затем обратился к горячке точно так же, как к нечистому духу в синагоге.

— Горячка! — воскликнул он.— По какому праву вселилась ты в тело этой превосходной женщины?

Однако язык у горячки, видимо, был не так хорошо подвешен, как у нечистого духа, и она ничего не ответила.

— Горячка, горячка! — снова возгласил Иисус.— Ты что молчишь? Почуяла, кто я такой? А ну пошла вон! Да пошевеливайся!

Произнеся эти слова, он схватил больную за руку, приподнял ее и одним своим прикосновением вернул изможденному телу и силы и жизнь [1].

Итак, горячка исчезла, не оставив даже обычной в таких случаях слабости. В тот же миг теща Симона-Камня поднялась на ноги и, вспомнив про горшок на плите, побежала на кухню, чтобы снять пенки с бульона.

Еще через несколько минут здоровая как лошадь теща уже накрывала стол и потчевала своего зятя и всю честную компанию.

Это было уже вторым чудом подряд. Капернаумцы не успевали опомниться.

— Господи, возможно ли такое? — судачили кумушки.— Что же это за человек, который одним своим словом изгоняет бесов и болезни?

---

[1] «Подойдя, он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им» (Марк, гл. 1, ст. 31).

Теперь уже все смотрели на Иисуса как на волшебника экстра-класса, но никто даже не подозревал, что своей способностью творить чудеса он обязан божественному папе-голубю. Впрочем, объясни он толпе, что его отец — птичка небесная, и это никого бы не удивило.

Как бы там ни было, всевозможные больные, прослышав о чудесных исцелениях, совершенных Иисусом, задрожали от радости и загорелись надеждой избавиться наконец от своих страданий.

Однако им пришлось ждать, пока солнце не зайдет и день не окончится, потому что суббота у евреев считалась священным днем отдыха, когда человек по закону не мог даже вправить себе вывихнутую ногу: это ведь тоже была работа!

Но едва солнце зашло, улицы Капернаума заполнились толпами калек. Горожане никогда еще не видели подобной процессии; они словно очутились в каком-то кошмарном царстве уродов!

Малярики тряслись всем телом, бесноватые бились в эпилептических припадках, сумасшедшие корчили мерзкие рожи на потеху городской детворе, большинство выставляло напоказ отвратительные язвы и уродливые опухоли, несчастные, одержимые пляской святого Витта, вертелись в жутком хороводе, среди которого везли на тележках неподвижных паралитиков. На этом карнавале не хватало только обезглавленных с собственными головами подмышкой.

Вскоре бурлящая толпа осадила дом Симона-Камня, где, по имевшимся сведениям, остановился великий врачеватель.

— Равви! Равви! — взывали калеки.— Сжалься над нашими страданиями! Исцели нас!

Иисус не заставил себя долго упрашивать. Учитывая, что чудеса ему ровным счетом ничего не стоили, торговаться с несчастными просителями было бы просто неприлично.

Итак, выстроив пациентов, Иисус начал прием.

Он прикасался к страждущим рукою и излечивал их одним словом,— проще не придумаешь!

Когда подходила очередь бесноватого, Иисус приказывал бесу покинуть захваченное им тело. Нечистый дух изрыгал в ответ такие хулы, что волосы шевелились даже у лысых, однако не смел ослушаться и выходил прочь через рот или через ноздри. При этом черт не забывал воскликнуть:

— Ангел меня побери, ну и силен же ты, если сумел одним словом выставить меня из моего жилища... Поистине ты не простой пророк, а сын божий!

Ходячее Слово не слишком обольщалось подобными комплиментами. Напротив, оно было оскорблено тем, что нечистые духи так бесцеремонно разоблачают его божественное инкогнито. Евангелие подчеркивает, что он угрожал дьяволам и запрещал им говорить о том, что они знают, то есть о том, что он Христос.

С первого взгляда такое поведение может показаться странным, однако достаточно немного поразмыслить, чтобы понять, насколько оно было логичным.

Выдавая себя за простого смертного, Иисус восхищал современников как непревзойденный исцелитель, и наоборот, если бы они узнали его истинное происхождение, все его чудеса не принесли бы ему никакой славы. Для того, кто из ничего создал целый мир, излечить лихорадку или выпрямить искривленный позвоночник не ахти какое достижение!

Миропомазанный занимался исцелениями целую ночь. Он не отступал перед самыми сложными случаями. Какой бы увечный или больной к нему ни являлся, он простирал руку — и недуг исчезал.

Такое изобилие чудес заставило призадуматься евангелиста Матфея. Возник вопрос: что сделал Иисус со всеми бесчисленными болезнями, от которых он освободил людей? И Матфей пришел к выводу, что божественный исцелитель принял их на себя.

В самом деле, чудеса этого дня, по его словам, были свершением пророчества Исаии: «Он взял на себя наши немощи и понес болезни» (Матфей, гл. 8, ст. 14—17).

Как известно, Иисус явился на нашу планету, чтобы взвалить себе на спину все грехи рода человеческого. Не следует забывать, что над каждым из нас тяготело бремя первородного греха, совершенного Адамом и Евой, когда они съели в земном раю яблоки, нарушив строжайший запрет своего бога-отца. Тогда бог Иегова сказал:

— Вы впали в грех. Так вот, чтобы впредь было вам не повадно, отныне весь род ваш будет страдать от болезней, которых вы никогда не знали. А самое главное — отныне вы все будете умирать, вместо того чтобы пользоваться обещанными вам благами вечной жизни.

Исходя из этого положения Библии, иудеи смотрели на больных как на людей, которых бог карает за какие-то тайные грехи.

Первым качеством праведника поэтому считалось безупречное здоровье.

Вот почему Иисус и занялся исцелением больных. Ведь таким образом он очищал от грехов их души!

Когда последний калека ушел, бросив у двери Симона-Камня ненужные ему костыли, уже занимался день. Иисус за всю ночь не сомкнул глаз. Он поднялся и побрел через спящий Капернаум, отыскивая какое-нибудь уединенное место для утренней молитвы.

Но, видно, в книге судеб было написано, что в тот день ему не дадут ни минуты покоя. Едва жители Капернаума продрали глаза, они заметили исчезновение своего исцелителя и бросились на его розыски.

Особенно отличился Симон-Камень со своими приятелями. Они проявили такую прыть, что первыми отыскали погруженного в размышления Иисуса.

— Радуйся! — закричали они.— Теперь все в порядке. Слава твоя неоспорима. Твои чудеса привлекли к тебе толпы сторонников. Люди толпами ищут тебя и требуют новых чудес.

— Нет уж, для одного раза достаточно,— возразил Иисус.— Хорошенького понемножку. К тому же капернаумцы и без того удостоились моих милостей сверх меры, а я спустился на землю не только ради них. Есть другие деревни и города, которые нуждаются в моих услугах. Нам пора в путь.

Едва он произнес эти слова, как толпа, следовавшая за его учениками по пятам, окружила Иисуса со всех сторон. Его пытались убедить, что в Капернауме ему будет лучше, чем где бы то ни было, что ему отведут приличную квартиру и будут кормить на убой за счет города и что вообще здесь он будет себя чувствовать как рыба в воде.

Особенно настойчиво уговаривали его женщины. Не было ни одной, которая не пыталась бы соблазнить Иисуса. Они делали лукавые гримаски, ластились к нему и мурлыкали, как влюбленные кошечки:

— Вот увидите, равви, каким вниманием и заботой мы вас окружим!

— Ваша жизнь будет полна такого тепла, такой неги...

— В других городах вы можете столкнуться с грубиянами, которые будут вас оскорблять, как в Назарете, а у нас...

— Вас будут холить...

— Нежить...

— Баловать...

— Чествовать...

— Любить...

— Да, да, мы все вас будем любить!

Иисус был очарован столь многообещающими просьбами, однако оседлая жизнь, как известно, была ему не по вкусу.

— Душечки,— ответил он игривым капернаумкам,— вы поистине прелестны, и, право же, я вряд ли найду где-нибудь еще такой радушный прием. Я бы с удовольствием задержался в вашем приветливом Капернауме, но увы! Мой долг призывает меня, овечки мои. Я обязан принести свет моих скромных дарований тем, кто его лишен. Поэтому прошу меня извинить.

Решимость Иисуса была непоколебима, и никакие заигрывания не могли его удержать.

Капернаумские кумушки, особенно содержательницы харчевен, не зря хотели, чтобы Иисус остался. Они прекрасно понимали, что слух о чудесных исцелениях привлечет в город, где остановился чудотворец, многочисленных гостей, и Капернаум быстро превратится в самый модный курорт Тивериадского озера. Если бы Иисус остался в Капернауме, будущее города было бы обеспечено. Все жители это понимали. Мужчины уже предвидели блестящие сделки, женщины предвкушали сладость грядущих побед и мечтали об ужинах в отдельном кабинете и бриллиантовых ожерельях, оставленных на память заезжими иностранцами.

От всего этого им пришлось отказаться. Все их надежды рухнули, как карточный домик, когда ходячее Слово в последний раз торжественно поклялось не иметь постоянного местожительства ни в одном из городов. Иисус попрощался с капернаумцами с отменным изяществом, обещал к ним вернуться и удалился (смотри евангелия от Марка, гл. 1, ст. 28—39; от Луки, гл. 4, ст. 38—44).

ГЛАВА XXVIII

ЧУДЕСНАЯ РЫБНАЯ ЛОВЛЯ И ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСЦЕЛЕНИЙ

Симон сказал ему в ответ: наставник! мы трудились всю ночь, и ничего не поймали; но по слову твоему закину сеть.

Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась.

И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им; и пришли, и наполнили обе лодки, так что они начинали тонуть.

Увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня, господи! потому что я человек грешный.

Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных; также и Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону. И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков.

Лука, гл. 5, ст. 5—10

Выйдя из Капернаума, Иисус пошел вдоль берега озера на север и остановился в деревушке Вифсаиде, откуда были родом его первые ученики.

Нам уже известно, что Иисус познакомился на берегах Иордана с Симоном, которого назвал Петром, то бишь Камнем, и братом его Андреем, сыновьями Ионы, а также с Иоанном, сыном Зеведеевым, с Филиппом неизвестного происхождения и с Нафанаилом, сыном Бар-Толмея (отсюда — Бартоломей, или Варфоломей). Все они, за исключением Варфоломея, были родом из Вифсаида, или Вифсаиды, где вели скромную жизнь простых рыбаков.

Приглашая своего учителя в родную деревню, первые ученики надеялись завербовать там новых сторонников. У малютки Иоанна, в частности, был старший брат; «священное писание» называет его Иаковом Большим. Этого не пришлось долго уговаривать. Иоанн рассказал ему о беспечной жизни попрошаек, которые могут ничего не делать, о блестящей славе, ожидающей каждого, кто к ним примкнет, и тут же обратил братца в свою веру.

Теперь у Иисуса было уже шесть учеников. Некоторое время они провели в Вифсаиде, где их пребывание было отмечено одним необычайным происшествием.

Вифсаида по числу жителей не могла и равняться с Капернаумом. К тому же это было одно из самых бедных селений на всем озере. Вообще, земляки учеников Христовых, как правило, были нищими. А эти кормились одной рыбной ловлей, то есть едва сводили концы с концами.

Тем не менее ученики-рыбаки были рады вновь повидать места, где они впервые увидели свет. Им даже захотелось тряхнуть стариной и снова взяться за свои сети. Но прошло уже столько времени, и, естественно, у лентяев не осталось никакой сноровки.

Симон-Камень, или попросту Петр, если это вам больше нравится, стал зачинщиком всей истории: однажды вечером, когда Иисус отправился погулять в окрестностях, Петр принялся уговаривать своих коллег.

— Послушай-ка, Большой Иаков,— сказал он.— А что, если нам порыбачить сегодня ночью? Тогда утром мы покажем нашему учителю, на что мы способны! Ну, что скажешь?

— Идет! — согласился Иаков.— Папаша Зеведей даст нам свою лучшую лодку, а сеть и моя сойдет. Наварим такой ухи, что пальчики оближешь!

— Вот будет здорово! И мы с вами! — закричали Андрей, Филипп и малыш Иоанн.

Даже Варфоломей, единственный, кто не был рыбаком, горячо поддержал эту идею и с радостью присоединился к экспедиции.

Наспех, кое-как подштопав ветхие снасти, все шестеро заявились к Зеведею, отцу Большого Иакова и маленького Иоанна.

— Привет, папаша! — сказал один из сыновей.— Ну, как дела, старина?

— Помаленьку, детки, помаленьку.

— Мы видели, как ты недавно возвращался с рыбалки. Значит, ночью ловить больше не будешь?

— Да навряд... К тому же погода такая, что не стоит и выходить в море[1]. Когда вытаскивал лодку, ветерок уже подувал. Сверху рябь, вся рыба ушла на середину, в глубину, так что ночью хорошего лова не жди.

— А мы как раз хотим попросить у вас лодку на ночь,— вступил в разговор Симон-Камень.— Одолжите нам вашу посудину, папаша Зеведей, утром мы ее вам вернем.

---

[1] Так местные жители с гордостью называли свое крохотное Тивериадское озеро.

Папаша Зеведей поднялся, вышел из хижины, стоявшей на самом берегу, и, как полагается старому морскому волку, внимательно осмотрел горизонт.

— Пожалуй! — наконец изрек он.— Лодку я дам с охотой: море чуть рябит, для прогулки в самый раз. А вот что касается рыбы, то скажу прямо: не поймать вам сегодня и пескаря! Так что лучше не надейтесь.

— Погода может перемениться, а кроме того, часто самый хороший улов бывает тогда, когда меньше всего на него надеешься.

— Пусть будет по-вашему. За лодку я не боюсь; Большой Иаков и Симон с ней справятся. В добрый путь, рыбачки, желаю вам удачи!

Шестеро молодцев только этого и добивались. Горячо поблагодарив старика, они обещали непременно вернуться завтра до полудня.

Папаша Зеведей, сдвинув шапку набекрень, вернулся в свою хижину, ехидно насвистывая модный псалом.

— Вот дурачье! — воскликнул он, оставшись один.— Лучше бы послушались старика Зеведея. Теперь будут мокнуть всю ночь, и пусть меня повесят, если они выловят хоть лягушку!

А шестеро друзей уже орали вдали развеселую песню лодочников. Несколько минут спустя якорь был поднят и — плыви мой челн!

Однако старый лис Зеведей оказался прав.

Сколько они ни забрасывали сети, даже в самых глубоких местах, ничего не попадалось. На середине озера они попробовали тянуть сеть за лодкой, поставив все паруса. И снова ничего. Вернувшись к берегу, они начали скрести сетями по самому дну. И опять пусто.

Впрочем, не совсем: из прибрежной тины бравые рыбаки выловили несколько старых кастрюль, какие-то лохмотья, пару дохлых собак и целую коллекцию битых горшков.

Когда взошло солнце, все шестеро были измучены, обозлены, голодны, мокры и грязны как черти. А в лодке хоть бы один пескарь!

Смущенные и раздосадованные, они не решались смотреть друг другу в глаза.

— В гробу я видел такую ловлю! — ворчал Большой Иаков.

— Да, этот чертов папаша Зеведей свое дело знает,— подлил масла в огонь Филипп.— Не то что мы!

— Что касается рыбы, в этом он дока,— согласился маленький Иоанн.

— Теперь не в нем дело! — отрезал Симон-Камень.— А вот что скажет наш учитель, когда узнает, что мы канителились целую ночь и наловили на уху только дохлых собак!

И пока они обменивались горестными замечаниями, Иисус действительно появился на берегу в нескольких шагах от горе-рыбаков.

— Попались! — буркнул Андрей.— Теперь держитесь.

Иисус приблизился.

— Смотри-ка! — сказал он.— Вам что, снова захотелось рыбки половить?

— Да не то чтобы рыбки,— смущенно ответил Симон-Камень.— Просто ночь была хорошая, вот мы и решили покататься на лодке. Ну, заодно и сети забросили... Нет, об улове мы и не думали, а просто так, для смеха! Погода для рыбной ловли неподходящая.

— Вижу, вижу,— насмешливо проговорил Иисус.— Вместо рыбы попались одни старые тряпки и битые горшки. Но может быть, вы ошиблись, забрасывали сети не там, где надо? Пробовали ли тянуть сеть за лодкой на середине озера?

— Еще бы!.. Именно опять же для смеха, шутки ради.

— И там не повезло? Странно, очень странно. Я готов спорить, что рыба сегодня только и ждет, чтобы попасться в сети!

Большой Иаков приставил ладонь козырьком ко лбу, чтобы больше походить на своего отца Зеведея, и тоном знатока ответил:

— Прошу прощения, учитель, но ты ошибаешься. Погода неблагоприятная. До заката рыбакам в море нечего делать.

— Ах так? — вскричал Иисус.— Я ошибаюсь? Посмотрим. Я вам сейчас всем покажу!.. Послушай-ка, Петр, не согласишься ли ты продолжить прогулку и взять меня с собой?

Апостолы переглянулись. Они едва не валились с ног от усталости, однако никому не хотелось, чтобы учитель принял их за слюнтяев.

— Плывем! — согласились они хором.— Все по местам!

Через полчаса они были уже далеко от берега. Дул свежий ветер, морща поверхность озера.

— А ну, друзья! — скомандовал миропомазанный.— Забрасывайте сеть!

На ловцов дохлых собак было жалко смотреть. Тем не

менее они повиновались с видом людей, делающих заранее бесполезное дело.

Каково же было их изумление, когда в сетях оказалось полно рыбы!

— Ну, что? — спросил Иисус.— Что теперь скажете? По-вашему, погода неподходящая, а по-моему, в самый раз. Сказываю вам: сегодня, сколько раз ни забросите сеть, пустой она не вернется.

Апостолы не могли опомниться. Ссыпав рыбу в лодку, они снова закинули свои снасти, и снова сеть оказалась полна: рыба билась в каждой ячейке, веревки едва не лопались.

Мимо проплывала другая лодка: какие-то рыбаки возвращались с пустыми руками. Апостолы крикнули их на подмогу, и через четверть часа обе лодки были полны до краев.

Для апостолов-рыбаков это было настоящим откровением. Они бросились перед Христом на колени, и Симон-Камень от имени всех сказал:

— Учитель, ты воистину господь всемогущий! Удались от нас, ибо мы всего-навсего простые рыбаки.

Странное заявление, не правда ли? Казалось бы, ученики должны были радоваться, что среди них оказался некий индивидуум, способный творить чудеса. А вот поди ж ты, вместо этого они пришли в ужас.

Для того чтобы их понять, надо знать одно старое поверие: древние евреи считали, что человек, узревший бога, не жилец на этом свете. Поэтому Петр, сыновья Зеведеевы и все прочие перетрусили не на шутку: умирать никому не хотелось.

Иисусу пришлось их успокаивать.

— Ничего не бойтесь! — сказал он.

Затем, намекая на неудачную ночную ловлю, добавил:

— Раз вы без моей помощи не можете поймать и карася, придется вам переменить профессию: отныне сделаю вас ловцами человеков[1].

После этого они вернулись в селение.

Но кто был буквально сражен их чудесным уловом, так это папаша Зеведей.

— Ну, знаете, это уж слишком! — возопил он.— Такой улов и в такую погоду? Тысяча чертей с чертенятами! Поистине это чудо из чудес!

---

[1] Басня о чудесной рыбной ловле имеется лишь в одном евангелии из четырех — у Луки (гл. 5, ст. 1—11). А, право, жаль. Такое чудо могло бы заинтересовать и остальных евангелистов!

В тот день Иисус имел полную возможность просветить своих учеников, не дожидаясь духова дня, то бишь второго дня после своей смерти, дабы небесный свет озарил их души.

В самом деле, апостолы узнали в Вифсаиде, что станут ловцами человеков, но все комментаторы евангелия сходятся на том, что ни Петр, ни его товарищи не поняли истинного смысла этих вещих слов.

Лишь святой Амвросий *, живший в первых веках нашей эры, сумел объяснить этот отрывок из Евангелия от Луки.

«Иисус,— утверждает сей отец церкви,— совершил чудо с рыбной ловлей, дабы показать апостолам, сколь великую власть над душами человеческими передает он в их руки. Это чудо образно воплощало их миссию. Отныне им надлежало покинуть Генесаретское озеро ради моря людского и жить в постоянных трудах и заботах среди волн страстей человеческих. Их мирная жизнь должна была смениться на бурную и страшную, однако за это их ожидала неоценимая награда: свой жалкий промысел они оставляли ради служения небесам, свои грубые снасти меняли на сети евангелия, которые не убивают добычу, а наоборот, сохраняют, оберегают и выносят к свету тех, кто пребывал в бездне тьмы» (Святой Амвросий. Lucam, книга IV).

Так вот в чем заключается ремесло ловцов человеков! Таким образом, ваш приходской священник, друзья читатели, тоже ловец человеков. Его орудие — сети евангелия. И когда он проповедует какую-нибудь несусветную чушь, путаясь в кухонной латыни или семинарской церковнославянщине, он, оказывается, извлекает вас из бездны тьмы и поднимает к свету. Вы — его рыба.

К сожалению, святой Амвросий, говоря о блестящем будущем, которое Иисус обещал апостолам, попал пальцем в небо: все они кончили весьма плачевно. Из шести учеников, присутствовавших во время чудесного лова, пять были приговорены судом к смерти и казнены, как обыкновенные проходимцы, а шестой, Иоанн, умер сумасшедшим.

Как бы там ни было, если наши шесть молодцев и не поняли толком, что подразумевал их учитель под новой профессией ловцов человеков, они, по крайней мере, успокоились и вновь прониклись к нему доверием. Никто больше не просил Иисуса уйти подальше. Наоборот, они сами окончательно оставили все и вся, чтобы последовать за ним.

Вместе со своими учениками миропомазанный «ходил по всей Галилее, уча в синагогах их, и проповедуя евангелие

царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Матфей, гл. 4, ст. 23).

Приведем еще один случай волшебного исцеления.

Однажды Иисус пришел в город, название которого, к сожалению, осталось неизвестным. Здесь подошел к нему человек, простерся ниц и начал умолять, чтобы Христос его вылечил.

Этот несчастный страдал невыразимо: его тело пожирала одна из самых страшных болезней — проказа.

Проказа, поражающая кожу больного, придает ей вид грубой слоновой шкуры, поэтому медики называют такую разновидность слоновьей проказой. В Европе она встречается довольно редко, зато в Египте, на Арабском Востоке и вообще в Азии это — явление обычное. Причины, вызывающие проказу, до сих пор неясны, поэтому не удивительно, что в древности евреи считали ее карой небесной за самые тяжкие тайные грехи и преступления.

У больного слоновьей проказой кожа утолщается, грубеет, трескается, в подкожной клетчатке скапливается беловатая жидкость, или слизь, которая постепенно загустевает, образуя плотную, похожую на воск массу. Иногда кожа прокаженных достигает толщины в половину сантиметра. Болезнь поражает все тело, но чаще нижние конечности, особенно голени и стопы. В таких случаях ноги покрываются омерзительными язвами, дряблеют и опухают. Больных трясет, как в лихорадке, у них появляется жар, их мучит неутолимая жажда, и в то же время они почти не могут есть и с трудом проглатывают лишь минимальное количество пищи, необходимое для поддержания жизни. Такие приступы повторяются ежемесячно, если не чаще, и с каждым разом тело больного отекает все сильнее; под конец опухшие члены достигают поистине чудовищных размеров. Из всего этого нетрудно понять, почему прокаженные всегда внушали ужас и отвращение.

Фанатизм неотделим от жестокости, и евреи не являлись в этом смысле исключением. Прокаженных изгоняли из общества, им запрещалось входить в Иерусалим, они были обречены скитаться среди полей, а когда им нужна была пища, они просили милостыню, окликая издалека городских стражников.

Кроме того, они были обязаны ходить в лохмотьях, как плакальщики на похоронах, наголо брить головы, прикрывать рот особой повязкой и под страхом немедленной смерти

предупреждать о себе всех прохожих зловещим криком: «Нечистый! Нечистый! Я нечистый!»

Некоторых прокаженных жрецы пытались лечить: то были богачи, внезапно пораженные страшным недугом. В Библии, в книге Левит, подробно описывается такая процедура очищения.

Жрец вместе с прокаженным уходили подальше от города, захватив с собой двух воробьев — «пташек живых чистых». Одного воробья жрец закалывал «в сосуде глиняном, над водою живою». Затем, омыв живого воробья и палочку из кедрового дерева в крови жертвы, жрец семь раз окроплял прокаженного этой кровью, после чего сразу выпускал живого воробья на волю. Теперь прокаженный должен был выстирать свои лохмотья, чисто вымыться и сбрить все волосы на теле. Семь дней он проводил в затворе, а на восьмой, еще раз вымывшись и обрившись, приносил в жертву «двух агнцев однолетних непорочных, и одну овцу однолетнюю непорочную, и три десятины муки пшеничной, смешанной с елеем, и меру елея», а также значительную сумму денег — жрецу за труды. Получив свой гонорар, жрец произносил таинственные заклинания, мазал овечьей кровью, перемешанной с мукой и елеем, правое ухо больного и пальцы на его правой руке и ноге. Затем, вылив ему на голову остаток елея, жрец объявлял прокаженного очистившимся (Левит, гл. 14).

Разумеется, прокаженный оставался прокаженным, однако этот обряд снимал с него предписанные законом жестокие ограничения и давал право жить и лечиться, как он хотел. В хороших условиях он мог действительно выздороветь, потому что слоновья проказа в принципе излечима, и тогда суеверные люди приписывали эту заслугу сверхъестественному могуществу жрецов.

Наш прокаженный, о котором в Евангелии от Марка упоминается сразу же после чудесного лова, как видно, не имел средств на обряд очищения. Вполне понятно, что, узнав о приходе Иисуса, он бросился к нему со всех ног, громко крича:

— Господи! Если захочешь, можешь меня очистить!

Тогда Иисус, смилостившись над ним, простер руку, коснулся живого мертвеца и сказал:

— Хочу, очистись!

И страшная болезнь, для излечения которой требовались годы и годы самого тщательного ухода, в тот же миг прошла без следа.

Так на личном счету ходячего Слова появилось еще одно чудо, и весьма достойное.

Апостолы были восхищены. К тому же бывший прокаженный явно стоил потраченного на него времени: он тут же бросился перед Иисусом на колени, всячески выражая вполне понятную радость. Однако сын голубя прервал его благодарственные излияния.

— Друг мой,— сказал он,— если хочешь доставить мне удовольствие, не рассказывай обо всем этом ни одной живой душе. Я ведь по натуре человек скромный, застенчивый. Достаточно будет, если ты пойдешь и покажешься первосвященникам, чтобы они, если понадобится, могли тебе выдать свидетельство о выздоровлении.

Чудесно исцеленный понял намек правильно. Вместо того чтобы держать язык за зубами, он пошел звонить о своем выздоровлении на всех углах, так что вскоре Иисусу не стало покоя: куда бы он ни шел, всевозможные больные осаждали его на каждом шагу (Марк, гл. 1, ст. 40—45).

И слава о нем распространилась по всей Сирии. К нему приходили отовсюду. Апостолы сами представляли Иисусу всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и он исцелял всех подряд, не прибегая ни к каким лекарствам (Матфей, гл. 4, ст. 24).

Под лунатиками — в евангелии они так и названы — следует подразумевать больных офтальмией, или нервным расстройством зрения, которое раньше объяснялось влиянием луны.

Иисусу всенародное признание начало уже надоедать, и он удалился от больших городов. К тому же он не хотел привлекать к себе внимание не в меру подозрительного Ирода.

Поступив таким образом, сын голубя проявил должную осмотрительность. Когда через несколько дней после исцеления прокаженного он вернулся в Капернаум, его там ожидали фарисеи и книжники, собравшиеся не только со всей Галилеи, но также и из Иудеи и даже из самого Иерусалима.

Подумать только, до чего же эти люди были упрямы! Ведь Христос совершил столько чудес и таких чудес, что любой другой на их месте давно бы уверовал в божественность великого исцелителя. А они вместо этого дотошно изучали истории болезней исцеленных, закрывая глаза на самое главное — неземное происхождение Иисуса. Большего ослепления невозможно и вообразить!

Зато жители Капернаума вели себя куда умнее. Ходячее Слово творило чудо за чудом. Поэтому все капернаумцы дружно решили его признать если не богом, то, во всяком случае, отменным колдуном.

И вот, когда разнесся слух, что Иисус сдержал свое обещание и снова пришел в Капернаум, к дому, где он остановился, ринулись целые толпы. Внутри и снаружи собралось такое множество народа, что уже никто не мог ни войти, ни выйти.

— Боже, какое счастье видеть тебя в добром здравии! — наперебой восклицали посетители.

— Поверьте, я так же рад, что все вы живы-здоровы! — отзывался Иисус.

— Если у нас в городе не осталось больных, то это лишь благодаря тебе, учитель.

— Я всегда к вашим услугам, друзья. Но может быть, все-таки у вас еще остался какой-нибудь бесноватый, лунатик или, на худой конец, прокаженный?

— Нет, господи, ни одного.

— Жаль, то есть тем лучше! Про другие города этого не скажешь.

— Черт побери, нельзя же быть в пятидесяти городах одновременно! Блаженны лишь те, кто сподобился видеть твои чудеса!

Иисус ухмыльнулся при мысли о наивности этих людей, воображающих, будто его всемогущество имеет пределы. Еще бы! Ведь если бы он пожелал, ему ничего бы не стоило появиться одновременно не то что в пятидесяти городах, а сразу во всех населенных пунктах земли и исцелить все болезни в мире! И если он этого не сделал, то, очевидно, лишь потому, что не хотел чрезмерно баловать своих современников.

В то время, когда Иисус предавался подобным размышлениям, крыша дома внезапно раскрылась.

Восточные дома обычно имеют плоскую кровлю с раздвижной частью. Именно эту подвижную часть и сняли капернаумцы, взобравшиеся на крышу. В отверстие просунулись руки, и вот четверо мужчин осторожно спустили вниз паралитика на его постели: это был последний больной Капернаума.

Те, кто его нес, отчаялись пробиться к двери сквозь многочисленную толпу; легче было взобраться наверх и проникнуть в дом не совсем обычным путем.

Иисус был польщен этим новым проявлением веры в него. Он протянул к расслабленному руку и сказал:

— Верь мне, дружище, ты болен из-за своих грехов. Так вот, отныне прощаются тебе грехи твои!

Здесь Новый завет доводит до нашего сведения, что в толпу обращенных затесалось несколько осведомителей синедриона. Услышав последние слова ходячего Слова, шпики начали перешептываться между собой.

— Ей-богу, нахальства у этого парня хоть отбавляй! Мало того, что он излечивает больных, теперь он еще отпускает им грехи! А по какому праву? Кто может прощать грехи, кроме бога?

Однако Иисус, «тотчас узнав духом своим» помыслы осведомителей, повернулся к ним и сказал следующее:

— Эй вы, для чего так помышляете в сердцах ваших? Вас шокировали мои слова? В таком случае, будьте добры, посоветуйте, что легче — сказать расслабленному: «Прощаются тебе грехи твои» или «Встань и сматывайся отсюда»? Молчите? Так вот, чтобы вы знали, что я имею право прощать грехи, я говорю этому паралитику: «Встань, возьми постель твою и иди в дом твой!»

Расслабленный тотчас встал, свернул свою подстилку и вышел.

Буря аплодисментов прокатилась по всему дому. А шпики удалились, пристыженно бормоча сквозь зубы:

— Вот дьявольщина! Такого мы еще не видели! (Марк, гл. 2, ст. 1—2).

Евангелие не сообщает, что фарисеи сразу же собрались на совет и начали думать, как бы им засадить Иисуса в крепость Махер, где уже отбывал срок его кузен Креститель. Однако нетрудно предположить, что именно с этого дня они твердо решили избавиться от не в меру беспокойного врачевателя.

ГЛАВА XXIX

ПЕРВАЯ ПРЕМИЯ ЗА ПОДЛОСТЬ

После сего *Иисус* вышел, и увидел мытаря, именем Левия, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за мною.

И он, оставив все, встал и последовал за ним.

И сделал для него Левий в доме своем большое угощение; и там было множество мытарей и других, которые возлежали с ними.

Лука, гл. 5, ст. 27—29



бычный эскорт ходячего Слова состоял всего из шести учеников. Вскоре к ним присоединился седьмой.

В те времена, когда, по уверениям евангелия, происходили фантастические приключения, составляющие пресловутую жизнь Иисуса, Иудея, как я уже говорил, была под властью римлян. Победители учреждали во всех завоеванных ими странах должности сборщиков дани, которую должны были выплачивать побежденные.

В стране Иакова таких сборщиков называли мытарями.

Вначале это слово обозначало римских всадников, бравших на откуп налоги той или иной провинции.

Какой-нибудь римский богач приходил к императору и говорил ему:

— Послушай, не согласишься ли ты дать мне на полный откуп налоги с такой-то провинции? Какой бы ни был год, хороший или плохой, ты будешь получать по миллиону, а кроме того, избавишься от всяких административных хлопот. Дело стоящее! Я тебе ежегодно плачу миллион, беру на себя все расходы по управлению, а ты мне подписываешь мандат на право собирать налоги и подати от имени Римской империи.

Как правило, цезарь заключал сделку.

Нетрудно представить, что каждый такой откупщик выжимал из населения провинции все соки, стремясь получить как можно больший доход.

В тех случаях, когда речь шла о более значительных провинциях, дело ставилось на более широкую ногу, и в нем участвовали целые финансовые объединения. Эти объединения, или компании, держали в Риме своих официальных предста-

вителей, а на местах по всей откупленной провинции — мелких сборщиков, следивших за ввозом и вывозом облагаемых налогом товаров и определявших — более или менее справедливо — их стоимость.

Именно таких сборщиков, своего рода фискалов римского цезаризма, евангелисты и называют мытарями. Обычно на эту должность назначали уроженцев завоеванной провинции. Зная язык, обычаи и ресурсы своей страны, они справлялись со своими хлопотливыми обязанностями гораздо лучше иностранцев.

Должность мытаря, между нами будь сказано, считалась не очень-то почетной. Занимали ее люди, не слишком любившие свою родину, ибо им вменялось в обязанность выжимать из народа последние соки, чтобы набивать мошну иноземного деспота. В Иудее мытари пользовались примерно такой же популярностью, как финансовые инспекторы, которые вздумали бы сегодня драть с французов налоги в пользу немецких пушечных королей.

Всеми презираемые и ненавидимые, эти мытари, как нетрудно себе представить, вряд ли могли считаться цветом нации; чаще всего их вербовали среди самых последних подонков, готовых за чечевичную похлебку предавать интересы родной страны. Вполне естественно, что подобные люди не останавливались ни перед каким произволом и злоупотреблениями. Система откупов вырождалась в систему поборов, а слово «мытарь» вскоре сделалось синонимом «грабителя». Цицерон * без колебаний называет откупщиков или мытарей, «самыми гнусными из людей» (De officiis I, 42). Известный греческий писатель Стобей * говорит о них как о «медведях и волках в образе человеческом» (Serm. II, 34). Одним словом, евреи смотрели на мытарей как на выродков, стоящих ниже преступников и продажных девок. Справедливости ради должен добавить, что к этому у них было достаточно оснований.

Так вот, именно среди подобных отбросов сын голубя и отыскал своего седьмого ученика. Ему было обидно, что их всего шесть, и он уже давно говорил себе, что пора укомплектовать штат апостолов до круглой дюжины.

С этой целью Иисус начал посещать все злачные места Капернаума.

Прежде всего он обошел самые подозрительные кабаки. С величайшим вниманием приглядывался он к завсегдатаям этих притонов, вмешивался в их разговоры, и тогда, между

двумя стаканами терпкого пойла, возникали диалоги вроде следующего:

— Как твои дела, приятель? — спрашивал Иисус.

— Мои дела? Вы хотите сказать, как идут делишки у моей малютки Сидонии? Да неплохо! Не прошло и двух лет, как я пустил толстушку в ход, и она еще сделает себе карьеру... На прошлой неделе подцепила одного хрыча — сенатора... Да вот беда: старый козел ревнив как тысяча чертей!

— Значит, у тебя самого нет определенных занятий?

— Есть-то есть, да только сейчас в наших занятиях временный застой... Должен вам сказать, нынче развелось столько болванов, которые лезут очертя голову в политику, что правительство всю полицию поставило на ноги... Попробуй-ка высунь нос на большую дорогу — сразу налетишь на представителей власти! А те, чтобы оправдать свое жалованье, сегодня не брезгуют и нами, грешными, когда не удается схватить за ворот заговорщиков.

— Чем же ты занимаешься?

— Мы работаем по караванам.

— А заодно поставляем девочек, если не ошибаюсь?

— Всегда к вашим услугам, сударь.

Иисус с восторгом смотрел на своего собеседника и говорил про себя:

«Ловкая каналья, ничего не скажешь! Я бы с удовольствием его окрестил и сделал своим апостолом. Думаю, остальные ученики тоже не стали бы возражать. Однако поищем еще; авось найдется что-нибудь получше этого прощелыги. Кто ищет, тот всегда найдет!»

И он продолжал свои поиски по всем городским вертепам.

Наконец однажды на берегу озера Иисус наткнулся на подслеповатую лачугу с вывеской: «Таможня». Здесь было логово капернаумских мытарей.

Миропомазанный затесался в компанию этих мерзавцев, поговорил с одним, с другим. Внимание его привлек некий Левий. Он его расспросил. Отец Левия, небезызвестный Алфей, с ранних лет научил своего сынка всевозможным пакостям и воспитал из него законченного негодяя. Трудно было вообразить человека, который бы мог опуститься ниже этого Левия, запятнанного всеми мыслимыми преступлениями. Если бы в Иудее объявили конкурс подлецов, он наверняка получал бы первую премию каждый год.

Сутенер, мошенник и осведомитель, он воплощал в себе все грехи и пороки: второго такого подонка не легко было

сыскать. А теперь он дошел до последней ступени низости и предательства: будучи евреем, Левий служил врагам своей родины.

«Именно такой апостол мне и нужен!» — подумал Иисус.

И, не тратя лишних слов, тут же изложил достославному Левию свою программу.

Когда с этим было покончено, Христос спросил:

— Ну, что ты об этом думаешь? Хочешь вступить в мою компанию?

— По рукам! — ответил мытарь. — Твои мысли — мои мысли. Я согласен.

— Превосходно! В таком случае следуй за мной.

— Иду.

Мытарь поднялся, пожал руки своим коллегам по таможне и вышел вместе с Иисусом.

По настоянию последнего он сменил имя. С того дня Левий превратился в Матфея. Именно эта почтенная личность и сочинила одно из четырех евангелий (смотри евангелия от Луки, гл. 5, ст. 27—28; от Марка, гл. 2, ст. 13—14; от Матфея, гл. 9, ст. 9).

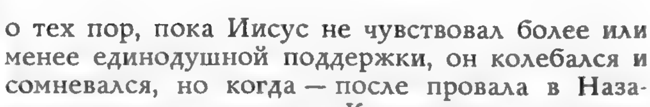
Часть третья

ИИСУС ЗА РАБОТОЙ

ГЛАВА XXX

КУПАЛЬНЯ «ВИФЕЗДА»

> Больной отвечал ему: так, господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня.
>
> Иисус говорит ему: встань, возьми постель твою и ходи.
>
> И он тотчас выздоровел, и взял постель свою, и пошел. Было же это в день субботний.
>
> *Иоанн, гл. 5, ст. 7—9*



До тех пор, пока Иисус не чувствовал более или менее единодушной поддержки, он колебался и сомневался, но когда — после провала в Назарете — его с энтузиазмом приняли в Капернауме, он сказал себе, что настало время решительно и бесповоротно взяться за выполнение возложенной на него миссии. Пусть успех его был весьма относительным, все же это был успех, и он мог сделать следующий шаг, потому что за ним уже шли.

Весьма неуверенный дебют ходячего Слова затянулся почти на год. Таким образом, мы вновь встречаемся с нашим бродягой накануне очередного пасхального празднества.

Иисус не преминул еще раз посетить Иерусалим. Однако теперь он решил не устраивать новых скандалов в храме, хотя менялы и торговцы развернулись там пуще прежнего. В этом решении не было никакой логики. Одно из двух: торговцы либо оскверняют храм, либо не оскверняют. Однажды Иисус заявил, что оскверняют, и, чтобы оставаться последовательным, должен был снова выразить по этому поводу свое благородное негодование, как он это сделал в прошлом году, и не отступаться в дальнейшем, пока торговцы не откажутся от своей святотатственной коммерции.

Но логика и скромность были в равной степени чужды сыну голубя.

Итак, в этом году он решил оставить торгашей в покое.

Вместо того чтобы явиться в храм и начать свои обличения, Иисус направился к банному заведению, расположенному у Овечьих ворот. Называлось оно купальня «Вифезда». Последнее слово по-древнееврейски означает «дом милосердия».

Собственно говоря, Иисус ушел не так уж далеко от храма. Овечьи ворота потому и назывались Овечьими, что через них прогоняли овец, которых затем продавали для жертвоприношений.

Купальня представляла собой довольно обширный плавательный бассейн, питаемый железистыми и горячими источниками. Основатели этого заведения придумали соответствующую легенду, которая привлекала толпы посетителей.

Легенда гласила, что в определенное время года ангел господень якобы сходит с небес в купальню и возмущает воду. Тогда первый и единственный(!) клиент, который бросится в бассейн сразу «по возмущении воды, выздоравливает, какою бы ни был одержим болезнью».

Все жители Иерусалима верили в эту сказку, и больные стекались в купальню «Вифезда» табунами. С нетерпением ожидали они момента, когда вода начинала бурлить. Убежденные, что это ангел господень возмущает воду незримой рукой, все наперегонки бросались в бассейн, и каждый старался первым окунуться в чудодейственные струи.

Я наперед знаю, что скажут по этому поводу люди умные и просвещенные. Они скажут:

— Владельцы банного заведения «Вифезда» — довольно ловкие жулики. Легенда, ходившая среди наивной публики, разумеется, придумана ими самими с начала до конца. А внезапное кипение воды в бассейне объясняется периодической активизацией горячих источников. Вот и все.

В горах Иерусалима и в самом деле обнаружено множество источников, сернистых и железистых, с обычной температурой воды и горячих. В частности, внутри горы, на которой стоял храм, оказалось целое подземное озеро. Этот огромный резервуар питьевой воды был знаменит еще в древности и считался одним из чудес Иерусалима, так как он помогал горожанам выдерживать самые длительные осады. Об этом говорил еще Тацит * в своей «Истории» (книга V, гл. 12).

Сравнительно недавно монашенки пресловутого ордена «Дам Сиона», закладывая фундамент сиротского приюта «Се человек», натолкнулись на древние цистерны, питаемые обильными источниками; до сих пор сохранившийся водопровод уходит от этих цистерн под ограду храма.

О существовании многочисленных подземных источников евреи знали еще с глубокой древности: в Псалтири о них говорится: «речные потоки веселят град божий, жилище все-

вышнего» (Псалом 14, ст. 5). Иезекииль, тот самый знаменитый пророк, который ел бутерброды с человеческим калом, также был восторженным поклонником этой священной реки. Он посвятил ей двенадцать первых стихов сорок седьмой главы своих пророчеств, где, в частности, сказано: «Из-под порога храма течет вода на восток... Эта вода течет в восточную сторону земли, сойдет на равнину и войдет в море, и воды его сделаются здоровыми... и всякое живое существо, пресмыкающееся там... будет живо,— и рыбы будет весьма много... и все будет живо там» (Иезекииль, гл. 47, ст. 1—12).

— Таким образом,— заключат господа скептики,— великое банное чудо было самым обыкновенным явлением. Объяснить его не составляет труда. Обычно купальня «Вифезда» снабжалась водой нормальной температуры. Время от времени, когда у владельцев этого заведения оказывался под рукой какой-нибудь достаточно ловкий симулянт, в котором они были уверены, что он сумеет нырнуть первым, в бассейн пускали со дна самую горячую воду. Эта вода перемешивалась с холодной, поверхность бассейна как бы закипала, и все кричали, что явился незримый ангел. В ту же секунду мнимый больной бросался головой вниз и выныривал, громко возвещая, что вмиг исцелился от всех недугов. Остальные клиенты следовали за ним и тоже купались, а поскольку воды источников в конечном счете действительно обладали кое-какими целебными свойствами, больные получали некоторое облегчение. Оно приписывалось чудодейственной силе возмутившего воду ангела, и каждый больной возвращался восвояси с твердой уверенностью, что, если бы ему повезло и он сумел стартовать первым, от его болезни не осталось бы и следа.

На подобные доводы людей умных и знающих ученые богословы отвечают следующим образом:

— Когда дело касается веры, думать и рассуждать вообще не следует. Если в евангелии, написанном под диктовку голубя, то бишь святого духа, сказано, что ангел господень незримо возмущал в бассейне воду, одновременно сообщая ей чудодейственные свойства, этому надо верить, и точка! Были там горячие источники или не были — значения не имеет. Священное писание утверждает, что в купальне «Вифезда» творились чудеса,— значит, она была чудодейственной.

Можно спросить:

— А не скажете ли вы: сохранился этот сверхъестественный бассейн до наших дней?

Ответ:

— Да, сохранился. В Иерусалиме до сих пор паломникам показывают бассейн, разумеется, не бесплатно, ибо все, что напоминает легенду о жизни Христа, столь дорого добрым христианам, что они, как добрые христиане, готовы за это платить любые деньги. Больше того, сейчас в Иерусалиме верующим демонстрируют целых две купальни «Вифезда», причем владелец каждой готов удостоверить в письменном виде, что именно его купальня является единственно подлинной и настоящей, той самой, которая существовала в евангельские времена. Первая из этих купален расположена между Харамом и воротами святого Стефана; вторая тоже находится неподалеку, близ церкви святой Анны. Последняя была обнаружена господином Моссом, французским архитектором, которому несколько лет назад поручили реставрировать статую святой Анны. Можно надеяться, что при первых же новых раскопках в этом районе Иерусалима будет найдена третья купальня «Вифезда» и что она будет единственно подлинной и настоящей, как и две предыдущие.

— А как насчет чудес? Они все еще творятся в каком-нибудь из этих купальных бассейнов?

— Что касается чудес, то о них больше не слышно.

В наши дни больные едут лечиться в другие места. Они считают, что ожидать, пока ангел возмутит в купальне воду,— значит понапрасну терять время.

В самом деле, станут вам ангелы беспокоиться ради такой безделицы! Даже если кто-либо из моих прелестных читательниц попросит своего ангела-хранителя передать ей в ванную мыло, он и ей рассмеется в глаза. Сии небесные создания, некогда столь услужливые по отношению к людям, теперь окончательно отбились от рук. Это поистине прискорбно.

Увы, где вы старые добрые времена, библейские и евангельские?

Чудес тогда было хоть отбавляй.

Разумеется, иудеи с восторгом отзывались об этом бассейне, где достаточно было дождаться ангела, возмущающего воду, чтобы чудесные исцеления посыпались как из мешка. Главное было нырнуть первым!

Но если исцеленные таким образом больные благословляли небеса, в той же купальне было немало увечных, которым никак не везло.

В числе последних был один паралитик. Его приносили в купальню «Вифезда» тридцать восемь лет подряд, но, поскольку он не мог двигаться, всегда находился какой-нибудь ловкач, который его опережал.

Легко себе представить отчаяние этого неудачника!

Гораздо труднее понять, почему он не мог уговорить ни одного из своих носильщиков столкнуть его в воду в нужный момент и в то же время заставлял их тридцать восемь лет подряд таскать себя от дома к Овечьим воротам и обратно. Впрочем, оставим это.

Иисус заявился в купальню как раз тогда, когда наш расслабленный жаловался на свою судьбу.

Ходячее Слово сопровождала толпа зевак. Клиенты банного заведения при виде паралитика не могли удержаться от смеха,— его, конечно, все знали, и он давно уже стал притчей во языцех.

— Не понимаю, что тут смешного? — удивился Иисус.

Ему наперебой начали показывать на паралитика и рассказывать его историю. Каждый старался перещеголять остальных. Их насмешки так обозлили больного, что его обычное уныние сменилось неистовой яростью.

Иисусу еще никогда не представлялся более благоприятный случай доказать жителям Иерусалима, что божественный голубь действительно был его папой.

Он приблизился к расслабленному, который не мог шевельнуть даже кончиком пальца, и спросил:

— Ты хочешь вылечиться?

— Что за вопрос! — проворчал паралитик.— Для чего же меня приносят сюда вот уже тридцать восемь лет!

— Однако, насколько я понимаю, тебе это не очень-то удается.

— Еще бы! Ведь я не могу и шагу шагнуть. Как же мне излечиться, скажи на милость? Каждый раз, когда вода закипает от руки ангела, в нее всегда успевает сунуться кто-нибудь другой.

— Неужели никто тебе не помогает?

— Помогает? Эта свора идиотов находит очень забавным, что я все время опаздываю. Им, видишь ли, смешно! Я даже не надеюсь, что кому-нибудь из них придет в голову милосердная мысль сбросить меня в бассейн, хотя бы хорошим пинком. А ведь я бы даже не рассердился на такую милую шутку, скорее наоборот.

— В самом деле, тебя можно пожалеть.

— Когда-нибудь пожалеют... Но зачем ты-то сюда явился? Оплакивать меня? Или без тебя мало дураков, которые надо мной издеваются? А если тебе и вправду меня жаль, стань рядом со мной и, как только вода закипит, швырни меня вниз!

Иисус пожал плечами.

— Встань! — обратился он к паралитику после короткой паузы.— Встань, возьми постель твою и ходи!

Больной сначала подумал, что сын голубя над ним смеется. Он уже хотел было разозлиться, как вдруг почувствовал, что кровь быстрее заструилась у него в жилах.

— Господи боже мой! — пробормотал он.— Гляди-ка, палец вроде шевелится!

И действительно, он зашевелил пальцами без всяких усилий.

— А вот нога дернулась!

Он дрыгнул сначала правой, затем левой ногой.

— Ого, а теперь и руки отошли... Все в порядке!

И бывший паралитик заметался, как кот, которому наступили на хвост.

Зрители были восхищены. Банщики не могли опомниться от изумления. Семь апостолов пыжились, как павлины, и принимали горделивые позы, словно в этом чуде была и их заслуга.

Иисус же благодушно потирал руки и с удовлетворением смотрел на все происходящее.

— Премного благодарен! — воскликнул бывший паралитик, выделывая от восторга самые невероятные коленца.— Поистине ты самый ловкий исцелитель из всех, кого я знаю!

С этими словами он свернул циновку, служившую ему постелью, еще раз поблагодарил ходячее Слово и устремился на улицу.

Но едва наш исцеленный выскочил из банного заведения, как его окликнули два полицейских.

— Эй ты, как тебя там! — заорали они.— Куда это ты бежишь?

Бывший паралитик остановился.

— Я тороплюсь показаться родным,— ответил он.— Хочу, чтобы они порадовались моему выздоровлению.

— А ну, стой, приятель! И не пытайся нас провести. Говоришь, ты выздоровел... Еще бы, мы и сами это видим... Но ты что, не знаешь, что сегодня суббота, день саббат, когда строго запрещается заниматься каким бы то ни было делом или работой?

Чудесно исцеленный разинул рот.

— Послушайте,— наконец промямлил он,— с каких это пор выздоровление стало работой?

— Довольно болтать, дружище... О твоем здоровье вообще нет речи. Речь идет о циновке у тебя под мышкой.

— При чем здесь циновка?

— Тысяча чертей, он еще спрашивает! Да ты что, слабоумный? В таком случае знай: законы Моисея запрещают в субботу всякие переселения.

Действительно, по библейским законам в субботу можно только отдыхать.

Что было делать чудесно исцеленному? Его уличили в нарушении предписаний Моисеевых.

Когда он понял, что полицейские сейчас составят на него протокол, бывший паралитик решил объяснить, что́ именно с ним случилось.

Сначала блюстители порядка не хотели верить ни одному его слову. Им казалось невероятным, чтобы кто-то вдруг исцелился, даже не омывшись в кипящей воде бассейна. И они уже склонялись к мысли, что нарушителя надо доставить в участок.

К счастью для нашего исцеленного, вокруг начали собираться зеваки, и вскоре его и полицейских окружила целая толпа. Человек двадцать свидетелей вызвались клятвенно подтвердить, что бывший паралитик рассказал правду.

Тем не менее упрямые полицейские, к тому же принадлежавшие к секте фарисеев, настаивали на составлении протокола. Фарисеи, как известно, были отчаянными формалистами и требовали буквального соблюдения всех законов Моисея.

Итак, чтобы отыскать настоящего виновника, они обратились к бывшему паралитику со следующими словами:

— Мы готовы поверить, что ты был болен, а потом исцелился. Значит, кто-то тебя вылечил, и этот кто-то нарушил библейские предписания, ибо занимался в субботу врачеванием.

— Но он не врач, и он не работал! — возразил исцеленный.— Он просто сказал мне: «Встань и ходи!» Чудо не есть работа.

— Довольно! Толковать существующие постановления имеют право только представители власти. Твой чудотворец — нарушитель!

— Но послушайте...

— Молчать, говорят тебе! Отвечай на вопросы! Как его имя?

— А почем я знаю!.. Мы с ним незнакомы. Я его видел сегодня впервые. Такой высокий светлый шатен, волосы у него длинные, а как его зовут — убей меня бог!..

Больше из него ничего не удалось вытянуть. Исцеленный действительно не знал Христа, и ротозеи, толпившиеся вокруг, тоже не могли дать полицейским никаких сведений.

Скрепя сердце блюстители порядка отпустили бывшего паралитика и отправились составлять донесение о неизвестном врачевателе, который в нарушение существующих законов занимался в субботу исцелениями с помощью чудес.

С этого дня Иисус был взят на заметку: подозрение сразу же пало именно на него. Члены синедриона, не забывшие скандал в храме, учиненный ходячим Словом в прошлом году, решили установить за опасным бродягой постоянное наблюдение.

Несколько дней спустя дерзкий нарушитель явился в храм и встретил там бывшего паралитика. Исцеленный запрыгал от радости при виде своего исцелителя: его прямо-таки распирало желание еще раз засвидетельствовать свою глубокую признательность. Однако Иисус охладил его пыл.

— Я вернул тебе здоровье,— сказал он,— но не воображай, что я буду тебя лечить всю жизнь! Болезнь, как тебе должно быть известно,— это кара за грехи. Посему не греши больше, чтобы не подхватить еще какой-нибудь хвори. А если ты все-таки заболеешь, тем хуже для тебя! Я в это дело больше не стану вмешиваться, даю тебе слово.

Бывший паралитик пообещал отныне сделаться пай-мальчиком, а когда его исцелитель удалился, начал расспрашивать окружающих, кто такой этот удивительный человек.

Среди верующих нашлись люди, знавшие Иисуса.

Они сказали исцеленному имя благодетеля, а тот в свою очередь не замедлил раструбить об этом повсюду.

Новые, и на сей раз точные, сведения подтвердили подозрения синедриона. Тотчас же было вынесено постановление возбудить против нарушителя законов Моисеевых уголовное дело.

Следователи священного суда явились к Иисусу и учинили ему форменный допрос.

— Признаете ли вы, что в прошлую субботу вылечили в купальне «Вифезда» некоего паралитика?

— Признаю.

— Вы занимаетесь врачебной практикой?

— Нет.

— То есть как нет? Человек болен, вы его лечите и заявляете, что не занимаетесь врачеванием! Между тем вы не могли не знать, что день саббат отведен исключительно для отдыха.

Что же, вы думаете, ответил им Христос?

Он мог бы возразить, что не следует путать чудесное исцеление с обычным лечением с помощью лекарств и врачебных предписаний. Но этого он не сделал. Допрос стал для него поводом для длиннейшей речи, и он не замедлил ее произнести.

С превеликим многословием, подчеркивая каждую фразу нелепыми жестами, он разглагольствовал о том, что отец не перестает что-то делать; что у отца есть сын, которому поручено судить и рядить; что мертвецы, если им повезет и они услышат сына, будут жить вечно; что сам он не имеет своей воли и покорен воле того, кто его послал; что его кузен Иоанн Креститель — это лампа горящая и светящая; и что, наконец, Моисей — это обвинитель, на которого они надеются.

Вся эта галиматья настолько бессмысленна, что я считаю не лишним привести ее дословно. Пусть мои читатели еще раз убедятся: я ничего не выдумываю! Все фразы Христа, о которых упоминается в этой книге, принадлежат не мне, а ему.

Итак, вот бессвязная болтовня нашего мифического основателя христианства, изложенная в пятой главе Евангелия от Иоанна (ст. 19—47):

«Истинно, истинно говорю вам: сын ничего не может творить сам от себя, если не увидит отца творящего: ибо, что творит он, то и сын творит также. Ибо отец любит сына и показывает ему все, что творит сам; и покажет ему дела больше сих, так что вы удивитесь. Ибо как отец воскрешает мертвых и оживляет, так и сын оживляет, кого хочет. Ибо отец и не судит никого, но весь суд отдал сыну, дабы все чтили сына, как чтут отца. Кто не чтит сына, тот не чтит и отца, пославшего его. Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово мое и верующий в пославшего меня имеет жизнь вечную; и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь. Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас сына божьего и, услышав, оживут. Ибо, как отец имеет жизнь в самом себе, так и сыну дал иметь

жизнь в самом себе. И дал ему власть производить и суд, потому что он есть сын человеческий. Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас сына божия и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения. Я ничего не могу творить сам от себя. Как слышу, так и сужу; и суд мой праведен: ибо не ищу моей воли, но воли пославшего меня отца. Если я свидетельствую сам о себе, то свидетельство мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий о мне; и я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о мне. Вы посылали к Иоанну; и он засвидетельствовал о истине. Впрочем я не от человека принимаю свидетельство; но говорю это для того, чтобы вы спаслись. Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его. Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые отец дал мне совершить, самые дела сии, мною творимые, свидетельствуют о мне, что отец послал меня. И пославший меня отец сам засвидетельствовал о мне. А вы ни гласа его никогда не слышали, ни лица его не видели. И не имеете слова его пребывающего в вас; потому что вы не веруете тому, которого он послал. Исследуйте писания: ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о мне. Но вы не хотите придти ко мне, чтобы иметь жизнь. Не принимаю славы от человеков; но знаю вас: вы не имеете в себе любви к богу. Я пришел во имя отца моего, и не принимаете меня; а если иной придет во имя свое, его примете. Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от единого бога, не ищете? Не думайте, что я буду обвинять вас пред отцем; есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо, если бы вы верили Моисею, то поверили бы и мне; потому что он писал о мне. Если же его писаниям не верите, как поверите моим словам?»

Надо честно признаться, что при всем старании и самом благожелательном отношении едва ли возможно отыскать в этой бредовой мешанине хоть каплю здравого смысла. Если бы сегодня какой-нибудь нарушитель уголовного кодекса вздумал разразиться на допросе подобной речью, его бы немедленно отправили на освидетельствование к психиатру.

Да и в те времена никто, разумеется, ничего не понял во всей этой болтовне. Посланцы синедриона пожимали плечами, не зная, можно ли считать столь изобильное и бессвязное Слово вменяемым. В конце концов они плюнули и отка-

зались от мысли арестовать Иисуса. По их мнению, он сам не понимал, что говорил, и вряд ли отвечал за свои поступки (Иоанн, гл. 5, ст. 1—47).

Они ограничились тем, что сунули ему под нос список запрещенных для субботы дел и предупредили, чтобы впредь он был повнимательнее.

В связи с этим я считаю не лишним познакомить читателей с некоторыми из подобных запретов, смешных и нелепых, как и все религиозные предписания.

Полный их список содержится в так называемой книге Раввинов. Я приведу лишь наиболее типичные, чтобы показать, до какого абсурда доводит фанатизм.

В день саббат, или попросту в субботу, евреи были обречены на полное и абсолютное бездействие.

«Запрещается в день саббат слепому ходить с палкой. Запрещается всем иудеям носить любой груз, будь то веер, съемная коронка на зубе или даже бант, не пришитый к хитону. Запрещается писать более одной буквы подряд. Запрещается убивать насекомое, даже если оно тебя жалит или кусает. Запрещается растирать любую часть тела, если у тебя ревматизм. Запрещается полоскать больной зуб уксусом, если потом не проглатываешь полоскание, а выплевываешь. Запрещается сыпать в курятник больше зерна, чем могут склевать куры, дабы оставшееся зерно не проросло и не оказалось посеянным в день саббат. Запрещается путникам, задержавшимся в дороге в ночь с пятницы на субботу, идти дальше, даже если темнота застигла их в лесу или в поле, под дождем или ветром, или в местах, где им угрожают разбойники».

И не считайте, пожалуйста, что я все это выдумал для собственного удовольствия. Все вышеперечисленные запреты в те времена действительно существовали и соблюдались. Есть даже сведения об одном фарисее, по имени Шамаи, который после четверга уже не решался доверить слуге-язычнику самой пустяковой записки, опасаясь, как бы тот не вручил ее адресату в день саббат.

Христиане тоже не отстают от иудеев в области нелепых ограничений. До сих пор в некоторых странах воскресное ничегонеделание соблюдается так же строго, как суббота у древних евреев. Совсем недавно английские богословы — протестанты обсуждали такой, например, животрепещущий вопрос: можно ли в воскресенье ходить? И представьте, нашлись сторонники полной неподвижности!

ГЛАВА XXXI

ФАРИСЕЙСТВО ФАРИСЕЕВ

И пришел опять в синагогу. Там был человек, имевший иссохшую руку.

И наблюдали за ним, не исцелит ли его в субботу, чтобы обвинить его.

Он же говорит человеку, имевшему иссохшую руку: стань на средину.

А им говорит: должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? Но они молчали.

И, воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их, говорит тому человеку: протяни руку твою. Он протянул; и стала рука его здорова, как другая.

Фарисеи, выйдя, немедленно составили с иродианами совещание против него, как бы погубить его.

Марк, гл. 3, ст. 1—6



Надо видеть, как умиляются христиане, вспоминая о неприятностях, причиненных Иисусу фарисеями! Если им верить, то начиная с истории в купальне «Вифезда» ходячее Слово подвергалось непрерывным гонениям. Повсюду, в пустыне и на дорогах, даже когда сам Иисус думал, что наконец-то остался один со своими учениками, за ним якобы неусыпно следили осведомители синедриона и при малейшей возможности натравливали на бродячего пророка зевак, выставляя его богохульником и нарушителем законов Моисеевых.

В следующую за пасхой субботу Иисус решил вернуться в Галилею и двинулся в путь вместе со своими семью апостолами.

Мы уже знаем, что святая бражка считала своим все, что им попадалось под руку. Так вот, под предлогом того, что у них разыгрался аппетит, они забрались на чужое поле, набрали самых спелых колосьев, растерли их и начали есть зерно, сдувая полбу.

Они, конечно, не знали, что фарисеи не спускают с них глаз. Несомненно, сыщики синедриона были переодеты, иначе апостолы Иисуса поостереглись бы. Итак, фарисеи внезапно раскрыли свое инкогнито и приблизились к вожаку беспардонных грабителей.

— Ну, теперь ты попался! — сказали они.— Сегодня, кажется, опять суббота?

— Суббота. А что дальше?

— А то, что закон строжайше запрещает жать или веять в день саббат! Между тем твои подручные на наших глазах собирали колосья и отвеивали зерно. Попробуй теперь выкрутиться!

— Да что вы, нанялись, что ли, меня смешить? — ответил Иисус, которого нелегко было застать врасплох.— Откуда вы взяли, что мои ученики жали и веяли зерна? Можете называть их ворами, если угодно, однако не пытайтесь им приписать нарушение запретов субботы.

— Болтай, да не забалтывайся! — посоветовали ему фарисеи.— По этому вопросу давно уже есть соответствующее разъяснение. Признано и установлено, что собирать колосья и мять их в ладонях — это все равно что жать и молотить. Да будет тебе известно: наш духовный суд, решения которого непогрешимы, на последнем заседании определил, что даже хождение по полю должно рассматриваться как обмолот зерна, и даже ловля мух квалифицируется как запрещенная охота[1].

Иисус пожал плечами.

— Для истолкователей библейских законов,— заметил он,— вы не слишком подкованны.

— В самом деле?

— Это как пить дать, с вашего позволения... Разве вы не знаете, что сделал однажды Давид, почувствовав голод? Он вошел в синагогу и съел жертвенные хлебцы, которые никто не имел права есть, разумеется кроме священников, а часть хлеба отдал своим спутникам. Это было в те времена, когда первосвященником был Авиафар и когда...

— Бог с ним, с Давидом, а вот как ты объяснишь поведение твоих приятелей?

— Да очень просто! Если Давид, взалкав, мог взять священные хлебцы, открыто нарушив тем самым предписания Моисеевы, можно ли обвинять моих голодных учеников за то, что они для поддержания жизни собрали на поле по горсти колосьев?

Как видно, шпики синедриона не были опытными фарисеями. Иначе они могли бы заметить ходячему Слову, что оно само не слишком хорошо знает Библию, ибо, во-первых,

---

[1] *Маймонид* *. Книга наставлений, гл. 7.

упомянутого Иисусом первосвященника звали не Авиафар, а Ахимелех, а во-вторых, Давид, посвященный Самуилом на царство, имел благословение божье, чего, естественно, не было у наших бродяг, не получивших благословения ни от одного первосвященника.

Кроме того, Давид имел право съесть жертвенные хлебцы, или, иначе, хлебы приношения. Двенадцать этих хлебцев символизировали двенадцать еврейских племен. Их выпекали из лучшей муки и клали в алтаре синагоги на великолепный стол из черного дерева, украшенный золотом. Эти хлебные жертвоприношения постоянно возобновлялись, потому что шли священникам на обед. Иудейские священники заставляли верующих косвенно — через бога — снабжать их всевозможной провизией. Под видом жертвоприношений они получали ягнят, баранов, быков на бифштексы и вырезки и даже хлеб из самой чистой муки. Давид был законным царем и пророком, а потому мог вкушать любую пищу, принесенную в синагогу, не нарушая при этом никаких законов.

Итак, фарисеи, сбитые с толку нахальством ходячего Слова, ничего ему не ответили.

Тогда Иисус сказал:

— Могу еще добавить. Разве день саббат существует для священников? Нет. Простые верующие ничего не должны делать в субботу, но к священникам это не относится. В храме не бывает дня саббат. Так вот, к вашему сведению, я сам по себе храм, а посему, когда мои ученики трудятся рядом со мной, они не совершают никаких нарушений.

Фарисеи не нашлись что ответить и удалились.

Вступать в спор с таким говоруном было заведомо бесполезно! Поэтому они вернулись в Иерусалим, чтобы составить донесение обо всем, что они видели и слышали.

Что же касается миропомазанного и его спутников, то они спокойно двинулись дальше.

Будучи пророком, Иисус несомненно должен был в тот день подумать о грядущем, когда роль иудейских жрецов перейдет к христианским священникам. В самом деле, теперь днем отдыха стало воскресенье, и наши священники запрещают нам в этот день работать. Правда, сами они в воскресенье трудятся в поте лица своего, но поскольку для них это единственный рабочий день, то за неделю они не слишком утомляются.

Анекдотический рассказ об украденных колосьях изложен в трех евангелиях: от Матфея (гл. 12, ст. 1—8), от Марка (гл. 2, ст. 23—38) и от Луки (гл. 6, ст. 1—5).

Случай этот произошел на дороге, ведущей от Иерусалима в Галилею. Евангелисты не уточняют, где затем остановился сын голубя, объявивший себя ходячей синагогой. Они довольствуются туманным намеком на то, что козни фарисеев, пытавшихся поймать миропомазанного на нарушении запретов саббата, обозлили Иисуса до крайности и с тех пор он специально, в пику им творил свои чудеса главным образом по субботам, предпочитая этот день всем остальным дням недели.

Так, в следующую же субботу он нарочно зашел в синагогу и начал присматриваться к толпе: не найдется ли среди молящихся какого-нибудь больного, которого можно было бы исцелить.

Подходящий калека нашелся: у него была сухая правая рука. Евангелие от евреев — правда, Никейский собор объявил его апокрифом * — говорит, что это был каменщик. Каменщик так каменщик.

Где и как произошло с ним несчастье — неизвестно. Ясно только одно: сухорукий каменщик никак не мог приспособиться держать мастерок в левой руке, а потому вынужден был просить милостыню, дабы не умереть от голода.

Иисус направился прямо к нему.

Фарисеи — от них никуда нельзя было деться — сразу догадались, что он собирается делать, и поспешили вмешаться.

— Простите,— обратился к Иисусу один из них,— уж не собираетесь ли вы лечить этого человека?

— Что вы сказали? — сварливо проговорил Иисус, делая вид, что не расслышал вопроса.

— Я сказал: не собираетесь ли вы продемонстрировать свои таланты исцелителя на этом человеке с высохшей рукой?

— А почему вы меня об этом спрашиваете, сударь?

— А потому, сударь, что сегодня суббота.

— Я это знаю, сударь!

— Так вот, сударь, заниматься врачебной деятельностью в субботу строго запрещено.

— Возможно, сударь, но моя врачебная деятельность не имеет ничего общего с медициной.

— Тысяча извинений, сударь, однако позволю себе заметить, что, если вы каким бы то ни было способом все-таки

исцелите этого сухорукого, вы тем самым нарушите предписания саббата. Вы меня хорошо поняли, сударь?

Все верующие, собравшиеся в синагоге, с живейшим вниманием следили за этим обменом вежливыми фразами, полными скрытого ехидства. Кто возьмет верх — пока трудно было решить. Но тут ходячее Слово, умевшее завоевать симпатии толпы, ответило следующим ловким сравнением:

— Хотел бы я знать, если у вас в субботу свалится в яму единственная ваша овца, найдется ли среди вас хоть один человек, который не спустится в яму и не вытащит свою овечку?

Удар попал в цель. Довод миропомазанного был встречен одобрительным гулом. Тогда, почувствовав, что большинство на его стороне, он добавил:

— А разве здоровье человека не дороже барана? Дороже! Значит, исцелять людей не только можно, но и должно, даже в день саббат.

Затем, приблизившись к сухорукому каменщику, он приказал:

— Покажи свою руку!

Тот повиновался. Иисус внимательно осмотрел скрюченную конечность.

— Дамы и господа! — обратился он к присутствующим.— Дабы злые языки не говорили потом, будто я вас дурачу и этот человек — мой сообщник, действующий со мной по предварительному сговору, прошу всех осмотреть его правую руку и убедиться, что она действительно высохла.

И, повернувшись к каменщику, добавил:

— А ну, приятель, пройдись по кругу и покажи свою руку всем этим дамам и господам.

Каменщик сделал так, как ему было сказано.

Недоверчивые зрители изо всех сил щипали его руку, чтобы узнать, не симулянт ли он, но рука действительно была сухой и каменщик ни разу не охнул. Какой-то фарисей даже воткнул в неподвижную конечность булавку, однако и на сей раз калека не почувствовал боли.

Когда наш маг и волшебник убедился, что толпа ему поверила, он засучил рукава и громким голосом продолжал:

— Дамы и господа, прошу убедиться: в руках ничего, в карманах тоже!.. Единственно усилием воли я сейчас восстановлю кровообращение в иссохшей руке этого несчастного. А ну, приятель, давай сюда твою правую лапу. Превосходно... Внимание! Раз, два, три — ты здоров!

При этих словах каменщик радостно вскрикнул и принялся шевелить вдруг ожившими пальцами исцеленной руки.

— Браво! Бис! Браво! — кричала толпа.

Фарисеи, цитирую буквально, пришли в бешенство. Однако, сообразив, что в данном случае симпатии народа целиком на стороне Иисуса, они удалились, бормоча сквозь зубы угрозы и перешептываясь между собой:

— Вот наглец!

— Опять он нас провел!

— Ну ничего, будет и на нашей улице праздник!

(Смотри об этом евангелия от Матфея, гл. 12, ст. 9—21; от Марка, гл. 3, ст. 1—6; от Луки, гл. 6, ст. 6—11.)

Сын голубя торжествовал. Тем не менее, видя, что фарисеи расставляют ему всевозможные ловушки и ждут первого его неосторожного шага, чтобы свести с ним счеты, миропомазанный начал заблаговременно отступать. Рано или поздно фарисеи сумели бы обмануть и натравить на него толпу, и тогда с ним было бы покончено. Однако «...его час еще не пришел».

«Еще не пришел его час», «его время еще не пришло»,— повторяют служители христианской церкви, объясняя этой фразой все проделки господина Иисуса до того момента, когда его наконец подвесили к кресту.

Если им верить, кротчайший сын божий был зачат его коллегой — голубем специально для того, чтобы искупить первородный и все прочие грехи человечества. Господь бог, единый в трех лицах, четыре тысячи лет сидел на небесах и с досадой взирал, как люди рождаются с большим темным пятном первородного греха на совести, несмываемым пятном, которое оставили им в наследство дерзкие любители яблочек земного рая. Не меньшее огорчение доставляло ему и то, что, родившись, грешные смертные за свою недолгую жизнь ухитрялись еще совершать бесчисленное количество грехов, и под конец их души становились чернее давно не чищенного дымохода. Необходимо было что-то предпринять. Но что именно?

Три члена троицы посовещались.

Яхве, или Иегова, самый мстительный и злопамятный из всех трех, сказал:

— Поскольку люди грешили, грешат и будут грешить — можете сами в этом убедиться! — пусть вечно горят в аду ясным огнем!

Однако Иисус, воплощение доброты, возразил:

— Нет, нет, мы должны быть выше мелочного злопамятства!

— Так что же, ты хочешь, чтобы эти негодяи пользовались всеми удобствами и блаженствами царства небесного?

— А почему бы и нет?

— Но как же они искупят миллионы, миллиарды и триллионы совершенных ими грехов?

— Вопросом искупления я готов заняться сам. Я воплощусь в человека, так сказать влезу в человеческую шкуру, и в определенный час позволю себя распять. Таким образом я стану жертвой и рассчитаюсь собой за всю посуду, разбитую людьми в их земном кабаке.

Голубь не говорил ничего, однако у него давно уже зрел свой план. Сейчас он решил, что настал благоприятный момент высказаться.

— Я согласен с предложением Иисуса,— проворковал он.— В Назарете, в Иудее, есть одна девица, за которой я бы с удовольствием приволокнулся. Пускай кто-нибудь из наших архангелов слетает к ней, возвестит обо мне и обработает ее в соответствующем святом духе. Остальное я беру на себя. Когда пройдет положенный срок, Иисус воплотится в младенца.

— Превосходно! — поддержал его Иисус.— Мы назовем это тайной непорочного зачатия. А когда я окажусь среди людей, я уж постараюсь, чтобы мои новые сородичи приговорили меня к смерти и распяли на кресте в возрасте тридцати трех лет, ни раньше, ни позже!

— Если такая перспектива тебя радует, милейший,— проворчал Иегова,— я возражать не стану. Это — твое личное дело. Но я настаиваю, чтобы после твоего торжественного искупления ад не был окончательно упразднен. Ты заплатишь за все грехи оптом, но грешники должны ответить каждый за себя, в розницу. Мы даже создадим для них новую кухню, под названием «чистилище», а то всех сразу не поджаришь.

Таковы были основные условия договора, заключенного между тремя членами троицы.

Договор вступил в силу.

Иисус, как мы знаем из первых глав этой книги, воплотился в сына человеческого и в возрасте тридцати трех лет, как мы увидим дальше, действительно позволил фарисеям и высшему иудейскому духовенству арестовать себя и подвесить к кресту.

Точно так же мы знаем, что, несмотря на благоволение Иисуса к людям, несмотря на то что он искупил все прошлые и будущие грехи рода человеческого, Иегова, согласно договору, продолжал мстить бедным грешникам, поджаривая их либо в чистилище, либо в аду.

Как бы там ни было, Иисус не мог позволить фарисеям сцапать себя, «пока не пришел его час».

Именно поэтому, видя, что исцеление сухорукого каменщика довело фарисеев до бешенства, он и на сей раз взял ноги в руки и поспешил убраться подальше, на северный берег Тивериадского озера.

ГЛАВА XXXII

АПОСТОЛЬСКАЯ ДЮЖИНА УКОМПЛЕКТОВАНА

Увидев народ, он взошел на гору; и, когда сел, приступили к нему ученики его.
И он, отверзши уста свои, учил их...

Матфей, гл. 5, ст. 1—2



тход мессира Иисуса на запасные позиции произошел в соответствии с заранее разработанным планом. Божественный чудак со своими семью апостолами отступил в направлении страны, которой правил Филипп.

Однако, как утверждает евангелие, за ним последовали целые толпы одураченных из Галилеи, Иудеи, Иерусалима, Идумеи и с берегов Иордана. Трудно себе представить крестьянина или торговца, который бы забросил все свои дела ради удовольствия лишний раз услышать ходячее Слово или увидеть еще одно чудесное исцеление. Но приходится верить, если так сказано в книгах, написанных под диктовку голубя.

Любопытные зеваки пришли даже из языческих краев, таких, как Тир и Сидон.

Народу собралось столько, что Иисус перепугался, как бы его не задавили в толкучке, и сказал Петру:

— С меня хватит, я уже сыт по горло. Раздобудь поскорее лодку, поплывем на ту сторону озера!

И в самом деле, все увечные и калечные прямо-таки висли на Христе, веря, что одно прикосновение к его знаменитому хитону без швов может вернуть им здоровье.

Даже бесноватые не устояли перед всеобщим поветрием. Они хватали Иисуса за ноги, и нечистые духи выскакивали из них, громко свидетельствуя о своем бессилии.

Все это, разумеется, было весьма лестно, однако со временем становилось утомительным.

В иные дни бывал такой наплыв пациентов, что к вечеру миропомазанный не мог шевельнуть и пальцем от усталости. Однажды, как повествует святой Лука, Иисус настолько уморился, что удрал на гору и всю ночь провел там за молитвой.

Даже самые ученые богословы не знают и слова из этой длинной молитвы, зато они самым точнейшим образом определили гору, где она была произнесена. По их мнению, эта гора находится между Капернаумом и Тивериадой. Сегодня

арабы называют ее «Рога Хаттин», потому что у этого холма раздвоенная вершина, а у подножия расположена деревня, носящая то же название.

Что касается самой молитвы, то, поскольку никто не удосужился ее застенографировать, мы приводим приблизительный вариант.

— Отче мой! — должно быть, восклицал второй член божественной троицы.— Господи, ну и волынка! Ни за какие коврижки не стал бы я воплощаться, если бы знал, какая это канитель! И если бы можно было начать сначала, я бы, конечно, этого не сделал. Ой-ей-ей, ну и влип я в историю! Я даже представить себе не мог, что в Иудее и Галилее столько недужных и бесноватых. Только сегодня я исцелил бог знает сколько больных. Каждого надо было коснуться, и теперь у меня прямо руки отваливаются. А когда я подумаю, что это еще самый легкий кусок моего земного пути, просто жуть берет! Что же будет, когда придет наконец мой час и я должен буду отдаться в руки зловредных фарисеев, которые спят и видят, как бы меня повесить? Ей-богу, дорогой мой папа Саваоф, ты сейчас, наверное, смеешься надо мной у себя там на небесах! И ты прав, о господи. Что за дурацкая идея взбрела мне тогда на ум! Какого черта вздумалось мне спускаться на эту землю и искупать все смертные и прочие грехи человеческие? Видно, делать мне было нечего... Э, да что теперь разговаривать! Когда вино налито, приходится пить. Аминь. Уф-ф-ф!

На следующее утро, спускаясь с Рогатой горы, Иисус подумал о том, что неплохо было бы переложить часть своих обязанностей на апостолов. Передать им способность творить чудеса было делом несложным. Ввосьмером они бы не так утомлялись. Тут же ему пришла в голову мысль, что штат его учеников все еще не укомплектован. Не теряя времени, Иисус набрал в помощь семи прежним апостолам еще пять новых, чтобы была круглая дюжина.

Мытарь Матфей, сын Алфеев, рекомендовал на эту должность двух своих братьев, за лояльность которых ручался головой. Действительно, в евангелии говорится, что два новых ученика Иисуса, Фаддей и Иаков Младший, были тоже сыновьями Алфея.

Кроме них в шайку святых бродяг согласились вступить некий Фома, по прозвищу Зилот, некий Симон Хананянин, или Кананит, и некий Иуда из Кериата Иудейского, иначе — Иуда Искариот.

Так их стало двенадцать, как было двенадцать сыновей у Иакова, как было двенадцать племен Израиля.

Вот полная номенклатура наших бродяг: Симон-Петр и Андрей, сыновья Ионы; Филипп, маленький Иоанн и Большой Иаков, сыновья Зеведеевы; Нафаниил, сын Толмая (псевдоним — Варфоломей); Симон Кананит; Левий (псевдоним — Матфей), Фаддей и Иаков младший, сыновья Алфея; Фома Зилот, или Близнец, и, наконец, Иуда Искариот.

Набрав полный штат апостолов — как мы увидим позднее, выбор был не всегда удачен,— Иисус совершенно упустил из виду, что прежде всего им надо было бы передать способность творить чудеса; этот дар они получили только много позднее, уже от святого голубя. Иисус же вместо этого повел апостолов на свою излюбленную гору и угостил их там длиннейшей речью.

— Ах! — восклицал он.— Вы даже не представляете, сколь счастливы идиоты! Они, правда, не подозревают о своем счастье, но участь их поистине достойна зависти, ибо нищим духом будет принадлежать царство небесное!.. А те, кто обливается слезами? Я готов пари держать, что вы их жалеете, однако и они тоже счастливы, ибо плачущие в конце концов утешатся!.. Кроме того, счастливы те, кто кроток душой, как овцы, ибо получат в наследство всю землю!.. Блаженны алчущие и жаждущие справедливости, ибо в свое время насытятся ею по горло!.. Блаженны те, кто не помнит зла, ибо, когда они сами попадутся на какой-нибудь шалости, их тоже помянут. Еще блаженнее те, кто узрит бога, ибо занимательнее зрелища невозможно и вообразить: по сравнению с ним даже оперетта — ничто. Но, чтобы увидеть бога, нужно иметь чистое сердце. Итак, блаженны чистые сердцем! Блаженны также противники всяких драк, ибо, во-первых, можно и без драки попасть в большие забияки, а во-вторых, сторонники мирных способов разрешения конфликтов удостоятся титула сынов божьих, а это вам не хвост собачий! Наконец, блаженны те, кого несправедливо таскают по судам, ибо в положенный срок они вместе с идиотами получат в виде компенсации царство небесное!

Апостолы выслушали эту чепуху с удовольствием. Иных слушателей не было: Иисус позаботился, чтобы первое издание его нагорной проповеди стало достоянием избранных. Лишь позднее он выпустил ее массовым тиражом, для широкой публики.

Но это было далеко не все.

Доверительно обратившись к апостолам, Иисус продолжал:

— Мои слова предназначены для нищих духом вообще и для вас в частности. С точки зрения духовных богатств вы далеко не миллионеры,— в этом вам здорово повезло! Но повезет еще больше, когда все прочие люди ополчатся против вас. Отовсюду вас будут гнать в три шеи, поносить и злословить дальше некуда, измываться над вами по-всякому, а уж как дойдет до суда, тогда все царствие небесное покажется вам с овчинку! Но вас это должно только радовать и веселить, ибо так будет установлено полное тождество между вами и пророками. Знаете, что претерпели пророки? Их современники приложили немало сил, чтобы устроить им веселую жизнь: их пороли розгами, привязывали к лошадиным хвостам, бросали во рвы к хищным зверям и даже распиливали пополам! Так вот, это же ожидает и вас. Как видите, вам уготована блестящая карьера. А пока, в предвкушении славных мук, радуйтесь и веселитесь, друзья мои. Счастливое будущее вам обеспечено!

Добряки апостолы скорчили постные рожи: как видно, такое будущее не очень-то им улыбалось.

— Не огорчайтесь, друзья! — продолжал Иисус.— Так надо. Так написано в священных книгах, и мы ничего не можем изменить, ни вы, ни я,— необходимо, чтобы писания исполнились. Ведь вы соль земли, а если соль потеряет силу, чем будешь ее солить?

Удивленные апостолы переглянулись: они ничего не понимали.

— Истинно, истинно сказываю вам: соль не должна терять свою силу, ибо тогда нечем будет ее посолить. А если соль перестанет быть соленой, на что она будет годна? Останется только выбросить ее вон на попрание людям!

Я ничего не прибавил. Это слова самого Иисуса Христа. Кто сомневается, может прочесть их в пятой главе Евангелия от Матфея.

— Вы соль,— продолжал разливаться миропомазанный,— и в то же время вы свет мира. Когда город стоит на вершине горы, это ведь не то же самое, как если бы он стоял в глубине долины, не правда ли? В глубине долины его не было бы видно, а на вершине горы где спрячешься? Или вот еще сравнение. Когда зажигают свечу, ее ведь не накрывают горшком,— тогда бы незачем было вообще ее зажигать! Наоборот, свечу вставляют в подсвечник, и она освещает весь дом. Так

вот, вы свет мира; посему вам следует не прятаться под горшками, а светить со своих подсвечников.

Симон-Петр и прочие апостолы в явном затруднении скребли затылки.

— Еще несколько слов, друзья,— говорил между тем Иисус.— Злые языки будут говорить, будто я пришел, чтобы нарушить законы Моисеевы и опровергнуть предсказания пророков. Это неправда. Нет более правоверного иудея, чем я. Моисей сказал: «Не убивай!» Я иду гораздо дальше. Я не только говорю: «Не убивай», но добавляю: «Будь проклят тот, кто скажет брату своему: «Рака́!»» Обзывайте его как угодно, хоть свиньей, хоть сукиным сыном, если вам так нравится, но только не говорите ему: «Рака́!» Точно так же и с тяжбами, ибо их выигрывают только судьи. Лучше договориться с противником и кончить дело миром, иначе он потащит тебя к судье, а судья упрячет тебя в каталажку. Поверьте мне, я даю дружеский совет, искренне желая всем вам добра... Или вот еще: Моисей запрещает прелюбодеяние. Но это не все. Я говорю вам: опасайтесь даже смотреть на жену своего соседа, независимо от того, хороша она или страшна, как старая жаба! И, если вы заметите, что ваш правый глаз все же косится на жену соседа, не раздумывайте долго, вырвите ваш правый глаз и бросьте его от себя. Это — самое радикальное средство, иных я не признаю! То же самое, если у вас кое-где зачешется и ваша правая рука начнет соблазнять вас, отсеките без колебаний эту правую руку и бросьте ее от себя!

«Что-то он слишком разошелся!» — подумали апостолы.

— Раз уж мы коснулись этой темы, поговорим немного о женщинах,— не унимался сын голубя.— Не скрою, я сам против женщин ничего не имею. У нас ведь как заведено? Когда мадам надоест месье, он под первым предлогом выставляет ее вон. Разве это красиво? Говорю вам: месье может отделаться от мадам лишь после того, как мадам наставит месье рога. Во всех остальных случаях: даже если она сварливее тещи, даже если ей доставляет удовольствие сыпать вам сахар в котлеты, а соль — в варенье, по утрам выливать вам на голову ведра воды, якобы для того, чтобы вас разбудить, а по вечерам бить вас палкой под видом массажа,— все равно вы обязаны ее терпеть.

— Ему-то легко говорить,— пробормотал Иаков Большой на ухо Фаддею.— Он женщин знает только с лучшей стороны: все капернаумские потаскушки от него без ума! А по-

падись ему хоть раз какая-нибудь ворчливая мегера, он бы живо запел по-другому!

Иисуса между тем несло. Набрав воздуху, он начал очередную тираду:

— Закон Моисея также гласит: «Никогда не упоминай имени божьего всуе». Это, конечно, неплохо, но одного этого недостаточно. Знаете, что делают всякие проходимцы, когда хотят надуть своих ближних? Они клянутся Библией, храмом, святым городом Иерусалимом и воображают, что это дозволено, что это им сойдет с рук. Как бы не так! Тем более, что потом они свои клятвы не исполняют. Так вот, между нами говоря, это — последнее свинство. Клясться нельзя ничем. Вы не имеете права клясться даже своей головой, ибо сами не можете ни одного волоса сделать белым или черным, разве что перекраситесь. И вообще, когда вас о чем-нибудь спросят, отвечайте просто: «Да, да» или: «Нет, нет», а если вам не поверят на слово и потребуют клятвы, отвечайте: «Иди-ка ты... знаешь куда!»

Переводя дыхание, сын голубя продолжал:

— Еще хуже закон возмездия. Моисей приказывает: «Око за око, зуб за зуб». Ей-богу, это слишком жестоко! Я держусь иного мнения. В тысячу раз лучше вытерпеть и простить любую пакость. Предположим, твой недруг подходит к тебе на улице, наступает тебе на мозоль и дает тебе же пощечину. Вместо того чтобы тут же отделать нахала, подставь ему другую щеку,— вот тогда твой недруг попляшет! Или такой случай: кому-то приглянулась ваша туника и он собирается из-за нее подать на вас в суд. Скажи ему: «Вам нравится моя туника? Берите ее, пожалуйста, а заодно возьмите и плащ: я вам его дарю!» И если вы останетесь в одной рубахе, не беда: летом, в жару, так ходить прохладнее. Или, скажем, кому-нибудь взбредет в голову прихоть заставить вас прошагать вместе с ним тысячу шагов. Отвечайте ему: «Как, вы хотите, чтобы я прошел с вами только тысячу шагов? С превеликим удовольствием! Хоть еще две тысячи!»

Моисей требует,— продолжал Иисус,— чтобы мы любили своих ближних и ненавидели своих врагов. Я нахожу это нелепым. Скажем лучше так: любите тех, кто причиняет вам зло. Если кто-нибудь вас преследует, ненавидит, клевещет на вас и проклинает вас — любите его, как вашего лучшего друга. По крайней мере, это будет ново. И еще — о милостыни. Это вопрос щекотливый. Лицемеры не могут подать и гроша, предварительно не раструбив о своих благодеяниях

всему свету. Нам так поступать не годится. Если когда-нибудь нам придется помочь какому-либо несчастному, мы должны это сделать втайне, чтобы даже наша левая рука не ведала, что творит правая.

— Прошу прощения! — не выдержал Симон-Камень.— Все это очень хорошо, но когда же мы перейдем от слов к делу? Ведь мы до сих пор сами всегда просили милостыню у других, и, поскольку наше апостольное ремесло нельзя назвать прибыльным, я что-то не очень понимаю, каким образом мы сможем проявить свое великодушие явно или тайно.

— Это ничего не значит! — без сомнения ответило ему ходячее Слово.— Раз уж я взялся вам проповедовать, должен же я что-то говорить!

К великому сожалению, в евангелии не сохранилось этой короткой перепалки. Тем не менее она наверняка имела место. В самом деле, в своей знаменитой нагорной проповеди Иисус пересказал ряд положений, заимствованных у философов, живших за много веков до его рождения. Естественно, что его ученики были удивлены: слишком уж сильно разнились эти положения от повседневной практики апостолической шайки.

Вернемся, однако, к затянувшейся речи Иисуса, которая представляет собой как бы теорию христианства, этого путаного учения, где честные и нравственные мысли подобны жемчужным зернам в огромной куче навоза. Кстати, эти драгоценные наставления никогда не применялись на практике священниками и прочими ханжами.

Итак, ходячее Слово продолжало:

— Когда будете молиться, не молитесь вслух и не молитесь стоя: так делают священники-лицемеры, чтобы все их видели. Вы же, наоборот, запирайтесь у себя, чтобы никто вас не видел и не слышал. Кроме того, помните: чем короче молитва, тем она лучше. Не забывайте, что на земле живет несколько миллиардов людей,— разве господь наш бог может всех выслушать! Уверяю вас, если молитва длится более получаса, она наверняка не дойдет до слуха нашего отца небесного: у него просто не хватит времени!

Вот самая простая молитва: запоминайте!

«Отче наш, сущий на небесах!» Лучше было бы сказать: «вездесущный», но сойдет и так. «Да святится имя твое». Строго между нами: имя божье свято с таких давних пор, что святить его снова бессмысленно, получается масло масленое, однако не будем останавливаться на таких мелочах. «Да при-

идет царствие твое...» Вот это как раз не лишнее, этого стоит пожелать, и от всей души, ибо спор господа нашего с Сатаной что-то слишком уж затянулся. Правда, глупо просить у бога, чтобы он наконец победил,— ему самому этого хочется,— но напомнить об этом папаше Саваофу не вредно, а главное — ничего не стоит... «Да будет воля твоя и на земле, как на небе». Вы можете мне возразить, что глупее такой просьбы ничего не придумаешь и что просить всемогущее существо совершить то, о чем оно само мечтает,— идиотизм чистейшей воды. Не спорю, не спорю. Эта фраза действительно глупа, впрочем, как и все предыдущее,— в этом вы абсолютно правы. На зато в общем она звучит неплохо, а потому оставим ее, как есть... «Хлеб наш насущный дай нам на сей день». О себе ведь тоже надо позаботиться, не так ли?.. «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Это из той же оперы о тайной милостыне, о которой уже шла речь. Поскольку нам с вами никто ничего не должен, нам будет легче легкого строить из себя великодушных добряков кредиторов, не беспокоящих своих должников, и на этом основании смело требовать, чтобы и нам простили все наши долги, коих накопилось предостаточно, ибо, где бы мы ни проходили, мы всегда жили за чужой счет, дурача наивных глупцов... «И не введи нас во искушение». Конечно, подобная просьба может показаться странной: молить бога, чтобы он не вводил нас в искушение и не позволял нам грешить,— ведь это же настоящая ересь! Это все равно что сказать, будто господь наш бог — владыка зла! Впрочем, почему бы и нет, раз ничего не совершается помимо его воли? Итак, попросим бога не быть с нами Сатаной... «Но избавь нас от лукавого». Эта фраза служит дополнением к предыдущей. «Аминь».

Такова сущность учения, изложенного Иисусом в его нагорной проповеди. В этой длиннейшей проповеди, которую я не решаюсь привести дословно, боясь наскучить моим читателям, заключена как бы квинтэссенция всего Нового завета. Не случайно в Евангелии от Матфея она занимает целых три главы — пятую, шестую и седьмую.

Я знаю, что читать ее с начала до конца — удовольствие ниже среднего, однако сделать это необходимо. Всегда полезно убедиться в аморальности и лицемерии религии,— это именно тот случай, когда лишний раз не бывает лишним.

Я говорю о лицемерии христианства, потому что в учение Христа включено несколько справедливых положений только для того, чтобы замаскировать его сущность, и на практике

они все равно никогда не применяются. Вспомните христиан всех времен! Разве они творят милостыню втайне? Напротив! Все их благотворительные начинания сопровождаются рекламной шумихой, и каждый их дар подробно описывается в назидание современникам и потомству. Разве они презирают богатство? Как бы не так! Их церкви украшены золотом и серебром, их епископы рядятся в пышные одежды, расшитые драгоценными камнями, а содержание одного папы обходится в несколько миллионов ежегодно. Разве они прощают обиды врагам своим? Да они скорее удавятся! Нет никого на свете злопамятнее святош. Попробуйте сказать священнику хотя бы четверть того, что вы о нем знаете, и он затаскает вас по судам.

Я говорю об аморальности христианства, потому что та часть христианского учения, которая действительно осуществляется на практике, противоречит всем представлениям о естественной человеческой морали. Иисус проповедовал своим ученикам отвращение к труду, а ведь именно труд облагораживает человека. Последователями же апостолов всегда были бездельники и проходимцы. В этом отношении весьма характерен один отрывок все той же нагорной проповеди:

«Взгляните на птиц небесных,— говорил сын голубя,— они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту *хотя* на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут? Ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них... Итак не заботьтесь и не говорите: «что нам есть?» или: «что пить?» или: «во что одеться?» Потому что всего этого ищут язычники, и потому что отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Матфей, гл. 6, ст. 26—32).

О таком беззастенчивом восхвалении паразитизма просто не знаешь, что и сказать. Что стало бы с человечеством, если бы все последовали советам помазанного миром тунеядца? Боюсь, что мы быстренько обросли бы шерстью и вернулись в первобытное состояние.

Поэтому я повторяю: те, кто создал легенду о Христе и вложил в уста этого мифического персонажа подобные наставления, были гнусными проходимцами, проповедовавшими аморальность и лицемерие.

ГЛАВА XXXIII

ПРЕРВАННЫЕ ПОХОРОНЫ

Когда же он приблизился к городским воротам, тут выносили умершего, единственного сына у матери, а она была вдова; и много народа шло с нею из города.

Увидев ее, господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь.

И, подойдя, прикоснулся к одру; несшие остановились; и он сказал: юноша! тебе говорю, встань!

Мертвый, поднявшись, сел, и стал говорить; и отдал его *Иисус* матери его.

Лука, гл. 7, ст. 12—15



После того как апостольская дюжина прошла предварительный инструктаж, Иисус спустился с горы в Капернаум. Тут к нему пришел центурион, или сотник, то есть римский офицер, командовавший взводом легионеров, расквартированным неподалеку от озера. Приблизившись, сотник обратился к ходячему Слову с такой просьбой:

— Господи, у меня дома есть слуга, которого я очень люблю. Несчастный разбит ревматизмом и жестоко страдает. Помоги ему, господи!

— Хорошо,— согласился Иисус.— Я приду к тебе и исцелю его.

— Зачем тебе беспокоиться, господи! Скажи только слово, и мой слуга сам исцелится.

Миропомазанный, в восторге от столь глубокой веры, произнес просимое слово, и слуга центуриона тотчас избавился от ревматизма (Лука, гл. 7, ст. 1—10).

На следующий день после этого чуда Иисус, как уверяет евангелие, очутился в Наине. Такая быстрота передвижения не может не удивить тех, кто, хотя бы в общих чертах, знаком с географией Малой Азии. Дело в том, что от Капернаума до Наина самое малое километров сорок пять. Однако Иисус со своими апостолами, не чувствуя ни малейшей усталости, покрывал и не такие дистанции, словно Мальчик-с-пальчик в семимильных сапогах.

В тот день в Наине были похороны.

Христос увидел погребальную процессию.

Нет ничего печальнее восточных похорон: родственники несут на носилках труп, закутанный в пелены и облитый благовониями; впереди них идут флейтисты, извлекая из своих дудок заунывные и пронзительные звуки; позади носилок заранее оплаченные плакальщицы вопят и голосят нестройным хором, бия себя в грудь, воздевая руки к небесам, раздирая лохмотья и вырывая пучки волос из разлохмаченной прически.

Как видно, в тот день плакальщицы на совесть натерли себе глаза луком, потому что все они проливали настоящие потоки слез и находились в самом горестном и растрепанном состоянии.

Иисус был глубоко тронут их отчаянием, хотя в качестве бога мог бы догадаться, что все это не более как хорошо поставленный фарс.

— Кого вы хороните? — спросил он.

В евангелии не упоминается ни имени усопшего, ни его фамилии. Назовем его просто Вдовийсоном, потому что он был сыном вдовы.

— Это Вдовийсон,— ответил Иисусу кто-то из местных жителей.— Вчера он вдруг взял и преставился. И что это ему взбрело в голову, никто не может понять! Ведь он был единственным сыном своей мамаши, вдовы. Бедняжка! Поскольку она была вдовой, а он ее единственным сыном, теперь она осталась без всякой опоры.

Один из апостолов приблизился к миропомазанному и шепнул ему на ухо:

— Вроде неплохой случай сотворить здесь великое чудо, а? Это бы сразу подняло наши акции!

— Я и сам об этом подумываю,— ответил Иисус.

И действительно, сын голубя задумался. До сих пор он только исцелял больных и изгонял нечистых духов из всяких там бесноватых. Оживить покойника было весьма соблазнительно. После такого чуда никто уже не посмеет усомниться в его всемогуществе.

Иисус многозначительно подмигнул своим ученикам.

Смешавшись с толпой, апостолы уже подбивали местных простофиль, чтобы те просили чуда.

— Этот высокий светлый шатен,— говорили они,— настоящий пророк, таких вы еще не видели! Если он пожелает, он может воскресить вашего Вдовийсона.

— Равви! Равви! — кричали местные жители.— Сжалься над сыном бедной вдовы!

Похоронная процессия остановилась. Плотник-исцелитель приблизился к матери Вдовийсона.

— Не плачь, добрая женщина,— сказал он.

— Ах, сударь, вам легко говорить, а я так страдаю, так убиваюсь... Ах, мой сын, единственный сын, опора моей старости, я его потеряла!..

Флейтисты и плакальщицы умолкли. В толпе перешептывались:

— Он что, в самом деле пророк?

— Вроде непохож...

— Наоборот, похож! Смотри, какой вдохновенный взгляд! Он наверняка оживит хоть покойника...

— Ну уж нет, никого он не оживит!

— Оживит!

— Не оживит!

— Два против одного, что оживит!

— Четыре против одного, что не оживит!

Те, кто говорил, будто у Иисуса вид заправского пророка, ожидали, что сейчас он примется за дело по всем правилам искусства, как некогда Илия или Елисей.

Для воскрешения мертвых существовал целый ритуал, о котором можно прочесть в Библии. Чтобы оживить покойника, пророк должен лечь рядом с ним, открыть ему рот и многократно дуть в него изо всех сил. Поэтому, когда окружающие увидели, что Иисус даже не собирается ложиться рядом с Вдовийсоном, они были немало удивлены.

В самом деле, Иисус просто подошел к погребальным носилкам, коснулся их рукой и сказал:

— А ну, молодой человек, тебе говорят, встань!

Услышав этот приказ, покойник подпрыгнул, как чертик на пружинке, мигом порвал пелены, протер глаза и от радости, что снова жив, заголосил во всю глотку залихватскую песню.

— Ну, молодой человек! — сказал Иисус.— Допоешь свою песенку дома! А сейчас обними свою матушку, превосходнейшую из вдов, и живи счастливо, пока не помрешь опять.

Вдовийсон пришел в себя, но мать его никак не могла опомниться.

Она бросилась перед Христом на колени и облобызала край его чудесного хитона без швов.

Что же касается жителей Наина, то вместо того, чтобы устроить великому чудотворцу овацию, они перепугались до полусмерти. «И всех объял страх,— говорит евангелист

Лука,— и все кричали: — Великий пророк восстал между нами!» (Лука, гл. 7, ст. 16).

Почему вдруг такая паника?

Да просто потому, что добрые граждане Наина рассуждали логично:

— Если он может воскрешать мертвых одним своим словом, значит, он может превратить нас в покойников одним взглядом!

А потому они взяли ноги в руки и припустились кто куда. Еще немного, и они наложили бы себе в штаны.

Вот и твори после этого великие чудеса! Ей-богу, не стоило беспокоиться ради столь сомнительного успеха (смотри Евангелие от Луки, гл. 7, ст. 11—16).

Воскресший тем временем свернул свои погребальные пелены, пошел на базар и продал их там на вес, как утильсырье. На вырученные деньги он купил губку, чтобы собирать слезы плакальщиц: они ведь как следует натерли себе глаза луком и уже не могли остановить заранее оплаченного потока.

Что же касается представителей похоронного бюро и могильщиков, потерявших выгодный заказ, то они несомненно желали Иисусу всяческих неприятностей. Мать Вдовийсона наверняка отказалась платить за наполовину сделанную работу первых и никому не нужную работу вторых. И те и другие наверняка подали на нее в суд, требуя возмещения расходов по похоронам и погребению. Но чем закончился их процесс — этого я не знаю.

ГЛАВА XXXIV

НЕПРИЯТНОСТИ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

Иоанн, призвав двоих из учеников своих, послал к Иисусу спросить: ты ли тот, который должен придти, или ожидать нам другого?

...А в это время он многих исцелил от болезней и недугов и от злых духов, и многим слепым даровал зрение.

И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат, мертвые воскресают, нищие благовествуют.

И блажен, кто не соблазнится о мне!

Лука, гл. 7, ст. 19, 21—23

Тем временем Иоанн Креститель сидел себе накрепко в крепости Махер. Режим этой тюрьмы не был чересчур строгим: даже будучи заключенным, сын Захарии мог внимательнейшим образом следить за всеми делами и поступками своего кузена. У него по-прежнему были ученики, он даже ухитрялся их регулярно поучать. Все это лишний раз доказывает, что Ирод вовсе не походил на жестокого тирана, каким его рисуют христиане, а, напротив, был само воплощение терпимости и доброты.

Обычно заключенные не знают ничего о том, что происходит за стенами их темницы, а когда под замок попадает главарь шайки злоумышленников, ему тем более не позволяют общаться со своими сообщниками. Несмотря на это, приверженцы Иоанна Крестителя, как и прежде, бродяжничали по всей стране, нищенствовали, крестили простаков, взымая с них деньги, и частенько посещали своего вожака; как видно, у них было на то разрешение, составленное и подписанное с соблюдением всех формальностей.

— Ну что? — встречал их Креститель.— Какие новости?

— Фарисеи, как всегда, не слезают со своего конька — законов Моисеевых. Они собираются запретить нам крестить народ по субботам.

— Меня это не удивляет. А как дела у Иисуса?

— Говорят, он творит чудеса по городам и селам. Иногда он даже принимает вызовы на дом...

— Проклятье! Первое чудо, которое он должен был бы

совершить, это вытащить меня из каталажки. Конечно, здесь мне не так уж плохо: кормежка довольно приличная, постель для тюремной даже роскошная и директор ко мне благоволит, разрешая всяческие поблажки, но все равно я тут дурею от скуки! Я ведь так люблю свежий воздух пустынь!

Эти размышления навели Крестителя на мысль, что, может быть, Иисус вовсе не был тем самым мессией, приход которого он должен был возвестить: иначе как объяснить подобную забывчивость ходячего Слова по отношению к своему предтече?

И вот Креститель выбрал двух своих приверженцев и отправил к сыну голубя со следующим посланием: «Будь столь добр, растолкуй подателям сего письма, действительно ты тот, кто должен был прийти, или нам ожидать другого?»

Два крестителя отправились на поиски Иисуса и встретили его в Наине. Когда они выполнили возложенное на них поручение, миропомазанный сказал себе:

«Вот так штука! Даже мой предтеча во мне сомневается... Я прекрасно знаю, чего ждет от меня мой кузен. Мне, конечно, было бы раз плюнуть вызволить его из тюрьмы... Ну, погоди, дружище! Раз ты еще сомневаешься в моей божественности, я совершу такие чудеса, что все твои ученики вытаращат глаза и уверуют, зато того чуда, которого ты хочешь, не видать тебе, как своих ушей!»

По счастливой случайности, когда ученики Крестителя предстали перед Иисусом, вокруг последнего толпились всевозможные больные и калеки: горбатые, слепые, хромые, безногие, безрукие, прокаженные, бесноватые, чахоточные, страдающие от оспы, катара, водянки и лихорадки. Кроме того, его осаждали заплаканные родственники со своими дорогими покойниками в гробах.

Иисус повернулся к посланцам Крестителя и сказал:

— Значит, ваш учитель не уверен, что я настоящий мессия? В таком случае откройте пошире глаза и смотрите!

Он вытянул руку, произнес несколько каббалистических слов, сделал непонятный жест. И в тот же миг все больные стали здоровыми, у всех калек выросли недостающие члены, а все покойники приподняли сосновые крышки своих гробов, выскочили наружу и пустились от радости в пляс.

— Ну, что теперь скажете? — спросил Иисус.— Видели вы подобные чудеса?

Ученикам Крестителя пришлось признаться, что чудо было первого сорта.

— Подите расскажите Иоанну,— продолжал сын голубя,— о том, что слышали и видели: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и я всем им читаю бесплатные проповеди. И если это его не наставит на ум, значит, он просто не хочет в меня верить.

Крестители приуныли. Они поняли, что Иисус действительно мессия, но в то же время убедились, что он исцеляет всех подряд, не требуя ни от кого вознаграждения. Это их жестоко уязвило. Евангелие дает понять, что ученики Крестителя, узнав, что Иисус произносит проповеди «за так», были совершенно убиты.

Они пожали плечами и буркнули:

— Кто раздает товар даром, тот вредит торговле, чума его забери!

Иисус прекрасно понял, что они хотели сказать. Поэтому он добавил:

— Послушайте-ка, вы, чего это у вас такие кислые рожи? Если я произношу мои речи даром, это касается только меня одного, понятно? Кроме того, горе тому, кто будет мною недоволен. Гореть ему в аду и не сгореть, это я вам говорю!

Крестители не стали дожидаться продолжения и поспешили ретироваться. Толпа вокруг Иисуса была на его стороне, и отовсюду уже слышался ропот против каких-то незнакомцев, позволивших себе усомниться в совершенных им чудесах. Тоже мне, выискались контролеры! Кое-кто поговаривал, что надо бы догнать наглецов и накостылять им шею, другие открыто поносили самого Иоанна Крестителя, поминая его самыми крепкими словами. Миропомазанный почувствовал, что ему пора утихомирить своих слишком ретивых сторонников.

— Полно вам! — сказал он.— Креститель, в сущности, не такой уж плохой человек. Он просто убит всеми неприятностями, которые ему приходится терпеть в своем клоповнике. Недоваренный горох и гнилая солома — вот и вся причина его недовольства. Тем не менее это не мешает ему оставаться пророком. Он объявил о моем приходе, он назвал меня агнцем божьим,— это было с его стороны весьма любезно, и надо воздать ему должное. Поэтому я вам советую не поднимать шума из-за его плохого настроения. В этом нет преступления.

Так как кое-кто все еще удивлялся, слыша столь благодушные речи, Иисус добавил:

— Да, да, друзья мои, он не виноват. Зато есть другие люди, куда более зловредные, чем несчастные ученики моего кузена. Я говорю о фарисеях. О, эти никогда не бывают довольны! Когда Креститель начал питаться одной саранчой, они говорили, что он одержим злым духом. Но вот я люблю поесть, как все, и выпить не дурак, а они твердят, будто я веду предосудительный образ жизни и посещаю места злачные... Что бы ты ни сделал, они всегда к тебе придираются! Поэтому самое лучшее — не обращать внимания на их болтовню. Вы уж мне поверьте!

Когда посланцы вернулись к Иоанну Крестителю, тот забросал их вопросами:

— Ну как? Что он говорил?

— Он и в самом деле мессия, этого нельзя отрицать,— ответили посланцы.— Он творит чудеса и болтает без умолку. И если он тебя не освобождает и не вызволяет из этой крепости, то лишь потому, что твои затруднения ему на руку. Недаром говорят, что ближние родственники редко любят друг друга. Если бы ты был для Иисуса посторонним, он бы давно пришел к тебе на помощь, но ты его кузен, а потому он решил: пусть, мол, выпутывается сам как знает!

— То есть, иначе говоря, пусть сидит в тюрьме до скончания века!

И тогда, в отчаянии, что божественный братец его покинул, Иоанн Креститель вырвал у себя четыре пучка волос и принялся колотиться головой о стену (смотри евангелия от Матфея, гл. 11, ст. 2—19; от Луки, гл. 7, ст. 18—35).

ГЛАВА XXXV

ИИСУС ОБЗАВОДИТСЯ ПОДРУГОЙ

Некто из фарисеев просил его вкусить с ним пищи; и он, войдя в дом фарисея, возлег.

И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром; и, став позади у ног его и плача, начала обливать ноги его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги его, и мазала миром.

Лука, гл. 7, ст. 36—38

Фарисеи, как мы уже говорили, не жаловали Иисуса. Но, несмотря на всю свою неприязнь, кое-кто из них относился к нему с известной долей любопытства. Таким людям хотелось познакомиться поближе с человеком, пользующимся славою великого исцелителя. Мы уже видели, как Никодим тайком приходил к сыну голубя, чтобы потолковать с ним по душам.

Точно так же и в Наине нашелся любознательный фарисей, по имени Симон. В местной секте фарисеев он был большой шишкой. И вот однажды он решил испытать всемогущество назарянина или по крайней мере просто побеседовать с ним в интимной обстановке.

Как-то утром Иисус получил записку следующего содержания:

«Фарисей Симон завтра устраивает прием. Он будет счастлив видеть у себя Иисуса из Назарета».

Наш неунывающий герой тотчас сообщил Симону, что принимает приглашение. И вот в назначенный час он переступил порог фарисейского жилища.

По обычаю того времени, когда гостю хотели оказать честь, ему при входе в дом предлагали помыть ноги, обрызгивали его благовониями и даже целовали в щеку.

Фарисей, которому просто хотелось посмотреть, как выглядит мессия, пренебрег всеми этими условностями. Он встретил Иисуса довольно сдержанно, ограничившись самыми банальными комплиментами:

— Счастлив познакомиться... Я много о тебе наслышан и давно мечтал пригласить к завтраку. Прошу без церемоний, закусим, чем бог послал... Надеюсь, ты не будешь на меня в обиде.

Иисус ответил в том же духе. В конечном счете всякие почести были ему безразличны: главное, чтобы угощение оказалось на высоте и в достаточном количестве.

Он спокойно уселся за стол и, пока шел разговор о погоде, подналег на жаркое, стараясь проглотить побольше. В сущности, так и следовало держаться: ведь его пригласили не из дружбы, а из любопытства, значит, он и должен был вести себя соответственно.

В беседе он придерживался самых общих тем и никак не проявлял своего всемогущества.

Тем временем по городу разнесся слух, что Иисус закусывает у Симона. Подстегиваемые любопытством зеваки сбегались отовсюду и под разными предлогами проникали в дом гостеприимного фарисея. Соблюдая обычаи страны, слуги всех пропускали в пиршественный зал. Двери не успевали закрываться.

И тут к плотнику-чудотворцу вдруг проскользнула какая-то женщина, ухитрившаяся затесаться в толпу. Это была молодая, довольно легко одетая и еще хорошенькая блондинка. В руках у нее был алебастровый горшок с благовониями.

Очутившись рядом с Иисусом, блондинка бросилась к его ногам. Горшок выпал у нее из рук и разбился. Благовония растеклись по полу. Тогда, заплакав от досады, красотка распустила волосы, намочила их в разлившемся мире и принялась этой импровизированной губкой вытирать пыльные лапы сына голубя.

Присутствующие слегка удивились при виде этого многозначительного обряда. По обычаям того времени он означал решительное объяснение в любви. Симон был в таких делах знатоком, и ему сразу все стало ясно *.

Тем временем она умащала, и умащала, и умащала пятки, щиколотки, икры и прочие чувствительные места Иисуса, который жмурился, хихикал и повизгивал от приятного щекотания, производимого белокурыми волосами красотки.

Все бы ничего, да вот беда: красотка-то была далеко не строгих нравов. Белыми розами за добродетель ее бы не увенчали нигде, а тем более в Иудее. Наоборот, благодаря своим похождениям она пользовалась известностью совсем иного рода. Звали ее Мария. Она была замужем, но недавно послала своего супруга куда подальше, предварительно украсив его развесистыми рогами. Супругом ее был некий Паппус, сын Иудин, по профессии законник. Красотка устроила ему поистине веселую жизнь.

В первые дни своего рогоношения Паппус пробовал было возмущаться. Он даже ревновал,— об этом пишут все ученые богословы,— и запирал бедняжку Марию в своем доме.

Это ему помогло как мертвому припарки. Мария украшала голову супруга все новыми отростками. Садовник, кучер, лакей, повар, швейцар, разносчик, приносивший хлеб, приказчик бакалейщика, приходивший со счетами,— все ей годились. Она была ненасытна. Когда ее любовники уже изнемогали, она все еще призывно вздыхала.

В одно прекрасное утро, воспользовавшись недолгим отсутствием Паппуса, Мария удрала с молодым офицериком, которого заприметила из окна.

Офицер служил в гарнизоне Магдалы. Мария перебралась в этот город. У раздосадованного мужа хватило ума плюнуть на изменницу и забыть ее, и тогда ничем не стесненная красотка пустилась во все тяжкие, наверстывая упущенное.

Самые набожные комментаторы признают, что блудливая красотка, наставив рога мужу, не обошла и своего любовника. Короче, ее подвиги были столь многочисленны, что целый город разделил с ней славу, и теперь, говоря о Марии, ее называли не иначе как «Магдалина», ибо за несколько месяцев она ухитрилась переспать почти со всем мужским населением Магдалы.

Впервые увидев Иисуса, Магдалина решила:

— Будь я неладна, если не подцеплю этого красавчика!

С тех пор она преследовала его повсюду, строила ему глазки и присутствовала почти на всех его представлениях с чудесами. Так и в Наине она очутилась как раз вовремя, чтобы увидеть чудо воскрешения сына вдовы. Наконец, раздосадованная, что Иисус ее не замечает, она дерзко проникла в дом, где миропомазанный насыщался за столом фарисея Симона.

Теперь-то Магдалина была уверена в успехе! И действительно, сын голубя не только ее заметил, но даже милостиво позволил красотке щекотать и целовать свои ноги.

Между тем фарисей Симон был глубоко шокирован. Возможно ли, чтобы человек, выдающий себя за пророка, оказался таким слепцом? Позволять бог знает какой дамочке целовать себе ноги — это уже само по себе скандал. Но не видеть, что эта прилипчивая блондинка просто-напросто потаскушка,— это уже слишком!

«Ну и стерва! — говорил он про себя.— Однако Иисус-то, Иисус! Пусть теперь рассказывают кому угодно, что он пред-

видит будущее,— только не мне. Ему бы для начала не мешало разобраться в настоящем. Одно из двух: либо он видит, что имеет дело с проституткой последнего сорта, либо не видит. Если нет, то он такой же пророк, как тот горшок под кроватью, а если да, в таком случае хорош же он гусь!»

Видите, к чему может привести недостаток веры! Вот что значит неправильная точка зрения!

Иисус тотчас прочел в душе Симона все, что тот о нем думал, и решил преподать ему короткий, но памятный урок.

Протянув красотке ногу, чтобы той удобнее было его щекотать, он обратился к фарисею и сказал:

— Симон, я хочу шепнуть тебе пару слов.

— Давай, шепчи,— усмехнулся хозяин дома.

— У одного кредитора было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой — пятьдесят. Видя, что ему вряд ли удастся вернуть свои деньги, потому что оба должника были бедны, как синагогальные крысы, он плюнул и решил быть великодушным. Призвав обоих, он им сказал: «Друзья мои, вы мне должны кое-какую мелочь, но я хочу вас облагодетельствовать. Забудем это, и дело с концом!» Разумеется, должники закричали от радости и рассыпались в благодарностях. Но, скажи мне, Симон, кто из них должен испытывать большую благодарность к бескорыстному заимодавцу?

— Разумеется тот, кому была прощена более крупная сумма! А как же иначе?

— Ты правильно рассудил.

— Ну и что дальше?

— А дальше то, что мое сравнение относится к тебе и к этой женщине.

— Ты что, смеешься?

— Отнюдь! Наоборот, я говорю совершенно серьезно. Когда я вошел в твой дом, ты не предложил мне даже воды по обычаю омыть ноги... О, я говорю не в упрек, просто я констатирую факт... А эта женщина надушила мне пятки самыми изысканными благовониями. Хочешь понюхать? Ты сам убедишься, как они благоухают...

— Я и так верю, учитель.

— Ты не поцеловал меня даже в щеку, как принято, а она меня целует не в щеку, она целует мои ноги, и смотри с каким пылом! Значит, эта хорошенькая блондинка любит меня больше, чем ты, потому она и выражает свою признательность...

— Признательность? За что?

— Как за что? За услугу, которую я ей оказал и о которой ты даже не догадываешься!

— Какая же это услуга, скажи на милость?

— Я обладаю властью прощать грехи, Симон. Тебя это, может быть, удивляет, но тем не менее... Усаживаясь за твой стол, я простил тебе несколько грешков, которые были у тебя на совести, хотя ты, разумеется, ничего не заметил. Точно так же, позволив этой женщине целовать свои ноги, я очистил ее душу от скверны, и можешь мне верить, она в этом давно уже нуждалась. Сия хорошенькая блондинка это поняла и потому меня возлюбила... Она и есть тот должник, которому великодушный заимодавец простил долг в пятьсот динариев.

Однако Симон все еще не был убежден: в вопросах веры он отличался удивительным упрямством.

— С чего же вдруг такое предпочтение этой гулящей девке? — спросил он.

— Оно вполне естественно: из-за характера ее грехов. У меня непреодолимая склонность к потаскушкам. Чем больше женщина предается любви, тем она мне милее. А этой особенно «прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много» (Лука, гл. 7, ст. 36—50).

Фарисей Симон промолчал. Но душа его раз и навсегда закрылась перед учением Иисуса Христа, и про себя он подумал, что следующий раз поостережется приглашать к себе в дом гостей со столь сомнительной моралью.

Евангелие опускает конец этой истории.

А между тем совершенно очевидно, что Магдалина, видя, с какой благосклонностью принимал Иисус ее заигрывания, не успокоилась на достигнутом. Я, например, уверен, что она увела сына голубя к себе.

Когда мужчина позволяет женщине щекотать себе подошвы кисточкой из ее собственных белокурых волос, вряд ли он собирается ограничиться только этим.

Кроме того, если богословы из кожи вон лезут, пытаясь доказать непорочность матери ходячего Слова, Марии, то они даже не пытаются утверждать, будто Иисус успешно сопротивлялся заигрываниям многочисленных девиц, с которыми проводил дни и ночи.

Фарисей Симон, не веривший в Христа, мог быть шокирован его безнравственностью. Святоши, наоборот, считают любую, даже вполне недвусмысленную, милость любого пер-

сонажа со святым саном чуть ли не даром божьим. Так, если священник, то есть лицо, в коем пребывает частица благодати господней, позволяет себе порезвиться с маленькой девочкой, добрые христиане не видят в том ничего плохого. Гражданские законы осуждают чересчур темпераментных священников, зато церковные законы их оправдывают. Служитель Иисуса, посаженный в тюрьму за прелюбодеяние или развращение малолетних, сейчас же объявляется мучеником, а его жертва или соучастница прелюбодеяния, становится, сподобившись благодати, чуть ли не святой.

Тем более, почему бы самому Иисусу не освятить Марию, сделав ее своей любовницей?

Неверная супруга доктора Паппуса, которая обманывала всех своих любовников, не исключая офицерика из Магдалы, обрела в объятиях сына голубя давно утраченную невинность. Она пылко влюбилась в Иисуса, и тот был этим весьма доволен. Еще бы! Ведь он оказался первым любовником Магдалины, избавленным от рогов.

Мы еще вернемся к любовным похождениям Христа и Марии Магдалины. Существование этой связи отрицают лишь некоторые богословы, известные своим слепым фанатизмом. И наоборот, ее безоговорочно признают многочисленные отцы церкви, в частности аббат Дедосса де ла Бом, каноник коллегии святого Агрикулы Авиньонского, прославленный автор «Христиады, или Возвращенного рая».

ГЛАВА XXXVI

СЕМЬЯ ПО ИИСУСУ ХРИСТУ

И дали знать ему: матерь и братья твои стоят вне, желая видеть тебя. Он сказал им в ответ: матерь моя и братья мои суть слушающие слово божие и исполняющие его.

Лука, гл. 8, ст. 20—21

Веселый и довольный своею победой, мессир Иисус вернулся в Галилею, в окрестности Назарета. Его непреодолимо тянул к себе этот город, где ему доставались одни тычки да затрещины. Казалось, он дал себе клятву, что последнее слово все-таки останется за ним.

Сначала он пытался создать себе здесь репутацию пророка, произнося вдохновенные речи, но сограждане подняли его на смех. Затем он обманом пробрался в синагогу, чтобы сыграть роль ученого доктора из Иерусалима, но был опознан, согнан с возвышения и едва не сброшен в пропасть с горы. На сей раз сын голубя решил добиться успеха с помощью женщин.

Он уже заранее предвкушал, как потрясет своих земляков, когда явится в сопровождении Магдалины, дамы и впрямь весьма эффектной и к тому же невероятно богатой.

Быть любимым и чтобы тебя любили ради тебя самого,— об этом можно только мечтать!

Если у Иисуса была такая мечта, сейчас она осуществилась.

Его, нищего, полюбила женщина с завидным состоянием. Он был совсем не красив и тем не менее обзавелся очаровательной любовницей, аппетитной, как наливной ранет.

Впрочем, о чем я говорю? Теперь у него была не одна, а целая куча влюбленных в него почитательниц! За ним повсюду следовал настоящий гарем! Любимой султаншей была, разумеется, Магдалина, однако справедливости ради необходимо заметить, что не только она дарила Иисуса своим вниманием.

В евангелии упоминаются имена еще двух его поклонниц: Иоанны и Сусанны. О Сусанне нет никаких сведений, разве что ее имя на древнееврейском означает «цветок лилии». Что же до Иоанны, то святой Лука сообщает, будто она была

супругой некоего Хузы, управляющего в одном из имений Ирода. Увидев однажды Иисуса, эта Иоанна сказала себе: «Вот мужчина, который мне нужен!» И, реализовав свое имущество, бросила мужа, чтобы последовать за Христом.

— Кто меня любит, пойдет за мной! — твердило ходячее Слово.

И действительно, за ним ходила толпа женщин, бывших супруг, сбежавших от своих мужей, либо потаскушек с почасовой или разовой оплатой. Все они были отчаянными любительницами запретных яблочек, и все были без ума от своего господина и повелителя.

Они так обожали Иисуса, что готовы были его содержать на свои деньги. Он, со своей стороны, без стеснения пользовался их добротой.

И пусть не думают того читатели, что я преувеличиваю! В евангелии об этом написано черным по белому.

Откройте Евангелие от Луки, главу восьмую, стихи второй и третий. Там говорится довольно прозрачно, что с ним были «...некоторые женщины, которых он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов, и Иоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многие другие, которые служили ему имением своим».

Как видите, деваться некуда, господа попы!

Так написано: «служили ему имением своим», и подписано: «святой Лука».

Я полагаю, вам известно, как называют фрукта, позволяющего, чтобы женщина «служила ему имением своим»? Название это слишком неприлично, чтобы я мог его написать, хотя тот, о ком идет речь, вполне его заслужил, а потому я прошу позволения заменить общепринятый термин более современным и менее грубым именем нарицательным — альфонс *.

Итак альфонс Христос считал себя выше всех предрассудков. Он начал с бродяжничества и дошел до того, что попал на содержание к своим дамам. Ступив на эту дорожку, он должен был неминуемо кончить виселицей, что в конечном счете и произошло, ибо крест играл в те времена роль вульгарной виселицы. Прелестный персонаж, не правда ли? Священники избрали образцом для христианнейших овечек вполне законченный тип героя. Похоже, что священники решили просто поиздеваться над доверчивыми простаками, создав легенду о совершенно фантастическом богочеловеке и наделив его чертами бродяги, помноженного на аль-

фонса, вместо того чтобы сделать из него почтенного отца семейства, добродетельного гражданина и честного труженика!

Но нет, видимо, такова уж сама природа всех религий, что они обожествляют и канонизируют самые отвратительные человеческие черты.

Это весьма примечательно. Создатели культов, принимаясь за дело, наверное, рассуждают следующим образом:

— Чтобы дурачить народ, надо заставить его поверить в некое высшее существо, своего рода сверхъестественного паяца, которым мы управляем, как марионеткой. Но, чтобы это высшее существо стало понятным и близким для простых умов, необходимо придать ему сугубо материальную форму, нужно заставить его провести хотя бы несколько лет в знакомой всем земной обстановке, в человеческой шкуре. Однако, если мы начнем обожествлять настоящего человека, справедливого, честного, трудолюбивого, достойного всяческого уважения, как сын, отец и супруг, наделенного всеми добродетелями великих людей, в этом не будет никакой нашей заслуги. Таких людей уважают и без нас, и мы окажемся ни при чем. Наша задача, задача богословов, совсем иная. Нам надо пожонглировать алогизмами, нагромоздить абсурд на абсурд, представить порок добродетелью, а зло — добром, и, запутав таким образом простофиль, овладеть их умами. Поэтому превратим-ка мы нашего бога в самого последнего бродягу!

Для начала пусть у него будет самое нелепое происхождение, скажем — от птицы. Затем сделаем его дурным сыном и братом, а заодно лентяем, предпочитающим праздность труду. Пусть он, вместо того чтобы уважать законы своей страны, то и дело их преступает и нарушает. Пусть занимается шарлатанством, нищенством и воровством. Пусть бродяжничает с проститутками, которые будут его содержать на заработанные ими деньги. Пусть избирает себе спутников среди самых последних негодяев и даже среди такого отребья, как предатели родной страны. Пусть он прелюбодействует сам и оправдывает прелюбодеяние. Пусть будет наделен всевозможными пороками: тщеславием, малодушием, бесчестностью и лживостью. И пусть его жалкая жизнь завершится вполне заслуженным концом: пусть его с позором повесят на виселице между двух воров, один из которых окажется его приятелем. И тогда, придумав легенду, которая с начала до конца должна была бы воплощать образ Сатаны, мы скажем

народу: «Это бог, молитесь за него!» А все те, кто окажутся настолько слепыми, что не увидят в этой басне ничего, кроме грязи, лжи и преступлений, да будут навеки прокляты и отринуты, даже если они сами когда-то удостоились обожествления. Те же, кто поверит в нашу легенду и склонится перед нашей богословской фикцией,— это наша добыча! Они будут принадлежать нам душой и телом, и все их деньги тоже потекут в нашу мошну.

Вот единственное объяснение, какое можно дать по поводу проблемы боготворчества. Чем презреннее персонаж, тем легче выдавать его за бога. Ведь совершенно очевидно, что нельзя основать никакую религию, предварительно не одурачив народные массы. Поэтому, чтобы создать новый культ, надо сначала поставить с ног на голову все понятия естественной человеческой морали.

Исходя из этих принципов, теоретики христианства и творили миф об Иисусе, без всякого стеснения придавая своему герою черты человека, докатившегося до последних ступеней низости.

И при этом еще имели наглость говорить, что даже его родные краснели за него от стыда.

Когда семья Иисуса узнала, что он снова направляется к Назарету, все ее члены не знали, куда им деваться. Они проклинали несчастного бродягу, словно бы задавшегося целью покрыть их бесчестьем и позором.

Пытаясь хотя бы внешне соблюсти приличия, родственники делали вид, что жалеют Иисуса.

— Бедный парень! — отвечали они тем, кто приходил им рассказать об очередных выходках бывшего плотника.— Он сошел с ума! Он окончательно рехнулся! Он уже не отвечает за свои поступки.

В глубине же души они считали своего родственничка отпетым негодяем, которого необходимо как можно скорее упрятать в такое место, где он уже не сможет откалывать свои номера.

С этой целью они всем скопом вышли навстречу Иисусу, чтобы схватить его и посадить под замок.

Эта подробность зафиксирована в Евангелии от Марка (гл. 3, ст. 21): «...ближние его пошли взять его, ибо говорили, что он вышел из себя».

Дело было семейное, и в нем решили принять участие все родственники Иисуса: братья, сестры, кузены, и даже его мать Мария не захотела остаться в стороне.

Во главе экспедиции встали четыре брата Христа: Иаков, Иосия, Иуда и Симон (Марк, гл. 6, ст. 3).

Однако, когда они пришли к месту встречи, добраться до Иисуса оказалось невозможно. Сын голубя исцелял очередного бесноватого, который, по словам евангелиста Матфея, был нем и слеп, а по словам евангелиста Луки, только нем *. Миропомазанного бдительно охраняли его апостолы: он заранее приказал им ни в коем случае не подпускать к нему родственников, если тем вдруг придет в голову мысль явиться за ним из Назарета. Как видите, он не слишком доверял своей семье.

Все это происходило на большой дороге. Фаворитки Иисуса отдыхали в ближайшей харчевне. Вокруг ходячего Слова и его апостолов собралась многочисленная толпа.

Иисус велел подвести к нему бесноватого.

— Надеюсь, ты не глухой? — спросил его сын голубя.

Тот отрицательно покачал головою.

— Превосходно! В таком случае слушай, что я тебе скажу. Друг мой, ты онемел и ослеп (будем придерживаться версии святого Матфея), потому что в тебя вселился нечистый. Вместо того чтобы лечить тебя от немоты и слепоты, я просто выгоню из тебя дьявола, и тогда ты прозреешь и заговоришь.

Бесноватый или не бесноватый, в любом случае слепонемой, мечтал вновь обрести зрение, а главное — способность говорить. Естественно, что он не стал возражать против поставленного Иисусом диагноза. Ему не терпелось исцелиться.

— Эй, дьявол! — закричал Иисус.— Кто тебе позволил избрать жилищем тело этого человека? А ну, выходи, тебе приказываю!

Вы, конечно, не сомневаетесь, друзья читатели, что нечистый дух поспешил повиноваться. Он выскочил изо рта калеки, как всегда испуская громкие вопли, чтобы не отступать от заведенного обычая. Исцеленный тотчас открыл глаза и принялся рассказывать всякие анекдоты, лишь бы показать, что язык у него действует хоть куда.

Чудо, как и следовало ожидать, привело толпу зевак в восторг. Лишь несколько уличных писцов — евангелисты их называют книжниками,— специально присланных фарисеями из Иерусалима, скорчили недовольные мины и обратились к собравшимся:

— Люди добрые! Вместо того чтобы восхищаться чудесами этого человека, вам бы надо намылить ему шею и намять бока! Как может он изгонять простых бесов, если не силою Вельзевула, князя бесовского? Видно, он с ним в сговоре, не иначе!

Намек книжников попал в уязвимое место; как образец инсинуации это была находка.

Иисус тотчас почувствовал опасность и ответил ударом на удар.

— Что вы понимаете в таких делах, простофили? — вскричал он.— Не считайте дьявола таким глупцом! Чего это ради станет он мне помогать? Чтобы я изгонял его потом из бесноватых? Хорошенькое дело! Враг человеческий себе не враг. Всякий дом, разделившийся сам в себе, когда стены его не поддерживают друг друга, вряд ли устоит. И если Сатана Сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его?

Довод был веский. К тому же публика была явно на стороне Христа. Книжники поспешили надеть шляпы и убраться подобру-поздорову под свист и улюлюканье толпы.

Пользуясь случаем, Иисус обратился к собравшимся с речью, изъясняясь по привычке главным образом притчами. Он рассказал историю о том, как некий человек засеял свое поле добрым зерном. Ночью пришел его недруг и засеял то же самое поле дурным зерном. Доброе зерно и дурное зерно взошли вместе, но последнее оказалось сорняком, который душил пшеницу. Тогда, чтобы собрать хорошее зерно, этому человеку пришлось выполоть сорняки со всего поля — работа, надо прямо сказать, весьма нудная и утомительная; он мог бы ее избежать, если бы помешал своему врагу посеять ночью дурное зерно, то бишь плевелы.

Смысл этой притчи, взятой из старых восточных басен, уловить нетрудно:

— То, что говорю вам я,— это хорошее зерно, а потому верьте мне на слово. Главное же — боже вас упаси слушать тех, кто вздумает меня дискредитировать, ибо их слова — это плевелы. Если вы будете слушать моих врагов, вы перестанете остерегаться, перестанете мне верить, и тогда плевелы неизбежно задушат пшеницу.

Священники то и дело вспоминают эту притчу, вложенную ими в уста их бога.

В противовес ей человеческая мудрость создала пословицу: «Кто слышит один колокол, слышит один звук». Сле-

довательно, для того чтобы составить правильное представление о каком-либо учении, религии и ее служителях, необходимо прислушиваться не только к тем, кто восхваляет, но и к тем, кто критикует.

Священники не случайно заменили мудрую пословицу басней о пшенице и плевелах.

— Берегитесь, овечки, молодые и старые! — говорят они.— Не читайте антиклерикальных книг и не слушайте атеистических лекций! В вас с колыбели воспитывали веру в нелепости и доверие к пороку. Эту веру и это доверие вы сохраните лишь в том случае, если будете избегать всего, что может вас убедить в обратном.

С точки зрения борьбы за души человеческие это бесчестный прием, но что осталось бы от религии, если бы она взяла на вооружение честность?

Итак, апостолы и толпа смаковали притчу.

Оттесненные в самые задние ряды, родственники Иисуса совещались. Момент для того, чтобы схватить бродягу, был явно неподходящий. Собравшиеся наверняка воспротивились бы открытому похищению.

Тогда семья Иисуса решила прибегнуть к хитрости и сначала заманить миропомазанного в укромное место. Братья сказали, что хотели бы с ним поговорить. Кто-то из толпы вызвался им помочь.

— Равви! — обратился он к Иисусу.— Здесь вся твоя семья: мать, сестры, братья и все твои родичи. Они специально пришли из Назарета, чтобы повидаться с тобой.

— Плевать мне на всех этих людей! — ответил Иисус.— Пусть возвращаются туда, откуда явились!

— Постой, равви, ты разве не слышал: здесь твоя старая матушка!

— А я тебе говорю, что мне до них нет дела!

Толпа раздвинулась; Мария, братья и прочие родственники Иисуса смогли немного протиснуться вперед. Увидев их, миропомазанный возвысил голос, чтобы родные его услышали, и воскликнул:

— Пусть меня оставят наконец в покое! Кто матерь моя?.. Кто братья мои?.. Уж не эти ли, пришедшие из Назарета?.. Смешно. Кроме моих апостолов и добрых женщин, которые меня любят, нет у меня семьи! Мои верные спутники — вот кто моя истинная семья.

И, указав на хорошенького мальчика Иоанна, напыжившегося от гордости, он добавил:

— Вот мой любимый ученик,— для меня он и брат, и сестра, и жена, и мать. А что касается тех, кто называет себя моими родственниками, то они могут убираться! Ясно?

У родичей Иисуса хватило благоразумия не настаивать. Более чем когда бы то ни было стыдясь недостойного члена своей семьи, они удалились, махнув на него рукой (смотри евангелия от Матфея, гл. 12, ст. 22—37, 46—50; гл. 13, ст. 1—53; от Марка, гл. 3, ст. 20—25; гл. 4, ст. 1—34; от Луки, гл. 8, ст. 1—21).

Что же до ходячего Слова, то, выждав, когда толпа разойдется, он вместе с апостолами отправился в гостиницу к своим прелестным почитательницам.

ГЛАВА XXXVII

УСМИРЕННАЯ БУРЯ И ВЗБЕСИВШИЕСЯ СВИНЬИ

Тогда ученики его, подойдя к нему, разбудили его и сказали: господи! спаси нас; погибаем.

И говорит им: что вы *так* боязливы, маловерные? Потом, встав, запретил ветрам и морю, и сделалась великая тишина.

Люди же, удивляясь, говорили: кто это, что и ветры и море повинуются ему?

...Вдали же от них паслось большое стадо свиней.

И бесы просили его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней.

И он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот, все стадо свиней бросилось с крутизны в море, и погибло в воде.

Матфей, гл. 8, ст. 25—27, 30—32



Иисус мечтал поразвлечься, но он не принял в расчет своей возросшей популярности. Не успел он перекинуться со своими одалисками и десятком слов, как перед харчевней снова собралась толпа. Люди хотели его видеть и слышать, мечтали его коснуться или еще каким-нибудь способом выразить свое обожание.

Все это было весьма некстати.

Миропомазанный извинился перед дамами, что не сможет составить им компанию.

— Слышите, что творится? — сказал он.— Толпа растет с каждой минутой. Слышите, как они ломятся в дверь? Лучше я скроюсь: мои обозленные почитатели все равно не дадут нам спокойно провести ночь.

Итак, он сказал им «до свидания» и выскочил из харчевни через черный ход.

Вместе с апостолами он добрался до ближайшей пристани, где потребовал найти ему лодку. Как раз в это время большая барка готовилась сняться с якоря, направляясь к противоположному берегу озера.

— Это нам подходит,— сказал Иисус.— Главное — очутиться на том берегу, а больше мне ничего не надо.

Затем, обратившись к хозяину барки, он спросил:

— Куда вы плывете?

— В Гергесину,— ответил тот, по Матфею; у Марка и Луки он плыл в страну Гадаринскую.

Апостолы погрузились следом за ходячим Словом.

Утомленный всяческими треволнениями, Иисус прилег на кучу веревок и задремал. Через несколько минут он уже храпел и посвистывал, как кузнечные мехи.

Погода была превосходной. Свежий ветерок рябил поверхность озера и надувал паруса. Барка весело бежала вперед.

Апостолы собрались с подветренной стороны, оперлись на фальшборт и отдыхали, лениво переговариваясь между собой.

— Поистине наш учитель нахал, каких свет не видывал,— заметил Фаддей.— Посадил на судно, а у самого ни гроша за душой. Представляю, какую рожу скривит хозяин барки, когда мы доплывем до Гергесины и придет время расплачиваться!

— Чего ты волнуешься! — возразил ему Симон-Камень.— Сразу видно, что ты недавно среди нас. Когда хозяин барки спросит с нас деньги, как с других пассажиров, мы просто вывернем пустые карманы, чтобы он успокоился, а Иисус вместо платы за проезд расскажет ему какую-нибудь притчу.

— Хорошо, если хозяин этим удовлетворится! Только мне кажется, эти матросы не такие уж добряки. Боюсь, как бы не пришлось нам расплачиваться своими боками...

Внезапно на горизонте появились черные тучи, налетел шквал, и барка запрыгала на волнах.

— Дьявольщина! — ругались матросы.— Вот еще напасть... Ну, сейчас будет дело!

Хозяин барки приказал убрать паруса, однако вскоре поднялась такая буря, что его суденышко оказалось в опасности.

Малыш Иоанн, в качестве избранного ученика, спал рядом с Иисусом, положив голову ему на грудь, как на подушку: учитель допускал подобную фамильярность. Иоанн проснулся от брызг и ветра, а миропомазанный продолжал храпеть пуще прежнего: разбудить его было не так-то просто.

Тем временем положение становилось все серьезнее. Волны кидали барку, рулевой выбивался из сил, пытаясь удержать штурвал, хозяин судна надрывался, выкрикивая приказы. В довершение всех несчастий в днище судна вдруг

обнаружилась течь. Хозяин обратился за помощью к пассажирам: матросы и без того метались как угорелые. Пустили в ход помпу. К сожалению, вода прибывала быстрее, чем ее откачивали, и теперь можно было даже высчитать, через сколько времени барка пойдет ко дну.

А Христос продолжал храпеть.

Наконец перепуганные апостолы бросились к нему и начали его расталкивать.

Иисус зевнул, потянулся и спросил, по какому поводу они прервали его сон.

— Что с вами? — осведомился он, делая удивленный вид.— Я так хорошо спал!

— А то, учитель, что мы погибаем. Судно сейчас потонет. Спаси нас! Спаси!

— И вы из-за этого меня потревожили? Честно говоря, я этого от вас не ожидал!

— Но послушай, учитель...

— О маловеры, чего вы убоялись? Разве может с вами хоть что-нибудь случиться, если я среди вас?

— Конечно, равви, ты прав, как всегда, но вода прибывает, помпа не может ее выкачать, и через пять минут мы все пойдем рыбам на корм!

— Если бы ты захотел...

Тогда Иисус встал и обратился к ветру с горькими упреками:

— Что это значит, почтеннейший ветер? Как ты смел рычать и визжать и раскачивать это судно? Ты напугал моих учеников! Нет, это уж слишком... А кто тебе вообще позволил дуть? Я просто не нахожу слов... Проклятый ветрище, я не знаю, что меня удерживает, но, ей-богу, если ты не перестанешь безобразничать, я тебя так отдую, что чертям будет тошно!

Ветер в ответ засвистел еще пронзительнее.

— А ну, хватит! — крикнул Иисус.— Я тебе запрещаю. Молчать, когда говорит Слово!

По этому приказу ветер тотчас умолк и перестал дуть на барку.

Теперь Иисус обратился к озеру, которое продолжало захлестывать волнами палубу, и, уперев руки в бока, обрушился на непокорную стихию:

— А ты что, море Тивериадское, не слышало? То, что я сказал ветру, в равной степени относится и к тебе. Твои шуточки мне не нравятся. Мы здесь не для того, чтобы ты

нас поглотило. Немедленно успокойся, иначе я и тебе надаю пощечин!

Тивериадское море утихло как по мановению волшебной палочки. Матросы и пассажиры не верили своим глазам.

— Вот это да! — перешептывались они между собой.— С таким шутки плохи! Кто же это, что и ветер и море повинуются ему? Не хотел бы я столкнуться с ним на узкой дорожке...

Переговариваясь, они буквально тряслись от страха. Даже радость, что они спаслись от гибели, не могла заглушить их ужас перед всемогуществом Христа. А что, если этому парню вдруг придет в голову забросить их на луну? Подумать только!..

Впрочем, дальнейшая часть путешествия прошла вполне благополучно. Даже вода, попавшая в трюм, вылилась обратно тем же путем, каким налилась. И дыры в корпусе барки заткнулись, надо полагать, сами собою. Что ни говорите, а чудеса — превосходная штука!

Когда барка доплыла до Гергесиды, уже занимался день. Хозяин и не подумал спрашивать с Иисуса и его спутников плату за проезд: он был счастлив уже тем, что его посудина уцелела благодаря необычайному пассажиру. И уж конечно ему не пришла в голову мысль, что Иисус, повелитель стихий, мог сам вызвать эту внезапную бурю, чтобы потом усмирить ее и приписать себе еще одну заслугу. В самом деле, ведь нашему миропомазанному ничего не стоило произвести возмущение в атмосфере: сын голубя был всемогущ, даже когда он спал! И кто знает, может, Иисус сквозь сон все-таки слышал беседу своих апостолов, обеспокоенных тем, что у них нет денег заплатить за проезд?

Итак, все апостолы высадились на берег.

Первый, кого они встретили, оказался бесноватым, но на сей раз это не был обычный одержимый дьяволом. Такого даже апостолы никогда еще не видели.

Семья отказалась от несчастного. Вместо того чтобы устраивать время от времени общепринятые припадки, этот бесноватый постоянно пребывал в состоянии буйного помешательства. Поэтому его просто изгнали за пределы города.

Он поселился в пещере в одной из прибрежных скал. Одежда его давно изодралась в клочья; день и ночь он бе-

гал в чем мать родила по холмам, испуская дикие вопли и наводя ужас на всех прохожих. К тому же своим видом он шокировал дам.

Со временем бесноватый приобрел широкую известность. В таком плачевном состоянии он пребывал уже много лет, и матери пугали им непослушных детей, как сегодня пугают злой бабой-ягой.

— Замолчи сейчас же, паршивец, а не то позову бесноватого! — говорили они.

И малыши, дрожа, умолкали и прятались за материнские юбки.

Иногда несчастного удавалось поймать. Его крепко привязывали, опасаясь буйного нрава, но он обладал такой силой, что разрывал все веревки и даже железные цепи. Никто не мог его успокоить, и он никого не признавал.

Вот какого страшного одержимого встретили апостолы, едва ступив с барки на берег. Можно себе представить, что он вытворял!

Иисус сразу же понял, с кем имеет дело. По своему обыкновению он обратился непосредственно к дьяволу, истинной причине бешеных скачков, прыжков и прочих гимнастических упражнений несчастного.

— Отвечай, нечистый! — воскликнул он.— Давно ли ты вселился в этого человека?

— Давно, очень давно! — ответил дьявол голосом бесноватого.— Но к чему эти вопросы? Оставь меня в покое! Что тебе до меня? Если я терзаю моего одержимого, так это мое личное дело... Укрощай себе бури, но только не мучь меня! Ты усмиряешь волны, я заставляю корчиться этого типа,— у каждого свое ремесло. Неужто ты для того и явился на землю, чтобы мешать бесноватым беситься?

— Я не собираюсь с тобой дискутировать,— отрезал Иисус.— Дух нечистый, выйди из этого человека!

Однако этот дьявол не собирался так легко уступить свою добычу и даже не шевельнулся.

— Чтоб тебе было пусто! — воскликнул Иисус по прошествии некоторого времени.— Ты, что, не слышал? Или ждешь особого приглашения? Или ты один из самых могущественных дьяволов? Как твое имя, отвечай!

А теперь держитесь, друзья читатели. Оказывается, этот одержимый был одержим не одним каким-то дьяволом, а целым полком адских духов!

— Имя мне — легион, ибо нас много! — ответили дьяволы голосом бесноватого.— Нас шесть тысяч штук в одном теле!

— Теперь все понятно,— заметил Иисус.— Вот почему его корчит в шесть тысяч раз сильнее, чем его коллег. Ну что ж, господа дьяволы, пусть вас тут целый легион, все равно придется вытряхиваться!

И тут, как утверждает евангелист Матфей, все шесть тысяч дьяволов пришли в крайнее расстройство.

— Господи боже! — завопили они.— Мы уйдем из тела этого человека, раз ты велишь, но куда мы денемся? Дай нам хоть какое-нибудь пристанище! Не высылай нас вон из этой страны!

Иисус с утра был в хорошем настроении.

Он оглянулся и увидел неподалеку целое стадо свиней, которые мирно рыли землю пятачками, видимо отыскивая трюфели.

С одного взгляда с божественной быстротой он пересчитал поголовье хрюшек. Их оказалось ровно шесть тысяч * — не больше и не меньше. Бывают же такие удачи!

Больше миропомазанный не колебался ни секунды.

— Выходите, господа бесы, не бойтесь! — приказал он.— И войдите вон в тех свиней!

Дальнейшее почти не поддается описанию.

Одержимый сразу успокоился и стал кроток. Он уселся на голую землю и принялся чистить ногти, флегматично поглядывая на апостолов.

Свиньи же, наоборот, вдруг запрыгали, захрюкали, завизжали, заверещали и начали кидаться друг на друга. Одни плясали на задних ногах, другие ходили на передних, третьи делали мостики и сальто-мортале, и все это под такой развеселый аккомпанемент, что невозможно себе и представить. Многие катались от восторга по земле, а самые бойкие затеяли игру в чехарду, хотя, по совести говоря, у них это получалось не слишком изящно.

Апостолы надрывали животики.

Но вот кому было не до смеха, так это пастухам шеститысячного стада. С тревогой смотрели они на беснующихся свиней и спрашивали себя, чем все это кончится.

Несчастные свинопасы! Шутка миропомазанного обошлась им не дешево. Вдоволь напрыгавшись и наплясавшись, все свиньи устремились галопом к морю Тивериадскому, бросились с крутизны и потонули все до единой.

Можно считать, что владельцы стада были разорены и пущены по миру. Еще бы, шесть тысяч свиней! Это чего-нибудь да стоит!

Если вы сомневаетесь в достоверности моего рассказа, друзья читатели, то можете открыть евангелия от Матфея (гл. 8, ст. 23—34), от Марка (гл. 4, ст. 35—40; гл. 5, ст. 1—20), а также от Луки (гл. 8, ст. 22—39). Вы убедитесь, что я ничего не преувеличил.

Мне могут задать вопрос: откуда в стране, где законы Моисеевы соблюдались повсеместно, вдруг появилось стадо свиней, да еще численностью в шесть тысяч голов? Ведь свинина считалась у иудеев запретной пищей, и тому, кто преступал запрет, грозили всяческие кары, вплоть до смертной казни!

Признаюсь, на этот вопрос я ответить не в состоянии.

Но, если евангелие, продиктованное святым духом, утверждает, что свиньи были, значит, они были.

Нам остается только удивляться и верить, или, наоборот, вспомнить еще раз, что священники считают свою паству круглыми идиотами, а потому не стесняются выдавать за святую истину самую отъявленную ложь, состряпанную из самых вопиющих противоречий.

ГЛАВА XXXVIII

ПИРУШКА У МЫТАРЕЙ

Все плакали и рыдали о ней. Но он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит. И смеялись над ним, зная, что она умерла. Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! встань. И возвратился дух ее; она тотчас встала, и он велел дать ей есть. И удивились родители ее. Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем.

Лука, гл. 8, ст. 52—56

После этого подвига ходячее Слово вообразило, что местные жители встретят его с распростертыми объятиями. На сей раз миропомазанный ошибся. Едва слух о свинском чуде разнесся по окрестностям, жители Гергесиды толпами начали приходить к Иисусу, умоляя его покинуть их страну.

В самом деле, зачем им нужен был чудотворец, который мог в любой момент вселить бесов в их свиней, баранов, уток, быков, кошек, собак и кур!

Миропомазанный согласился удалиться, но при одном условии: бывший бесноватый должен прославлять его имя по всей стране.

Исцеленный принял на себя это обязательство, и власти Гергесиды, сразу зашевелившиеся, когда речь зашла о том, чтобы поскорее отделаться от Иисуса, тут же оплатили обратную переправу ходячего Слова и его апостолов.

Святых проводили до самого судна.

Хозяин барки спросил, обращаясь к представителям гергесидского горсовета:

— Куда мне доставить этих господ?

— Доставь их куда они скажут, лишь бы отсюда подальше!

Иисус попросил переправить его в Генесарет. Поскольку этот городишко находился на противоположном конце озера, гергесинцы с радостью согласились.

Миропомазанный вогнал шесть тысяч бесов в шесть тысяч свиней ранним утром. На земле Гергесидской он задержался недолго, а потому вечером того же дня уже высаживался на берег напротив Генесарета. Едва ступив на

землю, Матфей обратился к своим компаньонам с заманчивым предложением.

— Друзья мои! — сказал он.— Все мы умираем от голода. Судите сами: мы постимся со вчерашнего вечера! Эти невежды гергесинцы так спешили нас выпроводить, что даже не предложили закусить... Так вот, у меня здесь есть старые друзья. Мытари Генесарета давно побратались со всеми мытарями Капернаума, и они будут просто счастливы устроить в нашу честь первоклассный банкет. Я пойду их предупрежу, а потом вернусь за вами.

Матфей обернулся быстро.

Когда мытари узнали, что Иисус выразил желание попировать в их компании, они запрыгали от радости до потолка.

К тому же Матфей их успокоил.

— Он, правда, говорит как по книге читает,— сказал он,— но в общем наш всемогущий учитель — парень не гордый. За столом он душа компании. И при этом такой обходительный, такой дамский угодник, прямо удержу нет! Если у вас найдутся какие-нибудь девочки, можете быть уверены, он себя покажет.

— В самом деле? Присутствие дам его не стеснит?

— Никоим образом.

— Но ты не знаешь, кого мы имеем в виду, когда говорим о дамах. Это наши зазнобы, потаскушки каких поискать...

— Чем они хуже, тем ему лучше. Уж он своего не упустит, вот увидите!

— В таком случае тащи его к нам. А мы пока накроем стол, позовем дам и — завейся горе веревочкой!

Иисус был восхищен, узнав, что для него готовится подобное пиршество. Матфей начал было ему объяснять, что его приятели, мытари Генесарета,— славные выпивохи, несмотря на их презренное ремесло, что прочие глупцы просто ничего не смыслят ни в надувательстве, ни в сутенерстве и так далее и тому подобное, но миропомазанный остановил его всем известной пословицей: «Пустое брюхо к речам глухо».

— Попридержи свои объяснения до другого раза,— сказал он.— А сейчас, друг Матфей, веди нас к своим друзьям!

Святые ввалились в дом, где их ждали мытари. Нечего и говорить, что это был один из самых подозрительных

домов Генесарета. Девицы легкого поведения вились вокруг него как мухи вокруг падали и десятками валялись с утра до ночи на ложах, на которых во время пирушек располагались гости вокруг столов. Все пили, орали, пели, бранились и обнимались. Зрелище было достойно самого низкопробного лупанария.

Когда появился Иисус в сопровождении апостолов, его встретили восторженным ревом, в котором уже не было ничего человеческого.

Нетрудно представить, во что превратился званый обед: это была настоящая оргия.

Хозяева и гости подняли такой шум, что сбежались все соседи. Дело шло к десерту, когда пирующими овладевает самое игривое настроение. Каждый уже произнес тост. Иисус выпил за здоровье малыша Иоанна, своего возлюбленного ученика.

По этому поводу и разгорелись споры.

Иоанн был таким хорошеньким и миропомазанный так его баловал и ласкал, что кто-то из сотрапезников высказал мысль, будто Иоанн на самом деле не Иоанн, а Иоанна. У него и впрямь была ангельская мордашка, волнистые белокурые волосы и голубые глаза, полные томной неги. Можно было поклясться, что это прелестная девица.

Некоторые мытари, думая, что мужская одежда Иоанна просто маскарад, пытались его обнять. Не в меру застенчивый мальчик только краснел, но не сопротивлялся.

Итак, пирующие со смехом спорили относительно его истинного пола, когда соседи вбежали в пиршественную залу. Представшая перед ними картина разгула поразила их и оскорбила. Видя, что Иисус орет громче всех и бьет в азарте тарелки, кто-то не удержался и сказал ему:

— Постыдился бы! Человек, выдающий себя за ученого богослова, не станет бесчинствовать с таким отребьем!

На это Иисус ответил, хватив кулаком по столу:

— Что? Как? Учить меня вздумали? Эти господа, видите ли, шокированы! А позвольте спросить, какое вам до нас дело?

— Извините,— возразил ему один фарисей,— но вы выдаете себя за общественного деятеля, поэтому ваша личная жизнь должна быть примером для всех остальных.

И вдруг мы видим, что вы растрачиваете драгоценное время, обжираясь и пьянствуя с мытарями и блудницами!

— Он нас оскорбляет! — завопили гуляки.— Иисус, отомсти ему! Не давай нас в обиду!

Тогда мессия с ехидной усмешкой повернулся к фарисею.

— Предположим, что мои сотрапезники действительно таковы,— сказал он.— Ну и что из того? Мое присутствие среди них вполне оправдано. Вы, прочие, непогрешимы, а они, по вашим словам, закоренелые грешники. Превосходно... Но, поскольку я болею душой за всех людей, мне и положено больше интересоваться грешниками, нежели безгрешными праведниками. Врач нужен не здоровым, а больным.

Это заявление было встречено громом аплодисментов. Сообразив, что возражать Иисусу небезопасно, фарисеи промолчали.

Однако этим дело не кончилось, и ходячему Слову пришлось выслушать упреки с другой стороны.

Привлеченные шумом и воплями, в дом зашли ученики Крестителя и в свою очередь приступили к Иисусу.

— Наш учитель,— сказали они,— томится в застенках крепости Махер. Он сидит на черном хлебе и гнилой воде, а ты, его двоюродный брат, обжираешься здесь вовсю! Неужели ты забыл своего предтечу?.. Ведь он же великий пророк! Мы его оплакиваем, мы постимся, чтобы ему уподобиться, мы носим по нему траур, а ты...

— Мне это в конце концов надоело! — с досадой воскликнул Иисус. Я, что же, виноват, что Креститель попался как дурак в лапы Ирода?.. А кроме того, если уж на то пошло, сам Креститель недавно сравнил меня с женихом... Раз я жених, должна быть и свадьба. С другой стороны, когда жених пирует, разве могут его друзья поститься? Они еще успеют положить зубы на полку, когда меня с ними больше не будет, то есть когда со мной тоже приключится какая-нибудь неприятность.

И, чтобы подчеркнуть, что для него это дело решенное, ходячее Слово отвернуло кран своей бездонной бочки с притчами:

— Никто, никто не пришивает к ветхой одежде заплаты из небеленой ткани, ибо вновь пришитое сядет под дождем, отдерет старое и дыра будет еще хуже, чем раньше. Точно так же никто не вливает вино молодое в меха ветхие,

иначе меха прорвутся и вино вытечет на землю. К тому же, если вы привыкли к старому, выдержанному вину, вам новое вино придется не по вкусу и вы потребуете старого вина, потому что оно крепче...

— Правильно! — крикнул кто-то.— Но что ты хочешь этим сказать?

— Как! Вы не понимаете намека?

— Мы в этой чепухе ничего не понимаем!

— Очень жаль. Но я-то знаю, что́ я хотел сказать, и этого мне достаточно.

Иисус уж собрался перейти к следующей притче, когда к нему протиснулся сквозь толпу «ангел» местной синагоги, по имени Иаир.

— Учитель! — сказал он.— Ты видишь перед собой убитого горем отца. Сам понимаешь: я решился войти в этот дом не от великой радости, но, чтобы найти тебя, я был готов обегать любые притоны. Впрочем, главное — что я тебя отыскал. Так вот, дело в следующем: моя дочь, моя единственная дочь умирает! Сейчас, когда я с тобой говорю, она уже, наверное, умерла. Но ты, говорят, обладаешь чудесной силой. Я в тебя верю! Пойди со мной, учитель, возложи на мою дочь руки, и я убежден, что этого будет достаточно,— она воскреснет!

— Наконец-то нашелся хоть один человек, который мне доверяет! — воскликнул Иисус.— Очень хорошо! Я не обману его доверия. Пойдемте к нему, друзья мои и апостолы мои. Потом мы вернемся и закончим наш пир.

Все поднялись из-за стола и вместе с присоединившейся к ним толпой направились к дому папаши Иаира.

Процессия получилась многолюдная. Городские торговцы при виде такого множества народа выскакивали из-за прилавков, сгорая от любопытства.

— Куда это вы идете? — обращались они к проходившим мимо людям.— По какому поводу шествие?

На это им отвечали:

— Иисус собирается поставить на ноги умирающую девчонку!

Толпа росла с каждым шагом. Ходячему Слову приходилось уже силой прокладывать себе дорогу.

В это время к процессии присоединилась одна добрая горожанка и начала протискиваться вперед. Потихоньку да полегоньку она приблизилась к миропомазанному. Еще пять-шесть шагов, и она уже могла дотянуться до него

рукой. Толкучка вокруг была как во время фейерверка, и никто не обращал на нее внимания.

Сия добрая жительница Генесарета вот уже двенадцать лет страдала от геморроя и никак не могла вылечиться. Ее задний проход был в ужасном состоянии,— во всяком случае, евангелие подчеркивает эту деталь. Про несчастную даму, стремившуюся в Генесарете прикоснуться к Иисусу, в «священном писании» сказано, что она «страдала кровотечением двенадцать лет, много претерпела от многих врачей, истощила все, что было у ней, и не получила никакой пользы, но пришла еще в худшее состояние» (Марк, гл. 5, ст. 25—26). Диагноза «страдать кровотечением» нет в медицинских трудах; он встречается лишь в Новом завете. Совершенно очевидно, что святой дух, диктовавший эту книгу, в данном случае имел в виду не смертельное, но мучительное кровотечение из лопнувших венозных шишек в заднем проходе.

Двенадцать лет геморроя! Поистине, эта женщина была великомученицей. Она корчилась, как на горящих углях, и чесалась ежеминутно, стараясь утихомирить невыносимый зуд.

Но эта страдалица верила.

«Если мне только удастся прикоснуться хотя бы к одежде Христа,— говорила она себе,— я обязательно исцелюсь!»

И вот наконец она очутилась рядом с великим исцелителем. Решительно ухватилась она за край его туники, и тотчас все ее геморроидальные шишки исчезли.

Слышали вы что-нибудь подобное? Оказывается, сын Марии и голубя был таким чудотворцем, что исцелял, сам того не ведая! Во всяком случае, именно так говорится в евангелии. Иисус даже не подозревал, что несчастная дама со своим застарелым геморроем протискивалась к нему, чтобы коснуться его одежды. И понадобилось чудо нового сорта, чтобы он узнал о совершившемся исцелении. Едва больная ухватилась за полу его туники, Иисус почувствовал нечто вроде шока, словно кот, из которого вдруг посыпались искры, когда его погладили против шерсти: это из него вылетело чудо и ушло в геморрой нашей доброй женщины.

Тогда Иисус повернулся к толпе и спросил:

— Кто прикоснулся к моей одежде? Кто это?

— О чем ты говоришь? — ответил ему Петр.— Видишь, какая давка, народ напирает со всех сторон, а ты спраши-

ваешь: «Кто ко мне прикоснулся?» Да это все равно что искать иголку в стоге сена!

— Мне что-то не по себе,— возразил Христос.— Я почувствовал, что чудо выскочило из меня. Значит, кто-то меня коснулся.

Он обвел глазами толпу и остановил взгляд на исцеленной — один из тех божественных взглядов, которые проникают в глубины сердец и геморроев.

Несчастная, видя, что она обнаружена, и боясь, как бы великий исцелитель не разгневался на нее за то, что она исподтишка извлекла из него чудо, в страхе и трепете пала перед ним на колени.

— Господи, господи! — молила она, заливаясь слезами.— Только не возвращай мне моего недуга!

Иисус ухмыльнулся.

— Дщерь! — сказал он ей.— Я не такой уж злодей. Конечно, твое исцеление не обнародуешь, но бог с ним, тем лучше для тебя.

Пока он это говорил, к ним протолкались слуги папаши Иаира.

— Что, что еще стряслось? — с тревогой спросил их синагогальный ангел.

— Хозяин, дочь твоя умерла,— ответили они.— Так что волшебника больше незачем беспокоить.

Папаша Иаир обратил к Иисусу умоляющий взгляд, который должен был означать: ты только что избавил от геморроя какую-то простую женщину. А я, честное слово, значу малость побольше, чем она, так что, будь добр, соверши теперь чудо в соответствии с занимаемым мною положением. Раз уж моя дочь окончательно умерла, вот тебе прекрасный случай отличиться!

— Идемте! — бросил Иисус, который все понял.

Толпа снова двинулась вперед. Вскоре великий исцелитель и сопровождающие лица достигли жилища папаши Иаира.

Войдя в дом, Иисус увидел плакальщиц, которые уже принялись за свое дело. О, они не теряли времени, эти торговки слезами оптом и в розницу! Покойник не успевал еще остыть, как они появлялись в опечаленном доме. А здесь и подавно: кончина юной девушки сулила им целый день хорошо оплаченных причитаний.

Плакальщицы старались вовсю, оглашая дом первосортными воплями и дорогостоящими душераздирающими рыданиями.

— Что вы печалитесь? — обратился к ним Иисус.— Не плачьте! Ваша девица не умерла, она спит.

Плакальщицы встретили его слова насмешками:

— Как это не умерла?

— Он хочет сказать, что мы зря беспокоились!

— Только этого не хватало!

— Ну и шутник! Хорош врач, если не может отличить спящую от покойницы!

И они уже хотели вновь приняться за свои причитания, но Иисус им не позволил.

— Пусть все отсюда выйдут! — приказал он.— В комнате покойной со мной останутся только отец и мать девицы, а также Петр, Иаков и Иоанн.

Все повиновались.

Тогда он взял покойницу за руку и сказал ей:

— Талифа́ куми́! Девица, тебе говорю, встань!

Запомните эти слова на тот случай, если захотите когонибудь оживить. «Талифа куми!» С помощью этих пяти слогов Иисус вернул жизнь дочери Иаира. Так утверждает евангелист Марк, который, кстати, не присутствовал при этой операции. Что же касается евангелиста Иоанна, то он в своем евангелии не упоминает об этом чуде ни единым словом, хотя все отцы церкви ссылаются на него, как на самого достоверного свидетеля.

Услышав магическое «талифа куми», девочка встала и вне себя от радости, что снова жива, принялась бегать по всему дому. Родители были на седьмом небе. Иисус вернул их к действительности.

— Я рад, что смог оказать вам услугу,— сказал он,— но это не все. Надо немножко подумать и о бедном ребенке! Она столько времени ничего не ела и теперь, наверное, страшно голодна. Ее надо прежде всего накормить.

Засим миропомазанный вернулся в дом мытарей, дабы распить там отходную, как было обещано друзьям и подружкам апостола Матфея (смотри евангелия от Матфея, гл. 9, ст. 10—26; от Марка, гл. 2, ст. 15—22; гл. 5, ст. 21—43; от Луки, гл. 8, ст. 29—56).

После этих достопамятных деяний Иисус еще раз посетил Назарет, но и теперь его подняли там на смех. Ибо так было написано, что назаряне останутся глухими к увещеваниям своего земляка. Возникает лишь один вопрос: почему Иисус продолжал упорствовать в столь безнадежном предприятии? В качестве бога ему положено было знать и

прошлое, и настоящее, и будущее, и он не должен был бы питать насчет назарян никаких иллюзий.

Евангелист Марк сообщает в шестой главе (ст. 1—6), что жители Назарета и на сей раз встретили Иисуса с глубоким недоверием.

— Откуда ему набраться мудрости и могущества? — говорили они.— Пусть этот шарлатан дурачит зевак в других городах, где он никому неведом. А мы-то его знаем как облупленного! Это же самый обыкновенный плотник! Не сын ли он Марии? Не брат ли он Иакова, Иосии, Иуды и Симона? И не здесь ли, среди нас, сестры его?

«Никто не пророк в своем отечестве»,— меланхолично подумал миропомазанный и на время оставил мысль обратить земляков в свою веру.

Он даже решил устроить себе краткосрочный отпуск. С этой целью Иисус собрал всю апостольскую дюжину и произнес следующую речь:

— С сегодняшнего дня и вплоть до поступления новых указаний вы будете меня замещать. Я передаю вам все мои полномочия. Вы отправитесь без меня в турне по радиальным маршрутам и будете повсюду возвещать, что царство небесное не так уж далеко, как это принято думать. Исцеляйте больных, воскрешайте мертвых, очищайте прокаженных, выпрямляйте горбатых и выгоняйте бесов из одержимых. И не вздумайте спекулировать: чудеса не будут вам стоить ни гроша, поэтому извольте творить их бесплатно. Но, поскольку на одной любви и на воде не проживешь, разрешаю вам пользоваться гостеприимством тех, кто захочет вас пригласить в свой дом. Не забывайте при этом, что больше всего вас должны интересовать женщины легкого поведения: этим хорошеньким грешницам можно простить многое. Кроме того, рекомендую вашему вниманию маленьких детей,— проявляйте к ним любовь и снисходительность. И наконец, проповедуйте мое учение повсеместно. Будьте мудры, как змеи, и кротки, как голуби!

На это осторожный Симон-Петр возразил:

— Мы пойдем, о господи, но ведь ты посылаешь нас к врагам. Среди них мы уподобимся овцам посреди волчьей стаи!

— Вот и прекрасно.

— Чего уж прекраснее: волки просто съедят овец!

Ответ Иисуса Петру следовало бы выделить особо.

— Мертвому барану волки не страшны!

Наконец они простились. Апостолы разошлись парами в разные стороны, обещая держать Христа в курсе всех своих деяний. Иисус же, проводив их, отправился отдыхать в объятиях Магдалины, Иоанны, Сусанны и прочих своих обожательниц (смотри об этом евангелия от Матфея, гл. 10, ст. 5—42; от Марка, гл. 6, ст. 7—13; от Луки, гл. 9, ст. 1—6). Дополнительные сведения можно найти у святого Клемента Александрийского *, в пятой главе Второго послания к коринфянам.

ГЛАВА XXXIX,

В КОТОРОЙ ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ ТЕРЯЕТ ВКУС К ЖИЗНИ

Дочь Иродиады вошла, плясала, и угодила Ироду и возлежавшим с ним. Царь сказал девице: проси у меня, чего хочешь, и дам тебе.

И клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства...

И она тотчас пошла с поспешностью к царю, и просила, говоря: хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя...

И тотчас, послав оруженосца, царь повелел принести голову его.

Он пошел, отсек ему голову в темнице, и принес голову его на блюде, и отдал ее девице, а девица отдала ее матери своей.

Марк, гл. 6, ст. 22—23, 25, 27—28

Вот у кого не было одалисок, не в пример Иисусу, так это у Иоанна Крестителя. Прошло уже двенадцать долгих месяцев с тех пор, как он был арестован за слишком откровенные высказывания относительно частной жизни царя Ирода.

Ученики Крестителя, пытаясь разжалобить Иисуса, говорили, что их учитель сидит на черном хлебе и тухлой воде. Но они преувеличивали: по свидетельству «священного писания», с кузеном миропомазанного обходились в крепости Махер вполне по-божески. Например, мы уже знаем, что ученики Иоанна беспрепятственно приходили к нему и уходили, выполняя самые разнообразные поручения.

Евангелие добавляет, что даже Ирод время от времени навещал своего пленника и обращался к нему за советом.

Возьмите хотя бы Евангелие от Марка, главу шестую, стих двадцатый:

«...Ирод боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святый, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его».

Ирод потому и держал Крестителя под замком, что боялся его, однако это не мешало ему относиться к Иоанну с большим вниманием. Так утверждает евангелие. Следо-

вательно, наш кузен Креститель был привилегированным заключенным.

Будь у него хоть капля сообразительности, он давно бы уже вышел из тюрьмы с великим почетом. Но этот простофиля предпочитал слать Иисусу послание за посланием.

Поскольку ограничение свободы передвижения — кстати, единственное ограничение, которому он подвергался,— было Иоанну невыносимо и поскольку кузен Иисус вел себя по отношению к нему как последний предатель, Креститель смог бы преспокойно стать доверенным лицом Ирода, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

Тетрарх был бы счастлив заполучить такого советчика!

Он несомненно тут же освободил бы его от цепей и представил ему самую высшую должность при своем дворе.

Но этого мало. Креститель сам портил себе дело как мог. Будучи целиком во власти Ирода, он тем не менее при каждой встрече продолжал его всячески поносить из-за его женитьбы. Естественно, что эти нелестные высказывания были его величеству неприятны. И в довершение всего Креститель приобрел себе смертельного врага в лице мадам Иродиады, которую его речи не могли не задеть.

Никогда не суйся в женские дела, гласит весьма разумная поговорка. И действительно, это одна из основных причин, способных поссорить даже самых лучших друзей. Скажем, ваш товарищ увлекся красавицей, которая, на ваш взгляд, страшнее мировой войны и которую вы терпеть не можете. Плюньте! Пусть себе любятся и наслаждаются, сколько их душам угодно. Боже вас упаси совать палец между молотом и наковальней! Если же вы не последуете этому мудрому правилу и вздумаете давать вашему другу советы, которых он не спрашивал, можете быть уверены, что он вас не поблагодарит. Даже после того, как он пошлет надоевшую ему Дульсинею ко всем чертям, он с вами вряд ли примирится. Это уже проверено неоднократно.

Иоанн Креститель принадлежал к той нестерпимой породе глупцов, которые считают своим долгом вмешиваться в чужие семейные дела.

Ирод не мог обратиться к нему за советом ни по одному государственному вопросу без того, чтобы не услышать надоевший припев:

— Да, ваше величество, сделайте так-то и так-то, я думаю, это будет правильно. Но политика — это еще не все. Нельзя забывать о своей частной жизни, и тут я считаю необходимым сказать, что на вашем месте я бы давно уже выставил Иродиаду за порог и вернулся к старой жене. Это ваша святая обязанность, ваш первейший долг перед богом и перед отечеством.

Ирод хмурил брови и молча уходил.

А ночью, возлегая со своей Иродиадой, ему приходилось отдуваться. Если та, на свою беду, спрашивала: «Ну, что наш Креститель?» — он цедил сквозь бороду: «И не говори... В сущности, он не плохой человек, но этот его пунктик...» — «Значит, он опять завел свою старую песню насчет нашего брака?» — «И не говори...» — «Грязная скотина!» — заключала Иродиада, скрежеща зубами.

Иродиада была женщиной нервной и впечатлительной. Бесконечно повторяющиеся нападки Иоанна довели ее до того, что при одной мысли о нем с ней делалась истерика. Кузен Иисуса наводил на нее ужас.

Вначале она довольствовалась тем, что называла его просто: «Этот тип, который сует нос не в свои дела». Затем она перекрестила Крестителя в Старую перечницу. «Как поживает Старая перечница? Он еще не рассыпался, эта Старая перечница?» И наконец, он стал для нее Грязной скотиной.

Грязная скотина — последняя стадия гнева цариц.

После Грязной скотины остается только виселица.

Тетрарх уже горько сожалел, что пересказывал своей благоверной все невыдержанные слова Крестителя. Из-за того, что он не сумел в свое время смягчить обличения Иоанна и придать им более удобоваримую форму, теперь ему приходилось защищать своего пленника от ярости Иродиады. А у той появилась навязчивая идея.

«Этот проклятый Креститель не перестанет совать свой нос в наши дела, пока я его не отрублю!» — думала она день и ночь.

Отрубить нос или отрубить голову — разница не столь уж велика. Иродиада не преминула этим воспользоваться. И вот как это произошло.

Царь Ирод не справлял именин, потому что не имел святого имени: святцы в ту эпоху пока еще не придумали. Поэтому Ирод, следуя римскому обычаю, праздновал свой день рождения.

В тот год он решил устроить празднество в Махере.

По случаю дня рождения был устроен пир для вельмож, тысяченачальников и старейшин галилейских. Все, что мы знаем о богатстве Ирода, о его расточительной щедрости и великолепии его двора, позволяет думать, что праздник и пиршество были выше всяких похвал.

Иродиада, прекрасно знавшая слабости своего супруга, взяла на себя увеселения. Она была далеко не глупа, эта Иродиада!

Сам же Ирод Антипа занимался только пиршественным столом и оплачивал прочие расходы.

Словно между прочим царица ему сказала:

— В конце вечера я устрою балет.

Именно этот балет и был придуманной ею ловушкой. Вы сейчас увидите, как ловко она все подстроила.

Празднество шло по установленному порядку. Сначала гости отменно отобедали и хорошенько выпили. Затем, когда последние сосуды опустели, все перешли в голубую гостиную, где был заранее поставлен помост для танцовщиц. Ирод обожал сладострастные танцы, завезенные из Италии, а потому он поспешил занять место в первом ряду.

Началась балетная программа. Танцовщицы, одна соблазнительнее другой, были выбраны из лучших учениц Терпсихоры *. Но самой бесподобной среди них была, разумеется, Саломея, дочь Иродиады от первого брака. В искусстве задирать ноги ей не было равных!

Очаровательное дитя исполнило свой номер под крики всеобщего одобрения. Букеты сыпались на сцену дождем. Ирод был в восторге.

— Иродиадица, дева, радуйся! — восклицал он.— Какая грация! Какие антраша! Я еще не видел ничего подобного! Клянусь, за такое удовольствие я готов отдать прелестнице все, что она захочет, хоть половину царства!

— Ловлю вас на слове, папочка! — сказала Саломея.

— Я готов его подтвердить! — откликнулся Ирод Антипа.

Саломея подбежала к матери и шепнула ей на ушко:

— Мамочка, чего мне попросить?

— Проси голову Крестителя,— ответила Иродиада.

И вот милое создание возвращается к Ироду, строит ему глазки и щебечет с самой очаровательной гримаской:

— Маленькая Саломея хочет головку Крестителя на красивеньком серебряном блюде,— вот!

Такого подвоха Ирод не ожидал. Он даже подпрыгнул в своем кресле, а потом склонил голову на грудь, как человек, которому нужно хорошенько подумать.

Однако придворные находили каприз Саломеи прелестным и повторяли хором:

— Голову Крестителя! Голову Крестителя! Голову Крестителя!

Для монарха нет ничего дороже данного слова,— разумеется, если он расположен его сдержать.

Антипа вынужден был позвать палача, которого предусмотрительная Иродиада заранее пригласила на празднество.

— Гарсон,— приказал царь,— подать мадемуазель Саломее голову Крестителя!

— На серебряном блюде! — прибавила Саломея, желая, чтобы ее заказ был подан по всей форме.

Четверть часа спустя нежная дочь поднесла своей мамочке голову незадачливого предтечи на вышеупомянутом блюде.

Если верить святому Иеремии, который, впрочем, не мог присутствовать на достопамятном пиру, поскольку родился лет триста спустя, Иродиада из женской мстительности тут же проткнула язык пророка булавкой.

После этого Иоанн Креститель окончательно утратил вкус к жизни.

Эту ночь и все последующие тетрарха мучили кошмары. Он все время видел во сне свою жертву. Креститель появлялся перед ним, возникая из самых неожиданных предметов, порою весьма интимных. Ироду казалось, что тот вылезает даже из его ночной тумбочки! Торжественный и бледный сын Захарии отовсюду протягивал к нему перст указующий и глубоким басом провозглашал:

— Убийца! Убийца! Убийца!

Мало того. Когда Ироду донесли о деяниях Иисуса, он в отчаянии пробормотал:

— Я знаю, что это такое... Это Иоанн, которого я обезглавил. Теперь он воскрес, вышел из могилы и творит всяческие чудеса!

(Смотри евангелия от Матфея, гл. 14, ст. 1—12; от Марка, гл. 6, ст. 14—29; от Луки, гл. 9, ст. 7—9.)

ГЛАВА XL

СЕЛЕДКИ И БУЛКИ: ЕШЬ — НЕ ХОЧУ!

> Он взял пять хлебов и две рыбы, воззрев на небо, благословил и преломил хлебы, и дал ученикам своим, чтобы они роздали им; и две рыбы разделил на всех.
>
> И ели все, и насытились.
>
> И набрали кусков хлеба и *остатков* от рыб двенадцать полных коробов.
>
> Было же евших хлебы около пяти тысяч мужей.
>
> *Марк, гл. 6, ст. 41—44*

Вернемся, однако, к нашим апостолам, которых миропомазанный разослал попарно с особыми поручениями во все концы Иудеи. Они узнали о печальной участи Иоанна Крестителя одними из первых и, не ожидая дальнейших указаний, поспешили вернуться к Иисусу.

— Господи боже мой! Учитель! Нам рассказали такую страшную историю, что у нас волосы зашевелились!

— Что еще за история?

— Дело плохо. Похоже, твоего кузена Крестителя отправили к праотцам. Говорят, ему отрубили голову.

— Я это знаю. Да свершится воля господня!

— При чем здесь господь? Свершилась воля не господа, а мадам Иродиады, если мы что-нибудь понимаем!

— Возможно. Но, поскольку ничего не свершается помимо предварительного соизволения божьего, мой кузен Иоанн был обезглавлен только потому, что так решил мой отец на небесах.

— Твой небесный родитель не слишком любезен по отношению к своему племяннику. Чего это он на него взъелся?

— Пути господни неисповедимы.

Такое объяснение, конечно, не могло успокоить апостолов. Они спросили, не благоразумнее ли им куда-нибудь укрыться на время.

— Погодите,— ответил Иисус.— Я должен взглянуть на часы моей судьбы.

Затем, немного помолчав, изрек:

— Нет, мой час еще не пришел. Надо сматываться!

Святая братия поспешила к ближайшему порту, а оттуда переправилась на северный берег Тивериадского моря-озера.

Наши путешественники высадились близ Вифсаиды, уже прославленной чудом с рекордным уловом. Эта деревня находилась на территории, которой управлял Филипп. Год тому назад она стала называться городом и даже была по указу тетрарха переименована. Чтобы сделать приятное дочери императора Августа, Филипп повелел отныне именовать Вифсаиду Юлией.

Вокруг молодого города простирались пустынные равнины, ограниченные с востока холмами, такими же унылыми и голыми, как в наши дни. Именно здесь сын голубя рассчитывал найти укромное место и отсидеться в тиши.

Увы, расчеты его не оправдались. Несмотря на то что великий исцелитель ретировался елико возможно скромнее, несколько рыбаков заметили удаляющийся парус его лодки и предупредили народ. Верующие толпой поспешили за ним вдоль берега, стараясь не выпускать парус из виду. Барка плыла медленно, разумеется, из-за неблагоприятного ветра, толпа обогнала ее, и, когда Иисус со своими апостолами сошел на берег, его тотчас окружило такое множество людей, какого он не видывал ни в Капернауме, ни в Наиме.

Происходило это накануне праздника пасхи, паломники стекались отовсюду. Издалека прибывали целые караваны любопытных. Папаша Зеведей, прослышав о скором прибытии своих сыновей с Иисусом и компанией, буквально разрывался на части, подогревая энтузиазм земляков.

— Вы его сами увидите, этого Иисуса! — уверял он всех встречных и поперечных.— Ох и силен же он, я вам доложу! Как-то раз погода была ну совсем не для рыбной ловли — уж я-то, старый волк, в этом кое-что смыслю,— а он с моими сыновьями наловил за утро два полных баркаса! Ей-богу, это было похоже на чудо. Да вы его только попросите, он вам сотворит чудес сколько пожелаете, хоть сотню, хоть тысячу!

Благодаря такой подготовке жители Вифсаиды-Юлии оказали Иисусу самый радушный прием.

— Равви! Учитель! Наставник! — взывала толпа на все голоса.— Сотвори нам чудо! Чудо!

— Только не теперь,— ответил миропомазанный.— Чудесами не следует злоупотреблять. Как-нибудь в другой раз.

— Пожалуйста! Будь добр! Чудо! Чудо!

— Помилосердствуйте, я очень устал...

— Ты от чудес не утомляешься! Тебе сотворить чудо — раз плюнуть! Чудо! Чудо!

— Но мне нужно хотя бы проветриться и побыть в одиночестве!

— Чудо! Даешь чудо!

Иисус действительно плюнул с досады и, обходя орущую толпу, направился вместе с апостолами к ближайшим холмам. Однако упорные жители Вифсаиды и не менее упорные паломники потащились за ним. Иисус взошел на один холм, на другой, на третий — они следовали за ним по пятам, не отставая ни на шаг.

Тогда вместо чуда он угостил их длиннейшей речью собственного сочинения.

Он был так красноречив, что его слушатели совершенно забыли о том, ради чего они забрели так далеко в пустыню. К тому же речь его длилась бесконечно. Он говорил весь день, но никто и не подумал вернуться домой пообедать.

Когда же ходячее Слово наконец закончило свое словоизлияние, ни разу даже не промочив горла стаканом подслащенной воды,— как видно, божественная глотка от проповедей не сохнет,— был уже вечер и солнце склонялось к горизонту.

Только тогда ученики Христовы забеспокоились о здоровье многочисленных слушателей, и прежде всего об их желудках.

— Хороши же мы! — переговаривались апостолы.— Кругом куда ни глянь — пустыня, эти добрые люди покинули свои очаги, чтобы послушать слово божье, а мы даже не знаем, чем их накормить.

— Это не проблема! — заметил миропомазанный.— Купите хлеба и раздайте толпе.

— Купить? Где, скажи на милость? И на какие шиши? В карманах у нас пусто, и вокруг ни одной булочной. Булочники почему-то не селятся в пустыне!

— Пусть так. Однако мало вероятно, чтобы у всех этих паломников не нашлось в котомках хоть чего-нибудь съестного!

Андрей вскарабкался на обломок скалы и обратился к толпе:

— Уважаемые слушатели! Может быть, у кого-нибудь из вас найдется хоть корка хлеба?

Ему ответил, выступив вперед, один маленький мальчик:

— У меня есть пять булочек и две рыбки.

— О, нам здорово повезло! — воскликнул Иисус.

— Ты думаешь, этого хватит на всех? — не без иронии спросил Андрей.

— Все равно раздавайте, а то, что останется, несите ко мне!

Затем Иисус приказал усадить всех собравшихся на землю группами по пятьдесят человек, что и было тотчас исполнено.

После этого он взял пять маленьких хлебцев, переломил их и начал отдавать апостолам, которые в свою очередь передавали куски толпе. Точно так же он поступил и с двумя рыбами, очевидно копчеными селедками. И представьте, в руках великого исцелителя эти булочки и селедки умножались до бесконечности! Когда уже ничего не оставалось, что-то еще все-таки оставалось. Так он продолжал делить ничего и раздавать что-то, пока все собравшиеся не наелись до отвала и не начали кричать:

— Довольно! Хватит! Достаточно!

Тем не менее, желая доказать, что, несмотря на свой чудодейственный дар, он все-таки человек экономный, Иисус этим не удовлетворился и приказал собрать все, что осталось от булочек и копченых селедок.

Его пожелание было исполнено. По окончании импровизированного пикника все объедки собрали; вышла целая дюжина здоровенных корзин, наполненных до самого верха.

Затем паломники и жители Вифсаиды-Юлии отправились восвояси и к ночи добрались до города, к великому облегчению остальных его обитателей, которых уже не на шутку встревожила столь внезапная эмиграция.

Разговоры об этом чуде долго еще не утихали по всей Галилее. Слов нет, чудо было высшего сорта! Собственно говоря, это было даже не одно чудо, а несколько, чего евангелисты, к сожалению, не заметили.

Во-первых, уже то, что население целого города покидает свои очаги и отправляется послушать проповедь бог знает в какую даль, в пустыню, не позаботившись даже

захватить с собой по бутерброду,— это само по себе чудесно!

А во-вторых, представьте себе всех этих людей, которые не считают нужным запастись едой, но тем не менее волокут на себе двенадцать штук здоровенных корзин,— это ли не чудо?

Такова в общих чертах история с умножением булочек и копченых селедок. Как видите, на самом деле она даже чудеснее, чем полагают христиане (смотри евангелия от Матфея, гл. 14, ст. 13—21; от Марка, гл. 6, ст. 30—44; от Луки, гл. 9, ст. 10—17; от Иоанна, гл. 6, ст. 1—15).

ГЛАВА XLI

ПРОГУЛКА ПЕШКОМ ПО ВОДАМ

И увидел их бедствующих в плавании; потому что ветер им был противный. Около же четвертой стражи ночи подошел к ним, идя по морю, и хотел миновать их.

Они, увидев его идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали.

Ибо все видели его, и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: ободритесь, это я, не бойтесь.

И вошел к ним в лодку; и ветер утих. И они чрезвычайно изумлялись в себе и дивились.

Марк, гл. 6, ст. 48—51

Полагаю, никто не удивится, узнав, что после этого массового чуда, совершенного перед глазами многотысячной толпы, жители Вифсаиды вознамерились захватить Иисуса и объявить его царем.

Замысел был вполне логичен. Вифсаидяне совершенно резонно рассуждали, что, если у них будет такой могущественный вождь, он обеспечит им победу над любым врагом, начиная с римских легионеров, которые надоели иудеям хуже горькой редьки.

Однако подобная перспектива отнюдь не улыбалась ходячему Слову. Сын голубя взлетел на импровизированную кафедру на холме дабы излить оттуда потоки своего красноречия, а вовсе не для того, чтобы сделаться главнокомандующим повстанцев и ввязаться в сомнительное военное предприятие. Ибо час его еще не пришел,— формулировка прежняя.

Когда ему сообщили о намерениях жителей Вифсаиды, Иисус решительно запротестовал.

— Нет, нет и нет! — вскричал он.— Не нужна мне никакая корона! Оставьте меня в покое, я хочу исцелять своих немых и паралитиков, а прочее меня не интересует.

Однако апостолы держались иного мнения. Они бредили славой и вполне разделяли воинственные устремления вифсаидян. Поэтому они попытались переубедить Иисуса.

— Господи,— говорили апостолы,— если ты возглавишь восстание, которое давно уже назревает, победа наверняка

останется за нами. Мы этим римлянам покажем где раки зимуют, вот увидишь!

— Увижу, да только что? — огрызался миропомазанный.— Против нас будут не только римские легионы, а еще войска Ирода и солдаты синедриона!

— Ну что с того? Ты же сын божий, какого черта тебе бояться? Одним своим словом ты повергнешь в прах всех наших противников, как бы ни были они многочисленны.

— Вполне возможно, однако возглавлять восстание — это не входит в мои планы.

— Но послушай, учитель...

— Никаких «но»! Я сам знаю, что мне делать. Раз уж вы признали меня своим вожаком, извольте повиноваться! Слепое повиновение — первая добродетель христиан. А посему вы сейчас же погрузитесь на судно и отправитесь в Капернаум. И прошу без пререканий!

Понурив головы, апостолы покорились. Когда их лодка была уже далеко, Иисус отослал по домам толпу, снова собравшуюся его послушать, и, воспользовавшись темнотой, удрал на гору. Наконец-то он остался один!

Тем временем над долиною Иордана собирались тучи, и к ночи разразилась гроза. На Тивериадском море от ветра поднялось волнение, лодку апостолов начало заливать. Положение их было далеко не утешительным, тем более что миропомазанный чудотворец на сей раз отсутствовал.

Апостолы проклинали свою судьбу. Они пытались бороться, но все было тщетно. Буря становилась все сильнее, волна все выше, барка потеряла управление и сбилась с курса.

В четвертом часу ночи они все еще были на полпути от берега, и опасность становилась все реальнее.

Внезапно апостолы увидели невдалеке человека, который преспокойно шествовал по водам. Можно было поклясться, что он прогуливается по твердой земле, так уверенно и невозмутимо шагал он с волны на волну. Его окружало яркое сияние — это был Иисус.

По логике вещей, апостолы должны были обрадоваться, решив, что их учитель спешит к ним на помощь. Но нет! Вне себя от ужаса, они принялись вопить и кричать.

— Перестаньте наконец надрываться, глупцы! — не выдержал миропомазанный.— Это я.

— Нет, нет, это не он! — застонали апостолы.— Это призрак!

— А я вам говорю, что это я.

Первым решился ему поверить Симон-Петр.

— Господи,— пролепетал он,— если это действительно ты, прикажи мне прийти к тебе по воде!

— Иди, Петр, если тебе так хочется.

— А ты гарантируешь, что я не утону?

— Даю тебе честное слово.

Петр тотчас перемахнул через борт лодки и осторожно направился к миропомазанному. В глубине души он все-таки опасался, как бы эта жидкая дорожка не сыграла с ним злой шутки. Но сначала все шло хорошо. Он топал по волнам, как по асфальту, только брызги летели! Но вдруг налетел шквал и — трах! Апостол пропорол неровную поверхность и начал погружаться. Когда вода дошла ему до колен, он всерьез забеспокоился за свою шкуру.

— Учитель! Учитель! — завопил Петр не своим голосом.— Спаси меня, я тону!

— Это тебе только кажется,— возразил Иисус, который ловко балансировал на гребне волны.— Смотри, видишь, как прочно я стою?

— Да нет же, учитель, мне совсем не кажется. Может быть, для тебя, сына голубя, эта жидкость достаточно прочна, а для меня нет... Я ведь всего-навсего простой апостол... О господи, поспеши, а то уже доходит до пупка! Вытащи мня, бога ради, я тебя умоляю... И какого черта тебе вздумалось выманивать меня из лодки в такую сырость? Дурацкая шутка! Спаси, о господи!

Иисус наконец сжалился над несчастным Петром, который бултыхался, как подбитая утка. Он протянул ему руку, извлек его на поверхность и дружески пожурил:

— Если бы ты не усомнился во мне, старина, не пришлось бы тебе и купаться. Сам виноват, маловерный!

Затем, поддерживая друг друга, они добрались до лодки.

Едва Иисус переступил через борт, как тотчас ветер утих и они сразу очутились у самого места своего назначения (смотри евангелия от Матфея, гл. 14, ст. 22—33; от Марка, гл. 6, ст. 45—52; от Иоанна, гл. 6, ст. 16—21).

На сей раз апостолы уже не сомневались. Они бросились на колени перед своим вожаком, который так ловко спас их от гибели, и сказали ему:

— Ты не просто пророк, провалиться нам всем на этом месте! Поистине ты сын голубя, а значит, сын божий!

ГЛАВА XLII

ИЗГНАНИЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГАЛИЛЕЮ

Иисус же сказал им: я есмь хлеб жизни; приходящий ко мне не будет алкать, и верующий в меня не будет жаждать никогда.

Но я сказал вам, что вы и видели меня, и не веруете.

Все, что дает мне отец, ко мне придет; и приходящего ко мне не изгоню вон.

Ибо я сошел с небес не для того, чтобы творить волю мою, но волю пославшего меня отца.

Иоанн, гл. 6, ст. 35—38

Двадцать четыре часа спустя после этого происшествия миропомазанный уже проповедовал в капернаумской синагоге при великом стечении слушателей. Помимо местных жителей тут же были и вифсаидяне. Узнав, что барка с апостолами отплыла без Иисуса, они бросились его искать по горам и долинам, чтобы привести к нему своих больных. Нигде не обнаружив плотника-исцелителя, жители Вифсаиды были глубоко озадачены. Но ненадолго.

Ни телеграфа, ни телефона в ту эпоху еще не существовало. И тем не менее, если верить евангелию, вифсаидяне в тот же день узнали, что сын голубя находится в Капернауме, и в тот же день успели туда прибыть.

Итак, на следующее утро жители обоих городов, объединившись, упросили ходячее Слово облагодетельствовать их одной из тех бесконечных речей, тайна коих была ведома ему одному. Иисус, разумеется, не мог им отказать.

Однако, когда после проповеди его начали просить, чтобы он повторил позавчерашнее чудо, то есть чудо с умножением булок и копченых селедок, миропомазанный уперся. Да так, что дело едва не кончилось плохо.

— Будьте вы все неладны! — завопил он.— Изменитесь вы когда-нибудь или нет? Или вы снова проголодались, что пришли ко мне просить хлеба? Хорошо же, я вас накормлю, только не тем, чего вы просите. Я вас угощу самим собой, ибо я — хлеб жизни, сошедший с небес.

Услышав это, надо признать, довольно рискованное предложение, присутствующие зароптали, несмотря на все свои симпатии к сладкоречивому плотнику.

А тот, вместо того чтобы объяснить свою мысль, продолжал в прежнем тоне:

— Да, да, пища, которую я вам предлагаю,— это плоть моя. Хотите отведать?

— Нет! — дружно ответили сотни голосов.

— Тем хуже для вас. Дважды повторять приглашение я не стану. Вы видели, как я воскрешал мертвецов. Так вот, если хотите, чтобы я вас воскресил после вашей смерти, вам придется есть мою плоть и пить мою кровь!

Это людоедское угощение пришлось собравшимся явно не по вкусу. Они охотно закусили бы еще раз копчеными селедками с булкой, но бифштекс из ляжек оратора никого не соблазнил.

— Это что, новая притча? — крикнул ему кто-то.— Надеюсь, ты говоришь иносказательно?

— Вовсе нет! «Ибо плоть моя истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питие. Ядущий мою плоть и пиющий мою кровь пребывает во мне, и я в нем... Ядущий меня жить будет мною» (Иоанн, гл. 6, ст. 55—57).

Это уж было слишком! Все собравшиеся искренне возмутились, в том числе и многочисленные сторонники Иисуса, которые добровольно следовали за ним, чтобы быть в числе его учеников.

— Довольно! — послышались возгласы.— Долой! Это отвратительно! Он сошел с ума!

Но, поскольку ни капернаумцы, ни вифсаидяне не желали ходячему Слову погибели, они удовлетворились тем, что оставили его наедине с его бредом и, отплевываясь, разошлись по домам.

«С этого времени,— меланхолично замечает евангелист Иоанн,— многие из учеников его отошли от него, и уже не ходили с ним» (Иоанн, гл. 6, ст. 66).

Иисус остался с двенадцатью апостолами.

— Ну,— сказал он,— может быть, вы тоже хотите уйти?

— Нет уж! — ответил Симон-Камень.— Мы совсем позабыли ремесла, которые нас кормили, и привыкли жить вольно, так что мы остаемся. Правда, если ты сейчас угостишь нас вырезкой из своего филе, нас, конечно, стошнит, но со временем мы, наверное, попривыкнем. Ты нам показал уже столько чудес, что теперь нас ничто не удивит. Короче, мы в тебя верим. Если хочешь, можем поверить еще раз в символ нашей веры: ты воистину сын голубя, а стало быть, сын божий!

— Спасибо! — сказал Иисус.— Благодарю вас, друзья.

Вместе с дюжиной верных учеников он вышел из синагоги и двинулся по улицам Капернаума. Шокированные горожане смотрели им вслед и возмущенно переговаривались:

— Хорошенькими же делами они занимаются, когда остаются одни!

— Надо же! В наше время дойти до людоедства!

— И как им только не противно?..

Вполне естественно, что этот случай немало навредил Христу. В конце концов он и сам понял, что ему необходимо на время скрыться с горизонта. Поэтому он вскоре покинул город, а затем вообще ушел из Иудеи. Через несколько дней Иисус был уже в городе Тире, в стране Ханаанской.

Евангелие весьма сдержанно повествует о пребывании ходячего Слова среди язычников. Упоминается лишь о том, что Иисус оказал услугу одной женщине, правда, не без того, чтобы предварительно обругать ее последними словами, ибо сын голубя далеко не всегда был кроток, как голубь.

Женщина та была язычница, родом сирофиникиянка, и просила изгнать беса из ее дочери — эпилептички.

Сначала Иисус ответил ей хамством.

— Мои чудеса не для собак! — сказал он.

Несчастная мать проглотила оскорбление.

— Правда твоя, господи,— согласилась она,— но и собаки подбирают крохи, упавшие со стола,— дай же мне хоть крошку твоих чудес!

Иисус был настолько любезен, что перестал хамить и выдал просимую крошку чуда, хотя и скорчил при этом недовольную гримасу [1].

Через некоторое время к нему привели глухонемого.

Если вы жаждете подробнее познакомиться с новым способом лечения, к которому на сей раз прибег Иисус, настоятельно советую прочесть седьмую главу Евангелия от Марка.

---

[1] «А женщина та была язычница, родом сирофиникиянка; и просила его, чтобы изгнал беса из ее дочери. Но Иисус сказал ей: дай прежде насытиться детям; ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она же сказала ему в ответ: так, господи; но и псы под столом едят крохи у детей. И сказал ей: за это слово, пойди; бес вышел из твоей дочери» (Марк, гл. 7, ст. 26—29).

Вкратце же произошло следующее.

Иисус сунул пациенту пальцы в уши, плюнул ему в рот и крикнул:

— Еффафа́!

К глухонемому тут же вернулся слух и дар речи.

Несколько дней спустя Иисусу представился случай повторить чудо с умножением булочек и копченых селедок. Если бы жители Вифсаиды узнали, что он совершил для язычников то, в чем решительно отказал правоверным в Капернауме, они бы позеленели от зависти.

Наш герой провел среди язычников в пределах Тирских и Сидонских шесть долгих месяцев. Все это время он буквально умирал от скуки. Он тосковал по Галилее и особенно часто вспоминал Магдалу, где остался его маленький гарем.

Поэтому, когда он решил, что провел в изгнании достаточно времени, Иисус прежде всего поспешил в Магдалу.

Святые дамочки встретили его с восторгом,— иначе и быть не могло. Он пропадал где-то целых полгода! Им его так не хватало! И за все время даже весточки не прислал, нехороший!

Чтобы отпраздновать возвращение неблагодарного, собрались все набожные одалиски. Его осыпали нежными упреками, с него брали клятвы, что он никогда-никогда не будет больше так делать, и наконец, простив гадкого шалуна, вознаградили его за все шесть месяцев вынужденного поста.

Именно в это время родился печально известный каламбур, который евангелие приписывает Христу *.

Однажды утром, беседуя со своими апостолами, он вдруг спросил:

— Послушайте, вы рыщете повсюду и собираете всякие сплетни,— что люди говорят обо мне?

— Сказать по совести,— отвечали апостолы,— никто не верит, что ты мессия. Мы расспрашивали каждого встречного. Одни говорят, что у тебя не все дома, другие принимают тебя за воскресшего пророка Иеремию — эти хотя бы признают за тобой кое-какие достоинства,— но большинство наших соотечественников считает тебя прожженным плутом или шутом.

— Ну, а вы, что вы обо мне думаете?

— Мы, равви,— ответил от имени всех Петр,— мы думаем, как прежде. Для нас ты сын голубя, и так мы провозглашаем тебя повсюду.

— Прекрасно, друзья мои, я вами доволен. Особенно тобой, старина Петр. Молодец, что решился высказаться за всех, спасибо. Вообще, ты хороший парень, а потому слушай внимательно, что я тебе скажу. Тебя ведь зовут Петр, не правда ли?

— Конечно! Ты же сам дал мне это имя вместо прежнего — Симон.

— Так вот, раз ты Петр, то есть камень, на сем камне я создам мою церковь.

— Прости, я не ослышался?

— Я говорю, что построю на Петре, то есть на камне, который есть ты, мою церковь, и врата ада не одолевают ее (Матфей, гл. 16, ст. 18).

— Врата ада?

— Ну да, адские ворота.

— Я что-то не улавливаю...

— А это и неважно. Кроме того, я вручу тебе связку ключей. Это будут ключи от царства небесного, того царства, что наверху, выше луны. И когда ты завяжешь узел на земле, завяжется и на небесах, а когда развяжешь, наверху тоже развяжется.

— Премного благодарен! — сказал Симон-Камень.— Это для меня немалая честь. Постараюсь оправдать оказанное мне доверие.

И, повернувшись к остальным апостолам, с торжеством прибавил, поглаживая бороду:

— Слышали? Итак решено: отныне я вице-президент нашего общества!

(Смотри евангелия от Матфея, гл. 15, ст. 21—39; гл. 16, ст. 1—20; от Марка, гл. 7, ст. 1—37; гл. 8, ст. 1—30; а также от Иоанна, гл. 6, ст. 22—72.)

ГЛАВА XLIII

ПРОБНОЕ ВОЗНЕСЕНИЕ И БЕСЕДЫ НА ВОЗДУСЯХ

По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних.

И преобразился пред ними: и просияло лице его, как солнце, одежды же его сделались белыми, как свет.

И вот, явились им Моисей и Илия, с ним беседующие.

Матфей, гл. 17, ст. 1—3



еделей позже Иисус направился в холмистую местность на западном берегу Генесаретского озера. К вечеру вместе с тремя апостолами — Симоном-Камнем, Большим Иаковом и малышом Иоанном — он взошел на высокую гору, которая называлась Табор.

Добравшись до вершины, Иисус обратился к своим верным ученикам:

— Я здесь помолюсь на сон грядущий. Вы тоже, если хотите, можете помолиться со мной.

Затем он упал на колени, простер руки ввысь и начал бормотать молитву. После первой молитвы он перешел ко второй, к третьей, четвертой, пятой и так далее.

Апостолы последовали его примеру. Они тоже стали на колени и тоже воздели руки к небесам, затянув «Отче наш».

При этом они исподтишка перемигивались, словно хотели сказать:

— Ну и гусь, этот наш помазанный миром сын голубя! Ему хорошо: у него всегда на выбор две сущности — человеческая или божественная. Когда ему хочется, он устает, как все люди, а когда не хочется, вовсе не устает. Вот и сейчас он торчит с вытянутыми вверх руками целых полчаса: должно быть, включил свою божественную сущность. Так он может простоять еще три-четыре часа подряд и даже не шевельнуться... Но мы-то, черт возьми, из другого теста! У нас только одна сущность, человеческая, и через пять минут у нас просто отвалятся руки и ноги!

И действительно, Иисус молился с таким необычайным рвением, что, казалось, вовсе не чувствовал утомления от

неудобной позы. Что касается трех апостолов, то у них уже ломило колени и руки сами опускались.

Наконец, не в силах более противиться усталости, они преспокойно улеглись прямо на голую землю, чтобы хоть немного вздремнуть. Вскоре все трое заснули крепким сном.

И как раз тогда, когда они с редкостным единодушием похрапывали в унисон, на горе Табор произошло нечто поистине удивительное.

Иисус перестал бормотать молитвы, встал на ноги и медленно поднялся над землей, как воздушный шар. Нет, он поднялся совсем невысоко — всего на метр с небольшим от земли. Ведь это была только проба! Настоящее вознесение должно было состояться в более торжественной обстановке. Поэтому сейчас он неподвижно повис над самой землей, словно для того, чтобы доказать, что законы природы для него не существуют и плевать ему на всякое там земное притяжение.

В то же время небеса разверзлись и оттуда спустились два пожилых господина. У одного на голове сияла пара светящихся рогов — то был Моисей. Другой съехал вниз на огненной колеснице, которая ныряла среди туч, как рыба в воде,— это был пророк Илия. Папаша Моисей повис рядом с Иисусом, Илия вылез из своего экипажа и таким же образом устроился с другой стороны. Все трое парили в метре от земной поверхности, словно подвешенные на незримых веревках. Зрелище было прелюбопытное! При этом они спокойно вели дружескую беседу.

— Вы очень любезны,— начал Иисус,— что сошли меня навестить в такой поздний час.

— Полно тебе! — ответил Моисей.— Это наша святая обязанность, которой мы слишком долго пренебрегали... Расскажи лучше, как твои земные дела. Все в порядке? Люди прислушиваются к твоему голосу? Души очищаются?

— Гм, как тебе сказать... Кое-кто не слишком упорствует, но в общем отсев значительный. Все идет совсем не так гладко, как я рассчитывал.

— Кому ты это говоришь? — вмешался пророк Илия.— Мне ли не знать моих соотечественников? Они же упрямы, как андалузские мулы! Я сам проповедовал им слово божье годы и годы, а толку что? После каждой моей проповеди они еще глубже погрязали в своих пороках.

— Да и мне с ними повезло не больше,— признался Моисей.— Впрочем, справедливости ради надо сказать, что я, когда нужно, не стеснялся в средствах. Если мои древние евреи слишком брыкались, я их вразумлял огнем и мечом. Чтобы наставить упорствующий народ на путь истинный, нет ничего лучше хорошего массового избиения.

— Нет, Моисей,— не согласился с ним Иисус,— твои законы все-таки слишком суровы, говорю тебе это как другу. Я предпочитаю не давить мух, а ловить их на мед.

— О, если тебе это удастся, в добрый час! Но у меня уже есть опыт, поверь мне. Когда хочешь основать новую религию, нежничать не приходится, иначе все полетит вверх тормашками!

— Вначале да, но зато потом...

— Потом тебя начнут преследовать, вешать на тебя всех собак, смеяться над тобой и в конце концов тебя замучают.

— Я это знаю, но зато какой триумф ожидает меня в будущем!

— Ну, если тебе так хочется быть распятым, это уж твое дело,— проговорил Илия.— От души желаю повеселиться! Что же до меня, то я искренне благодарен твоему превосходнейшему отцу Саваофу за то, что он успел втащить меня живьем на небеса, когда современники только собирались меня пристукнуть. С его стороны это было весьма, весьма любезно...

В таком же духе наши подвешенные джентльмены мирно беседовали еще несколько минут. Их окружало ярчайшее сияние. Даже тела их казались прозрачными, так силен был излучаемый ими свет. Одежды Иисуса «сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Марк, гл. 9, ст. 3). Это было прекрасное зрелище, поистине прекрасное!

Сверкающее видение было так ослепительно, что даже наши апостолы наконец пробудились. Они вытаращили глаза, свет ослепил их, но они, по словам евангелия, все-таки услышали, как Илия и Моисей беседуют с Иисусом. «Явившись во славе, они говорили об исходе его, который ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лука, гл. 9, ст. 31).

Однако столь великолепное зрелище, естественно, не могло продолжаться долго: ведь конец приходит всему! Даже фильм кончается, когда вся пленка прокручена.

Поэтому сияющее видение начало постепенно бледнеть, меркнуть, а потом и вовсе исчезло. Илия и Моисей растаяли, как тени волшебного фонаря.

По мнению Петра, все кончилось слишком быстро.

— Учитель! — сказал он.— До чего же здесь хорошо! Если не возражаешь, мы сейчас соорудим три шалаша: один для тебя, один для Моисея и один для Илии,— и сами тоже останемся на этой волшебной горе.

— Что за вздор! — возмутился Иисус.— Три шалаша на шестерых? А где будете спать вы сами?

— Как-нибудь разместимся. Ты возьмешь к себе малыша Иоанна, а мы с Большим Иаковом устроимся один с Моисеем, другой с Илией, и все будут довольны.

Он еще развивал свою мысль, как вдруг на них опустилось облако и ударил такой гром, что Петр едва не поперхнулся. Затем из облака загремел глас глаголющий:

— Сей есть сын мой возлюбленный, слушайте его!

Голос настолько не походил на голубиное воркование, которого можно было бы ожидать, что апостолы не знали, что и ответить. Они растянулись на земле носами вниз, зажмурились и затихли, как нашкодившие коты.

Лишь некоторое время спустя, видя, что небеса не собираются обрушиваться им на головы, наши храбрецы осмелились открыть глаза. Ощупав себя с головы до ног, они с облегчением убедились, что все вроде на месте.

Иисус сидел неподалеку на обломке скалы. Он был один и смотрел на них довольно презрительно.

— Ну и ну! — сказал он.— Насколько я понимаю, это называется не помнить себя от страха. Похоже, вы сами не знаете, живы вы или нет. Пересчитайте свои кости, все ли целы, да заодно перенумеруйте их: может быть, в следующий раз пригодится! Нет, честное слово, видал я ослов, но таких!.. Когда наконец я вобью вам в ваши тупые головы, что, пока я здесь, ничего с вами не случится?!

С апостолов было вполне достаточно. Большой Иаков, выражая мнение своих коллег, намекнул, что пора бы возвратиться в город. Каждый из них старался себя убедить, что эта волшебная гора в конечном счете не так уж страшна, как им показалось.

Иисус не стал их больше мучить: жестокость была не в его характере. Он согласился спуститься с горы и добраться до ближайшего города. Кстати, и горизонт начал проясняться. Когда забрезжил рассвет, они были уже внизу.

По дороге Иисус растолковал своим ученикам, что это пробное вознесение и беседа с подвешенными пророками на воздусях состоялись специально для них, а потому они должны хранить все виденное и слышанное в глубочайшей тайне.

— Никому не сказывайте о сем видении! — приказал сын голубя.

Может быть, именно потому малыш Иоанн хранит об этом великолепном видении непроницаемое молчание? Он был единственным евангелистом, который видел этот спектакль, и он же единственный из четырех ничего об этом не пишет.

Откройте евангелие, и вы найдете рассказ о чудесном видении:

а) у святого Матфея (гл. 17, ст. 1—13), хотя святого Матфея, как известно, на горе Табор не было;

б) у святого Марка (гл. 9, ст. 1—12), которого тоже там не наблюдалось;

в) у святого Луки (гл. 9, ст. 28—36); святой Лука имеет к этой истории не больше отношения, чем два вышеупомянутых его коллеги.

И только четвертый, святой Иоанн, молчит об этом как рыба.

Итак, малыш Иоанн свято сохранил тайну пробного вознесения на горе Табор. Но, простите, каким тогда образом о ней узнали три остальных евангелиста?

Впрочем, еще раз простите, я совсем забыл: ведь они писали под диктовку голубя!

Итак, посоветовав апостолам попридержать языки, Иисус затем объявил им, что воскреснет из мертвых.

Здесь снова не мешает взять в руки евангелие.

Апостолы не могли опомниться.

— Как же он может воскреснуть из мертвых? — спрашивали они себя.— И куда делся Илия? Ведь книжники говорили, что Илия должен явиться прежде мессии и сначала все устроить! Значит, наш учитель вовсе не Христос?

Если верить «священному писанию», эти вопросы весьма беспокоили Иисусовых учеников.

Давайте, однако, внесем некоторую ясность. Одно из двух: видели апостолы чудеса Иисуса или не видели? Видели, не так ли? В таком случае почему же они сомневались? Если Иисус мог у них на глазах воскрешать других

мертвецов, почему бы ему, всемогущему, не воскреснуть самому?

Что касается меня, то, если, скажем, последний болван на моих глазах повиснет в воздухе без всякой веревки или каких-нибудь других приспособлений, если он по моей просьбе оживит мою бабушку, сказав ей «талифа куми», если он при мне исцелит глухонемого, сунув пальцы ему в уши и плюнув ему в рот, я, несмотря на весь свой скептицизм, даже болвана провозглашу богом и буду на него молиться.

Когда я думаю об апостолах, перед глазами которых Иисус творил неисчислимые чудеса и которые все-таки время от времени сомневались, Христос ли он, я рассуждаю следующим образом.

Рая нет, я в этом уверен, но если бы он был, я бы туда наверняка попал. Апостолы, которые время от времени сомневались в господе боге, хотя не имели на то никаких оснований, и даже наоборот, заняли там самые лучшие места и считаются святыми первого разряда. Я же не видел ни одного чуда, а потому, если я и не верю в бога, у меня есть смягчающие обстоятельства и вечный отец наш — надеюсь, в тот день, когда я перед ним предстану, он будет в хорошем настроении — вручит мне диплом святого хотя бы четвертого разряда. Большего мне не надо. «Блаженный Лео Таксиль» — ей-богу, это будет неплохо выглядеть в календаре святых! Но довольно об этом: мы и так уделили сомнениям апостолов слишком много места.

Иисус тот долго не рассуждал.

Он просто сказал им:

— Может быть, вы думаете, что я не Христос? Вы себя спрашиваете, как я воскресну из мертвых? Пусть это вас не волнует! Говорят, Илия должен прийти раньше меня... Так вот знайте: он уж приходил, только никто не обратил на него внимания. Он скрывался в образе моего кузена Крестителя,— вот и все! А поскольку крестильщик с Иордана в действительности был не кто иной, как переодетый Илия, значит, я — всем мессиям мессия!

ГЛАВА XLIV

ВЕРА ГОРАМИ ДВИЖЕТ

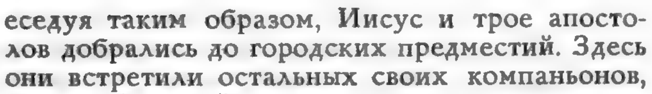
И запретил ему Иисус; и бес вышел из него; и отрок исцелился в тот час.

Тогда ученики, приступив к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать его?

Иисус же сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас.

Сей же род изгоняется только молитвою и постом.

Матфей, гл. 17, ст. 18—21



Беседуя таким образом, Иисус и трое апостолов добрались до городских предместий. Здесь они встретили остальных своих компаньонов, окруженных большой толпой.

В отсутствие Иисуса его ученики вздумали исцелить глухонемого эпилептика. Они поверили в обещание своего учителя, что тоже смогут творить чудеса, и вот попытались это сделать, но у них почему-то ничего не выходило.

Когда отец глухонемого пришел к Андрею, тот ему сказал:

— Твой сын глухонемой и к тому же припадочный? Пустяки! Мы обладаем чудодейственной силой и вылечим ваше чадо в два счета...

Глухонемой несколько раз вскрикнул и скорчился. Его схватили покрепче, и апостолы начали над ним колдовать, подражая словам и жестам Иисуса. Только с той небольшой разницей, что это не давало никаких результатов.

Напрасно каждый из них по очереди плевал глухонемому в рот, напрасно тыкали они ему пальцами в уши, напрасно простирали над его головой руки и выкрикивали всякую тарабарщину. Провал был полный.

Книжники, давно недолюбливавшие апостолов, смеялись над их тщетными потугами и торжествовали победу. Но, когда на сцене появился сын голубя, все сразу переменилось.

— Ах, вот и учитель! — воскликнул Варфоломей, с которого пот катил градом.— Вовремя же он подоспел!

— О чем это вы тут спорите? — спросил миропомазанный.

Из толпы вышел отец глухонемого.

— Равви! — сказал он.— Я привел к ним моего сына, который с детства страдает непонятной болезнью. Мало того, что он глух и нем, по временам его еще корчит в страшных судорогах, он катается по земле, скрежещет зубами, брызжет слюной и сохнет день ото дня. Ты сам понимаешь, все это неестественно; должно быть, в животе у него сидит дьявол, который и заставляет его выделывать такие акробатические номера. Я просил твоих учеников изгнать беса, но у них ничего не вышло. Однако ты, господи, ты не такой, как все люди, и я верю, что ты без труда покончишь с нечистым духом, терзающим моего сына. Окажи мне такую услугу, исцели его, умоляю тебя, ведь это мое единственное дитя!

С этими словами он распростерся у ног Иисуса. Великий исцелитель был польщен.

— Подведи сюда твоего сына! — приказал он.

Ребенка подвели. Но едва он увидел Иисуса, как забился в падучей и, брызжа пеной, начал кататься по земле.

— И часто его так забирает? — осведомился миропомазанный.

— Очень часто. Он так измучился, что однажды бросился в воду, чтобы утопиться, а другой раз закатился в огонь... О господи, какое несчастье! Это явно дьявол толкает его на такие отчаянные поступки... Равви, равви, сжалься над ним, сжалься над нами!..

— Если ты веришь в меня, твой сын избавится от нечистого духа.

От страха, что он вдруг окажется недостаточно верующим, отец глухонемого эпилептика даже расплакался.

— Равви! — сказал он.— Честное слово, я сделаю все возможное, чтобы в тебя поверить. Но, если мне это не удастся, помоги мне ты избавиться от безверия!

Тем временем толпа окружила миропомазанного со всех сторон. Он взглянул еще раз на катавшегося в судорогах мальчика и сказал:

— Дух нечистый, глухой и немой, выйди из этого юноши и не возвращайся, я тебе приказываю!

Дьявол яростно потряс тело одержимого и выскочил вон, как всегда, с громким криком.

Мальчик повалился наземь. Пена на его губах мгновенно высохла, тело больше не дергалось, но он лежал неподвижно, как мертвый.

— Вот так исцеление! — обрадованно завопили книжники.— Смотрите, мальчишка-то умер!

Но тут Иисус взял мальчика за руку, приподнял его, и совершенно здоровый ребенок встал как ни в чем не бывало. Книжники готовы были сквозь землю провалиться. Толпа аплодировала и кричала «браво». Это был настоящий успех. Сын голубя, скромный, как лесная фиалка, поспешил укрыться от восторженных излияний публики в ближайшем доме. Апостолы последовали за ним, не смея смотреть друг другу в глаза и не зная, чем объяснить свое постыдное бессилие.

Когда они остались со своим наставником одни, апостолы потребовали объяснения.

— Что же это такое, в конце концов? — спросил один из них от имени всей дюжины.— Полгода назад ты отправил нас с важным заданием и дал нам способность творить чудеса. До сих пор мы этой способностью неплохо пользовались: благодаря нам несколько человек даже исцелилось. А сегодня, когда мы хотели повторить старый фокус, он вдруг не сработал! Почему? Скажи честно, ты что, отобрал у нас чудесную силу? И если да, то на каком основании?

— Бедные мои барашки,— ответил Иисус.— Все обстоит гораздо проще. Дело в том, что у вас больше нет той веры, которую вы имели полгода назад. Истинно, истинно говорю вам: кто поверит в меня бесконечно, тот и силу будет иметь бесконечную. Каждый, кто имеет веру в мою божественность, может сказать горе: «Перейди отсюда туда!», и гора перейдет. Запомните: вера горами движет (смотри по этому поводу евангелия от Матфея, гл. 17, ст. 14—20; от Марка, гл. 9, ст. 13—29; от Луки, гл. 9, ст. 37—43).

Эти слова, приписываемые евангелием Иисусу и беспрестанно повторяемые всеми христианами, наводят меня на грустные размышления. Мне кажется, они свидетельствуют о том, что служители французской церкви — плохие патриоты. В 1870 году немецкая армия захватила Францию, ту самую Францию, которую богословы называют старшей дочерью католической церкви. Что же касается немцев, то, по словам тех же богословов, это еретики, обреченные гореть в аду. Теперь о вере. Прежде всего вера в господа бога нашего должна быть у священника; ибо если уж они не

станут верить, то что спрашивать с нас, простых смертных! Так вот, поскольку вера священников безгранична, они могли бы по своему желанию двигать даже горами. Попробуйте теперь себе представить, как славно могла бы Франция разделаться с немцами, если бы у французских священников была хоть капля патриотизма! По мере продвижения пруссаков в глубь Франции они могли бы нагромождать на их пути препятствие за препятствием. Противнику пришлось бы оставить всякую мысль о вторжении. По слову архиепископа парижского на пути врага встали бы непроходимые Гималаи, и пруссаки не перешли бы даже нашей границы. И если бы благодаря немецкому упрямству войска Вильгельма все-таки взобрались на склоны Гималайского хребта, перенесенного на Рейн, кардинал лионский мог бы тотчас скомандовать:

— А теперь, хребет Гималайский, отправляйся на Северный полюс!

Франция навсегда избавилась бы от немецких вояк, и Гарибальди не пришлось бы приходить к нам на помощь *.

ГЛАВА XLV

КОГДА СЛОВА РАСХОДЯТСЯ С ДЕЛОМ

> Горе миру от соблазнов: ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.
>
> Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный.
>
> И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную.


Матфей, гл. 18, ст. 7–9


Мы уже знаем, что Иисус питал особую склонность к жителям Капернаума: его там всегда хорошо принимали до той памятной субботы, когда он вздумал излагать свои людоедские теории.

Поэтому он решил вновь завоевать симпатии населения этого города. Сказано — сделано. И вот миропомазанный уже на пути в Капернаум.

«За полгода отсутствия,— думал Иисус,— они должны были по мне хотя бы соскучиться».

Но он глубоко заблуждался. С тех пор как сын голубя предложил капернаумцам отведать своих бифштексов, они утратили в него всякую веру. Вступление Иисуса в город на сей раз ничем не напоминало прежнего триумфа: жалкая кучка святых бродяг незаметно прошла через весь Капернаум под враждебными взглядами толпы.

Только сборщики налогов увязались за ними, и один из них сказал Петру:

— Вот что, приятель, ваш наставник до сих пор водил нас за нос. Как тебе известно, нам поручено собирать дидрахмы, то бишь по две драхмы, с каждого иудея ежегодно — это выкуп, который сыны Израиля платят Иегове за свои грехи. Дидрахмы платят все: бедные и богатые,— ибо они предназначаются на содержание храма Иерусалимского. Лишь ученые богословы освобождаются от этой дани. До сих пор мы принимали вашего вожака за доктора богословия, а потому никогда с него ничего не требовали. Но теперь-то мы знаем, с кем имеем дело: он такой же доктор бо-

гословия, как я или моя покойная бабушка. Он просто-напросто шарлатан с хорошо подвешенным языком, и больше ничего! Так что изволь ему сказать, чтобы он уплатил нам положенную дидрахму, или же полстатира, что одно и то же, пока его честно просят. А не захочет — пожалуйте в долговую яму, это у нас свободно!

Полстатира были не ахти какая сумма — что-то около полутора франков или чуть больше рубля. Но и этого Иисус уплатить не мог, потому что у него, как обычно, не было ни гроша. Если бы Магдалина была в Капернауме, он бы конечно отправился к ней и занял у нее требуемые полстатира.

— Послушай, голубушка,— сказал бы он ей,— со мной стряслась беда! Эти скоты сборщики налогов требуют у меня дидрахму на том основании, что я не имею диплома доктора богословия. Будь добра, красавица, выручи, одолжи мне рублевку, уж я с тобой как-нибудь расплачусь! Не сейчас конечно, сама понимаешь...

И разумеется, Магдалина не отказала бы Иисусу, которому служила имением своим.

Но, увы, Магдалины в Капернауме не было.

Иисус только пожал плечами, когда Петр сообщил ему о требовании сборщиков налогов.

— Ну что за люди! — сказал он.— Не понимают самых простых вещей. Ты сам подумай, старина Петр. Дидрахмы собирают на храм Иеговы, так? Так. А теперь скажи: как тебе кажется, цари земные с кого берут пошлины или подати? Со своих сыновей или с посторонних?

— Что за глупость! Конечно, с посторонних, со своих подданных!

— Так я же сын божий! Почему же я должен платить дань своему папаше?

— Действительно чертовщина,— замялся Петр.— Конечно, с точки зрения логики рассуждаешь ты здорово, тут не подкопаешься, но с другой стороны боюсь, что эти проклятые сборщики от нас все равно не отстанут. Им рассуждения не нужны, им гони монету! А если не заплатишь, грозятся упрятать в клоповник.

— В таком случае надо заплатить. Мой час еще не пришел.

— Заплатить? Но чем?

— Нет ли у нас здесь какого-нибудь приятеля, который одолжит нам эту маленькую сумму?

— В Капернауме-то? После речи о твоем мясе и твоей крови капернаумцы стали не те. Теперь у них не выпросишь ни гроша даже под залог всего царства небесного!

— М-да, положеньице...

— А ты сотвори чудо, учитель!

— Чудо, оно, конечно, можно, но чудесами не следует злоупотреблять... Впрочем, раз иного выхода нет, слушай меня хорошенько! Раздобудь где-нибудь удочку, леску и крючок. Потом ты отправишься на озеро удить рыбу. Первую рыбу, которая клюнет, постарайся не упустить. Открой ей рот и найдешь там статир, то есть четыре драхмы. Возьми этот статир и заплати дань за меня и за себя.

Петр повиновался. Чудо совершилось, и дань была уплачена (Матфей, гл. 17, ст. 23—27).

В тот день Иисус пребывал в отличном расположении духа. Он беззлобно подшучивал над апостолами, которые никак не могли успокоиться: почему это на гору Табор он взял только трех избранных, а не всех? Видя, что все они одинаково стремятся занять пост вице-президента святого общества, он им сказал:

— Кто хочет быть первым, должен быть самым последним и слугою всем остальным.

Общеизвестно, что папа римский считается главою христианской церкви, но я никогда не слышал, чтобы он осуществлял на практике этот завет Христа и чистил ботинки паломникам, которые стекаются на него посмотреть. Наоборот, паломники лижут ему туфлю!

Потом Иисус взял к себе на колени ребенка, поцеловал его и объяснил апостолам, что они должны любить малышей, а главное — оберегать их невинность.

— Если кто-нибудь соблазнит одного из таких карапузов,— сказал он,— то лучше бы ему мельничный жернов на шею и потопили бы его в глубине морской!

Как видите, евангелие иногда влагает в уста Иисуса вполне разумные речи,— явно для того, чтобы уравновесить аморальные высказывания, о которых уже шла речь в предыдущих главах.

К несчастью, секретари святого голубя — Матфей, Марк, Лука и Иоанн ни разу не показали нам, как Христос осуществлял свои немногие добрые советы на деле. С одной стороны, он проповедует честность и призывает апостолов оберегать детей, а с другой — сам путается с потаскушками, состоит у них на содержании и проявляет к ма-

лышу Иоанну такую нежность, что невольно призадумаешься.

Очевидно, поэтому братья монахи не обращают внимания на слова Иисуса, предпочитая подражать его поступкам.

Продолжая беседу, миропомазанный объявил апостолам, что каждый раз, когда их соберется по крайней мере трое, он будет среди них четвертым, хотя они его и не увидят.

Осмелев, Петр спросил дорогого учителя, до каких пор следует прощать своим врагам и вообще должен ли быть предел терпению.

— Фарисеи,— сказал Петр,— прощают одному и тому же человеку до трех раз. Если меня станут допекать, достаточно будет, если я прощу до семи раз?

— Не до семи,— ответил Иисус,— а до семидежды семидесяти раз!

Ну чем еще, как не этим заветом Христа, объяснить, что нет на земле никого мстительнее и нетерпимее служителей церкви Христовой! Попробуйте хоть раз задеть какого-нибудь священнослужителя — он вмиг настрочит на вас кляузу и, если вы его не умаслите, затаскает по судам,— в этом я вам ручаюсь!

И наконец, чтобы мысль его была совершенно ясна, Иисус рассказал апостолам очередную притчу.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. И вот как-то раз призвал он всех своих слуг и приказал отчитаться в делах. И нашелся среди слуг такой, который задолжал царю десять тысяч талантов, то бишь десять тысяч фунтов серебра,— сколько это получается, сосчитайте сами.

Этот слуга государев был губернатором богатой провинции, собирал для царя налоги, но, как видно, проигрался. По закону царь имел право конфисковать все имущество губернатора-растратчика и даже продать в рабство всю его семью: его самого, жену и детей. Но царь был добрейшим человеком. Он простил губернатора при условии, что тот будет вести себя поскромнее и потихоньку выплатит долг.

Итак, губернатор спокойно ушел из дворца. Когда он уже сходил с последней ступеньки, на него едва не налетел один человечек, который был ему должен сто динариев, то есть много меньше одного таланта.

— Ага, вот ты мне и попался! — закричал губернатор, бросаясь на несчастного.— Я тебя уже давно ищу! Отдавай сейчас же все, что мне должен, а не то я тебя придушу, как муху!

И худого слова не говоря, он и в самом деле вцепился ему в горло. Бедняга начал его умолять, однако губернатор был непреклонен. Он самолично отвел своего должника в участок и приказал держать в долговой яме, пока тот не выплатит все сто динариев плюс проценты.

Слух об этом дошел до царя. Он велел привести к нему губернатора и устроил ему хорошую головомойку.

— Ах ты злодей! — кричал государь.— Я от тебя не требовал немедленной уплаты десяти тысяч талантов, паршивый растратчик, а ты не сжалился над бедняком, который тебе задолжал всего сто динариев! Ну хорошо же!

И, разгневавшись, государь отдал его палачам, которые тут же повесили губернатора высоко и надежно.

Такова была притча Иисусова. Апостолов она весьма заинтересовала и развлекла: подобные сказочки были вполне в их вкусе.

До сих пор священники пережевывают эти притчи в своих проповедях в назидание верующим. Но, едва закончив поносить корыстолюбивого губернатора, засадившего в каталажку своего должника из-за каких-то несчастных ста динариев, тот же священник без стеснения разносит на все корки своего бедняка прихожанина, не успевшего ему заплатить за крестины (смотри евангелия от Матфея, гл. 18, ст. 1—35; от Марка, гл. 9, ст. 32—49; от Луки, гл. 9, ст. 46—50).

ГЛАВА XLVI

ПРАЗДНИК СКИНИЙ, ИЛИ, ВЕРНЕЕ, ШАЛАШЕЙ

Многие же из народа уверовали в него и говорили: когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько сей сотворил?

Услышали фарисеи такие толки о нем в народе, и послали фарисеи и первосвященники служителей — схватить его.

Иоанн, гл. 7, ст. 31—32

События, описанные в трех предыдущих главах, происходили в то время, когда евреи обычно справляли свой национальный праздник, так называемый праздник скиний. Как правило, он отмечался осенью. Это празднество было учреждено в память о переходе древних евреев через пустыню. Продолжалось оно семь дней, и все эти семь дней иудеи жили в зеленых шалашах, как некогда их предки под сенью палаток.

Если перевести буквально древнееврейское слово, которое служит для обозначения этого празднества, мы увидим, что его нужно было бы называть праздник палаток или праздник шалашей, а вовсе не праздник скиний или кущей, как говорят сегодня.

В эти дни радость царила по всей стране. Люди покидали свои дома и строили рядом веселые шалаши из оливковых, сосновых, миртовых и пальмовых веток. Семь ночей спали они под зеленой сенью этих самодельных сооружений, заполнявших все площади, улицы, дворы и даже окрестности города. Целую неделю Иерусалим походил на шумящий лес, к великому удовольствию воров и грабителей, которые обходили опустевшие дома и тащили все, что им попадалось под руку. Но это была уже оборотная сторона медали, и никто не хотел о ней думать, так велика была всеобщая радость и ликование.

Всюду слышались развеселые песенки, перекликавшиеся со звуками труб, гремевших с террас храма Иерусалимского. В знак веселья все ходили с пальмовыми листьями в руках или носили с собой ветку, усыпанную персиками, лимонами или еще какими-нибудь плодами, созревавшими в это время года. Радость иудеев была тем более велика, что праздник шалашей следовал непосредственно за великим

днем искупления и каждый чувствовал себя свободным и чистым от всех грехов, совершенных с предыдущей пасхи.

Народ стекался в Иерусалим отовсюду.

Когда наши герои вспомнили о приближении осеннего торжества, Иоанн, хорошенький мальчик, воскликнул:

— Праздник шалашей? Вот будет здорово!

Но миропомазанный тут же охладил пыл своего возлюбленного ученика.

— Сокровище мое! — сказал он.— Нам в Иерусалиме показываться небезопасно. Приметы наши известны, и, если мы туда явимся, всем нам придется плохо.

Затем к Иисусу явились его родственники, которые почему-то очутились в Капернауме, и тоже стали приглашать его на праздник.

— Мы обязательно пойдем,— заявили они.— Почему бы тебе не отправиться вместе с нами? Если ты в самом деле великий пророк, как ты уверяешь, лучшей возможности проявить свои таланты тебе не сыскать. Все давно уже судачат, что ты почему-то шатаешься только по деревням да по захолустным городишкам. Покажись теперь в столице, всему народу, иначе твои враги тебя засмеют. В конце концов, если у тебя и вправду есть какие-то божественные способности, почему же ты прячешься?

— Мой час еще не пришел,— ответил Иисус без всяких объяснений.— А вас я не держу, идите и веселитесь на здоровье.

В глубине души Иисусу до смерти хотелось отправиться в Иерусалим. Он это тщательно скрывал только для того, чтобы обмануть остальных, ибо при случае миропомазанный не брезговал и ложью.

Он давно уже решил не пропустить этого праздника шалашей, однако хотел, чтобы о его пребывании в священном городе не знал никто. Иисус опасался синедриона, фарисеев и книжников, которые могли под каким-нибудь предлогом натравить на него толпу.

Процитируем евангелиста Иоанна:

«Приближался праздник иудейский: поставление кущей. Тогда братья его сказали ему:

Выйди отсюда и пойди в Иудею, чтоб и ученики твои видели дела, которые ты делаешь. Ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным. Если ты творишь такие дела, то яви себя миру.

Ибо и братья его не веровали в него.

На это Иисус сказал им:

...Вы пойдите на праздник сей, а я еще не пойду на сей праздник, потому что мое время еще не исполнилось.

Сие сказав им, остался в Галилее. Но когда пришли братья его, тогда и он пришел на праздник, не явно, а как бы тайно» (Иоанн, гл. 7, ст. 2—10).

Итак, миропомазанный отделался от своей родни. Его братья двинулись к Иерусалиму по дороге вдоль Иордана, а он со своими апостолами направился туда же обходным путем, через Самарию.

По словам евангелиста Луки, сын голубя пребывал в ужасном настроении. Празднество влекло его к себе неудержимо, и в то же время у него были самые мрачные предчувствия. Не удивительно, что он решил предварительно разведать, свободен ли путь, и, как говорит Лука, «послал вестников перед лицом своим».

Если верить «священному писанию», путешествие это было не из веселых. Самаряне всегда завидовали столичным жителям и смотрели косо на праздных туристов, которые проходили через их края, направляясь ко граду Соломонову. Перед Иисусом и его учениками закрывались все двери. Им отказывали в подмоге и в пище. В конце концов Иаков и Иоанн пришли в ярость.

— Господи! — сказали они.— Ну и дрянь же здесь народец! Хочешь, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как бывало делал Илия?

— Сейчас не время для таких шуток,— ответил Иисус.— Пойдем дальше!

И они продолжали свой путь.

По дороге им встретился книжник. Этот пройдоха наслушался о миропомазанном всяких сказок и решил, что если примкнуть к нему, то можно будет купаться в золоте и жить припеваючи. Но книжник явно переоценил преимущества апостольского образа жизни. Он не знал, что постоянное бродяжничество связано со всякими превратностями, что его ждут не только взлеты, но и падения и что лишь благодаря Магдалине и прочим дамочкам того же сорта ученики Христовы могли иногда обжираться, а большую часть времени вынуждены были класть зубы на полку. Как раз сейчас был именно такой период.

Иисус объяснил книжнику ситуацию.

— Друг мой,— сказал он,— ты явно попал пальцем в небо. Даже лисицы имеют норы, и птицы небесные —

гнезда, а сын человеческий не имеет где преклонить голову.

Перспектива последовать за такой компанией показалась книжнику не слишком соблазнительной, и он удалился.

Наконец, после всяких досадных задержек, Иисус добрался до Иерусалима. Слух о нем опередил его. Разговоров шло много, мнения разделились.

Некоторые пытались робко защищать сына голубя.

— Он добрый человек,— говорили они.

Другие — а их было большинство — возражали:

— Чего уж тут доброго! Он обманывает народ!

Первые дни праздника Иисус держался тише воды ниже травы. Но затем, не в силах более противиться непреодолимому желанию блеснуть своими богословскими познаниями, он явился в храм, сел в одном из самых скромных его приделов и начал излагать свои благоглупости.

Сначала старейшины и народ были поражены такой смелостью. Они верили каждому его слову. Но потом, опомнившись, начали задавать миропомазанному каверзные вопросы. В частности, его спросили, по какому праву он берется толковать Библию, если сам ничему не учился.

Иисус струхнул, однако, желая привлечь на свою сторону толпу, в свою очередь спросил первосвященников:

— За что ищете убить меня?

Воцарилось тягостное молчание. Все подумали, что самозванный богослов просто рехнулся. Наконец кто-то ему ответил:

— Ты, милый, видно, не в себе. Уж не вселился ли в тебя нечистый, что ты болтаешь всякую чушь? Кто ищет тебя убить? Кому ты, собственно говоря, нужен?

Но Иисуса уже несло. Не обращая внимания на нетактичные вопросы, он принялся рассказывать о своем чуде в купальне «Вифезда».

Тема была благодатная, потому что слухи об этом происшествии ходили по всему городу.

Иисус вовремя вспомнил об исцеленном паралитике. Симпатии толпы сразу перешли на сторону миропомазанного, и служители синедриона не осмелились его схватить, хотя руки у них так и чесались. Они удалились, но приказали храмовой страже арестовать Иисуса, как только он останется один, и упрятать его подальше.

Однако выполнить этот приказ не удалось. Воины стражи смешались с толпой и поддались общему настроению. Они начали прислушиваться к словам сына голубя, и, поскольку тот понял, что дело может кончиться плохо, стал разливаться таким соловьем и так льстил народу, что даже слуги синедриона развесили уши и упустили благоприятный момент.

Когда они под вечер явились в синедрион с известием о неудаче, обозленные первосвященники набросились на них с бранью, спрашивая, почему Иисуса не схватили, когда толпа разошлась и когда его можно было убрать без шума.

— Почему вы не привели его? — повторяли они.

Капитан стражи что-то мямлил в свое оправдание: красноречие ходячего Слова произвело впечатление и на него.

— Приказывать-то легко,— бормотал он.— А вы попробуйте это сделать! Что я мог? У этого парня язык подвешен как надо. Послушали бы вы его сами! Он нас просто околдовал...

— Значит, и ты прельстился, как вся эта чернь? — раздраженно вопрошали члены синедриона.— Болваны! Олухи! Неужели кто-нибудь из начальников и фарисеев тоже в него уверовал? Ведь любой иудей, умей он читать хотя бы по слогам, не поверил бы в его басни! Они хороши только для младенцев, не знающих из Библии ни единого слова. Ну что за проклятый народ,— сплошное невежество! Мы-то думали, что вы умнее...

Капитан и воины стражи не знали, куда им деваться. Они дали слово, что в следующий раз постараются исполнить приказ синедриона и не станут слушать болтовню ходячего Слова.

Один из членов верховного судилища — это был Никодим, который, как мы знаем, не мог обидеть и муху,— попытался было урезонить своих коллег. Он тоже не верил в божественное происхождение Иисуса, но и не желал миропомазанному зла, считая его безвредным тихим дурачком. Итак, Никодим рискнул за него заступиться.

— Допустим,— сказал он,— что бредовые речи этого человека представляют собой какую-то опасность. Допустим! Однако будет ли одно это достаточным основанием для его ареста? Боюсь, что нет. По-моему, было бы лучше пригласить его сюда и выслушать. Пусть он сам расскажет о своих делах, и тогда мы решим, достойны ли они наказа-

ния. Нельзя, черт побери, осуждать человека, не дав ему высказаться!

Но сам Никодим высказался явно некстати. Весь синедрион был настроен против Христа. И естественно, что Никодиму, вздумавшему взять на себя роль его адвоката, всыпали по первое число.

— Ты что, сам из Галилеи, что ли? — кричали ему.— Или ты не знаешь писания? Возьми Библию и сам увидишь: из Галилеи не было еще ни одного пророка!

Никодим прикусил язык. Он уже и сам был не рад, что из-за него поднялся такой шум. Впрочем, даже его робкое вмешательство сыграло свою роль, потому что совпало с неудачей стражи, и на время спасло Иисуса.

Члены синедриона разошлись по домам, так и не приняв никакого решения (смотри евангелия от Матфея, гл. 8, ст. 19—22; от Луки, гл. 9, ст. 51—62; от Иоанна, гл. 7, ст. 1—53).

ГЛАВА XLVII

УКРАШАЙТЕ МУЖЕЙ РОГАМИ, СУДАРЫНИ: С ВАМИ БОГ!

> Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали ему: учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии... Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, господи. Иисус сказал ей: и я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши.
>
> *Иоанн, гл. 8, ст. 3, 4, 10, 11*

Вечером того же дня Иисус из осторожности покинул Иерусалим. Он решил, что спокойнее будет переночевать на горе Олив. Погода была превосходная, и он безмятежно уснул под сенью деревьев. Но с рассветом миропомазанный снова явился в храм и снова приступил к своим поучениям, собрав вокруг себя огромную толпу.

Члены синедриона не отказались от мысли избавиться от болтуна. Только на сей раз они решили сначала подорвать его авторитет в народе, дискредитировать его любым способом, а уж потом засадить в тюрьму. Они ломали себе голову, придумывая, на чем бы поймать изворотливого сына голубя, когда произошло одно событие, значительно облегчившее их задачу.

Семь дней и семь ночей под сенью зеленых шалашей были немалым испытанием для добродетелей иерусалимских дам. Все веселились до упаду: смеялись, пели, дурачились, ходили друг к другу в гости. С наступлением сумерек нескромные гуляки заглядывали сквозь просветы между ветвей в уютные убежища, где раздевались хорошенькие иудейки. В ночной темноте немало повес ошибалось адресом, и порой застигнутые врасплох дамы предпочитали не поднимать шума, чтобы избежать скандальной огласки. К тому же всеобщая радость была так велика, что многое в те дни казалось извинительным. В эту развеселую неделю каждый старался отколоть номер позабористее,— главное было не попасться, а на остальное начхать! И вот как раз в ту ночь, когда Иисус ночевал под оливами, одну даму засти-

гли на месте преступления. Факт прелюбодеяния был налицо. Ее застали в объятиях юного повесы, и поза их не допускала никаких сомнений относительно того, чем они занимались.

Разъяренный муж отлупил юнца, а неверную супругу отослал на суд синедриона, чтобы первосвященники вынесли ей приговор.

В ту эпоху благодаря смягчающему влиянию римской культуры самое большее, что мог сделать муж-рогоносец, это торжественно отречься от своей изменницы жены. Старые добрые времена, когда за прелюбодеяние по закону Моисееву жен побивали камнями, ушли безвозвратно, и теперь оскорбленный муж мог только развестись с блудливой женой — и все.

Рим навязал Иудее свой уголовный кодекс. Теперь только представители цезаря имели право казнить или миловать, и римские наместники никогда не приговаривали неверных жен к высшей мере наказания.

Когда согрешившую супругу привели в синедрион, дабы муж мог ее отвергнуть по всем правилам закона, один старый судейский крючок вдруг воскликнул, потирая ладони:

— Многоуважаемые коллеги, теперь Иисус попался!

— Каким это образом? — удивились многоуважаемые коллеги.

— А таким! Поскольку сия личность мнит себя знатоком Библии, мы с ним сыграем хорошую шутку. По закону Моисея жена, уличенная в прелюбодеянии, должна быть побита камнями. Пусть он и разберет данный случай. Если он скажет, что надо судить по закону Моисееву, он здорово подмочит свою репутацию добряка и никто уже не станет верить его речам о милосердии. Кроме того, этим он навлечет на себя гнев Пилата, римского губернатора. Если же наш болтун решит, что достаточно обыкновенного развода, мы разгласим повсюду, что он проповедует неуважение к библейским законам. И в том и в другом случае мы с вами внакладе не останемся, а он попадет впросак.

Члены синедриона приняли это предложение с восторгом.

Они спешно явились в тот придел храма, где обычно разглагольствовал Иисус, и застали его в окружении многочисленных слушателей. Ходячее Слово как раз изливалось по поводу «священного писания». Слуги синедриона

притащили с собой и незадачливую супругу, не сумевшую скрыть своего пристрастия к юнцам.

— Кто это? — спрашивали их.

— Так, одна дамочка, наставлявшая мужу рога. Попалась с поличным...

— А она, право, недурна! Бедная кошечка, я готов спорить, что муж у нее был какой-нибудь старый хрыч.

— Мало ли что, все равно она не имела права так делать. Тем более, если он старик,— рога его не украсили!

— Да полно вам, все это пустяки...

— Пустяки? Ну нет! Она заслуживает примерного наказания.

— Какого же? Скажи, если ты сам такой примерный!

— А чего мне говорить? В законах Моисеевых все уже сказано.

— Да ведь этот закон не применялся вот уже сотни лет!

Подобные разноречивые чувства волновали толпу, пока слуги синедриона протискивались к Иисусу. Особенно возмущались мужья. Они горько сетовали, что с прелюбодейкой нельзя расправиться по суровому закону Моисея.

Наконец служители синедриона вместе с неверной женой добрались до ходячего Слова. Состроив самые скорбные рожи, они заговорили с ним слащавыми голосами, указывая на проштрафившуюся супругу:

— Учитель, вот жена, застигнутая в тот момент, когда она украшала своего супруга ветвистыми рогами. Моисей завещал нам побивать камнями прелюбодеек. Но мы в сомнении. Как по-твоему, что с нею делать?

Иисус притворился, что не слышит обращенного к нему вопроса и ничего не видит. Вместо всякого ответа, он спокойно склонился к земле и начал пальцем рисовать узоры на грязном полу. Большее пренебрежение трудно было выразить! Он как бы хотел показать, что праздное выписывание в пыли бессмысленных букв и знаков для него в тысячу раз важнее, чем все вопросы ученых докторов синедриона.

Тем временем наиболее ревнивые из мужей, услышав упоминание о законах Моисеевых, обозлились до глубины души. Прелюбодейка была им ненавистна, а потому, не откладывая дела в дальний ящик, они набрали на соседней стройке здоровенных булыжников и уже изготовились предать ее лютой смерти. Фарисеи же и книжники сделали вид, что не понимают презрительного молчания Иисуса.

Они продолжали настаивать и вопрошать, как поступить с изменницей, которая, видя зловещие приготовления к казни, чувствовала себя весьма скверно. Неумолимые мужья окружили ее со всех сторон, кое-кто уже замахивался камнями,— во всем этом не было ничего утешительного.

Фарисеи и книжники не унимались.

— Так что же скажешь? — спрашивали они.— Побить эту негодницу камнями или отступиться от законов Моисеевых? Ответь нам!

В конце концов сын голубя вышел из терпения. Он выпрямился и сказал:

— Пусть тот, кто никогда никому не наставлял рогов, первым бросит в нее камень!

Мужчины переглянулись. Положение было действительно затруднительное.

К стыду рода мужского, надо признаться, что многие его представители всегда готовы осудить неверность жен. Они сразу же ставят себя на место обманутого супруга и не находят для женщины, совершившей измену, никаких смягчающих обстоятельств. Но при этом они часто забывают одну маленькую деталь: супружеская измена, или адюльтер, невозможна без участия мужчины. Вина любовника их мало интересует, хотя она порою ничуть не меньше вины любовницы. Подобные господа с удовольствием наставляют рога ближним, но готовы придушить свою собственную супругу даже за то, что она обменялась записками со своим кузеном или младшим братом.

Иисус знал, на чем сыграть. Он заставил ярых защитников супружеской верности взглянуть на вещи реально. Вы порицаете женщин, которые грешат, но вы, мужчины, забываете, что именно вы в трех случаях из четырех и вводите их в грех! Вот что означала его неожиданная фраза, оказавшая на книжников и фарисеев такое же действие, как если бы их окатили ушатом ледяной воды.

Для большей ясности Иисус мог бы сказать: «Найдите любовника этой женщины и побейте каменьями их обоих, если таков библейский закон». Однако мы знаем, что сам Иисус наставлял рога и бедному Паппусу, мужу Магдалины, и богатому Хузе, супругу Иоанны, а потому относился к легкомысленным женам вполне снисходительно.

Итак, ответ миропомазанного сразу охладил гнев ревнивых мужей. Руки у них опустились, как у книжников и фари-

сеев, а затем разжались пальцы, и камни, предназначенные для неверной жены, упали на землю. Смущенные неожиданным оборотом дела, они поспешили удалиться один за другим, сначала старые развратники, вопившие больше всех, а затем и молодые повесы, не уступавшие им в жестокосердии.

«И остался один Иисус и женщина, стоящая посреди»,— говорит евангелие.

О чем же они беседовали? Надо полагать, незадачливая прелюбодейка призналась, что готова поставить плотнику-исцелителю самую большую свечу.

— Если бы не вы,— должно быть, говорила она,— мне пришлось бы туго. Если бы вы знали, как я вам признательна за ваше великодушное вмешательство!

— Мадам, мы хоть из плотницкой семьи и университетов разных не кончали, однако в обращении с прекрасным полом кое-что смыслим.

— Я это заметила. Боже, как ловко вы их провели!

— Я не люблю, когда со мной начинают хитрить. У меня самого хитрости не занимать стать. Они меня хотели посадить в лужу! Но разве могу я осудить хорошенькую женщину, повинную лишь в том, что она любит? Разве не я сказал: «Кто много любил, тому многое простится»?

— Значит, вы мне советуете?..

— Я вам советую как-нибудь поладить с мужем и впредь постараться, чтобы вашей супружеской чести не было нанесено никакого урона. Вы же понимаете: если вас еще раз застукают, а меня здесь не будет, кто вас тогда защитит?

— Да, вы правы. Но что, если мой супруг не захочет меня принять?

— Не извольте беспокоиться. Если это случится, приходите ко мне: я дам вам рекомендательное письмо к моим верным поклонницам в Магдале и в Тивериаде, которые примут вас в круг моих святых женщин. Есть грехи куда более тяжкие, чем ваш. И самый тяжкий грех — это не веровать в меня.

— Господи, я в тебя верю!

— Спасибо.

— Значит, я теперь прощена?

— И еще как! Думай обо мне почаще, и я тоже буду помнить о тебе... Может быть, нам еще суждено встретиться: жизнь полна всяческих неожиданностей.

— Господи, мыслями я буду отныне всегда с тобой.

— Тем лучше. Тогда ты наверняка попадешь в рай.

— А что это такое, рай?

— Это место блаженства, где я дам радость и усладу каждому и каждой, кто меня любит.

— В таком случае я хочу в рай.

— Не спеши, не все сразу... Когда придет срок, я тебя приведу в рай, это я тебе обещаю, конечно, если ты возлюбишь меня превыше всего.

— Клянусь тебе, господи!..

— Хорошо, хорошо, встань... Сюда идут.

Смазливая грешница и в самом деле бросилась на колени перед таинственным незнакомцем, который спас ей жизнь, и уже была готова доказать, как сильно охватившее ее чувство. Но как раз в это время на ступенях храма появились апостолы, разыскивавшие своего учителя по всему Иерусалиму.

Миропомазанный с театральными жестами помог неверной супруге встать и громко провозгласил:

— Иди, и впредь не греши!

После этого Иисус отправился в «сокровищницу», особую часть храма, предназначенную только для женщин. Слух о том, что он выступил в защиту супруги-прелюбодейки, опередил его, поэтому легко представить, с каким энтузиазмом встретили сына голубя благодарные дамы. Евангелие признает, что в сокровищнице Иисус мог говорить все, что ему взбредет в голову, и никто из служителей синедриона не осмеливался его арестовать, хотя книжники и фарисеи с ума сходили от злости (Иоанн, гл. 8, ст. 1—20).

Анекдотическая история с неверной женой расценивалась по-разному. Большинство комментаторов евангелия признает, что их смущает снисходительность Иисуса к супругам, наставляющим рога своим мужьям. В течение долгого времени церковь вообще замалчивала эту историйку об адюльтере. Например, армянский монах Никон, живший в десятом веке, свидетельствует, что она была исключена из раннего перевода Нового завета на армянский язык, как несовместимая с религиозной моралью [1].

Действительно, отыскать историю о неверной жене в рукописных древних евангелиях не так-то легко. Мы можем перечислить целый ряд подлинных манускриптов, откуда она была изъята: Александрийский список, Синайский список, Эфремский палимпсест, а также основные переводы евангелия, сделанные такими авторитетными отцами церкви, как

---

[1] *Минь.* Греческая патрология, т. I, стр. 656.

Ориген, святой Кирилл, Тертуллиан, святой Киприан и святой Иоанн Златоуст *.

Все эти сокращения доказывают, что многие важные церковники были не слишком довольны своим богом, которого христианская легенда представляет как защитника неверных супруг. И только один святой Августин *, которому было наплевать на то, что скажет его паства, и который охотно дарил свою благосклонность хорошеньким послушницам, сохранил вышеупомянутую историю во всех переводах евангелия, сделанных под его наблюдением.

ГЛАВА XLVIII

ЧУДЕСНЫЕ СВОЙСТВА СЛЮНЕЙ ГОСПОДНИХ

И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики его спросили у него: равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но *это для того,* чтобы на нем явились дела божии... Сказав это, он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам, что значит: «посланный». Он пошел, и умылся, и пришел зрячим.

Иоанн, гл. 9, ст. 1—3, 6, 7



сли бы Иисус действительно был так умен, как уверял, он бы удовлетворился своим успехом у женщин в сокровищнице. Но вместо этого миропомазанный вздумал приняться за массовое уловление душ, и это предприятие едва не обошлось ему слишком дорого. Еще бы немного, и его час, который еще не пришел, пробил бы раньше срока.

Он разглагольствовал без умолку, словно разносчик на перекрестке, восхваляющий свой товар. Для этого он перебрался в самый обширный придел Иерусалимского храма. Опьяненный своими собственными речами, он объявил себя «светом мира», утверждая, что «только те, кто за ним последуют, не будут ходить во тьме».

Кое-кто из слушателей начал смеяться.

— Твои слова ничего не значат,— сказали ему.— Ты свидетельствуешь сам о себе, а потому свидетельство твое не истинно. Почему мы должны ему доверять? Вот если бы нашлись хотя бы два свидетеля, которые подтвердили бы то, что ты говоришь, тогда бы мы, возможно, тебе поверили. А иначе — никак!

— Хорошо,— согласился Иисус (его было не так-то легко сбить с панталыку).— Так вот, я сам подтверждаю свои слова,— это вам одно свидетельство.

Слушатели пожали плечами, Иисус продолжал:

— Кроме того, мой отец, пославший меня, говорит то же самое, что и я,— это вам второе свидетельство. Итого два свидетельства в мою пользу, что и требовалось доказать.

— Но где же он, твой отец? — спросили его.

— А вот это уже не ваше дело. Я знаю, где он,— и точка. Вы должны верить мне на слово! Кто в меня поверит, познает истину, и истина сделает его свободным.

Последние слова были встречены недовольным ропотом. Евреи в те времена находились под владычеством римлян и не любили, когда им об этом напоминали.

— Послушай! — крикнул кто-то Иисусу.— Мы и так не рабы! Мы дети Авраама, значит, дети божьи, и не тебе нам рассказывать, что такое патриотизм!

От таких выкриков миропомазанный потерял голову. Он пустился в бессвязные рассуждения без начала и без конца, доказывая, что он тоже от семени Авраамового и тоже сын божий, и под конец сморозил уже совершеннейшую глупость.

— Я выше Авраама, который умер,— заявил он.— Авраам, отец ваш, рад был увидеть день моего появления на свет, он увидел меня и возрадовался.

Толпа буквально возревела:

— То есть как это?

— Да он, видно, рехнулся!

— Ну, знаете, это уж чересчур!

— Да как же ты мог видеть Авраама, когда тебе самое большее тридцать лет?

— Долой! Под холодный душ сумасшедшего! Связать его! Долой!

Однако Иисус невозмутимо добавил:

— Истинно, истинно говорю вам: прежде, нежели Авраам был зачат, я уже существовал!

Это уже было чистейшим бредом. Решив, что Иисус над ними издевается, принимая их за последних кретинов, обозленные евреи дали волю своему гневу. Они бросились к кучам камней, привезенных для храма,— в ту пору Иерусалимский храм еще не был достроен — с твердым намерением предать нахального назарянина камневанию, то есть до смерти забросать камнями. Однако Иисус никоим образом не желал допустить, чтобы его час пришел раньше времени. Поэтому он воспользовался сутолокой и всеобщим замешательством, выскочил из храма и дал тягу.

Апостолы, не посмевшие стать на его защиту, помчались вслед за своим учителем. Когда они его наконец догнали, Иисус уже расспрашивал какого-то слепого попрошайку.

Этот нищий с собакой сидел на тумбе близ уличного перекрестка; на шее у него висела дощечка примерно с такой надписью: «Добрые граждане, сжальтесь над несчастным слепым от рождения с разрешения квартального участкового».

— Интересный случай,— сказал миропомазанный, обращаясь к запыхавшимся ученикам.— Это вам не лжеслепой, каких теперь множество развелось повсюду, это серьезный, настоящий слепец. Он только что поведал мне о своих горестях. Души иудеев очерствели, они не замечают его страданий и не снисходят к его нищете. Дети смеются над ним, бросая в его чашку расплющенные брючные пуговицы, и конечно, когда он приходит с такой монетой к булочнику или в кабак, ему не дают ни вина, ни хлеба... Поистине этот несчастный достоин жалости! Подумать только: он не видит даже меня, светоча мира!

— Господи, так за чем дело стало? — отозвался кто-то из апостолов.— Верни ему зрение, и все!

— Видите ли, это не так просто. Он ведь слепой от рождения, так что о «верни» не может быть и речи. Ему надо дать то, чего он не имел. Вот если бы он ослеп от несчастного случая, все было бы много легче.

Услышав подобные речи, слепец вообразил, что перед ним стоит знаменитый на всю Иудею врач, и стал умолять неизвестного окулиста об исцелении.

Иисус плюнул на землю, затем нагнулся и замесил немного пыли на своих слюнях, чтобы получился катышек грязи. Этой слюнявой грязью он натер слепому глаза. Когда нищий был, по его мнению, достаточно вымазан и приобрел самый отталкивающий вид, Иисус ему приказал:

— Пойди, умойся в купальне «Силоам»!

Банное заведение «Силоам», что означает «Свыше ниспосланное», находилось в двух шагах. Слепец заковылял к нему с предельной для себя скоростью и бултыхнулся в бассейн вместе со своей собачкой.

Как по-вашему: прозрел этот слепорожденный или нет? Ну конечно прозрел!

Все окружающие прямо-таки остолбенели.

Соседи, которые видели, как слепец еще утром просил милостыню на перекрестке, не верили своим глазам.

— Неужели это тот самый нищий? — вопрошали они.

— Да, тот самый.

— Не может быть! — сомневались наиболее недоверчивые.— Это просто кто-то на него похожий.

— В таком случае сходство между ними поразительное!

— Должно быть, это его брат-близнец; среди близнецов бывают такие, что не отличишь.

— Самое лучшее — спросить у него самого.

Вокруг бывшего слепца собрались любопытные.

— Простите, любезный, это действительно вы? Или вы — ваш брат?

Бывший слепой ответил (по Евангелию от Иоанна):

— Нет, это я.

— Полно, милейший! Как же открылись у тебя глаза? Может быть, ты один из тех симулянтов, которые только притворяются слепыми? Таких встретишь на всех перекрестках! Значит, до сих пор ты нас дурачил?

— Я вовсе не симулянт. Я слепой с самого детства. Да вы сами все это знаете! Сколько раз вы надо мной издевались... Да спросите хоть уличных мальчишек,— они меня прозвали Белоглазым и все время протягивали через улицу веревки... Что же, вы думаете, я шлепался на землю для собственного удовольствия? Клянусь вам, я был настоящим слепцом! А сегодня какой-то человек — его называли Иисус — замешал на чем-то грязи — уж не знаю на чем, только грязь была липкая,— намазал мне этой грязью глаза и велел пойти умыться в купальню «Силоам». Я сделал, как он велел, и вот видите, что получилось.

— Где же он, твой исцелитель?

— Вот этого я не знаю.

«А была суббота, когда Иисус сделал брение (смешал пыль со слюнями) и отверз ему (нищему) очи».

Таким образом, миропомазанный снова нарушил предписания раввинов, запрещающие в священный день саббат применять какие бы то ни было лекарства, даже натирать слюной больные глаза[1]. И это сразу же после того, как фарисеи и книжники хотели побить его камнями! Поистине никто еще не позволял себе так нагло издеваться над библейскими законами.

Очевидцы нового чуда тотчас помчались в синедрион, сообщить обо всем первосвященникам.

В день саббат синедрион почти никогда не собирался в полном составе, однако теперь, по случаю праздника шалашей, большинство его членов находилось в пределах хра-

---

[1] *Маймонид.* Саббат, 21; *Лайтфут.* Обычаи древних евреев, IX.

ма: они там подсчитывали многочисленные приношения верующих.

Узнав о случившемся, фарисеи из синедриона приказали привести к ним бывшего слепца. Тот был не на шутку огорчен, что у Иисуса могут быть из-за него неприятности, и явился в самом скверном расположении духа.

«— Господи, что им нужно? — ворчал он потихоньку.— И все из-за какой-то несчастной пары глаз, которые раньше не видели, а теперь видят... Что же мне было, не прозревать до завтра?

— Дело не в тебе,— объяснили ему фарисеи.— Речь идет о твоем исцелителе. Он ведь, кажется, пользовался какой-то мазью? Значит, он ее изготовил? Значит, он работал в день саббат?

— Но он не спросил с меня за свою работу ни гроша!

— Это неважно. Отвечай: пользовался он каким-нибудь лекарством? Да или нет?

— Хорошо лекарство!.. Если грязь, по-вашему, лекарство...

— Вне всяких сомнений!

— Ладно, раз так, я больше ничего не скажу, а то вы и моему пуделю что-нибудь припишете: он ведь тоже выкупался вместе со мной!

Члены синедриона начали совещаться.

— Иисус не может быть посланным от бога,— говорили одни.— Он не соблюдает запретов субботы, которые установлены Моисеем от имени бога.

— Но если бы это было грехом,— возражали другие,— бог не позволил бы грешнику творить чудеса!

Видя, что согласия им не добиться, фарисеи снова принялись за бывшего слепца.

— Что ты скажешь о человеке, который вернул тебе зрение? — спросили они.

— Вернул зрение? Я его не терял.

— Неважно! Тебя спрашивают, что ты думаешь о том, кто отверз тебе очи?

— Простите, прежде всего прошу мне не «тыкать». А что касается моего исцелителя, то, во-первых, это превосходнейший человек, а во вторых, это настоящий пророк. Теперь вы довольны?

— Не ерепенься, дружище! — посоветовал бывшему слепцу один из старейшин синедриона.— Что-то ты слишком уж расхрабрился. Похоже, ты просто сообщник этого так называемого пророка.

Большинство синедриона одобрительно загудело:

— Вполне возможно! Очевидно! Как это мы сразу не догадались?

Между тем недоверчивый старец продолжал:

— Я предлагаю задержать этого подозрительного исцеленного для выяснения личности. Надо призвать его родителей. Послушаем, что они скажут, тогда и решим.

Бывший слепец пожал плечами.

— Перестаньте валять дурака! — сказал он.— Вы поступите куда умнее, если поверите мне на слово. Со всеми вашими расследованиями вы добьетесь только того, что чудо моего исцеления станет для всех очевидным. Если вам этого хочется — пожалуйста, но боюсь, вы сами потом пожалеете.

Он объяснил, где проживают его родители, и четверо стражников отправились по указанному адресу. Час спустя они привели дряхлого старика и старуху, которые дрожали от радости, что их сын прозрел, но в то же время были до полусмерти перепуганы неожиданным вызовом в верховное судилище. Предстать перед лицом первосвященников — это вам не шутка! Бедные старики не знали, что и думать. Неужто их посадят в тюрьму из-за того, что их сын стал зрячим?

— Подойдите ближе! — важно проговорил председатель синедриона.

— Помилуйте! Помилосердствуйте, добрый господин! — заголосили старик и старуха, упав на колени.— Мы никому ничего дурного не сделали. Мы не виноваты, что наш сын прозрел. Простите его, он больше не будет! Только не казните нас!

Их заставили встать, но старики долго еще не могли успокоиться.

— Речь идет только о свидетельских показаниях,— продолжал председатель судилища.— Если вы скажете правду, мы вас не задержим. Итак, сообщите нам все, что вы знаете по этому делу, и ничего не бойтесь. Но только правду, чистую правду и ничего, кроме правды!

— Правду, господин судья? Да мы скорее умрем, чем промолвим хоть одно лживое слово!

Члены синедриона решили, что старикам можно верить: они не походили ни на книжников, ни на фарисеев, ни на первосвященников, значит, были людьми честными.

— Итак, отвечайте: это действительно ваш сын? — спросил председатель.

— Ну что вы спрашиваете! — ответила старуха.— Ведь я его мать! Я же его выносила, я же его родила, я же его вскармливала до полутора лет своей грудью, я же его...

— Ладно, ладно, достаточно! Он действительно был слепым от рождения?

— Увы, господин судья! — вмешался старик отец.— Он совсем ничего не видел, ну ни капельки! Это было такое несчастье... и для него, и для нас. И главное, неизвестно откуда такая напасть! Мой прадед был, правда, левшой, как и я, но слепых у нас в роду никогда не бывало.

— Вы можете поклясться, что говорите правду?

— Конечно! Клянемся! — хором ответили старики.— Всем самым святым!.. Библией! Прахом наших покойных предков! Жизнью! Нашей святой верой!

— Достаточно! Еще один вопрос: каким образом ваш сын избавился от слепоты?

— Ах, господин судья, мы это сами только что узнали от ваших солдат. Они сказали: «Ваш сын больше не слепой». Мы прямо закричали от радости! Но тут ваш капрал говорит: «За это его арестовали». Тогда мы так расстроились, что заплакали... Нашего сына арестовали... Какой позор для семьи! Наш сын спутался с преступниками... Кто бы мог подумать? Ах, мы умрем от горя! Господин судья, скажите, вы его выпустите? Он ни в чем не виноват, клянемся! Он ведь не знал, бедняжка, что ему нельзя прозревать!..

Члены синедриона тоже не знали, как им теперь выпутаться. Положение было затруднительным. Все говорило за то, что Иисус действительно сотворил чудо, а они как раз и не хотели признавать его ни за какие деньги. Обвинить двух честных наивных стариков в лжесвидетельстве было невозможно. Их отпустили с миром, но бывшего слепца судьи приказали задержать.

— Ну полно, пошутили и хватит,— уговаривали его первосвященники.— Признайтесь, что вы с детства обманывали своих родных. Признайтесь, что вы дурачили всех до сегодняшней субботы! Вам ничего не будет, мы обещаем. Или просто возблагодарите бога за исцеление, только не говорите больше, что вас исцелил Иисус. Мы ведь знаем, что он грешник, а следовательно, не может творить чудеса.

Но бывшему слепцу словно вожжа попала под хвост.

— Грешник он или не грешник, это мне неизвестно,— ответил он.— Все, что я знаю, это что я был слеп, а теперь я вижу.

Тогда первосвященники начали весь допрос сначала:

— В конце концов, что он сделал? Как он отверз твои очи?

— О господи, до чего же вы мне надоели, никакого терпения не хватает. Конечно, не ножом: глаза ведь не устрицы! О том, что он сделал, я вам все сказал, все объяснил и вы все слышали. Что вы ко мне еще пристаете, честное слово? Вы что, собираетесь сделаться его учениками?

— Этот хам над нами смеется! — зароптали первосвященники.

«И стали его укорять», то есть поносить последними словами:

— Ты сам его ученик, свинья недорезанная! А мы ученики Моисеевы, запомни, мерзавец! Моисея мы знали, с ним говорил сам бог, а откуда явился твой Иисус — неизвестно!

— Это просто доказывает, что вы мало знаете,— возразил, осмелев, прозревший слепец.— Вы считаете себя средоточием знаний, однако не понимаете, что тот, кто открыл мне глаза,— истинный пророк. Я вот не изучал богословия, а сразу догадался, что́ это за человек!

Услышав такое, первосвященники повскакали со своих мест от ярости. Какой-то нищий смеет возражать пастырям стада Авраамова!

«Сказали ему в ответ: во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь? И выгнали его вон».

Скатившись со ступеней храма, прозревший слепой едва не налетел на Иисуса, который его поджидал. Он сразу узнал своего исцелителя, хотя никогда его не видел: миропомазанный мазал ему глаза слюнявой грязью, когда слепец еще не прозрел.

— О господи! — воскликнул прозревший.— Как я рад тебя видеть!

— Веруешь ли ты в сына божьего? — спросил Иисус.

— А кто он такой, чтобы мне в него веровать? Впрочем, мне все равно, я поверю, в кого ты скажешь.

— В таком случае узнай: сын божий — это я.

— Я так и думал... Ну конечно, в тебя-то я верю!

И он вместе со своим пуделем простерся перед Иисусом.

Члены синедриона, стоя на верхних ступенях храма, наблюдали всю эту сцену.

Нетрудно представить, как они бесновались. Наконец кто-то из фарисеев не выдержал, спустился вниз и обратился к Иисусу:

— Послушай-ка, исцелитель слепых,— сказал он.— Может быть, ты воображаешь, что у нас тоже нет глаз и мы ничего не видим?

— Можете считать, что видите,— ответил сын голубя.— Это ваше частное дело, и, как говорится, вам самим виднее!

Затем, повернувшись к бывшему слепцу, ходячее Слово открыло шлюзы своего красноречия:

— Тебя, друг мой, вышибли из храма. Меня тоже. Если эта неприятность тебя огорчает, утешься маленькой притчей, которую я тебе сейчас расскажу.

Представь себе овчарню. В овчарне есть овцы, а чтобы пасти овец — пастыри. Что делает пастырь, когда приходит в овчарню за своими овцами? Он входит в дверь. И наоборот, когда в овчарню лезет вор, он лезет через окно, а не стучит в дверь, ибо знает заранее, что сторож ему не откроет. Но это еще не все! Когда пастырь ведет своих овец на пастбище, он идет впереди, а овцы за ним, потому что они знают его голос. И наоборот, когда овец гонит на пастбище чужой человек, они разбегаются кто куда, потому что его голос им совершенно незнаком.

Теперь слушай, что означает моя притча: я — дверь в овчарню. Все, кто не пройдет через меня,— суть воры и разбойники. Кроме того, оставаясь дверью, я в то же время пастырь добрый, который не боится волков и полагает жизнь свою за овец.

Бывший слепой был в восторге. Те, кто стоял поблизости, смущенно переговаривались между собой. Мнения разделились.

— Он одержим бесом или просто рехнулся! — говорили одни.

— Да нет же! — возражали другие.— Все, что он говорит, не так уж глупо. И вовсе он не бесноватый. Как может бес отверзать очи слепорожденным?

Однако Иисуса совершенно не интересовала эта дискуссия, и он удалился. Вскоре миропомазанный вообще покинул Иерусалим, обменявшись на прощание с бывшим слепцом дружеским рукопожатием.

Я был бы до крайности огорчен, если бы мои любезные читатели и очаровательные читательницы хоть на миг заподозрили, что в этой главе я отошел от первоисточника и увлекся игрой собственного воображения. Поэтому я позволю себе в заключение указать на цитаты, которые доказывают, что я ничего не выдумывал.

Возьмите Евангелие от Иоанна, девятую главу целиком и десятую — стихи 1—21. Что же касается чудодейственной слюнявой грязи, то я позволю себе процитировать соответствующий отрывок, чтобы ни у кого не оставалось сомнений:

«Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения, и помазал брением глаза слепому» (Иоанн, гл. 9, ст. 6).

Здесь все точно, до последней запятой.

Ну, что вы теперь скажете о слюнях господа нашего Иисуса? А заодно о его чистоплотности?

ГЛАВА XLIX,

В КОТОРОЙ МАГДАЛИНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИИСУСА СВОЕЙ СЕМЬЕ

В продолжение пути их пришел он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла его в дом свой.

У нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово его.

Марфа же заботилась о большом угощении, и, подойдя, сказала: господи! или тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом.

А одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее.

Лука, гл. 10, ст. 38—42

Догадайтесь, куда направился миропомазанный из Иерусалима и что он в первую очередь сделал. Направился он в Галилею. Это доказывает, что он не любил разнообразия в своих прогулках и в общем-то предпочитал протоптанные дорожки.

А сделал он вот что: объявил неограниченный дополнительный набор учеников. Это, с другой стороны, доказывает, что двенадцати даже хорошо выдрессированных апостолов было уже недостаточно, чтобы защищать его, пока его час не пришел.

Иисус обратился с призывом ко всем галилеянам, которые в него уверовали. Примерно из ста тысяч уроженцев Галилеи на его призыв откликнулось всего семьдесят человек. Это было не густо. Тем не менее миропомазанный не пал духом. Восемьдесят два человека порознь ничего собой не представляют, но, если свести их в одну колонну и послать впереди себя в какой-нибудь город, они произведут на жителей соответствующее впечатление. Эта мысль приободрила Иисуса.

Итак, он впервые собрал все свое воинство, и мужчин, и женщин. Магдалина, Иоанна и Сусанна навербовали в его гарем новых красоток, чтобы Иисусу было с кем поразвлечься. В общем, образовался довольно внушительный отряд с обозом.

Порядок построения на марше был тщательно продуман. Вот что говорит об этом святой Лука в десятой главе своего евангелия: «...Семьдесят учеников он посылал... перед лицом своим во всякий город и место, куда сам хотел идти». Однако, чтобы раньше времени не привлекать внимания жителей, Иисус предписывал своим ученикам не вламываться в населенный пункт всей оравой, а проникать туда скрытно, по двое, пара за парой.

Он говорил им:

— Ни о чем не беспокойтесь. Не берите с собой ни мешка, ни сумы, ни обуви запасной. Никого на дороге не приветствуйте. Входите в первый попавшийся дом, говорите: «Мир дому сему» — и садитесь сразу за стол. Нас может выручить только нахальство. В доме же том ешьте и пейте, что у них есть, словно вы у себя. Если увидите, что хозяин морщится, расскажите ему вместо платы любую басню, которую вспомните. Если вас вышибут за порог и люди города примут вас за бродяг и обирал, отряхните пыль со своих сандалий и скажите: «Видите, мы ничего у вас не унесли, ни пылинки, но тем хуже для вашего города, потому что город ваш проклят, раз вы не дали нам пообедать!»

Ученики последовали совету учителя.

Но горожанам было плевать на проклятья, и, когда на них налетала стая прожорливой двуногой саранчи, они принимали решительные меры. Поэтому, чтобы не протянуть ноги, все были вынуждены неоднократно обращаться за помощью к Магдалине, Иоанне, Сусанне и прочим состоятельным дамам Христовым.

Узнав о том, что его учеников гонят в шею почти повсеместно, сын голубя пришел в неописуемую ярость.

— Горе тебе, Хоразин! — вопил он.— Горе тебе, Вифсаида! Города язычников Тир и Сидон и те поступали с нами куда приличнее, а посему в день страшного суда с ними тоже обойдутся по-божески. Что же касается тебя, Капернаум, то я тебе не завидую: ты мне за все заплатишь, когда в один прекрасный день провалишься в тартарары!

Нашлось, однако, небольшое скромное селение — евангелие не приводит даже его названия,— которое радушно приняло всю ораву Иисусовых учеников. Обрадованные, что их не забросали кочерыжками, они поспешно вернулись к сыну голубя с неожиданно доброй вестью.

Миропомазанный в свою очередь поторопился туда явиться. Он объявил жителям, что благодаря его посещению

они могут отныне не опасаться ни скорпионов, ни змей. А затем произнес восхитительную речь, в которой обещал этому селению вечную жизнь.

Один из ученых законников, случайно оказавшийся там, спросил, как же они обретут эту вечную жизнь без всякого эликсира бессмертия.

Иисус ответил:

— Возлюби господа бога твоего и ближнего твоего, как самого себя,— этого будет достаточно.

— Но кто же мой ближний? — не унимался законник.

— Открой уши пошире и слушай! — ответил миропомазанный.— Некогда жил один человек. Как-то раз отправился он из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые обобрали его до нитки, отлупили до полусмерти и бросили в лесу чуть живым: тело несчастного было сплошной раной.

В тот же день той же дорогой проходил один священник. Он увидел несчастного путника и сказал:

— Гляди-ка, здорово же ему досталось!

И отправился дальше, не подумав даже помочь умирающему. Доброта священников всем известна! Помощи от них не жди!

Затем появился левит, или пономарь. А что пономарь, что священник — одного поля ягоды! Левит посмотрел на беднягу, подумал то же самое, что и священник, и пошел своею дорогой.

К счастью, на земле есть не только священники и пономари, есть еще и самаряне. И вот пришел такой самарянин.

— Черт возьми! — вскричал он.— Мыслимое ли дело так разукрасить человека! Должно быть, здешние разбойники — настоящие изверги!

Потом он взял корпию, бальзам и целебное вино — у него была с собой дорожная аптечка,— перевязал бедняге раны, посадил сзади себя на круп своего мула и — нно-о-о, Пегашка! — повез его в ближайшую харчевню. На следующий день он вытащил из своего собственного кошелька два динария и сказал хозяину харчевни:

— Позаботьтесь об этом парне! Если этой мелочи не хватит, на обратном пути я дам вам еще.

Хозяин харчевни знал самарянина и поверил ему на слово.

— Вот здорово! — загудела толпа, выслушав эту побасенку.— Побольше бы таких самарян!

Иисус повернулся к законнику.

— А что вы об этом думаете, коллега? — спросил он.— Кто, по-вашему, самый ближний ограбленному путешественнику: самарянин, поп или пономарь?

— Конечно, самарянин!

— Так вот,— подхватил миропомазанный,— поступайте так же, как он, когда вам попадется в лесу такой же несчастный, обобранный и избитый.

Ученый законник ничего не ответил, но про себя подумал:

— Ну и горазд же он болтать! Но одних красивых слов мало. Что из того, что он иной раз проповедует добродетель? Пора бы ему перейти от слов к делу и самому стать добродетельным!

Вскоре после этого Иисус отправился в Вифсаиду. Он хотел доставить удовольствие своей подружке Магдалине, у которой там были сестра и брат. Брата звали Лазарь, а сестру — Марфа.

Как сообщает евангелие, это были люди весьма состоятельные. Лазарь занимал довольно высокий пост: не случайно его сестра Мария Магдалина была, как мы знаем, женой иудейского сенатора. Таким образом, это была, что называется, приличная семья.

Магдалина вызвалась сама объявить сестре и брату о скором прибытии своего любовника.

Когда она появилась на пороге родного дома, Марфа с Лазарем бросились ее обнимать и целовать.

— Мария, милочка, как я давно тебя не видела! — восклицала Марфа.

— И я тоже! — басил Лазарь.

— Как поживает твой муж, этот превосходнейший Паппус? Ты оставила его дома или вы приехали вместе?

— При чем здесь Паппус? — даже удивилась Магдалина.— Тоже мне сокровище... Да я его давно послала куда подальше!

— То есть как это, вы разве не вместе? — не понял Лазарь.

— Неужели вы развелись? — ужаснулась Марфа.

— Я развелась?.. Право, не знаю. Скажу только одно: этот старый хрыч мне так надоел, что дальше некуда! Он меня просто допек! Ворчал и ворчал с утра до ночи... Стоило пройти под моим окном какому-нибудь молодому человеку, как он швырял в него что ни попадет — лампу так лампу, супницу так супницу. Если бы я еще видела от него что-нибудь, кроме ревности, так нет же! По вечерам, когда я ласкалась

к нему и говорила: «Иди ко мне, мой поросеночек, иди, мой маленький Паппус», он начинал мне объяснять библейские тексты и под предлогом того, что он доктор богословия, отвечал мне только стихами из Моисея или Иеремии... Иногда для разнообразия он мне рассказывал о том, что́ в тот день обсуждалось в сенате, потому что он, видите ли, был к тому же сенатором! Представляете, как мне было весело?

— В самом деле,— пробормотала Марфа,— веселого мало.

— Это было просто ужасно, дорогая!

— Объяснись, в конце концов! — не выдержал Лазарь.— Раз вы не могли ужиться, значит, вы развелись?

— Да нет, мы не разводились, просто я его бросила... В одно прекрасное утро взяла и сбежала.

— Почему же ты не пришла к нам сразу?

— Ну вот еще!.. Когда я убежала, я направилась к озеру... Вы были в Магдале?

— Нет,— ответила Марфа.— Но я слышала, что это премиленький городок.

— Очаровательный! Там столько римских офицеров, и все такие красавцы!.. О господи, если бы ты знала, какие офицерики есть в Магдале!

Лазарь недовольно поморщился:

— Мария, неужели тебе нравятся солдафоны?

— Послушай, Лазарь, с тобою мне нечего играть в прятки. Да, я люблю военных. Они такие душки!..

— Военных? И во множественном числе! Гм-гм... Значит, ты завела любовника-офицера?

— Да... сначала одного. Он был такой милый-милый... О, как я любила этого разбойника!

— То есть как это сначала одного? Значит, ты завела и второго?

— Ну что мне от тебя скрывать, Лазарь! Ты ведь знаешь, тебе я не могу врать...

— Черт возьми, я вижу, ты не терялась!

— А потом я познакомилась с третьим... Понимаешь, стоит мне увидеть мундир, как я сразу теряю голову... Ты себе не представляешь, сколько в Магдале хорошеньких офицеров!

— Да пропади они пропадом! Я сам не ханжа, но твое поведение, Мария... не знаю, как его и назвать. Надеюсь, хоть на третьем ты остановилась? Не переспала же ты со всем гарнизоном?

— Со всем, конечно, нет. Видимо, Паппус навсегда отвратил меня от стариков.

— От стариков? Значит, все молодые?..

— О, все молодые меня так любили! У меня сохранились их портреты, я тебе как-нибудь покажу свой альбом, и ты сам увидишь, какие это красавцы!

Марфа смущенно молчала. Лазарь, как он сам выразился, не страдал излишком целомудрия, и в конце концов Мария была его любимой сестрой. Поскольку изменить того, что совершилось, он уже не мог, Лазарь решил простить бесстыдницу сестру, но он и не подозревал, что самое забавное было еще впереди.

Пожурив ее для проформы, Лазарь сказал:

— Ладно, Мария, если ты счастлива, я за тебя только рад. Но где же тот красавец офицер, которого ты избрала? Представь его нам. Можешь не сомневаться, мы его примем, как полагается.

— Видишь ли, Лазарь, этот красавец офицер вовсе не офицер.

— Это еще что за новости?

— Видишь ли, я бросила свой гарнизон, как бросила Паппуса.

— О, черт! Кто же он, наконец?

— Он такой милый...

— Об этом я и сам догадываюсь! Но кто он? Как его зовут?

— И имя у него милое. Его зовут Иисус...

— Иисус? Погоди, погоди, я это имя слышал... Мне говорили про какого-то Иисуса, который учинил скандал во время последнего праздника шалашей в Иерусалиме... Это случайно не он?

— Он самый.

— Иисус из Назарета, плотник, забросивший свою пилу и топор?

— Да, это он.

— Ай-яй-яй! Знаешь, Мария, вот уж этого я от тебя не ожидал! У этого типа такая репутация, что дальше некуда. Говорят, он скопище всех грехов... Кроме того, он бродяжничает с целой шайкой таких же проходимцев...

— Конечно, сказать можно все что хочешь... Бедняжка Иисус, все на него клевещут! А ты, сразу видно, что ты слышал о нем только от его заклятых врагов. А он такой чудный, такой обходительный! Если бы ты послушал, как он говорит...

Прямо за сердце берет! Ну да, он все время ходит по городам и весям и редко проводит две или три ночи подряд в одном доме, но что в этом дурного? Он просто любит путешествовать, вот и все!

— Послушай, в конечном счете это твое личное дело. Я тебе сказал то, что слышал. Может быть, Иисус совсем не такой, как о нем говорят... К тому же я знаю твой вкус: ты не стала бы связываться с каким-нибудь неотесанным нищим мужиком. Должно быть, твой Иисус хорош собою и щедр, как подгулявший купчик, не так ли?

— Да нет, Лазарь, я бы не сказала... Если говорить о деньгах, бедняжка Иисус не слишком богат. Топором и пилой состояния не сколотишь, а от его пророчеств прибыль невелика... К тому же я не из тех женщин, которые привязываются к мужчинам из-за денег. Слава богу, я выше этого. Иисус беден, но это не мешает мне любить его всей душой.

— Но все-таки, если у него нет состояния и если профессия конферансье-любителя не приносит ему ни гроша, чем же он живет?

— Я ему помогаю имением своим.

Лазарь отшатнулся.

— Значит, ты его содержишь? — вскричал он.— Бедняжка Мария, и как тебя угораздило влюбиться в этого проходимца? Он же тебя оберет до нитки!

— Лазарь, ты слишком строг к моему Иисусу. Разве он виноват, что бродячим ораторам почти ничего не платят? Да и я не одна покрываю его расходы. Нас много, избранных дам, которые ему преданы и которые ему воспомоществуют имением своим...

— Значит, ты у него не одна? Чем дальше, тем лучше! Значит, у этого парня много дам? Ну и ну, знаешь ли, это не совсем в наших обычаях... Он, видно, воображает, что живет во времена Соломона, твой прекрасный Иисус! И вы его не ревнуете друг к другу?

Магдалина гордо выпрямилась.

— Это все прочие ревнуют его ко мне! — сказала она.— Я его возлюбленная, его фаворитка!

Лазарь печально улыбнулся. Несколько мгновений он с любовью и жалостью смотрел на сестру.

— Бедная ты моя, бедная,— проговорил он.

— Ничего ты не понимаешь, Лазарь! — возразила Магдалина.— Быть фавориткой Иисуса, его возлюбленной,— это

тебе не фунт изюму! Иисус не просто мужчина, как все. Прежде всего, он не человек...

— Что значит «не просто мужчина, как все»? Уж не хочешь ли ты сказать, что он...

— Нет, нет!

— И он не человек?

— Нет.

— Пусть меня повесят, если я что-нибудь понимаю!

— Если ты еще не догадываешься, я тебе скажу по секрету, кто он.

Марфа, которая давно уже не знала, куда ей деваться от таких разговоров, сделала было шаг к двери, но Магдалина ее остановила.

— Куда ты? — спросила она.

— Я лучше уйду. Я ведь понимаю, что мне, девушке, не следует знать того, что ты хочешь открыть Лазарю.

Магдалина покатилась со смеху.

— Ты не то думаешь,— сказала она.— Ты, наверное, вообразила, что он... Ха-ха-ха! Вот так девушка! Нет, Марфа, ты спокойно можешь остаться. Я хочу открыть вам одну тайну, но в этой тайне нет ничего такого...

Марфа и Лазарь навострили уши.

— Говори же, Мария! — упрашивали они, сгорая от любопытства.— Говори, не мучь!

— Так вот, Иисус вовсе не человек. Иисус... бог!

Брат и сестра Магдалины вскрикнули.

— Бог? — переспросил Лазарь.— Но ведь есть лишь один бог — Иегова, тот самый Иегова, которому мы поклоняемся!

— Правильно, но Иисус его сын и в то же время бог. Как бы вам объяснить получше? В общем, дело было так: дух Иеговы, который имеет вид голубя, зачал Иисуса вместе с одной девственницей, женой плотника Иосифа, и теперь все трое — Иегова, Иисус и голубь — стали одним богом.

— Ну и путаница! Это сам Иисус рассказал тебе подобную чепуху?

— Он самый, но я уверена, что он меня не обманывает! Он действительно бог, я готова голову прозакладывать, а кроме того, он мне это доказал.

— Каким же образом?

— Ну, Лазарь, ты слишком нескромен... Довольно с тебя и того, что я избранная святая новой религии, которую проповедует Иисус, и что я первая приобщилась святых тайн... Поверь мне на слово и запомни хорошенько: Иисус, кото-

рого ты только что поносил,— это мессия, обещанный пророками, это агнец божий, который искупит грех Адама и Евы, это Христос, который в день кончины света явится на землю судить живых и мертвых,— вот кто он такой.

Все это Магдалина выпалила с таким энтузиазмом, какой может зародиться в сердце женщины лишь под влиянием страстной... разумеется, веры.

Тем не менее Лазарь все еще колебался.

— Ты в самом деле веришь в то, что говоришь? — спросил он.— Если это правда, тут дело серьезное, очень серьезное.

— Это так, клянусь тебе своей честью!

— Ну, раз уж ты клянешься честью, значит, он в самом деле бог.

Вопрос был решен. Лазарь и Марфа тоже уверовали в сына голубя. Магдалина торжествовала.

— Теперь вы понимаете, как это лестно быть любовницей бога? — вопрошала она.— Понимаете, как мне исключительно повезло?

И она пыжилась от гордости.

Марфа была от природы любопытна, как все женщины. Она спросила Магдалину:

— А можно его увидеть, твоего господина бога?

— Ты в самом деле хочешь с ним познакомиться?

— Пожалуй, да.

— И я тоже,— сказал Лазарь.

— В таком случае я схожу за ним: он пришел со мной в Вифсаиду. Вы сами увидите, какой красавец мой божественный учитель! Ни один офицер из Магдалы ему и в подметки не годится. Вы мне потом скажете, как он вам понравился. Только помните: о тайне, которую я вам открыла, молчок! Делайте вид, что вам ничего не известно.

С этими словами она упорхнула.

А Марфа погрузилась в мечтательное раздумье.

Примерно через час Магдалина возвратилась вместе с Иисусом. Миропомазанный был по всей форме представлен брату и сестре.

«Она видит его зрением сердца,— сказал про себя Лазарь.— Он совсем не красив, скорее наоборот. Но поскольку он бог, ей все-таки повезло, что она подцепила такого любовника».

Прием прошел без особых церемоний. Иисус разговорился и быстро покорил своих новых слушателей. Впрочем,

надо сказать, что Магдалина неплохо подготовила для этого почву.

Лазарь пригласил Иисуса остаться пообедать: Назарянин не стал отказываться. Марфа взялась за стряпню. Суетясь по хозяйству и приглядывая, чтобы все было на месте, она время от времени исподтишка посматривала на миропомазанного, и он ей тоже показался красавцем. Она ловила каждое его слово, следила за каждым движением. Вскоре ей пришлось признаться перед самой собой, что она еще в жизни не встречала такого очаровательного человека. Марфа от души завидовала своей сестре.

— Негодницам всегда везет,— бормотала она, начищая в кухне кастрюли.— После этого просто не хочется оставаться честной девушкой!

В сердце Марфы разгоралась страсть не менее пламенная, чем у ее сестры. Она с ревностью следила за всеми знаками внимания, которые Иисус оказывал Магдалине.

Лазарь на минуту отлучился в погреб, нацедить еще один кувшин вина.

Пользуясь этим, Магдалина разнеженно ластилась к Иисусу, в то время как Марфа хлопотала по хозяйству.

Под конец Марфа уже не могла сдержать накипевшей досады. Уперев кулаки в бедра, она встала перед любезничающей парочкой и обрушилась на сестру:

— Как тебе только не стыдно, лентяйка! Нет чтобы мне помочь по хозяйству, сидит себе как приклеенная! Есть у тебя хоть какая-нибудь совесть?

И поскольку Магдалина не удосужилась ей даже ответить, Марфа продолжала, обращаясь к Иисусу:

— Господи, прошу тебя, прикажи хоть ты ей, чтобы она мне помогла! Или тебе безразлично, что сестра моя оставила меня прислуживать одну?

Сын голубя неплохо разбирался в человеческих сердцах. Он сразу понял, что происходит в душе Марфы. Эта новая заложенная им любовь льстила его самолюбию, и, чтобы разжечь ее еще сильнее, он ответил с улыбкой, которая потрясла бедную девушку:

— Ах, Марфа, Марфа, ты все хлопочешь, стараешься мне услужить, и ты правильно делаешь. Но ты сердишься на сестру, а это уже неправильно. Она избрала себе это место подле меня, и оно у нее не отнимется.

— Получила? — фыркнула Магдалина.

Марфа едва не запустила в свою сестрицу тарелкой. Еле

сдерживаясь, она унесла свою обиду в кухню, тайком утирая горькие слезы (смотри Евангелие от Луки, гл. 10, ст. 1—42).

Но неужто Иисус так ее и не утешил?

Евангелие дает основание полагать обратное.

Наверняка миропомазанный улучил после обеда благоприятный момент, отвел Марфу в сторону и шепнул ей:

— Я только что огорчил тебя, бедная Марфа, не правда ли?

— О да, господи.

— Почему ты ревнуешь меня к Марии? Неужели ты так меня любишь?

— Господи, я вся твоя. Умереть за тебя — для меня великое счастье.

— Но ведь ты меня знаешь всего полдня!

— Истинная любовь, господи, рождается мгновенно, без рассуждений.

— Так что же ты от меня хочешь, Марфа?

— Господи, я очень несчастна. Я чувствую, что ты не ответишь мне взаимностью. Твое сердце уже занято Марией.

— Утешься, прелестное дитя мое! Божественная любовь неистощима, она может распространяться на все сущее одновременно. Поэтому, если ты, Марфа, меня любишь, я тоже тебя люблю.

— Какой ты добрый! Как мне приятно это слышать!

— Веруй в меня, доверяй мне, и ты будешь счастлива на лоне господнем.

— Ты мне обещаешь?.. Я буду счастлива?..

— Так счастлива, что сама не будешь знать пределов своему счастью.

— Ты меня будешь любить?.. Немножко? Много? Страстно?

— До безумия!

И действительно, сердце Иисуса было настоящим капустным кочаном. Он раздавал по листу то одной, то другой, то третьей. Таким образом, и Марфа приобщилась небесных блаженств, однако большая и лучшая их часть по-прежнему доставалась Магдалине.

ГЛАВА L

ВЕЛИКОЕ СЛОВОИЗВЕРЖЕНИЕ

Приближались к нему все мытари и грешники — слушать его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря: он принимает грешников и ест с ними. Но он сказал им следующую притчу...

Лука, гл. 15, ст. 1—3

Просто диву даешься, сколько притч было в запасе у ходячего Слова!.. Впрочем, наедине с хорошенькой женщиной можно было уже не прибегать для объяснений к притчам и иносказаниям.

После нескольких дней знакомства с Марфой, непорочным цветком, видимо не лишенным прелести, Иисус отправился в турне по Перее, области, подвластной Ироду Антипе. Здесь он устроил настоящий фестиваль притч. Пересказывать их все было бы слишком долго. Похоже на то, что местные жители все время подшучивали над апостолами; когда эти попрошайки заявлялись в какое-нибудь селение, им совали в суму самые разнообразные и неподходящие предметы. Так, однажды Андрей, а может быть, Петр — точно этого никто не знает — попросил у крестьянина хлеба, рыбы и яиц, а тот вместо хлеба вложил ему в руку булыжник, вместо рыбы — змею, а вместо яйца — скорпиона. Иисус тут же растолковал апостолам, что они должны продолжать нищенствовать, несмотря на все эти неприятности.

К некоему человеку, говорил он, бедному, но гостеприимному, пришел среди ночи странник. Хозяин тотчас бросился к своему другу. «Одолжи мне три хлеба,— закричал он, стучась в его дверь,— ибо у меня гость, утомленный дальней дорогой, и мне нечем его угостить». Но друг его спал, дети тоже, дверь была заперта, и никому не хотелось подниматься среди ночи. «Ах так! — завопил рьяный странноприимец,— ты не хочешь вставать? Ну, погоди же!» И он принялся барабанить в дверь изо всех сил и стучал до тех пор, пока его друг не поднялся и не дал ему требуемые три хлеба, чтобы хоть как-нибудь отделаться от нахала.

Так вот,— сказал в заключение Иисус,— следуйте этому примеру. «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Лука, гл. 11, ст. 5—13).

Приблизительно в это же время он исцелил двух слепых и одного немого. Исцеление немого, видимо, так обрадовало одну женщину, что та воскликнула:

— Блаженно чрево, носившее тебя, и сосцы, тебя питавшие! [1]

Вскоре после этого Иисус согласился отобедать в доме фарисея, который подложил ему свинью, пригласив одних фарисеев и книжников, сиречь писцов. Едва войдя в зал, Иисус увидел, что попался в ловушку.

Тогда, чтобы отомстить хозяину, он возлег к столу, не омыв ног, как того требовал обычай. Гости зароптали. Иисус сделал вид, что не понимает причины их недовольства, и отобедал как ни в чем не бывало.

За десертом он вместо тоста излил на собравшихся фонтан проклятий, упрекая их за то, что они всегда выбирают в синагогах лучшие места и желают, чтобы их приветствовали на улицах, сравнив их за это с гробами сокрытыми, прикосновение к которым оскверняет и т. д. и т. п.

Словоизвержение это — горе вам, делающим то! Горе вам, не делающим другого! — истощило терпение присутствующих. Раздались крики:

— Наглец! Намылить ему шею за такое нахальство, да так, чтобы долго помнил!

Но Иисус не растерялся. Он быстро вскочил на стол, опрокинул скамьи, и в огромном зале началась сумасшедшая игра в кошки-мышки. В конце концов мышку обязательно поймали бы и поучили как следует, если бы толпа народа, собравшаяся у дверей, не вломилась в зал и не защитила Иисуса (Лука, гл. 11—12).

Воспользовавшись случаем, он тут же начал перебирать четки своих притч:

№ 1. Богатый земледелец собирает со своего поля такой урожай, что не знает, где его хранить. Значит, надо построить амбары побольше и повместительнее. Но едва он передал архитектору свой заказ и план, как в ту же ночь — хлоп! — и скончался.

№ 2. У другого земледельца всего одно фиговое дерево, которое вот уже три года не приносит плодов. Земледелец говорит: «На этот год я еще раз окопаю дерево и унавожу, но, если к осени на нем опять не будет фиг, срублю его без пощады и брошу бесплодную смоковницу в огонь!»

[1] Относительно всего этого периода см. Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 27.

Как видите, хитрость невелика.

Между двумя притчами он исцелил женщину, страдавшую любопытным недугом. Она была в расцвете лет, однако казалась более согбенной, чем восьмидесятилетняя старуха. Видно, сам черт согнул ее, причем буквально пополам. Она передвигалась, воздев зад к небесам, а подбородком касаясь земли. Нетрудно сообразить, что в таком положении ей было невозможно заниматься каким-либо ремеслом. Зарабатывать на жизнь она могла бы разве что собиранием окурков, но в те времена папиросы еще не изобрели, а потому она была до крайности бедна и несчастна.

Иисус над ней сжалился; он произнес два слова, и добрая женщина вмиг распрямилась и стала стройна как тополь.

Пребывание Иисуса в Перее не затянулось: к празднику освящения он возвратился в Иерусалим. Происхождение этого праздника таково: как известно, Иуда Маккавей был одним из еврейских военачальников, героически сражавшихся против иноземных захватчиков. Гораздо менее известен тот факт, что после победы над сирийским царем Маккавею пришлось совершить обряд очищения и освящения иерусалимского храма. Так вот, когда он вошел в храм, оказалось, что захватчики перебили почти все сосуды со священным маслом — остался только один. Положение было безвыходным! Изготовление священного масла — дело не простое, оно сопровождается сложным, а главное, длительным ритуалом. Что делать? На всякий случай Иуда Маккавей хотел наполнить маслом хоть часть светильников, и, представьте, одного-единственного сосуда хватило на все светильники храма на целую неделю!

В память об этом чуде евреи каждый год веселятся восемь дней подряд, так же как на пасху и на праздник кущей. Сын голубя присутствовал на этих увеселениях и едва не был побит камнями за то, что в общественном месте упрямо утверждал, будто он и его отец составляют одно целое (Лука, гл. 13, ст. 6—9, 10—18; Иоанн, гл. 10, ст. 29—42). На сей раз дело было таким жарким, что Иисусу пришлось поспешно возвратиться туда, откуда он явился.

Во время второго посещения Переи он отличился чудом, совершенным в разгар пиршества, на котором опять же присутствовали одни фарисеи. Этот шутник Иисус так любил хорошо поесть, что без разбора принимал все приглашения к обеду, и от друзей и от врагов.

Тот обед состоялся в субботу. Фарисеи нарочно привели с собой человека, больного водянкой, раздутого, словно огромный бурдюк.

Иисус тотчас сообразил, какую западню ему расставили, и, предваряя события, первым задал собравшимся вопрос:

— Дозволено ли исцелять в праздник саббат, в день субботний?

Вопрос был дерзкий, а главное, ответить на него было весьма затруднительно. Сказать «да» означало нарушить закон Моисея, а на него фарисеи ссылались на каждом шагу. Сказать «нет» в присутствии больного означало навлечь на себя недовольство и гнев народа за бессердечие. Поэтому собравшиеся ничего не ответили.

Тогда Иисус приблизился к больному водянкой, сделал одно движение, и огромный живот больного сразу опал. В евангелии не сказано, куда делась заполнявшая его вода. Будем надеяться, что ее не претворили на сей раз в вино.

Исцеленному, видимо, нечего было делать, потому что он тут же побежал хвастаться своим похудевшим брюхом. И вот все хромые, слепые и прочие калеки повалили в зал пиршества, а за ними — толпы городских оборванцев. Народу набилось столько, что о десерте нечего было и думать. Тогда Иисус шепнул на ухо хозяину дома:

— Вам бы следовало пригласить всех этих людей к столу, выпить с ними по маленькой...

— Что? Надеюсь, вы шутите! Весь этот сброд?! Хорошенькая компания!..

Тотчас же ходячее Слово специально, чтобы насолить гостям, пустилось в восхваления бедности и даже указало хозяину дома, что ему следовало бы скорее пригласить этих босяков, чем своих друзей и родителей.

Гости шокированы. Толпа в отрепьях аплодирует. А Иисус принимается за очередную притчу.

— Один человек,— говорит он,— решил устроить пиршество и разослал всем приятелям пригласительные письма. В назначенный час, видя, что никто не является, он отправил слуг предупредить своих друзей, что все готово и он их ждет, но все начали извиняться и отказываться, словно сговорились. Один сказал: «Весьма сожалею, что приходится отклонять столь любезное приглашение, но я купил ферму, и как раз сегодня мне надо поехать ее осмотреть». Второй сказал: «Никак не могу прийти: у меня заболела теща, а я ее так люблю, что даже на секунду не могу отлучиться от ее изго-

ловья». Третий сказал: «Я женат всего шестой день, так что, сами понимаете, я еще очень занят». Четвертый сказал: «Помилосердствуйте! Я проглотил недавно персиковую косточку, и у меня запор, так что, пока все не пройдет, мне не до пиршеств!» Пятый сказал: «Сегодня день рождения моей консьержки; я заказал ей превосходный букет и обязательно должен вручить его лично». И все прочие оправдания были в таком же роде.

— Ах, такое отношение?! — вскричал глубоко уязвленный хозяин дома и обратился к слугам: — Ступайте же на площади и перекрестки, по всем дорогам и вдоль изгородей, соберите всех нищих, увечных, хромых и слепых и гоните их сюда, дабы наполнился дом мой, я не желаю, чтобы мои соусы пропадали зря!

Притча эта, между нами будь сказано, в данном случае была ни к селу, ни к городу, поскольку в тот день все гости дружно откликнулись на приглашение хозяина, но Слово не было бы Словом, если бы удержалось от очередного словоизлияния, пусть даже и неуместного, как это оказывалось в трех случаях из четырех (Лука, гл. 14, ст. 1—24).

В качестве примера можно процитировать еще несколько милых наставлений, высказанных Иисусом перед многолюдной толпой:

«Если кто приходит ко мне, и не возненавидит отца своего, и матери, и жены и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником» (Лука, гл. 14, ст. 26).

Пускай попробуют ханжи после этого утверждать, будто их религия проповедует любовь к семье! В ответ им всегда можно сунуть под нос соответствующий текст их собственного евангелия.

Современники Иисуса упрекали его за то, что он якшался лишь с отъявленными подонками. Вот что сообщает Лука (гл. 15, ст. 1—6):

«Приближались к нему все мытари и грешники — слушать его. Фарисеи же и книжники роптали, говоря: он принимает грешников и ест с ними. Но он сказал им следующую притчу: Кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее?

А найдя, возьмет ее на плечи свои с радостью; и, придя домой, созовет друзей и соседей, и скажет им: «порадуйтесь со мною, я нашел мою пропавшую овцу».

С точки зрения здравого смысла эта притча, вызывающая у святош слезы умиления, довольно-таки похожа на злую пародию. Фарисеи и книжники, чье умственное развитие намного превосходило нулевой уровень интеллекта верных последователей Христа, должно быть, животики понадрывали со смеху, слушая эту чушь. Представляю себе, как мог ответить Иисусу какой-нибудь веселый иудей:

— Твой пастух, наверное, был великим шутником. Бросил девяносто девять овец в пустыне, а сам отправился спасать одну заблудшую! Интересно, скольких еще у него сожрали волки, пока он искал эту одну паршивую овцу?

Но Иисусу было наплевать на подобные возражения. Мысль его весьма прозрачна, и он сказал именно то, что хотел сказать: один оболтус для него дороже девяноста девяти честных людей.

Вот по этому поводу еще одна история из той же пятнадцатой главы Евангелия от Луки.

Жил однажды человек, у которого было два сына. Приходит как-то младший из сыновей к отцу и говорит:

— Папа, у тебя есть кое-что в кубышке, и после смерти ты мне оставишь кругленькую сумму. Так вот, мне нужны деньги, мне страшно хочется кутнуть. Я совсем не желаю, чтобы ты сегодня же умер, это было бы с моей стороны слишком непочтительно. А потому я прошу тебя честью: дай сейчас то, что я так или иначе получу потом. Я не люблю долго ждать.

Папа тотчас взялся за счеты:

— У меня есть столько-то. На долю твоего брата приходится столько-то, а тебе столько-то. Вот твоя доля. Желаю, чтобы тебе ее хватило на как можно более долгий срок.

Не папаша, а просто золото, не правда ли?

Младший сын сгреб свою долю и тут же отправился в далекие страны, чтобы там с гулящими девицами прокутить все дотла. Это ему вполне удалось. Вскоре он остался без гроша и не знал, что дальше делать. Куда бы он ни обращался, в долг ему не верили. Когда у него еще были деньги, он забыл уплатить портному, тот теперь отобрал у него даже одежду, и наш гуляка остался на улице почти нагишом.

Потолкавшись в очередях у контор по найму, он получил наконец место свинопаса на ферме какого-то мужика. Однако мужичок оказался чересчур уж прижимист: своему работнику он давал ровно столько, сколько нужно, чтобы только не умереть с голоду. Несчастный дошел до того, что

начал завидовать даже свиньям, которых пас. Он рад был наполнить чрево свое рожками, то бишь стручками, которые ели свиньи, но свиньи не уступали ему своего корма.

Долго предавался он горестным размышлениям и наконец сказал:

— У самого последнего конюха моего отца в избытке есть хлеб, а я здесь подыхаю с голоду, как дурак. Какого черта, вернусь-ка я к папе! Не хватит же у него совести отказать мне в месте какого-нибудь слуги!

Сказано — сделано. Путь был неблизкий. Еле дотащился он до дому.

И представьте, какая удача! Как раз в тот момент, когда блудный сын появился на дороге, папа загорал у себя на балконе.

«Что это там за нищий внизу? — спросил себя добряк папаша.— Весь в грязи, в лохмотьях. В жизни еще я не видел более мерзкого бродяги... Ба! Да ведь это же мой младший сынок! Ну конечно, кто же еще!..»

И вот отец сигает прямо с балкона (балкон был на первом этаже) и бежит по дороге навстречу своему сыну. «И, побежав, пал ему на шею, и целовал его» (Лука, гл. 15, ст. 20).

— Какое счастье, что ты вернулся! Без тебя я так скучал, что едва не умер... Ты, наверное, растранжирил все свое наследство?.. Да, да, не отпирайся, я вижу... Ну, не будем говорить о твоих шалостях... Главное, что ты здоров... Обними меня еще... О господи, господи, как я счастлив!

Младший сын не ожидал подобной встречи. Он знал, что его отец добр, но все-таки не думал, что до такой степени.

— Папа! — стонал он.— Ты самый лучший, самый добрый, самый самый из пап! А я негодяй, подлец, мерзавец, каналья...

И в горести бил себя кулаками в грудь.

— Полно, полно, сынок! Если ты будешь так барабанить по животу, ты повредишь себе желудок... Я ведь сказал, что все забыто, так что незачем себя калечить.

Затем бравый папаша созвал своих слуг и сказал:

— Видите этого нищего? Это мой сын, тот самый, который пропадал и нашелся. Бегите и принесите лучшую тунику из моего гардероба, я хочу, чтобы мой дорогой младший сыночек был в нее облачен. Наденьте ему на палец мой самый дорогой перстень. И не забудьте сандалии, ибо он пришел босиком. А потом расставьте столы, как для великого празднества,— зададим пир на весь мир! В хлеву у меня стоит

откормленный жирный телец, заколите его немедля. Станем есть и веселиться. Еще сходите за музыкантами: если уж пировать, так пировать!

И действительно, устроили пирушку на славу. Отец был так счастлив, что даже забыл о другом своем сыне, о старшем, который работал на поле и которого надо было хотя бы из вежливости подождать.

Когда старший сын, возвращаясь, приблизился к дому, он услышал пение и ликование и весьма удивился.

— Что за притча? — подумал он.— Сели за стол раньше времени и даже меня не подождали. Пируют и ликуют, а я даже не приглашен. Странно, очень странно...

И, призвав одного из слуг, сновавших из дома и в дом, он спросил:

— Что это такое?

— Брат ваш вернулся,— ответил ему плут слуга.— Папаша ваш так радуется, уж так радуется!..

— Вот как? Очень мило с его стороны. Подумать только! Не мог даже послать за мной на ферму... И все из-за этого пустозвона Анатоля, который промотал свою долю, даже не вступив по закону в права наследства!

Гнев старшего брата был далеко не беспочвенным. А раз уж его не пригласили принять участие в общем ликовании, он вообще не пожелал войти в пиршественный зал. Пришлось самому папе его упрашивать.

— Послушай, Эрнест,— сказал отец,— не будь таким щепетильным. Пойдем, чокнемся за здоровье твоего брата!

— Ты сам не знаешь, что говоришь, папа, и ты ко мне несправедлив. Вот уже сколько лет я надрываюсь, чтобы умножить твои богатства. Я кручусь, как черт, всегда исполняю твои приказания, я просто образцовый сын, пример послушания. А этот бездельник Анатоль, которому пальцем было лень шевельнуть, который не способен заработать себе на жизнь,— его ты прощаешь и балуешь!.. Тебе никогда и в голову не приходило дать мне хотя бы козленка, чтобы повеселиться с друзьями моими, а в честь Анатоля, промотавшего с блудницами половину твоего добра, ты заколол упитанного тельца, ты устроил ни с того ни с сего настоящее пиршество... Нет, это несправедливо!

— Успокойся, Эрнест, не завидуй своему младшему брату, которого я так люблю. Все мое добро достанется тебе после моей смерти... А пока пойдем и возвеселимся по случаю возвращения нашего славного Анатоля!..

В притче не сказано, смог ли отец убедить столь резонными доводами своего старшего сына. Впрочем, это и неважно. Главное отметить, что Иисус проповедовал довольно любопытные, чтобы не сказать больше, идеи правосудия и справедливости.

Нужны ли еще примеры, доказывающие, насколько абсурдны поучения Христа? Достаточно привести другую притчу, где бесчестность восхваляется еще более откровенно, чем в истории с блудным сыном, если только это вообще возможно.

Был человек богатый и имел управителя. Однако сей управитель бесстыдно его обкрадывал, подчищал отчеты и воровал, как хотел, из кассы своего хозяина, чтобы оплачивать свои пороки.

Хозяин узнал о проделках своего управителя.

Он призвал его и сказал ему следующее:

— Что это я слышу о тебе? Ты ведешь жизнь явно не по средствам! Тратишь во сто раз больше, чем получаешь. Очевидно, остальное ты платишь из моего кармана, то бишь кассы. Немедленно представь мне отчет, и, если он не сойдется, гнев мой падет на тебя!

Управитель ушел, повесив нос.

«Что делать? — сказал он самому себе.— Я пропал! Хорошо еще, если хозяин просто выкинет меня за порог. Представить ему отчет невозможно! Воспользуюсь-ка я той маленькой отсрочкой, которую он мне дал, чтобы приобрести друзей, пока я еще заправляю в доме. Они примут меня и накормят, когда я останусь без места».

И, не теряя времени, он созвал всех должников своего хозяина.

— Сколько ты должен господину моему? — спросил он первого.

— Сто мер масла. Я обещал их вернуть в конце месяца.

— Превосходно! Хозяин ничего не смыслит в хозяйстве. Ты обещал ему вернуть сто мер масла. Вот твоя расписка. Я ее рву! Садись и скорее пиши: должен только пятьдесят!

— Тысяча благодарностей,— отвечает должник.— Иметь с вами дело — одно удовольствие.

Затем управитель принялся за второго должника.

— А ты сколько должен?

Он ответил:

— Сто мер пшеницы.

— Прекрасно! Садись за этот стол. Твою расписку я рву: напиши — восемьдесят. Видишь ли, я вынужден оставить это

место, а потому перед уходом хочу оказать тебе услугу, ты меня понимаешь?

— Вы деловой человек, лучше и не придумаешь. Всю жизнь буду вам благодарен!

И так далее и тому подобное. Так пройдоха управитель приобрел себе кучу друзей за счет своего хозяина.

Что же вы думаете, осудил Христос этого управителя-пройдоху в своей притче? Как бы не так! Наоборот. Евангелие утверждает, что пройдоха управитель поступил правильно и что всевышний судья в день страшного суда оправдает этого пройдоху управителя и все его жульничества за то, что «сыны века сего догадливее сынов света в своем роде» (Лука, гл. 16, ст. 8), то есть за то, что он был ловчее других жуликов.

И Христос добавляет (дословно):

«И я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители» (Лука, гл. 16, ст. 9).

Вот вам христианская мораль относительно верности и честности! Отсюда ясно, почему слова «жулик» и «церковник» имеют одно и то же значение. Воруйте, воруйте сколько вашей душе угодно, только приносите вашему священнику часть наворованного, и тогда он отпустит вам все грехи и царство божье отверзнется перед вами.

Но пока мы его еще не достигли, продолжим обзор евангелической морали. Святой Лука поистине неистощим в перечислении добрых наставлений, похожих на те, с которыми мы уже успели познакомиться.

Главное, что составляет пафос святого Луки,— это прославление бедности. Однако давайте разберемся. Тут бедность представлена всегда как следствие лени и безделья, и тем не менее нищета лоботряса всегда противопоставляется у него достатку, который в глазах верной паствы он почему-то пытается выдать чуть ли не за порок. И если управитель обкрадывает хозяина, он молодец.

После этого я никому бы не посоветовал нанимать в кассиры христианина, которому его священник проповедует подобные принципы христианской бухгалтерии!

Тип абсурдного богача выведен в анекдоте о Лазаре. Этот Лазарь, не имеющий ничего общего с братом Магдалины, был отъявленным бездельником из породы бездельников, которые вполне довольствуются окружающей их грязью и гнилью. Вместо того чтобы работать, он выпрашивал объедки со столов богачей. Так оно было и проще, и доходней.

Слуги одного из богачей, человека, облаченного в пурпур и льняное полотно, привыкшего торговать каждый день, как говорится в евангелии, ни разу не дали даже крошки хлеба этому нищему-паразиту.

И вот однажды нищий и богач умерли. Лоснящийся от грязи и лени Лазарь был вознесен ангелами на лоно Авраамово, а что касается богача, то он был низвергнут в ад. И когда богач жарился в адском огне, среди сатанинских языков пламени, он вдруг заметил Лазаря в одном из уголков лона Авраамова. И тогда он воззвал:

— Отче Авраам, сжалься надо мной и пошли ко мне Лазаря, дабы он омочил в воде кончик своего пальца и увлажнил мне язык, ибо я страдаю в этом пекле неизъяснимо!

Но Авраам ему ответил:

— Каждому свой черед, малыш. При жизни ты пировал дни и ночи, а Лазарь, наоборот, оставался беден, как Иов. Теперь все переменилось: Лазарь пирует, а ты попал впросак.

Богач возразил:

— В таком случае, и раз уж так заведено, что достаток при жизни оборачивается несчастьем после смерти, пошли Лазаря, чтобы он предупредил моих родственников. У меня пять братьев, далеко не бедных, и торгуют они себе не в убыток. Пусть Лазарь им растолкует, что́ с ними будет после смерти, дабы они приняли соответствующие меры и не пришли ко мне в это место мучений.

Авраам расхохотался, и Лазарь вторил ему. Ну что сказать о каком-то дурне богаче, который беспокоится о судьбе своих братьев!

— У них есть Моисей и пророки; пусть слушают их! А Лазаря незачем беспокоить.

Богач настаивал:

— Нет, отче Аврааме! Если кто-нибудь из мертвых согласится нанести хотя бы короткий визит моим братьям, это будет добрым делом. Братья мои, конечно, поверят мертвому на слово, смирятся со всеми лишениями, покаются и будут счастливы хотя бы в загробной жизни.

Авраам пожал плечами:

— Если твои братья Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто из мертвых воскрес, не поверят.

И тут отче Авраам фыркнул, а Лазарь показал нос богачу, который жарился в адском пламени, как шашлык (Лука, гл. 16, ст. 19—31).

ГЛАВА LI

УМИРАЕТ ХОРОШО ТОТ, КТО УМИРАЕТ ВОВРЕМЯ

Итак, отняли камень *от пещеры,* где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: отче! благодарю тебя, что ты услышал меня.

Я и знал, что ты всегда услышишь меня; но сказал *сие* для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что ты послал меня.

Сказав это, он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон.

И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лице его обвязано было платком. Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет.

Тогда многие из иудеев, пришедших к Марии и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в него.

Иоанн, гл. 11, стр. 41—45

Я забыл сказать, что Вифания находилась совсем неподалеку от Иерусалима.

Иисус благоразумно не стал злоупотреблять гостеприимством Лазаря № 1, брата Магдалины и Марфы, однако во время своего вояжа по Перее он продолжал поддерживать с этой верной ему семьей дружескую связь по почте.

И вот, пока сын голубя странствовал от деревни к деревне в Перее, рассказывая повсюду дурацкие старые анекдоты, явился к нему однажды утром гонец с обыкновенным незаказным письмом, где было начертано:

Господину Иисусу Христу в Перее.
В случае изменения адреса найти адресата.

«Господи, тот, кого ты любишь, болен.

Марфа и Мария».

Иисус скомкал записку и ответил гонцу:

— Чепуха! Они зря беспокоятся. Не от всякой болезни умирают. Лазарь выкарабкается, я в этом уверен.

И гонец отправился к двум возлюбленным овечкам с этим ответом их пастыря.

Но поскольку Лазарь был тяжко болен, такой ответ их ничуть не успокоил. Марфа и Мария Магдалина чувствовали себя как на иголках и полагали, что Иисус относится к этому делу слишком уж беспечно. Неужели он ничего не понимает, их красавчик шатен?

О, отнюдь! Сын голубя прекрасно знал и понимал все, что касалось здоровья его друга Лазаря. Просто он не хотел вмешиваться в ход болезни. Почему? А вот это мы сейчас узнаем.

В течение двух дней Иисус делал вид, что совершенно позабыл о послании двух сестер. К концу второго дня Лазарь преставился. Мария и Марфа в отчаянии! Они берут Лазаря, обмывают его, умащают благовониями, накрепко пеленают надушенными простынями, рассылают извещения о похоронах.

Поскольку Лазарь занимал среди евреев довольно высокое положение, хоронили его по первому разряду. Народу собралось великое множество. Лазаря положили в превосходную пещеру, исполнявшую роль семейного склепа. В течение трех дней его оплакивали по самому высшему тарифу: Магдалина решила, что на слезах экономить нечего, так что обусловленных ритуалом рыданий было предостаточно.

Марфа и Мария тоже присоединились к хору плакальщиц и старательно проливали целые потоки слез. Правда, их слезы были искренними, ибо они действительно обожали своего брата. Особенно горевала Магдалина, которая никак не хотела верить в столь внезапную кончину.

— Дорогой наш Лазарь! — восклицала она.— Всего неделю назад он был здоров и крепок как дуб, а сегодня лежит в гробу... Не может быть, чтобы он умер!

И она потребовала, чтобы склеп открыли. С лица Лазаря сняли пелены. Выглядел он как самый заправский покойник. Тогда пещеру снова заложили камнем и замуровали. Друзья семьи окончательно убедились, что брата Марии и Марфы похоронили не напрасно.

Но в тот миг, когда Лазарь сыграл в ящик, Иисус, от которого ничто не скрыто, сразу же получил — разумеется, от своего отца-голубя — уведомление об этом печальном событии.

Вдруг он сказал ученикам:

— Пойдем опять в Иудею.

— В Иудею? — вскричали ученики.— Должно быть, ты шутишь! Совсем недавно ты едва избежал ярости своих врагов, а теперь опять хочешь вернуться в Иерусалим? Полно! Ты что, забыл, как тебя хотели побить камнями? Черт побери, короткая же у тебя память!

— Все это неважно,— отрезал Иисус.— Мы идем в Иудею. И если не в Иерусалим, то уж в Вифанию наверняка.

— Что, по Магдалине соскучился? — фамильярно спросил один из апостолов, полагая, что догадался о причине столь внезапного желания вернуться в Иудею.

— Да нет же, о Магдалине я сейчас и не думаю. Я думаю о моем брате Лазаре, который уснул, но я иду разбудить его.

— Смотри-ка, в самом деле! — вспомнил кто-то.— Два дня назад тебе ведь сообщили, что Лазарь болен. Но если сейчас он уснул, значит, выздоровеет,— это добрый знак.

Апостол, сказавший это, думал, что его наставник, говоря об уснувшем Лазаре, имел в виду тот благодатный сон, который при некоторых заболеваниях служит признаком выздоровления. Однако Иисус тут же исправил его ошибку.

— Когда я говорил, что Лазарь уснул, я хотел сказать, что он опочил.

— Лазарь умер?

— Да, мои друзья.

— Что же теперь?

— Теперь я в восторге.

— В восторге?!

— Да, в восторге, ибо теперь я получил возможность его воскресить. А когда я его воскрешу, вам всем до одного придется признать, что я всемогущ... Но довольно слов, идем к нему!

Однако апостолы все еще колебались. Тогда Фома, отличавшийся от остальных своим мужеством, подал им пример.

— Пойдем с ним,— сказал он великодушно,— и умрем с нашим учителем!

И вот святой взвод двинулся в путь. Когда они добрались до Вифании, шел уже четвертый день после положения Лазаря во гроб. Многочисленные друзья, как могли, утешали обеих сестер.

Марфа, услышав, что Иисус подходит к Вифании, бросилась ему навстречу, Магдалина же осталась дома.

И Марфа сказала Иисусу:

— Ах, господи, почему не пришел ты раньше? Когда мы с сестрой известили тебя, еще можно было спасти несчастного Лазаря. Если бы ты пришел вовремя, то смог бы его исцелить и сейчас наш Лазарь был бы жив.

— Что ж из того, что Лазарь умер? Он воскреснет!

— Увы, это утешение я только и слышу последние четыре дня. Воскреснет в день конца света! Все мои иерусалимские друзья мне это повторяют.

— Да нет же, Марфа, я говорю о другом. Я сам по себе есмь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, оживет. Веришь ли мне, Марфа?

— Конечно, господи. Верую, что ты Христос, сын отца Саваофа. Теперь ты доволен?

— Да, Марфа. Перестань плакать, я верну вам радость.

Марфа подумала о Магдалине, оставшейся дома, и поспешила к ней.

— Мария, Мария! — зашептала она.— Учитель здесь и зовет тебя.

Слова эти она шепнула сестре на ушко, чтобы никто из собравшихся в доме друзей не мог их слышать.

Магдалина, как скоро узнала, что ее возлюбленный в двух шагах, поспешно встала и пошла к нему.

— Куда это она собралась? — всполошились друзья дома.

— Она пошла плакать на гроб Лазаря.

И они пошли за ней, чтобы поплакать вместе с нею и тем смягчить горечь ее слез.

Магдалина же, придя туда, где был Иисус, и увидев его, пала к ногам его и начала повторять упреки Марфы:

— Ах, господи, если бы ты был здесь хоть несколькими днями раньше, не умер бы брат мой!

И больше она ничего не прибавила. Из глаз ее полились ручьи слез более красноречивых, чем любые слова. Такой взрыв отчаяния оказался заразительным. Все пришедшие с Магдалиной иудеи заревели хором. Сам Иисус был глубоко тронут и едва не присоединился ко всеобщим рыданиям. Однако сын голубя вовремя вспомнил, что он все-таки бог и что ему стонать незачем, поскольку он сейчас воскресит несчастного покойника.

— Где вы его положили? — вдруг спросил он.

Ему ответили хором:

— Господи, изволь пойти за нами, и там сам увидишь.

И он пошел за ними. Поразмыслив, он решил, что не худо будет, если он все же поплачет вместе со всеми. И вот Иисус прослезился. Евреи же, принявшие его слезы за чистую монету, говорили шепотком:

— Смотри-ка, он его все-таки чертовски любил!

Впрочем, некоторые, по свидетельству того же евангелия, скептически изрекали:

— Если бы он его действительно так любил, он бы не дал ему умереть, ведь открыл же он глаза слепорожденному! Хотя, может быть, все его чудеса — жульничество?

Эти слова сомнения подстегнули Иисуса. Он ускорил шаг.

— Поспешим! — сказал он.— Где этот склеп?

Это была, как уже говорилось, пещера, заваленная тяжелым камнем.

— Отвалите камень! — скомандовал Иисус, приблизившись к месту погребения.

Но тут запротестовала Марфа.

— Отвалить камень? — воскликнула она.— Спасибо! Как я ни любила брата, я все-таки не желаю нюхать мертвечину. Господи, он же, наверное, смердит!

— Не мешай мне, Марфа,— одернул ее Иисус.

Евреи отвалили камень, и сын голубя, став на пороге пещеры, возопил громким голосом:

— Лазарь, Лазарь, встань!

По этому приказу мертвец сел. Все присутствующие закричали. Лазарь зашевелился и, делая невероятные усилия, качаясь, встал. Сделать это было не так-то просто, потому что сестры накрепко связали его погребальными пеленами. Наконец кое-как ему удалось принять хотя и весьма шаткое, но все же вертикальное положение.

Зрелище это повергло всех в ужас.

— Пошевеливайтесь поскорее! — напустился на них Иисус.— Помогите моему другу Лазарю! Развяжите пелены, будь они неладны! Иначе он никогда не выберется из этой могилы.

Наконец решились развязать воскресшего. Ему одолжили кое-какую одежонку, потому что, освободившись от пелен, Лазарь остался в чем мать родила, и шествовать в таком наряде через весь город было не очень-то прилично.

Тем временем любопытные иудеи, оправившись от первого потрясения, окружили бывшего мертвеца. Марфа усердно благодарила Иисуса. Магдалина, у которой не оставалось больше повода для слез, обрела былую веселость и подшучивала над братом.

— Подумать только! — со смехом говорила она Лазарю.— Теперь ты станешь рассказывать своим внукам, где ты побывал! А в самом деле, что ты видел за эти четыре дня своей смерти?.. Скажи, тебе было страшно? Послушай-ка, поделись с нами впечатлениями!

Иисус несомненно успел сделать Лазарю знак молчать, ибо в евангелии нигде не сказано, чтобы брат Марии и Марфы кому-нибудь открыл тайну загробной жизни...

А жаль! Право, жаль. Вместо всяких слов Лазарь только яростно чесал ляжки и прочие места, ибо все тело у него зудело из-за червей, уже приступивших было к трапезе.

Присутствующие смотрели, как он чешется, вытаращив глаза. Их испуг уступил место бесконечному удивлению! Еще бы! Не каждый же день можно встретить человека, который четыре или пять дней пробыл трупом!

Досыта налюбовавшись воскресшим, они удалились. Расходясь по домам, многие говорили:

— Провалиться мне на месте, этот Иисус вам не первый встречный!

И многие уверовали в него.

Другие же со всех ног бросились к фарисеям и говорили им с таинственным видом:

— Слыхали, в Вифании такое стряслось!..

— Да ну? Что же именно?

— Вы знаете этого, как его, Иисуса, Иисуса из Назарета?

— Знаем. А дальше что?

— Того самого, у которого любовница некая Мария Магдалина...

— Дальше, дальше!

— Так вот, у этой Марии из Магдалы был, вернее, есть брат. Нет, я правильно сказал: был брат!.. То есть и то и другое: был брат и есть брат...

— Что за галиматья!

— Его звали... или его зовут Лазарь...

— Дальше! Этого Лазаря все знают.

— Четыре дня назад его похоронили.

— Да, слух об этом дошел до Иерусалима.

— Но сегодня Лазарь прогуливается с тросточкой по Вифании, словно никогда и не умирал!

— Странно. По какому же праву он перестал быть покойником?

— А вот по такому! Иисус пришел к пещере и сказал трупу: «Лазарь, встань!»

— Вы это сами видели?

— Не только видели! Мы еще помогали этому строптивому покойнику освободиться от погребальных пелен...

— Значит, он притворялся покойником, а теперь притворяется воскресшим.

— Не считайте нас за идиотов. Мы ясно чувствовали трупный запах. Он вонял в точности, как перележавшая дичь,— ошибиться невозможно!

— Должно быть, не очень-то приятно для его близких.

— О, но это пройдет!

— Ну, а что вы сами думаете о таком чуде?

— То, что это поистине чудо из чудес.

— Дело плохо, черт побери!

Фарисеи были в тяжком затруднении. Они сообщили новость первосвященникам.

Тогда фарисеи и первосвященники собрали совет у некоего Каиафы, который был старшим первосвященником на тот год.

— Ситуация весьма щекотливая,— сказал один из них.— Если мы позволим этому человеку и дальше творить свои чудеса, весь народ увяжется за ним. Римляне подумают, что готовится восстание, снова пойдут на нас войной, и тогда от Иерусалима ничего не останется.

— Вы ни черта не смыслите! — возразил Каиафа.— Если мы сами примем меры, римляне оставят нас в покое.

— Какие же меры?

— Надо от этого Иисуса отделаться. Не лучше ли, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб?

Фарисеи и первосвященники одобрили это предложение подавляющим большинством голосов. С этого дня, как говорит евангелист, они только и делали, что старались прикончить Иисуса во исполнение принятого решения. А посему Иисус, час которого приближался, однако еще не пробил, уже не ходил явно между иудеями, а пошел в страну близ пустыни, в паршивый городишко Ефраим, и там оставался с учениками своими (Иоанн, гл. 11, ст. 1—56).

Еще несколько слов, чтобы покончить с ошеломляющей историей воскрешения Лазаря.

Об этом чуде повествует лишь один евангелист из четырех — святой Иоанн. Любопытно, не правда ли? Ведь чудо первосортное, и остальные евангелисты, право же, не упустили бы случая о нем хотя бы упомянуть! Однако Лука, Марк и Матфей хранят гробовое молчание, словно никогда и слыхом не слыхивали о таком событии, как воскрешение брата Марии и Марфы.

С другой стороны, по словам Иоанна, иудеи меньше всего ожидали, что Лазарь воскреснет. Они только говорили: «Не мог ли сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?» (Иоанн, гл. 11, ст. 37). Иначе говоря, если верить Иоанну, иудеи даже не подозревали о способности Христа оживлять мертвецов.

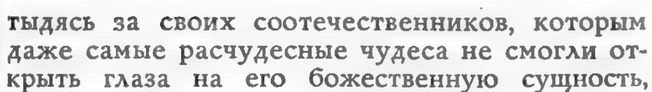
Но в таком случае они просто не знали ни о чуде, совершенном в Наиме над сыном вдовицы, ни о чуде в Капернауме с дочерью Иаира! Но как же так? Ведь Мария Магдалина именно потому и познакомилась в доме фарисея Симона в Наиме с Иисусом, что тот воскресил сына вдовицы! Чего же она так скорбела о смерти брата? Разве она не была уверена заранее, что Иисус сумеет повторить в Вифании то, что он уже совершил в Наиме и Капернауме? Забавно, не правда ли? Если Лука, Марк и Матфей ни единым словом не упоминают о воскрешении Лазаря, то сам Иоанн, видимо, понятия не имел о двух предыдущих воскрешениях. Во всяком случае, в его евангелии на них нет даже намека.

Перед тем как садиться строчить свои легенды, сочинителям четырех евангелий не мешало бы прежде договориться между собой!

ГЛАВА LII

НОВОЕ СЛОВОИЗВЕРЖЕНИЕ

> Приступила к нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного, и возливала ему возлежащему на голову.
>
> Увидев это, ученики его вознегодовали и говорили: к чему такая трата?
>
> Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим.
>
> Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для меня.
>
> Ибо нищих всегда имеете с собою, а меня не всегда имеете.
>
> Возлив миро сие на тело мое, она приготовила меня к погребению.
>
> *Матфей, гл. 26, ст. 7—12*



Стыдясь за своих соотечественников, которым даже самые расчудесные чудеса не смогли открыть глаза на его божественную сущность, Иисус не стал долго задерживаться в Вифании. К тому же он вовремя сообразил, что ни один город больше не может служить ему безопасным убежищем, и отныне старался почаще менять свое местожительство.

Проходя то ли через Самарию, то ли через Галилею, он разом исцелил десять прокаженных жителей маленькой деревушки. Однако из десяти лишь один догадался поблагодарить великого врачевателя, и этот один оказался самарянином.

По этому поводу Иисус сказал своим апостолам:

— Видали? Помните, что я вам говорил однажды? Самаряне — самые примерные люди во всей Иудее. Когда самарянин проходит и видит несчастного, обобранного ворами, он печется о нем и ведет его в харчевню... Поглядите-ка на этого самарянина! У него была проказа, он исцелился и поблагодарил меня за это, в то время как остальные девять прокаженных... Кстати: не десять ли очистились? Где же еще девять? Как, они не возвратились воздать славу богу? Поди-ка, взгляни, Иоанн, может, они вернутся! (Лука, гл. 17, ст. 11—19).

Тогда очутившиеся поблизости фарисеи спросили его:

— Вы повсюду возвещаете царство божье. Не будете ли

вы столь добры объяснить, где оно, это царство, или, вернее, скоро ли оно придет?

Он ответил:

— Царство божье придет неприметным образом. И никто не сможет сказать: «Вот оно, здесь» или: «Вот оно, там». И никто его не увидит. Скажу даже больше: уже сейчас царство божье внутри вас.

Тамошние фарисеи были куда благодушнее иудейских. Вместо того чтобы забросать болтуна каменьями, как это непременно сделали бы в Иерусалиме, они только пожали плечами и удалились, не желая больше слышать подобной чепухи. Иисус остался со своими учениками, которым и пришлось дослушать его разглагольствования до конца.

Речь сына голубя так восхитительно бессмысленна, что я прошу у моих читателей разрешения привести ее дословно, не меняя ни одной запятой:

«Придут дни, когда пожелаете видеть хотя один из дней сына человеческого, и не увидите.

И скажут вам: «вот, здесь», или: «вот, там»,— не ходите и не гоняйтесь.

Ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет сын человеческий в день свой.

Но прежде надлежит ему много пострадать и быть отвержену родом сим.

И как было во дни Ноя, так будет и во дни сына человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп, и погубил всех.

Так же как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный, и истребил всех.

Так будет и в тот день, когда сын человеческий явится.

В тот день, кто будет на кровле, а вещи его в доме, тот не сходи взять их; и кто будет на поле, также не обращайся назад.

Вспоминайте жену Лотову.

Кто станет сберегать душу свою, тот погубит ее; а кто погубит ее, тот оживит ее.

Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой оставится.

Две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая оставится.

Двое будут на поле: один возьмется, а другой останется.

На это сказали ему: где, господи? Он же сказал им: где труп, там соберутся орлы» (Лука, гл. 17, ст. 22—37).

Малость передохнем. И такую галиматью священники приписывают своему богу! И говорят при этом, что иудеи обрекли на муки сего сына голубя, которого они называли сыном человеческим! Разумеется, за подобный бред его надо было бы скорее обречь на холодный душ.

А вот еще из той же бездонной бочки:

«В одном городе был судья, который бога не боялся, и людей не стыдился.

В том же городе была одна вдова; и она, приходя к нему, говорила: «защити меня от соперника моего».

Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне».

И сказал господь: слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных своих, вопиющих к нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но сын человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лука, гл. 18, ст. 2—8).

А вот на другой мотив:

«Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь.

Фарисей, став, молился сам в себе так: «Боже! благодарю тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю; даю десятую часть из всего, что приобретаю».

Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: «Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!»

Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот...» (Лука, гл. 18, ст. 10—14).

А вот еще, для разнообразия:

«Приносили к нему (Иисусу) и младенцев, чтобы он прикоснулся к ним; ученики же, видя то, возбраняли им. Но Иисус, подозвав их, сказал: пустите детей приходить ко мне и не возбраняйте им; ибо таковых есть царствие божие» (Лука, гл. 18, ст. 15—16).

Это было, конечно, весьма трогательно.

Но тут как раз проходил мимо некий молодой и вполне порядочный человек. И вот он обратился к оратору, другу детей:

— Учитель благий! Ты раздаешь людям блага вечной жизни на каких-то определенных условиях. Что же это за условия?

— Прежде всего,— ответил ему Иисус,— почему ты называешь меня благим, то бишь добрым? Я вовсе не добрый. Добрый один только бог.

— Предположим, что я тебя так не называл...

— Ну, ладно. Ты исполняешь заповеди Моисея?

— Разумеется. Я никого не убил, ни с кем не прелюбодействовал, никогда не крал, не лжесвидетельствовал, почитал отца своего и мать свою.

— Этого мало. Если хочешь жить вечно, продай все, что имеешь, а деньги раздай нищим. После этого приходи ко мне и следуй за мной повсюду, куда я пойду.

Молодой человек поморщился: он был очень богат.

Тогда Иисус обратился к своим ученикам:

— Все они одинаковы, все держатся за свои сокровища. Если бы они только знали, сколь трудно состоятельным людям проникнуть в царство божье! Как вы думаете, может верблюд пролезть сквозь игольное ушко?

— Да ни за что! Сколько бы он ни старался, у него все равно ничего не выйдет.

— Хорошо сказано. Так вот знайте: легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем богачу попасть на небо.

— В таком случае,— заметил кто-то,— вход в царство божье не очень-то благоустроен.

— Бог впустит на небо, кого захочет,— ответил Иисус.— Невозможное человекам, возможно богу.

— Мне-то беспокоиться нечего,— заметил Петр.— Было у меня ремесло, я его бросил и теперь совсем не работаю, и денег у меня ни гроша. Значит, я на царство небесное имею все права.

Иисус ему в ответ:

— Между нами говоря, Петр, пожертвовал ты не очень-то многим, но и это тебе зачтется. Истинно говорю вам: кто оставит ради меня дом свой, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей, получит взамен немало выгод и сейчас, и в век будущей жизни вечной.

Внезапно его осенила мысль. Отозвав в сторону своих учеников, Иисус сказал:

— Я здесь наговорился вдоволь. Теперь мы вернемся в Иерусалим. Я прекрасно знаю, что меня там ждет, но мой час пробил. Сына человеческого предадут в руки добрым людям, которые на самом деле вовсе не так уж добры; они насмеются над ним, будут его бичевать и плевать ему в лицо, а потом убьют, но это ему все равно, потому что через три дня он воскреснет.

И вот они снова двинулись к Иерусалиму.

По дороге, близ Иерихона, Иисус, дабы не терять практики, исцелил еще одного слепого (Лука, гл. 18, ст. 15—43).

Кроме этого, он рассказал своим ученикам анекдот о хозяине-земледельце, который нанял работников на свой виноградник и платил одинаково и тем, кто трудился в поте лица с рассвета, и тем, кто бездельничал до пяти часов пополудни (Матфей, гл. 20, ст. 1—16).

В это время Саломея, мать великовозрастного Иакова и маленького Иоанна, обратилась к Иисусу, умоляя предоставить обоим ее сыновьям тепленькое местечко в том самом царстве, которое он возвещал.

— Я буду счастливейшей из матерей,— сказала добрая женщина,— если ты посадишь одного моего сына справа от себя, а другого — слева.

— Ты сама не знаешь, что просишь! — возразил Иисус и преподал мамаше и обоим сынкам маленький урок, дабы избавить их от чрезмерного тщеславия. (Матфей, гл. 20, ст. 20—28).

Как говорит далее евангелие, он заночевал в Иерихоне, в доме некоего Закхея, человека весьма дурных нравов, чем и вызвал всеобщее возмущение. Однако нас, проследивших шаг за шагом весь путь Иисуса, этот поступок нисколько не удивляет.

Здесь была рассказана заслуживающая внимания притча о минах, то бишь монетах, равных по стоимости фунту серебра.

Некий человек высокого рода хотел завладеть царством в одной стране, расположенной от его дома на порядочном расстоянии. Предприятие было довольно рискованное, тем не менее он отправился в путь, но перед этим призвал десять своих рабов и сказал им:

— Вот вам по мине каждому. Пока я буду стараться прибрать к рукам приглянувшееся мне царство, пустите эти деньги в оборот. Чем больше будет от них дохода, тем лучше. Когда вернусь, отчитаетесь.

Человеку этому повезло, и он завоевал столь желанное царство. Тогда он призвал своих десять рабов и начал расспрашивать, сколько каждый из них заработал.

Пришел первый раб и сказал:

— Господин, твоя мина принесла десять мин.

— Прекрасно, мой друг! — воскликнул новоявленный царь.— В награду за верность назначаю тебя правителем десяти городов моего царства.

Второй сказал:

— Я был не столь удачлив, как мой коллега, поэтому твоя мина у меня принесла всего пять мин.

— Ничего, мой мальчик, ты ведь старался, а это главное. Я тебе отдаю в управление пять городов.

Пришел третий раб.

— Господин,— начал он,— коммерческих способностей у меня нет, а потому я опасался, что прогорю. И вот я сказал себе: «Если я не смогу вернуть господину его серебро, он с меня шкуру спустит! Так лучше, черт побери, я сохраню хотя бы то, что имею». И я завязал ваш фунт серебра в носовой платок. Вот оно!

— Ах ты рыло! — возопил разъяренный монарх.— Дрянь ты, а не раб. Неужели ты не мог положить мои деньги в банк, по крайней мере натекли бы проценты!

И добавил, обращаясь к окружающим:

— Возьмите у него эту мину и отдайте тому, кто смог заработать десять.

Но тут ему кто-то заметил, что этот дрянной раб на самом деле не такой уж простак и что его мина тоже принесла ему десятерную прибыль. После этого царь приказал лукавого раба удушить.

Заключение притчи поражает своей крайней жестокостью, хотя мы уже знаем, что Иисус иногда сбрасывал маску кротости.

— Сказываю вам,— обратился он к ученикам,— что всякому имеющему дано будет и богатых я сделаю еще богаче. А у всякого неимеющего отнимется и то, что имеет. Врагов же моих, тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда, приказываю! И пусть их прирежут у меня на глазах! (цитата почти буквальная. Лука, гл. 19, ст. 11—27).

Заметим попутно, что эта притча полностью противоречит тому, что Иисус лишь недавно говорил относительно презрения к богатству. Кроме того, напомним, что вся его

ярость против тех, кто не хотел признавать его царем, не имела никаких последствий: ни один апостол не сдвинулся с места, и никого они не прирезали.

Отсюда Иисус прямым ходом направился в Вифанию, где его поджидали Магдалина и Марфа. Он отобедал у прокаженного по имени Симон. За десертом Магдалина разбила о его голову алебастровый кувшин с освежающими благовониями, несомненно для того, чтобы он успокоился. Евангелие сообщает, что в кувшине было духов самое малое на триста франков.

Иуда Искариот, счетовод и кассир всей братии, долго оплакивал потерю этих драгоценных благовоний. Если бы их реализовать, можно было бы раздать городским нищим целых триста динариев. Во всяком случае, таково было его мнение.

Однако Иисус, весьма польщенный любезным вниманием своей фаворитки, решил, что его голова стоит благовоний на триста динариев, и живо осадил Иуду Искариота, вздумавшего делать неуместные замечания и огорчать Марию Магдалину (Матфей, гл. 26, ст. 6—13; Марк, гл. 14, ст. 3—9; Иоанн, гл. 12, ст. 1—11). Можно предполагать, что ночью Иисус засвидетельствовал Магдалине свою признательность и полное удовлетворение не только на словах.

Часть четвертая

ПРЕСКВЕРНАЯ НЕДЕЛЯ

ГЛАВА LIII

ДЕШЕВЫЙ ТРИУМФ

И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко мне. И если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны господу; и тотчас пошлет их.

Матфей, гл. 21, ст. 1—3

И вот пришло то время, когда бога невинного должны были принести в жертву богу справедливому, дабы умилостивить бога грозного. Стрелки часов, отмечавших ход жизни Христа, приблизились к тому часу, когда им суждено было остановиться. За четыре тысячелетия до этого Адам и Ева, два индивидуума, состряпанные один из грязи, другой из отбивной на ребрышке, совершили ужасное преступление, отведав по кусочку яблока. Это преступление тяготело с тех пор над всем человечеством. Да и кто, в самом деле, мог его искупить? Человечество? Увы, нет. Только тот, кто к оному не принадлежал, то есть сам бог, бог-судья, бог, вынесший приговор. Сначала бог выступал в роли обвинителя, теперь же ему предстояло стать одновременно палачом и жертвой, ибо Иисус и Саваоф в компании с голубем должны по идее представлять собой одно и то же лицо.

Было бы куда проще, если бы Иисус не влезал в человеческую шкуру и если бы этот Саваоф-Христос-голубь взял бы да и простил единогласно столь страшное преступление — яблоко, съеденное в земном раю!

Тем самым Иисус был бы избавлен от необходимости пережить весьма неприятную неделю, неделю страстей господних, о которой господа священники разглагольствуют с неистощимым красноречием, пытаясь нас растрогать. Говоря начистоту, эти милые рассказы о весьма сомнительных страданиях не вызывают во мне ни малейшего сочувствия.

Ах, если бы все это было правдой, если бы Иисус действительно существовал, если бы даже просто какой-нибудь свихнувшийся шарлатан был на самом деле подвергнут бичеванию и распят, я бы не смог зубоскалить по этому поводу.

Можно презирать преступника, но никто не станет смеяться над муками его казни. Но Иисус даже на Голгофе остается шутом. И вся эта история не более чем плод воображения священнослужителей. Священник — единственный реальный персонаж любой религии, точно так же как необходимость платить священнику за молебен является единственной реальной карой, терзающей души верующих простофиль, запуганных ужасами ада. Так что не стоит проливать слез, вспоминая о страданиях мифического существа из Назарета, ибо даже церковная легенда утверждает, что оно страдало лишь потому, что само того хотело, и оставим наши сожаления тем несчастным, которые переносят реальные муки, людям из плоти и крови, встречающимся в повседневной жизни на каждом шагу.

Покончив с этим, обратимся, не медля более, к самому невероятному эпизоду христианской легенды.

Место действия — Иерусалим; время — пасха в самом разгаре. Иудеи недоумевали, не видя Иисуса в храме, куда он аккуратно являлся в дни этого праздника все предыдущие годы.

— Где же он? — вопрошали они.

Те, кто мнил себя более осведомленным, отвечали:

— Он в Доме фиников.

Другие спорили:

— Нет, он в Доме зеленых смокв.

Ибо на древнееврейском Вифания означает «дом фиников», а Виффагия — «дом зеленых смокв».

— Но что он там делает, в Доме фиников?

— День-деньской воскрешает мертвецов. Вот недавно преставился его дружок Лазарь, так он его вытащил из гроба живым, хотя и малость подпорченным червями.

— Занятие стоящее, надо будет сходить посмотреть.

И едва праздник саббат кончился, многие отправились кто в Вифанию, кто в Виффагию.

Евангелист Иоанн сообщает, что любопытные, явившиеся в Вифанию, увидели Лазаря таким свеженьким и толстеньким, словно он никогда и не умирал. Кстати, видел ли ктонибудь из этих любопытных добряка Лазаря мертвым, евангелист почему-то забыл уточнить.

Как бы там ни было, зрелище это весьма обрадовало гостей из Иерусалима и одновременно довело буквально до белого каления первосвященников.

— Чтобы покончить с подобными разговорами, остается

одно,— предположил некий служитель божий,— убить этого воскрешенного!

Так они и порешили, но тут на них навалились новые заботы. Действительно, из Вифании до Иерусалима дошел слух, будто сам Иисус собирается прибыть туда на следующий день. Это уже было гораздо серьезнее.

На другой день Иисус и в самом деле покинул дом Симона, где был гостем, горячо обнял Магдалину и безропотную Марфу, пожал руку своему другу Лазарю и направился к горе Елеонской, или Горе олив. За ним последовали ученики его и кучка любопытных зевак.

— Вот что,— сказал Иисус,— не подобает нам являться в Иерусалим как простым бродягам. В конце концов, царь я человеков или не царь?

— Царь, царь! — закричали апостолы.

— В таком случае мне нужна карета.

К несчастью, поблизости не оказалось даже телеги. Но это Иисуса не смутило.

— Ступайте-ка вон в ту деревушку, что виднеется справа,— приказал он.— При входе в деревню вы увидите осленка. Отвяжите его и приведите сюда. А если кто станет вас укорять за такое нахальство, скажите ему: «Осел нужен великому прокуратору Иудеи». Тогда вас никто не остановит[1].

Все произошло именно так, как предсказал Иисус. Его ученики нашли за поворотом дороги осленка, привязанного к двери, и отвязали его. «Что вы делаете?» — закричали соседи, увидев, что у них вот так, запросто начали уводить ослов. «О, не обращайте внимания, мы исполняем приказ господа нашего!» — ответили ученики. Господа нашего! Эти слова вмиг успокоили соседей и сразу заткнули им рот.

Похищая осла у крестьянина, которому это животное было явно нужнее, чем ему, мессир Иисус действовал вполне в духе своих семейных традиций. Вы, конечно, помните, как его папаша Иосиф перед бегством в Египет увел из хлева в Вифлееме чужого осла точно с такой же бесцеремонностью.

[1] Относительно этого эпизода евангелисты явно не договорились между собой. Лука, Марк и Иоанн говорят только об осленке, в то время как Матфей утверждает, что там была ослица с осленком. С другой стороны, Матфей, Марк и Лука признают, что Христос его просто украл, зато Иоанн нашел для этого поступка очаровательную формулировку: «Иисус же,— говорит он,— найдя молодого осла, сел на него», дабы оправдались слова пророчества! (Иоанн, гл. 12, ст. 14—16).

На бедное животное вместо украшений навалили гору плащей. Осленок кротко позволил себя навьючить, и триумфальное шествие началось. Ей-ей, хотелось бы мне присутствовать на этом спектакле, должно быть, зрелище было потрясающее!

Все участники шествия вооружились пальмовыми ветками. Они шли, размахивали этими ветками и восклицали: «Осанна сыну Давидову! Благословен грядущий во имя господне царь Израилев! Слава во всевышних!»

Прохожие останавливались в недоумении.

— Что тут происходит? — спрашивали они.

— Сие торжество Иисуса,— отвечали апостолы, вздергивая подбородки.— Отныне у народа Израиля новый царь из иудеев.

— И это царь? — с презрительной гримасой спрашивали праздные гуляки.— Да я такому не доверил бы завязать мои сандалии!

Короче, успех шествия был весьма относительный: он ограничился шумом, поднятым апостолами и маленькой группой зевак, пришедших из Вифании. Так они добрались до вершины горы Елеонской, откуда открывался вид на весь Иерусалим. Завидев город, Иисус разревелся в три ручья. Евангелисты объясняют его столь внезапное горе тем, что ему вдруг открылась печальная участь, ожидающая Иерусалим. По их словам, Иисус предсказал, что град Соломонов будет навсегда разрушен, что там не останется камня на камне. Это, однако, не помешало Иерусалиму сделаться одним из наиболее крупных городов Малой Азии. Гораздо логичнее было бы предположить, что у Иисуса наступил один из редких моментов просветления и он расплакался, представив себе все грядущие беды, которые он сам же на себя и навлек, ибо его шутовское торжество было только прелюдией к самому неприятному. Но отступать было поздно.

Заслышав Иисусовы рыдания, приверженцы его обеспокоились, но ненадолго: они уже настолько привыкли к внезапным переменам настроения своего учителя, что тревога их быстро улетучилась.

Наконец они прибыли в Иерусалим. Несколько досужих ротозеев присоединились к шествию, однако не придали ему особого блеска. Осел трусил, понурив голову, Иисус с трудом держался на куче лохмотьев и прилагал отчаянные усилия, пытаясь сохранить вид победителя; какие-то шутники скинули с себя туники и расстелили их на дороге, дабы осел

сына Давидова наступил на них своими копытами, в то время как апостолы из последних сил драли глотки, выкрикивая возмутительную чепуху. Несмотря на все это, появление их не вызвало в городе сенсации. На них смотрели и посмеивались: зрелище было жалкое.

Фарисеи — в сущности, они никогда не были такими уж злодеями — прониклись отеческим сочувствием к великовозрастному шалопаю из Назарета. Они приступили к Иисусу, желая дать ему дружеский совет.

— Равви,— сказали они,— утихомирь своих учеников и не позволяй им так вопить: они тебя компрометируют.

Однако Иисус, опьяненный пусть не очень-то искренними, зато громкими хвалами своих немногочисленных приверженцев, надменно ответил:

— Пусть восхваляют, как могут! Если они умолкнут, то даже камни закричат.

Отсюда видно, что в определенных случаях Сатане совсем незачем было соблазнять Иисуса: он и без того грешил самым страшным грехом гордыни. И он двинулся дальше по улицам, воображая, что это его триумф.

Но сколько можно кричать и восторгаться?

Постепенно шествие рассеялось: первыми отстали любопытные, затем приверженцы сына голубя и, наконец, апостолы, один за другим. Добравшись до склона холма, на котором стоял храм, Иисус увидел, что остался один. Этот факт признают все комментаторы писания.

По словам евангелиста Марка, сын голубя удовлетворился тем, что взглянул на ряды торговцев, и больше в тот день ничего не предпринял. Близилась ночь. Вокруг не было никого, кто бы мог оказать ему поддержку, поэтому Иисус поспешил укрыться в более надежное место, то есть покинул город. Куда же он направился? Святое евангелие об этом умалчивает, но можно догадаться, что в конце концов он встретил нескольких своих учеников и в их компании провел ночь под открытым небом.

Что касается осла, то о нем Новый завет больше не упоминает, однако другие легенды рассказывают о его дальнейшей судьбе. Миссон * в своем «Путешествии в Италию» (том I) приводит целую эпопею сего достославного четвероногого.

Когда Иисус остался один, он сошел с осла и бросил его на произвол судьбы, даже не подумав, что его следовало бы вернуть хозяину.

Итак, наш осел отправился один бродить по городу. Поскольку он прекрасно понимал все, что с ним произошло, осел решил предпринять небольшую увеселительную прогулку.

Сначала он бродил по всей Иудее. Подробно ознакомившись с родной страной, он решил отправиться за границу.

Ему пришла в голову мысль прогуляться по Италии. Для того чтобы туда добраться, нашему ослу пришлось бы совершить весьма далекое путешествие в обход Черного моря либо переплыть на судне Средиземное. Однако он слишком дорожил своей независимостью и не без оснований опасался, что на судне его могут привязать или, что еще хуже, отдать коку, который наделает из него колбас для пассажиров.

Но тут святой осел весьма кстати вспомнил, что Иисус ходил по водам, как по суху, и сказал сам себе: «А почему бы мне не поступить так же?»

Смело направился он на пляж и поставил копыто на первую же набежавшую волну. И — о чудо! — волна сразу же стала твердой, как рога папаши Иосифа. Он рискнул поставить второе копыто на вторую волну, которая поспешила отвердеть, как и предыдущая, и вот, на удивление всем, наш осел, весело перепрыгивая с гребня на гребень, добрался до острова Кипр. Один за другим он посетил острова Родос, Крит, Мальту, Сицилию, пощипывая в пути чертополох, который специально вырастал среди твердеющих волн, и наконец прибыл в Венецианский залив. В те времена Венеции еще не существовало. Было только место, где возник этот волшебный город, о котором позднее стали говорить: «Увидеть Венецию — и умереть». Поэтому наш осел-турист взял свой чемодан и картонку с цилиндром и направился к Вероне.

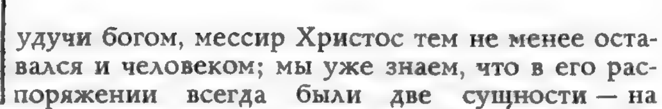
Именно в этом городе он завершил свои дни, окруженный всеобщим почетом благодаря совершенным им великим чудесам. До сих пор в Вероне поклоняются реликвиям святого осла, которые благоговейно хранятся в алтаре церкви Ортской богоматери. Дважды в год совершается торжественное шествие: по улицам проносят его достославные чудодейственные кости.

Такой ослиной славе может позавидовать другой осел, тот, на котором святое семейство бежало в Египет. Ведь он, как и веронский осел, тоже удостоился чести нести на себе Христа! За что же его коллеге такие привилегии? И после этого святоши еще смеют утверждать, будто бог справедлив? Как бы не так!..

ГЛАВА LIV

ПОСЛЕДНИЕ ПРИТЧИ И ПОСЛЕДНИЕ УГРОЗЫ

> И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики его, чтобы показать ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено. Когда же сидел он на горе Елеонской, то приступили к нему ученики наедине, и спросили: скажи нам, когда это будет, и какой признак твоего пришествия и кончины века? Иисус сказал им в ответ: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем моим, и будут говорить: «я Христос», и многих прельстят.
>
> *Матфей, гл. 24, ст. 1—5*



Будучи богом, мессир Христос тем не менее оставался и человеком; мы уже знаем, что в его распоряжении всегда были две сущности — на выбор. Ночь, проведенная под открытым небом, его весьма утомила. Кроме того, за весь предыдущий день, который начался вроде бы триумфом и завершился поспешным бегством, он нигде не удосужился даже закусить. Восторги толпы могут быть опьяняющими, но, они не слишком питательны; дрожь в поджилках перебивает аппетит, но, когда поджилки перестают трястись, голод становится еще ощутимее.

Ходячее Слово ощущало жестокие рези в пустом желудке. А кругом было чистое поле. Где тут разговеться?

— Петр! Иаков! Андрей! Иоанн! Варфоломей! — закричал проголодавшийся сын голубя.

Апостолы прибежали на его зов.

— Вы догадались захватить из Иерусалима чего-нибудь съестного?

— Конечно, господи.

— Замечательно. Давайте все сюда!

— Но, господи...

— Какие тут могут быть «но»?

— Но мы все уже съели вчера вечером.

Иисус не сдержал возгласа разочарования и досады.

— Тогда раздобудьте хоть что-нибудь!

— В чистом-то поле? Откуда же взять, господи?

— Ладно. Пойду сам на дорогу, авось отыщу хоть плод дикой смоковницы...

И он отправился на дорогу в сопровождении двух своих учеников.

Вдоль дороги раскинулись сады, среди которых укрывались виллы иерусалимских богатеев. Отдельные ветки деревьев свешивались через ограды и простирались над дорогой. Следует заметить, что по еврейскому обычаю любой путник имеет право утолить голод и жажду плодами с придорожных деревьев, если их ветви выступают над оградой.

Первое такое дерево, замеченное Иисусом, оказалось великолепной смоковницей. Голодный сын голубя устремился к нему чуть ли не рысью. Он раздвинул ветки, обшарил листву, но, поди ж ты, смокв там было не больше, чем на осине.

Ходячее Слово, как мы уже имели возможность убедиться, не отличалось покладистым характером. Не найдя на этой превосходной смоковнице ни одной смоквы, Иисус позеленел от злости. Изругав ни в чем не повинное дерево, он под конец проклял его по всем правилам искусства. Смоковница с перепугу тут же начала сохнуть.

Этот случай, между нами будь сказано, лишний раз подтверждает, что кротчайший сын голубя при случае изрыгал такие хулы, что ему позавидовал бы любой буйно помешанный. Кстати, дерево было вовсе не виновато, что на нем не оказалось плодов: просто для них еще не пришло время! Не следует забывать, что дело происходило в понедельник перед пасхой, а смоквы, как известно, не созревают ранней весной ни в одной стране. К тому же, если Иисус мог засушить дерево силой своего заклятья, почему бы ему вместо этого не воспользоваться своими сверхъестественными способностями по прямому назначению? Ведь было бы куда гуманнее заставить несчастную и совершенно невинную смоковницу украситься вмиг созревшими сочными плодами!

У Иисуса, видимо, не хватило времени над этим поразмыслить. Он проклял смоковницу, и смоковница увяла. Не угодила мне — так вот нá тебе, получай!

Стоит привести дословно эту историю, о которой нам повествует евангелист Марк:

«На другой день, когда они вышли из Вифании, он взалкал. И, увидев издалека смоковницу, покрытую листьями, пошел, не найдет ли чего на ней; но, придя к ней, ничего не

нашел, кроме листьев; ибо еще не время было *собирания* смокв.

И сказал ей Иисус: отныне да не вкушает никто от тебя плода вовек!» (Марк, гл. 11, ст. 12—14).

Его собрат Матфей, излагающий этот случай примерно так же, добавляет: «И смоковница тотчас засохла» (Матфей, гл. 21, ст. 19).

Настроение у Иисуса было такое, что он не мог удержаться, чтобы тут же не отправиться в Иерусалим и не учинить там скандал. И вот он явился в храм и повторил представление, уже отрепетированное три года назад: обозвал ворами торговцев голубями и агнцами, опрокинул лотки и столы менял.

Святая братия дошла к тому времени до последней крайности и готова была на все, лишь бы раздобыть хоть немного съестного и денег.

Затем Иисус исцелил оптом целую кучу хромых и слепых. «Слепых и хромых»,— сказано в евангелии. Ни один другой больной или увечный в тот день не получил облегчения. Заметим, что за время своего пребывания на земле Иисус не выпрямил ни одного горбатого. Может быть, они вызывали у него отвращение? Это никто не знает. Это святая тайна.

Один из отцов церкви, некий Езеб, утверждает, что в тот же день, так называемый святой понедельник, миропомазанный исцелил также одного прокаженного, и сделал это, как говорится, заочно, письмом. К одному из апостолов, Филиппу, пришли чужестранцы и сказали, что хотят видеть Иисуса. Филипп направил их к Андрею. Тот доложил Иисусу, который не стал держать своих посетителей в передней и сразу пригласил на аудиенцию.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Нас послал наш владыка Абгар V, царь Эдессы. Он предлагает вам убежище в своем царстве, если вы не уживетесь с властями вашей страны.

Иисус поблагодарил их за столь любезное предложение, но принять его отказался. В самом деле, ведь если бы он согласился, кто избавил бы от бремени греха род человеческий, посмевший слопать райское яблоко!

Тогда посланные сообщили, что их господин заболел проказой. Этот страшный недуг не щадил даже царей, но те по крайней мере пользовались какими-то преимуществами: прокаженных царей и тогда не сажали в карантин.

Иисус поспешил успокоить своих благородных просителей и уверил, что его величество исцелится в тот же день, когда получит его ответ.

Евангелист Иоанн упоминает об этом посещении знатных иноземцев, только он выдает их за греков, в то время как Езеб клянется всеми святыми, что это были посланцы царя Абгара V (о нем, к слову сказать, никто ничего не знает). Впрочем, это не имеет никакого значения.

Тот же Иоанн рассказывает, как вечером этого дня страх охватил господа бога нашего:

«Душа моя теперь возмутилась...— говорил он.— Отче! Избавь меня от часа сего! Но на сей час я и пришел...» (Иоанн, гл. 12, ст. 27).

Иначе говоря: «Папочка, а нельзя ли как-нибудь от этого отвертеться? Нельзя? Ну, что ж, пусть будет, что будет!»

Во вторник апостолы снова посудачили немного о проклятой Иисусом увядшей смоковнице.

— Смотри-ка,— заметил Петр,— и дня не прошло!

— Я ее видел сегодня утром,— отозвался Варфоломей.— Она была суха, как самое сухое полено.

Ходячее Слово вмешалось в разговор:

— Друзья! Если в вас есть вера, вы тоже совершите чудеса не хуже тех, которые видели. Главное — иметь веру. Пока вы не будете сомневаться, вы сможете не только засушивать смоковницы. Вы сможете даже сказать вот этой горе: «Сдвинься с места и упади в море!» — и гора тотчас обрушится в море.

Апостолы, которых восхитил фокус со смоковницей, были поражены, узнав, что и они смогут творить чудеса не хуже. С удивлением посмотрели они на Гору олив, и дух их смутился при мысли, что они смогут поколебать такую громадину. Попробуйте на секунду поставить себя на их место.

К полудню вся компания снова спустилась в Иерусалим. Их глава поразглагольствовал еще немного в храме, пытаясь, как обычно, дискредитировать фарисеев. Он сравнил их с людьми, которые на словах служат богу, а на самом деле повинуются только собственной прихоти.

Он рассказал притчу:

«У человека было два сына. Пришел он к первому и сказал:

— Ступай сегодня работать на виноградник.

Тот ответил:

— Что-то не хочется!

Но потом раскаялся и пошел.

С теми же словами отец обратился ко второму. Тот ответил:

— Сейчас, папочка!

Но преспокойно остался сидеть дома».

Боясь, однако, что фарисеи не поймут даже этот прямой намек, Иисус поспешил уточнить свою мысль:

«Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в царство божье!» (Матфей, гл. 21, ст. 31).

Поскольку и этого ему показалось недостаточно, он тут же придумал другую притчу, еще более оскорбительную. В ней он сравнил фарисеев с виноградарями, которые вместо того, чтобы честно ухаживать за виноградником хозяина, убили всех его слуг, а потом и хозяйского сына. Но придет хозяин виноградника и перебьет в свою очередь всех нерадивых виноградарей.

Наконец, он рассказал байку о некоем сварливом богаче. Сей господин женился. На свадьбу он пригласил множество гостей. В разгар пира жених вдруг заметил, что один из них не в парадной одежде. Что же сделал наш молодожен? Он призвал рабов, приказал схватить гостя, выказавшего к нему такое неуважение, связать его по рукам и ногам и ввергнуть в узилище, дабы тот вкусил во мраке кромешном плач и скрежет зубовный.

Обозленные всеми этими словесными шпильками в самые чувствительные места, фарисеи решили отомстить Иисусу и отправились к сторонникам Ирода. Те явились в храм, сделали вид, что поспорили между собой, а затем вдруг приступили к неутомимому болтуну и попросили его просветить их.

— Равви,— с преувеличенной кротостью обратились они к нему,— мы знаем, что вы сведущи во многих вещах, как никто. Будьте же столь добры, объясните нам: должны ли мы платить дань Цезарю или не должны?

Ловушка на сей раз была расставлена хитро. Осудить уплату дани означало подложить свинью Понтию Пилату, управлявшему Иудеей от имени римлян. Объявить дань законной означало польстить победителям, но оскорбить патриотические чувства иудеев.

Однако Иисус сразу же разгадал эту хитрость.

— Детки! — сказал он.— Чтобы меня подловить, надо быть поумнее. Принесите-ка мне монеты, которыми вы платите дань!

Кто-то протянул ему динарий.

— А ну, кто изображен на этой монете и чье здесь выбито имя? — спросил Иисус.

— Кесарь! Кесаря! — хором ответили ему.

— Так вот, воздавайте кесарю кесарево, а богу — богово.

Кто яму копал, тот в нее и упал! Ходячее Слово просто-напросто обошло вопрос. Ответ был уклончивее некуда, но в то же время это была фраза, да еще какая! Поэтому непросвещенная толпа, которая во все времена была и остается жертвой громких слов, встретила ответ Иисуса бурными аплодисментами, переходящими в овацию.

После сторонников Ирода к Иисусу подошли саддукеи — приверженцы влиятельной иудейской секты *. Они ему задали следующий вопрос:

— У некоего саддукея было шесть братьев. Этот человек женился и умер, оставив жену вдовой. Вдова вышла за одного из братьев покойного. Этот скончался в свою очередь. Вдова вышла за третьего брата, затем, по той же причине, за четвертого и так далее. В результате все братья отдали богу душу. Так вот, чьей же она будет считаться женой, когда в судный день все братья воскреснут?

Иисус ответил:

— Когда все мертвые воскреснут, у мужей не будет жен, а у жен — мужей, ибо все уподобятся ангелам на небесах. Следовательно, вы можете не беспокоиться, никаких осложнений не возникнет.

На помощь саддукеям пришел некий писец или книжник.

— Учитель,— сказал он,— раз уж вы взялись здесь разрешать богословские проблемы, разрешите спросить, какую из заповедей Моисеевых вы считаете самой важной?

— Первую заповедь,— ответил Иисус.— «И возлюби господа бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (Марк, гл. 12, ст. 30). Но есть и вторая заповедь, не менее важная, чем первая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Марк, гл. 12, ст. 31).

— Браво! — воскликнул книжник.— Замечательный ответ!

Видимо, этот книжник не стремился, подобно фарисеям, саддукеям и сторонникам Ирода, поставить ходячее Слово в затруднительное положение. Иисус к тому времени уже устал. Он был сыт всеми этими вопросами по горло.

Повернувшись к народу, он обрушился на врагов всей силой своего красноречия. Все ругательства, какие он только мог припомнить, посыпались на головы фарисеев. Он обли-

вал их помоями, смешивал с грязью, оплевывал и попирал ногами. Он обзывал их «лицемерами», «поедающими дома вдов», «доителями комаров», «пожирателями верблюдов», «гробами повапленными, полными костей и всяких нечистот», «змеями, порождениями ехидны», и т. д., а под конец возложил на них вину за всю пролитую на земле кровь невинных, начиная с Авеля Праведного и кончая Захарией, сыном Варахииным.

Назвать кого-либо убийцей Захарии считалось у иудеев самым страшным оскорблением. Это было хуже, чем, скажем, назвать Дон-Жуана евнухом. Израильтяне считали убийство Захарии самым тяжким преступлением, из-за которого разгневанный Яхве покарал Иерусалим. И несмотря на то что убийство Захарии произошло около ста лет назад, евреи бросали это чудовищное обвинение в лицо тем, кто был им ненавистен.

Захария был священником, приносившим жертвы. Его коллеги пристукнули Захарию при исполнении служебных обязанностей, когда он шел к алтарю. Так вот, кровь его продолжала кипеть на храмовых плитах, и ничто не могло ее смыть. Когда царь Навуходоносор пришел в храм, он увидел это кипение и весьма удивился. Желая умилостивить кровь праведника, царь решил отомстить за него: он повелел притащить на это же место всех раввинов и прирезать их. Но кровь продолжала кипеть. Царь приказал схватить детей, возвращавшихся из школы, и тоже принес их в жертву. Кровь кипела по-прежнему. Навуходоносор призвал юных жрецов и убил их. Кровь Захарии не успокаивалась. Около ста тысяч жертв так и не смогли умилостивить кровь этого праведника. Тогда Навуходоносор приблизился к месту убийства и воззвал:

— Захария! Захария! Ты уже уничтожил цвет своего народа. Неужто хочешь ты, чтобы я извел иудеев под корень?

Только после этих слов кровь перестала кипеть.

Такова легенда о Захарии. Как видите, обвинить кого-либо в его смерти было не шуткой. Поэтому фарисеи, не раз уже помышлявшие разделаться с Иисусом, решили теперь не откладывать этого дела в долгий ящик.

Пока они строили козни против ходячего Слова, оное в сопровождении апостолов прогуливалось по храму, наблюдая за реставрационными работами. На одной из террас стояли кружки для пожертвований. Мы знаем, что обычай этот сохранился до наших дней: во многих церквах стоят

кружки для пожертвований на часовню божьей матери, на панихиды за души неправедных, на поддержание храма, на содержание семинарии, на воспомоществование бедным, на обращение в Христову веру маленьких китайчат, на бог знает что — всех кружек и поводов не перечислишь. В Иерусалимском храме таких кружек было тринадцать, одна больше другой, с ненасытными зияющими глотками, куда верующие, кичась друг перед другом, швыряли большие серебряные монеты. Но вот подошла бедная женщина и стыдливо опустила в кружку два медяка стоимостью в кодрант, как говорит евангелие, то есть примерно в двадцать копеек.

— Вы видели эту бедную женщину? — спросил Иисус апостолов.

— Да, учитель.

— Так вот, она дала больше всех остальных богачей, ибо они отдают излишки своих богатств, а она — кто знает? — может быть, отдала последние гроши, в которых сама нуждалась.

Чтобы оставаться до конца логичным, он мог бы добавить, что даже богачи, отдающие свои излишки, были гораздо щедрее его самого, ибо ни он, ни его апостолы вообще ни разу не пожертвовали ни гроша.

Взобравшись на строительные леса, Иисус заявил, что храм не стоит достраивать, потому что в один прекрасный день от него не останется камня на камне. В данном случае он не соврал, ибо такова судьба всех памятников архитектуры: как бы прочно их ни строили, они не в силах противостоять разрушительной работе времени.

И наконец, уже под вечер, Иисус увел своих апостолов на гору Елеонскую, которую, видимо, принимал за ночлежку. Прежде чем лечь в постель, то бишь растянуться на травке, он рассказал на сон грядущий последний анекдот.

Жили-были однажды десять девственниц, которые должны были сопровождать на свадьбе свою подругу, выходившую замуж. Согласно обычаю, все десять пришли вечером в дом невесты. Но вот в чем дело: пять из этих девиц были мудрые, а пять неразумные. Опять же, согласно обычаю, каждая из них принесла с собой светильник, чтобы при свете его провести ночь. Однако пять неразумных девиц забыли налить в светильники масла. И случилось так, что жених загулял, справляя мальчишник, и явился только за полночь, когда все девицы уснули. Но вот раздался громкий крик: «Жених идет! Выходите навстречу ему!» Десять девственниц вскочили, как

одна, но у пятерых, у тех, у кого не хватало масла, светильники уже погасли.

— Подружки, милые,— обратились пять неразумных дев к пяти мудрым,— дайте нам капельку масла из ваших светильников.

— Ишь чего захотели! — ответили пять мудрых дев.— А вдруг нам самим не хватит! Бегите-ка лучше в лавку и купите!

Пять неразумных дев помчались к торговцу маслом. Но к несчастью для них, пока они бегали, жених, пять мудрых дев и невеста вошли в покои, свадьба началась и двери дома заперли, чтобы попировать вволю, не опасаясь незваных гостей. Через некоторое время кто-то постучался: это были пять неразумных дев, запасшихся маслом.

— Кто там? — спросил молодожен.

— Это мы, пять подружек вашей супруги,— ответили девы.— Вы пируете, мы тоже хотим быть с вами.

— А где ж вы раньше были, цыпочки? — возразил молодожен.— Сейчас уже поздно, и я вас знать не знаю.

И он не отпер им дверь.

Вся эта чепуха весьма позабавила апостолов.

Однако Иисус не хотел, чтобы они заснули с игривыми мыслями, а потому начал подробно рассказывать, как настанет конец света. Эта басня знакома всем.

Внезапно разверзнутся могилы, все скелеты обрастут плотью, разбросанные члены соединятся, и даже те, кто нашел последнее успокоение в желудках людоедов или хищных зверей, быстренько выберутся из своих живых склепов, так что все предстанут на свет божий в целости и сохранности. Миллиарды миллиардов человек, все, кто когда-либо жил на земле, соберутся в кучу-малу в узкой долине Иосафата. Тогда появится высший судия, взгромоздившийся на сияющее облако. Будет масса молний с громом, но без дождя. Ангелы задудят в трубы, шум поднимется адский! Это будет означать начало страшного суда: «Встать! Суд идет!» Суд будет состоять из одного господа бога, но поскольку он тройствен, то формальности будут соблюдены: в себе одном он воплотит и судью, и заседателей. Разбор дел не займет и секунды.

— Овцы направо! — крикнет судья.— Козлы налево!

Овцами окажутся все те, к кому благоволили священники, остальные будут козлами. Приговор тоже будет короток:

— Овечки благословенные,— скажет председатель суда,— отныне и во веки веков наследуйте царствие небесное со всеми его радостями. А вам, козлищам проклятым, столько же времени гореть в огне и никогда не свариться в собственном соку. Что же касается чертей, которые будут вас поджаривать, то они тоже будут гореть в том же пламени.

Относительно всего вышеизложенного можно найти сведения в первоисточниках. Въезд Христа в Иерусалим описан у Матфея (гл. 21, ст. 1—2), Марка (гл. 11, ст. 1—2), Луки (гл. 19, ст. 29—44, и гл. 21, ст. 37—38), Иоанна (гл. 11, ст. 55—56, и гл. 12, ст. 12—19); проклятие смоковницы — у Матфея (гл. 21, ст. 18—22), Марка (гл. 11, ст. 12—14, 20—26); скандал в храме — у Матфея (гл. 21, ст. 12—17), Марка (гл. 11, ст. 15—19), Луки (гл. 19, ст. 45—48); визит греков к Иисусу — у Иоанна (гл. 12, ст. 20—50); притча о двух сыновьях — у Матфея (гл. 21, ст. 28—32); притча о виноградарях-убийцах — у Матфея (гл. 21, ст. 33—46), Марка (гл. 12, ст. 1—12), Луки (гл. 20, ст. 9—19); о динарии кесаря — у Матфея (гл. 22, ст. 15—22), Марка (гл. 12, ст. 13—17), Луки (гл. 20, ст. 20—26); вопрос саддукеев — у Матфея (гл. 22, ст. 23—33), Марка (гл. 12, ст. 18—27), Луки (гл. 20, ст. 27—39); вопрос книжника — у Матфея (гл. 22, ст. 34—40), Марка (гл. 12, ст. 28—34), Луки (гл. 20, ст. 27—39); поношение фарисеев — у Матфея (гл. 22, ст. 1—36), Марка (гл. 12, ст. 38—40), Луки (гл. 20, ст. 45—47); лепта вдовицы — у Марка (гл. 12, ст. 41—44), Луки (гл. 21, ст. 1—4); разрушение храма — у Матфея (гл. 24, ст. 1—2), Марка (гл. 13, ст. 1—2), Луки (гл. 21, ст. 5—6); притча о девах мудрых и девах неразумных — у Матфея (гл. 25, ст. 1—13); страшный суд — у Матфея (гл. 25, ст. 31—46).

ГЛАВА LV

ЗА СЕМЬ С ПОЛТИНОЙ

Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам его? Они предложили ему тридцать серебренников.

И с того времени он искал удобного случая предать его.

Матфей, гл. 26, ст. 14—16



ерт бы его побрал! Провалиться ему на месте! Чтоб его приподняло да грохнуло! И во всех святых и родителей!.. Подобные восклицания слетали с уст князей церкви, фарисеев и сторонников Ирода, собравшихся во дворце Каиафы.

Дело было в среду, на следующий день после того, как кротчайший Иисус излил на них поток проклятий. Особенно ярились фарисеи: с «пожирателями верблюдов» они еще могли бы смириться, но переварить «гроба повапленные» было свыше их сил.

— Вот уже три года мы собираемся порознь,— проговорил один из них, костлявый тощий верзила,— и порознь обсуждаем, как нам избавиться от этого разнесчастного Иисуса. А результаты? Я спрашиваю: какой толк от всех наших разговоров, если Иисус до сих пор разгуливает на свободе?

Речь его была преисполнена горечи.

— Нам бы поменьше болтать и побольше действовать! — поддержал его старик с дребезжащим голосом.

— Правильно! Хорошо сказано! — хором подхватили остальные.

Каиафа, который по праву верховного первосвященника на тот год играл роль председателя, потребовал тишины.

— Господа,— сказал он, когда собрание успокоилось,— действия, разумеется, имеют свои преимущества, но они должны быть мудро обсуждены заранее. Все ранее принятые нами решения свидетельствуют о нашем неукротимом желании действовать, в то время как бесконечные отсрочки и проволочки в выполнении принятых решений не менее неопровержимо свидетельствуют о нашей терпимости, гуманности и милосердии. Мы доказали всему миру, что были и остаемся людьми великодушными, умеющими сочетать чувство долга с великим долготерпением. Но сегодня даже нашему терпе-

нию пришел конец. Непотребное словоблудие Иисуса перешло все границы! Поэтому предлагаю незамедлительно принять безотлагательное решение, которое на сей раз будет выполнено без всяких отсрочек и проволочек.

— Превосходно! Прекрасно! Наконец-то! — единодушно поддержало его собрание, за исключением Никодима: тот вообще предпочитал воздерживаться и не отступал от этого правила никогда.

— Кто еще просит слова? — спросил председательствующий Каиафа.

Поднялся какой-то фарисей.

— Говорите!

Прокашлявшись и высморкавшись, фарисей начал свою речь:

— Господа, совершенно очевидно, что мы имеем дело с весьма опасным бунтовщиком. Благодаря своим странным выходкам, он сумел сколотить целую шайку жуликов и простофиль: одних привлекла к нему их порочность, других — непроходимая глупость. Этот взвод пройдох сегодня представляет собой угрозу для общественного порядка и безопасности, но, разумеется, сделается вполне безобидным, если лишится своего вожака. Следовательно, все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы захватить смутьяна внезапно, не возбудив подозрений у остальных членов шайки. Когда же он окажется в наших руках, мы с ним живо расправимся, ибо нет такого порока, которому бы он не был подвержен, и нет такого проступка или преступления, предусмотренного нашим уголовным кодексом, которое этот олух не совершил.

— Правильно! Здорово излагает!

— Начиная со статьи, карающей гадалок и предсказателей будущего за злоупотребление общественным доверием, и кончая указом против вербовщиков рабочей силы, дающих ложные обязательства, он нарушил все наши законы. Составить обвинительное заключение будет легче легкого: запрещенные собрания, явное и тайное ношение оружия, уличные беспорядки, тайное общество, волнения, угрожающие общественной безопасности, бродяжничество, манифестации с лозунгами и символами, пропагандирующими неповиновение, нищенство, оскорбления действием, призывы к преступным актам, раздувание ненависти и междоусобной розни, агитация против законных властей, воровство, мошенничество, оскорбление служителей культа, высмеивание государствен-

ной религии, покушение на личную собственность, аморальное поведение, призывы к развалу семьи, попытка свержения существующего государственного строя, защита действий, квалифицируемых законом как преступления, покушение на свободу торговли, противодействие и сопротивление властям и так далее и тому подобное... Посему, господа, примем же единодушное решение: сразу после пасхи вышеупомянутый Иисус должен быть схвачен и осужден без промедления. Я кончил, господа. Благодарю за внимание.

Под гром аплодисментов взволнованной аудитории оратор сел, и Каиафа поблагодарил его от имени собрания.

— Вы сумели выразить наши общие чувства,— сказал он.— Примите мои самые искренние поздравления. Не думаю, чтобы кто-либо смог опровергнуть столь убедительные и логичные доводы, поэтому ставлю ваше предложение на голосование.

— Правильно! Голосовать! Голосовать!

— Итак, все, кто согласен с тем, чтобы вышеупомянутого Иисуса сразу же после пасхи арестовали и передали в руки компетентных следственных органов, должны опустить бюллетень со словом «за». Если же кто-нибудь — хотя я в такую возможность не верю — не усмотрит в действиях вышеупомянутого Иисуса никакого преступления, тот пусть напишет «против».

Члены счетной комиссии синедриона разнесли по рядам урны, и вскоре председательствующий Каиафа объявил результаты голосования.

Слушали: Предложение арестовать упомянутого Иисуса сразу же после пасхи

Присутствовало — 247 человек

Принимало участие в голосовании	— 247 человек
За предложение проголосовало	— 246 человек
Против	— 0 человек
Воздержался	— 1 человек

Постановили: Принять предложение единогласно

Воздержавшимся был, само собой разумеется, непоколебимый Никодим. Как бы там ни было, на сей раз переговоры принесли ощутимый результат: было принято недвусмысленно ясное решение. Выполнение его возложили на верховного первосвященника, и тот уже собирался объявить собрание закрытым, когда слова попросил капитан храмовой стражи. Он сказал, что у него сообщение чрезвычайной важности, и все снова уселись на свои места.

— Капитан,— спросил Каиафа,— имеет ли ваша новость отношение к уже не раз упомянутому Иисусу?

— Так точно, имеет!

— Дело в том, что сейчас мы, видите ли, интересуемся только действиями этого смутьяна. Но раз имеет, говорите.

— Господин председатель, вот уже сколько раз вы приказывали мне и моим бравым ребятам задержать названного Иисуса. Но известно ли вам, почему до сих пор мы не могли выполнить ваш приказ?

— Разумеется, известно. Вы отправлялись за ним с самыми лучшими намерениями, но каждый раз приходили в тот момент, когда он произносил свои речи, и вас очаровывала его болтовня — впрочем, как и многих моих непросвещенных соотечественников,— так что вы просто забывали предъявить ему мандат на арест. Но стоит ли вспоминать прошлое? Вы ведь уже обещали при первой же возможности действовать быстро и решительно...

— При первой-то при первой, господин председатель. Да только разрешите мне малость объясниться. Дело не только в том, что нас околдовывали его речи, как вы говорите...

— Очаровывали.

— Простите, не понял...

— Я сказал «очаровывали».

— Очаровывали или околдовывали — мне все едино. Так что, прошу прощения, дело не в этом, а в том, что каждый раз, отдавая приказы, вы настоятельно требовали избегать скандала, а поскольку лицо, подлежащее задержанию, каждый раз оказывалось окруженным довольно многочисленной толпой, следовало опасаться, что каким-нибудь непредвиденным способом оно сумеет ускользнуть, а потому...

— Ближе к делу!

— Вот я как раз и говорю, прошу прощения, господин председатель и высокое собрание, я и говорю: а потому сейчас момент самый что ни на есть подходящий, то есть благоприятный...

— Вы что, собираетесь арестовать Иисуса в разгар пасхальных празднеств?

— Так точно, господин председатель, то есть нет... Тут, видите ли, есть одна тонкость...

— Объяснитесь, да покороче!

— Так точно, господин председатель... Так вот, один из этой шайки...

— Какой шайки?

— Шайки названного Иисуса, черт возьми!

— Ну так что?

— Вот я и говорю, есть тут один такой, как бы вам сказать... ну, в общем он предлагает выдать преступное лицо завтра или послезавтра, как вам будет угодно, и в таком месте, где не будет толпы, то есть по месту жительства упомянутого лица... то есть не по месту жительства, потому что оное такового не имеет; я хотел сказать: вдали от всяких скандальных сборищ, на холме, где оное проживает... то есть не проживает, конечно, а... ну, в общем ясно, я знаю, что́ хочу сказать.

— Мы тоже поняли, что вы хотели сказать, капитан.

— Благодарю, господин председатель.

Каиафа обратился к собранию.

— Что вы об этом думаете? — спросил он.

— Если есть возможность арестовать Иисуса сейчас же и без особого шума, надо это сделать,— отозвался один из первосвященников.— Но сначала следовало бы выслушать этого члена шайки, который согласен выдать своего вожака правосудию.

— Я держусь того же мнения,— сказал Каиафа.

— Он уже здесь,— заметил капитан стражи.

— Введите его!

Человек вошел.

— Как тебя зовут?

— Иуда, ваша милость.

— Ты член общества этого Иисуса?

— Я один из двенадцати, кого он называет апостолами.

— Что тебя заставило покинуть своего главаря?

— Видите ли... я завербовался в его компанию, потому что всегда жаждал быть свободным, ни от кого не зависеть. Его речи мне понравились, он обещал нам беззаботную и счастливую жизнь... Позднее я заметил, что этот говорун — обыкновенный обманщик. Потом вот уже несколько раз он предлагал нам отведать его плоти и крови, а я человек брезгливый... Я давно уже понял, что́ этот парень замышляет! Он хочет, чтобы его провозгласили царем Израиля вместо нашего уважаемого монарха его величества Ирода... А я не желаю вмешиваться в политику. Подумать только: восстание! Нужно быть слепым и глухим, чтобы не понимать, чем все это кончится... Кроме того, он заставляет нас воровать... Вот совсем недавно, в прошлое воскресенье, мы из-за него впутались в настоящее жульничество...

— Жульничество?

— Ну да, он заставил нас украсть осла, чтобы въехать на нем в Иерусалим.

— Значит, это был краденый осел?

— А разве у него есть хоть что-нибудь свое? Осла мы увели из одной деревни... Так что, вы понимаете, с меня довольно всех этих фокусов, и я считаю своим долгом оказать услугу правительству. Я могу указать вам место, где он прячется, и даже могу провести туда взвод храмовой стражи, когда стемнеет или с утра пораньше, пока не рассвело. С этим делом нечего тянуть!

— Иуда, мы выносим тебе благодарность и принимаем твое предложение.

— Можете не сомневаться. Только желание исправить содеянную мной ошибку и помочь правосудию...

— Ясно, ясно! Сколько ты хочешь за беспокойство?

— О господа, как вы могли подумать?..

— Любая услуга заслуживает вознаграждения. Во сколько ты ценишь свою?

— Я полагал, что сорок шекелей...

— Стоп, не увлекайся! Средний раб стоит сейчас восемьдесят шекелей. Мне кажется, что такому преступнику, как Иисус, красная цена — четверть стоимости раба. Скажем: двадцать шекелей.

— Я не люблю торговаться, господа. Сойдемся на середине.

— То бишь тридцать шекелей?

— Вот именно.

— Пусть будет так, по рукам!

— Когда я смогу получить эту скромную сумму?

— Ступай к кассиру, он тебе отсчитает все сполна.

Спустя пять минут Иуда получил свои тридцать шекелей, или сребреников. Шекель стоил тогда один франк двадцать пять сантимов, что примерно соответствует нынешним двадцати пяти копейкам. Следовательно, господа бога нашего Иисуса современники оценили в семь с полтиной (смотри у Матфея, гл. 26, ст. 1—5, 14—16; Марка, гл. 14, ст. 1—2, 10—11; Луки, гл. 22, ст. 1—6).

ГЛАВА LVI

СЕМЕЙНЫЕ РАДОСТИ С МЫТЬЕМ НОГ

Иисус, зная, что отец все отдал в руки его, и что он от бога исшел и к богу отходит, встал с вечери, снял *с себя верхнюю* одежду и, взяв полотенце, препоясался.

Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан.

Иоанн, гл. 13, ст. 3—5

В четверг утром к Иисусу обратились Петр и Иоанн:

— Послушай-ка, хозяин,— сказали они,— пора бы позаботиться о пасхальном обеде. Где мы устроим нашу Валтасарову пирушку? *

— Проклятье, я и сам еще не знаю! Дайте поразмыслить...

— О Иерусалиме нечего и думать. Там нас встретят дрекольем, а тебе в городе вообще появляться опасно.

— Пустяки! — заявил Иисус, у которого был свой план.— Слушайте, что я вам скажу. Извольте спуститься в город. Когда придете в Иерусалим, внимательно наблюдайте за прохожими, пока не увидите человека, несущего сосуд с водой. Ступайте за этим человеком...

— А дальше?

— Вы войдете вслед за ним в дом...

— Понятно, а дальше?

— Вы спросите, кто хозяин дома, и скажите ему следующее: «Сударь, пробил час нашего великого равви, нашего учителя. Будьте добры указать нам помещение, где мы могли бы расположиться». Тогда он покажет вам зал, высокий и обширный, украшенный коврами и заранее прибранный. Там вы приготовите все, что нужно для пиршества.

Иоанн и Петр повиновались.

По дороге в Иерусалим они восхваляли Христа:

— Что ни говори, а второго такого, как наш шеф, не найти на всем свете!

— Что верно, то верно, он всегда что-нибудь придумает.

У городских ворот они заметили человека с кувшином на плече: он шел от водоема Силое.

— Вот тот, кто нам нужен! — решили апостолы.

Все произошло, как и предсказал Иисус. Апостолы этому

даже не удивились: они уже начали привыкать ко всяким чудесам, которые вначале приводили их в такой восторг.

Хозяин дома признался Иоанну и Петру, что он сам ярый поклонник Иисуса и что он будет весьма рад предоставить назарянину свой высокий зал.

До сих пор мусульмане, владеющие Иерусалимом, показывают паломникам-христианам какое-то место, где, как они утверждают, стоял некогда дом, в котором Иисус отобедал в последний раз. Паломники-христиане довольны. Они смотрят на это место, целуют землю и раздают деньги хитрецам мусульманам.

Хотя сегодня там не осталось ничего, кроме пустого места, к тому же весьма сомнительного, где якобы находился знаменитый пиршественный зал, богословы дают подробное описание этой комнаты. Это был якобы зал со сводчатым потолком и белыми стенами; в середине стоял низкий ярко расписанный стол, окруженный с трех сторон довольно широкими ложами для гостей; с четвертой же, свободной, стороны подходили слуги с блюдами и напитками. Стол был рассчитан на три персоны. Иисус в тот вечер явился в сопровождении дюжины своих учеников.

Богословы в равной степени осведомлены относительно того, в каком порядке разместилась святая компания за столом.

«Иисус,— говорит аббат Фуар,— занял место посередине, Иоанн возлег справа от него, и ему достаточно было откинуть голову, чтобы положить ее на грудь учителя. Петр находился рядом с возлюбленным наставником, а Иуда — возле Иисуса».

Итак, миропомазанный оказался между Иудой и малюткой Иоанном.

Бум! Бум! Бум! Бум! Бум!

На сей раз час действительно пробил. Иисус был в радостном расположении духа. Он прекрасно знал, что ему предстоит пройти через целую серию весьма неприятных испытаний, однако сейчас думал прежде всего о закусках.

— Я возжелал великим желанием вкусить от пасхальной трапезы вместе с вами,— сказал он,— прежде чем пострадать за вас.

Он весело поднял чашу, наполнил ее и, омочив вином губы, пустил чашу вкруговую.

Слуги принесли большой таз с водой для омовений. Иисус поднялся.

— Нет,— сказал он,— руки мыть не надо!

— Но ведь по обычаю все должны омыть руки,— возразил кто-то из апостолов.

— Ну и что с того? Я внесу в обычай поправку.

С этими словами он закатал рукава — а по словам некоторых богословов, даже снял тунику и обнажился до пояса,— взял полотенце и с тазом, полным воды, приблизился к Петру.

— Что такое? — удивился Петр.— Что тебе от меня нужно?

— Молчи! Сейчас я тебе помою ноги.

— Помоешь мне ноги?!

— Да. Разувайся.

Петр снял сандалии и выставил свои лапы, черные, как траурное извещение.

— Да, таких грязных копыт даже я не видел,— признался Иисус.— Тут придется поработать.

Смущенный Петр поджал ноги.

— Нет, господи,— пробормотал он.— Я не допущу, чтобы ты унизился до того, чтобы сдирать с меня грязь... Нет, нет, никогда!

— Ну ладно, довольно капризничать! Ты даже не понимаешь, что я хочу сделать, поэтому прошу: не мешай мне!

— Нет, нет и нет!

Тогда, чтобы сломить сопротивление Петра-Камня, Иисус сказал:

— Не хочешь? Тем хуже для тебя. Но предупреждаю: если не позволишь мне вымыть твои ноги, то после смерти ты не войдешь за мной в царство небесное.

— Черт побери! — воскликнул старина Петр.— В таком случае я согласен. Можешь вымыть мне не только ноги, но и руки, и голову, и...

Однако Иисус счел необходимым умерить чрезмерный пыл своего апостола.

— Омытому нужно только смыть пыль с ног,— заметил он,— ибо он и так весь чист.

Этот эпизод мытья ног описан в евангелии со всеми подробностями.

После того как сын голубя соскреб грязь с мозолей Петра, наступил черед остальных апостолов. Все без исключения подверглись этой гигиенической операции.

Нам, грешным, смешно об этом читать. У нас эта сценка с мытьем грязных ног вызывает лишь смех, а у более брезгливых — отвращение. Это, конечно, потому, что мы не верим

в сына голубя. Зато Боссюэ *, у которого веры хоть отбавляй, приходит от этого эпизода в экстаз:

«Заметьте,— пишет он в своих «Размышлениях над евангелием»,— заметьте, что Иисус все делал сам! Он сам снимает свои одежды, сам берет полотенце, сам наливает воды в таз — все это собственными руками, божественными руками, одного возложения, одного прикосновения которых было достаточно, чтобы исцелить больного или воскресить мертвого! И вот этими руками он наливает воду в таз, моет и вытирает ноги своих учеников».

Ибо это массовое мытье ног имеет, оказывается, особое значение, непостижимое для нас, дерзких скептиков, детей Сатаны. Омывая ноги апостолам, Христос, оказывается, смывал одновременно все их грехи.

Но в таком случае Христос смыл заодно и великий грех предательства, совершенного Иудой,— ведь он и ему сделал педикюр! Или к Искариоту это не относится?..

Закончив омовение нижних конечностей своих апостолов, Иисус снова возлег на ложе.

— Знаете ли вы, что я сейчас сделал? — обратился он к ученикам.

— Конечно, черт побери! Ты вымыл нам ноги.

— Минуточку! Дайте договорить... «Вы называете меня учителем и господом, и правильно говорите, ибо я точно то. Итак, если я, господь и учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что я сделал вам» (Иоанн, гл. 13, ст. 13—15).

(Обо всем этом смотри у Матфея, гл. 26, ст. 17—20; Марка, гл. 14, ст. 12—17; Луки, гл. 22, ст. 7—18, и того же Иоанна, гл. 13, ст. 1—20.)

— А теперь,— закончил Иисус,— предадимся, друзья мои, славному занятию, ради которого собрались,

И все дружно заработали челюстями.

ГЛАВА LVII

ХРИСТОВЫ ПЛОТЬ И КРОВЬ, ИЛИ НИ РЫБА НИ МЯСО

> Один же из учеников его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса.
>
> Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит.
>
> Он, припав к груди Иисуса, сказал ему: господи! кто это?
>
> Иисус отвечал: тот, кому я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту.
>
> *Иоанн, гл. 13, ст. 23—26*



Между двумя ломтями хлеба мессир Иисус задумался о том, что вот его сосед слева — Иуда явно собирается подставить ему ножку. Сын голубя решил дать ему понять, что не так уж он глуп и что если он позволит себя зацапать, то лишь по собственной доброй воле.

Тем временем за столом шла беседа о погоде, то есть ни о чем.

Иисус напомнил своим апостолам, что близятся великие события.

— Мы здесь обедаем и ни о чем не заботимся, не правда ли? — сказал он.— Так вот, прежде чем вы узрите рассвет, а я — полдень, совершится такое, чего никто еще не видел, вот увидите! Среди всей этой рухляди старых священных книг есть кое-какие пророчества, которые должны исполниться. Говорю вам: то, что должно совершиться, совершится без проволочек. «Едящий со мною хлеб поднимет на меня пяту свою». Говорю вам об этом теперь, чтобы, когда предсказанное сбудется, вы говорили друг другу: «Смотри-ка! Наш Иисус и впрямь не из тех, кто попадает пальцем в небо!»

С этими словами он искоса посмотрел на Иуду, однако тот сделал вид, что не понял намека.

— Истинно, истинно говорю вам,— продолжал Иисус,— один из вас предаст меня, тот, кто сегодня вкушает со мной.

Апостолы переглянулись в немалом изумлении.

— Ты, должно быть, смеешься, господи,— сказали они,— никто из нас тебя не предаст. Да ты просто шутишь!

— Простите, но мне не до шуток,— возразил миропомазанный.

— Так кто же это? Уж не я ли? Кто? — загомонили наперебой апостолы.

Иисус ответил:

— Это один из двенадцати. Он опускает руку в блюдо одновременно со мной. Он и предаст меня врагам моим.

Надо полагать, что в этот момент не только один Иуда совал свой кусок хлеба в подливу, ибо в таком случае все сразу догадались бы, что речь идет именно о нем, и ему наверняка пришлось бы в тот вечер туго.

Между тем Иисус продолжал свои разоблачения.

— А что вы хотите? — говорил он.— Это написано на небесах. План составлен заранее мною и моим богом-отцом. Я должен быть принесен в жертву и при этом должен пасть жертвой предательства. Иного выхода нет. Но горе тому, кто должен меня предать! Лучше бы тому человеку совсем не родиться!

Иуда, как можно себе представить, чувствовал себя не в своей тарелке. «Черт меня побери со всеми потрохами! — думал он.— Неужели он что-нибудь пронюхал?»

Чтобы выяснить, как ему себя вести, он наклонился к Иисусу и шепнул ему на ухо:

— Скажи, господи, не я ли тебя предам?

Иисус также шепотом ответил:

— Ты сказал, Иуда, это ты.

У предателя даже нос вытянулся. Он уже не сомневался, что сейчас его окончательно разоблачат и здорово попортят ему кровь. Однако, видя, что сын голубя хранит молчание и явно не собирается отдавать его на растерзание остальным членам шайки, Иуда приободрился. Про себя он наверняка подумал: «В самом деле, если уж он решил сделать так, чтобы я его выдал храмовой страже, значит, у него были на то свои соображения, а посему мне стесняться нечего. Кто знает, может быть, в глубине души он даже радуется такому исходу? Пути господни неисповедимы. В данном случае я не более чем орудие в руке божьей. Так что, пока не свершился замысел, предначертанный свыше, и пока я еще не сыграл свою роль, надо как следует выпить и закусить».

И с этими мыслями он хватил хороший глоток вина. Впрочем, Иуда не только пил, но и ел за троих, ни о чем не заботясь. Короче говоря, он один из всех апостолов воздал пасхальному столу заслуженную честь.

Когда пиршество подходило к концу, Иисус дотянулся до одного длинного хлебца на столе и отщипнул от него кусочек.

«Вот это да! — подумали апостолы.— Неужели он еще не наелся? Ну и аппетит!»

Все таращили на миропомазанного глаза.

Он же поднял отломанный кусочек хлеба и произнес:

— Я уже давно говорил вам, что мою кровь воистину можно уподобить питью, а плоть — мясу и что настанет день, когда вы будете пить кровь мою и вкушать от плоти моей. Так вот, сказываю вам, этот день пришел.

— Господи, помилуй! — хором возопили апостолы, впрочем, не очень-то веря в эти слова, потому что уже привыкли к шуткам своего руководителя.

— Вот-вот, я вполне серьезно имею честь сообщить вам: этот день пришел.

Апостолы были огорошены.

— Не волнуйтесь, однако,— продолжал Христос.— Я не буду заставлять вас пить из моих вен и закусывать бифштексом из моих... гм-гм... Видите этот кусочек хлеба?

— Видим!

— Так вот, этот хлеб — моя плоть. Конечно, с виду он непохож на мясо, но не следует доверяться обманчивой видимости. Этот кусок хлеба, который можно принять за обыкновенный хлеб, выпеченный в соседней булочной, в действительности моя плоть. Съешьте его, и вы вкусите от плоти моей. И не делайте большие глаза — я говорю совершенно серьезно!

Затем он повернулся к Иоанну и Петру:

— «Примите и ядите, ибо сие есть тело мое!» Жуйте и глотайте, да не по крошке, а все до конца!

И он заставил каждого съесть по куску хлеба.

Вот вам еще одна сцена, в которой мы, грешные, видим лишь странное извращение чувств и мысли. Святоши же, напротив, убеждены, что Иисус даже не думал насмехаться над своими апостолами.

Затем миропомазанный взял свою чашу и начал повторять над нею ту же галиматью:

— Пейте все, ибо сие есть кровь моя, хотя вам кажется, будто это вино. В действительности же это кровь моя, пролитая за вас. А потому не воротите носы, и пейте, пейте, друзья, мою кровь — она совсем неплоха на вкус!

Апостолы поуспокоились. Такой крови они могли бы вы-

пить не один литр. Поэтому долго уговаривать никого не пришлось.

Так был учрежден на века ритуал святого причастия. Именно на этот отрывок из евангелия ссылаются священники, чтобы иметь повод прихлебывать каждое утро в ожидании завтрака белое винцо и в то же время делать вид, будто совершают некое великое таинство, непостижимое для простых смертных.

Затем Иисус прибавил:

— Когда меня уже не будет среди вас и когда вы захотите вспомнить о своем дорогом учителе, сделайте так, как я вас научил, то есть выпейте и закусите, и это будет в память обо мне.

Следует полагать, что сын голубя не удержался от еще одного намека на предателя, находившегося в том же зале, ибо Петр захотел выяснить этот вопрос до конца. В ту минуту, свидетельствует евангелие, Иоанн, которого Иисус любил больше всех, вытянулся на своем ложе и положил голову на грудь учителя.

Петр подтолкнул Иоанна локтем и шепнул ему на ушко:

— Раз уж ты ходишь в любимчиках, спроси его: кто же из нас предатель?

Иоанн, прильнув к груди Иисуса, тихонько повторил вопрос.

— Меня предаст тот, кому я передам кусок хлеба, обмокнутый в блюдо,— ответил мессир Христос так, чтобы его мог слышать один Иоанн.

Иуда не подозревал даже, что на сей раз учитель столь недвусмысленно выдаст его одному из апостолов. Поэтому, когда Иисус протянул ему кусок хлеба, он спокойно принял угощение.

«Ах, каналья!» — должно быть, воскликнул в душе Иоанн.

Однако любимый ученик предпочел сохранить свое негодование про себя: в евангелии нигде не сказано, чтобы он хотя бы попытался разоблачить лицемерного коллегу.

Между тем время шло, ночная тьма сгущалась, было уже поздно. Иисус хотел покончить со всем этим поскорее:

— Послушай-ка! — обратился он к Иуде.— Раз уж у тебя есть дело, нечего тянуть. Ступай и делай!

— О чем ты, о господи? И ты говоришь мне такое!..

— Ладно, ступай, куда тебе надо, да поскорее!

Ученики услышали последние слова Иисуса, однако подумали, что тот поручил Иуде подкупить еще чего-нибудь

к празднеству: ведь именно Иуда распоряжался общей кассой всей компании.

Один Иоанн мог понять, что происходит на самом деле. Он видел, как Иуда, приняв из рук Христа хлеб, сразу же поднялся и вышел. Теперь его ничто не удерживало. Отбросив последние угрызения совести, он побежал в сторону храма.

После его ухода беседа за столом возобновилась.

Иисус обратился к апостолам с последними наставлениями. Он называл их своими детьми и говорил о месте, куда идет и куда никто не сможет за ним последовать.

Петр, не пропустивший за все время ни одного тоста, был уже, как говорится, тепленький.

— Что это за место, куда мы не сможем за тобой последовать? — вскричал он.— Нет такого места на земле!.. Вот я, например, клянусь, что не покину тебя ни за что! Куда ты пойдешь, туда пойду и я... Где ты будешь, там будет и Петр... С тобой на жизнь и на смерть!.. Тысяча чертей! Скажи только слово, и я умру за тебя!

Сын голубя пожал плечами.

— Помилуй бог, какой энтузиазм! — заметил он.— Хорошо, что я все знаю заранее... Если бы я рассчитывал только на тебя, милейший, моим врагам нечего было бы делать. Но я надеюсь лишь на себя самого... Я должен принести себя в жертву. И я к этому готов...

— Провалиться мне на месте! — продолжал орать Петр.— Что это еще за жертва, которую нельзя отменить?!. Клянусь, я пойду за тобой и в тюрьму, и на смерть!

— Довольно, Петр, хватит бахвалиться...

— Господи, не говори так!..

— Слушай лучше меня! Прежде чем петух пропоет, ты уже сегодня трижды отречешься от меня.

— Вот еще, выдумал! Да я...

— А я тебе говорю, Петр, что так оно и будет.

Не зная, что еще сказать, Петр понурил голову.

Но про себя решил доказать учителю, что тот здорово ошибается и явно его недооценивает.

Иисус снова обратился к апостолам с вопросом:

— Когда я послал вас в горы Галилейские без денег, без обуви и даже без сумы, вам чего-нибудь не хватало, если не считать этих мелочей?

— Нет, господи.

— Так вот сейчас тот, кто имеет суму или мешок, пусть возьмет его, а тот, кто ничего не имеет, продаст все, вплоть

до одежды, дабы купить себе меч, ибо скоро начнется такая свалка!.. И сбудется в тот день пророчество об Израиле.

— Какое пророчество?

— А такое, что мессия будет поставлен в один ряд с разбойниками.

— Не бойся! Мы тебя защитим! Видишь, у нас уже есть два меча!

— О, это даже больше, чем нужно,— промолвил Иисус и закончил: — Ну, поговорили и хватит. А теперь пойдем подышим свежим воздухом.

(Смотри евангелия от Матфея, гл. 26, ст. 21—29; Марка, гл. 14, ст. 18—25; Луки, гл. 22, ст. 19—23; Иоанна, гл, 13, ст. 23—38.)

ГЛАВА LVIII

ТО, ЧТО НАЛИТО, ДОЛЖНО БЫТЬ ВЫПИТО

> И сам отошел от них на вержение камня, и, преклонив колени, молился, говоря: отче! о, если бы ты благоволил пронести чашу сию мимо меня! впрочем не моя воля, но твоя да будет.
>
> Явился же ему ангел с небес, и укреплял его.
>
> *Лука, гл. 22, ст. 41—43*

А теперь пойдем подышим свежим воздухом,— сказал Иисус и направился к двери.

Ученики последовали за учителем. Ночь была великолепная. Миропомазанный повел всю компанию по дороге, ведущей к горе Елеонской.

На ходу он продолжал беседовать со своими апостолами. Он так долго рассказывал им о своем божественном папе, который на небеси, что Филипп, любопытный, как монастырская послушница, не вытерпел и спросил:

— А нельзя ли его увидеть, твоего батюшку, о коем ты столько говоришь?

— Посмотри на меня, Филипп,— ответил Иисус.

— Смотрю, господи. Ну и что?

— Что ты видишь?

— Как что? Тебя, конечно!

— Отлично сказано, друг мой. Так вот, узнай: кто меня видит, тот...

— Что «тот»?

— Тот одновременно видит и моего отца.

— Ну, раз ты это утверждаешь, я тебе верю.

Затем Иисус, составлявший одно целое со своим богом-отцом,— который, кстати, не был ему отцом, ибо настоящим его папой был голубь,— так вот, Иисус сравнил себя с истинной виноградной лозой. Евангелист Иоанн рассказывает об этой речи, ставшей последним публичным выступлением ходячего Слова.

— Я есть истинная виноградная лоза,— объявил потомок бывшего плотника.

После такого заявления можно подумать, будто остальные виноградные лозы вовсе не истинные; видите ли, есть лозы настоящие, а есть поддельные! Иисус, разумеется, причислил себя к категории неподдельных лоз.

— А если я истинная виноградная лоза,— утверждал он,— то отец мой виноградарь. Как истинная лоза, я, конечно, имею ветви и отростки[1]. Но не всякая ветвь приносит плоды. Так вот, мой отец отсечет все ветви, на которых не будет винограда. Для того чтобы быть ветвью плодоносящей, надо держаться поближе к лозе. Вы, друзья,— мои ветви, так держитесь же близ моей лозы. А кто не будет этого делать («не пребудет во мне»), тот «извергнется вон и засохнет; такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают», как старые бесплодные лозы.

Какая глубокая мысль, не правда ли? Какие великолепные слова в устах бога! Поистине, религия — чудесная вещь! Если кто-либо из моих читателей возжаждет насладиться этим образцом красноречия полностью, то может отыскать его в главах 12—16 Евангелия от Иоанна.

Закончил Иисус так:

— Еще многое имею сказать вам, да жаль времени мало и к тому же вы теперь не можете всего вместить.

Соображение вполне здравое!

В этот момент учитель с учениками дошли до нижнего моста через реку Кедрон, откуда начиналась дорога на Гефсиманию. Иисус обратился с еще одним призывом к своему отцу, пересек мост и очутился у подножья холма. До сих пор там существует жалкий садик с семью чахлыми оливами. Приезжающие в Иерусалим паломники-христиане убеждены, что эти семь деревьев сохранились со времен, когда евангелисты распяли доброго сына божьего. Именно это место и называется Гефсиманским садом или попросту Гефсиманией, что на древнееврейском языке означает «давильня для олив».

Иисус предложил своим ученикам присесть и отдохнуть.

— Кресел я вам предложить не могу,— извинился он,— так что посидите на земле и поболтайте. А я пока помолюсь, но для этого мне нужно остаться одному. Через пару минут я буду к вашим услугам.

Затем, подумав, добавил:

— Впрочем, вот что: вас здесь одиннадцать, на три четверти больше, чем надо. Оставайтесь ввосьмером, а троих — Иоанна, Петра и Иакова — я возьму с собой за компанию.

Упомянутые апостолы вышли из рядов и последовали за Иисусом.

---

[1] Уж не отсюда ли пошло выражение «мои отпрыски»?

В это мгновение — здесь все евангелисты, как ни странно, полностью единодушны — ощутил Иисус скорбь, подобную предсмертным мукам.

Он сказал, обращаясь к Иоанну, Петру и Иакову:

— Не знаю, что со мной, но мне явно не по себе...

— Может быть, ты съел лишнего? — предположил Петр.

— Да нет же, я догадываюсь...

— Так что же с тобой, господи?

— А то, что на сей раз мой час и в самом деле пробил... О дьявольщина! Удовольствие ниже среднего...

— Учитель, может быть, мы тебе подсобим?

— Нет, друзья. Сказываю вам: отец мой пошлет одного из своих ангелов и тот поднесет мне чашу с довольно-таки горьким питьем. Вы бы могли, конечно, отхлебнуть из этой чаши по глотку, но об этом нечего и думать! Сия чаша скорбей предназначена мне одному...

Произнося эти слова, он был грустен, как побитая дворняга.

Евангелие утверждает, что ученики никогда еще не видели его таким расстроенным: «...и начал ужасаться и тосковать» (Марк, гл. 14, ст. 33).

Описание это можно было бы заменить более лаконичным: «У него тряслись все поджилки».

Иисус обратился к своим спутникам.

— Побудьте здесь и бодрствуйте, и молитесь — пробормотал он.

Затем, отошел от них на расстояние броска камня («на вержение камня...» Лука, гл. 22, ст. 41), преклонил колени, простерся ниц и молился.

— Отче! Отче! — восклицал он, обращаясь к папаше Саваофу.— Боюсь, что, согласившись на мучения здесь, на земле, я переоценил свои силы. Я хотел было претерпеть все муки, даже какие-нибудь пытки, приправленные парой тумаков, но теперь, когда я знаю, что меня ждет, я от души жалею, что покинул небеса, и вовсе не хочу воплощаться в моего приятеля — святого духа!

Тут с небес слетел ангел с бокалом, наполненным горечью. Иисус в отчаянии испустил тяжкий вздох.

— Послушай,— сказал ему ангел,— ты же сам этого хотел. Никто тебя не заставлял влезать в человечью шкуру, чтобы испытывать все те неприятности, с которыми ты уже познакомился. А теперь все предстоящие тебе страдания уже записаны в книге судеб. Так что делать нечего.

— Отче, отче мой, ну если я был дураком, так это все-таки не причина, чтобы карать меня без всякой жалости!.. Отче, отче мой, заклинаю тебя, избавь меня от моих обязательств!

И он решительно отстранил чашу, которую протягивал ему ангел. Однако небесный посланец настаивал:

— Относительно твоих страстей, то бишь страданий, ты подписал контракт. Срок исполнения договора истек. Свое слово надо держать, Иисус,— ведь ты подписался под документом! Если ты не претерпишь всех обусловленных мучений, контракт будет расторгнут и тебя объявят банкротом.

— Увы! — стонал богочеловек.— Тогда я буду опозорен... Лучше уж выпить эту чашу, как бы она ни была горька... О папа, папочка, да будет воля твоя, а не моя!

Ангел поднес ему бокал, и Христос отхлебнул глоток горечи.

— Бр-р-р! Ну и гадость!

И он вскочил на ноги, скорчив ужасную гримасу.

«Иисус вернулся к ученикам своим, ища в них утешение и облегчение от страданий, но почувствовал себя еще более покинутым и одиноким»,— замечает благочестивый комментатор.

Петр, хвативший в ту ночь лишнего, храпел, как взвод пруссаков. Иаков, бахвалившийся своим мужеством, и любимый ученик Христа Иоанн вторили ему не менее звонким храпом с посвистом и переливами. Слушать это трио в другом месте и в другое время было бы даже приятно и поучительно, однако Иисус обозлился.

«Вот свиньи! — подумал он.— Я их просил не оставлять меня одного, молиться со мной и бодрствовать, а они... Только что проявляли такую преданность, такое рвение, но стоило мне отвернуться, как сразу же захрапели во все завертки. А еще бахвалились своей стойкостью и мужеством... Какая самонадеянность! Разве же это люди? Паршивые сурки — вот кто они такие!»

Иисус принялся без церемоний расталкивать Петра.

— Эй, Симон-Петр, ты спишь?

Петр приподнялся, продирая глаза:

— Что такое? Кто это? Что нужно?

— Это я, твой учитель и бог... Я, Иисус!

— Да, да, знаю... Что тебе надо? Чем могу служить?

— Ничем. Я только хотел убедиться, не спишь ли ты, бодрствуешь ли и молишься, как я тебя просил...

— Конечно, господи... Я бодрствую... и молюсь. Я думаю о тебе.

— Молчал бы уж лучше! Ты так храпел, что заглушил бы и гром небесный, если бы сейчас началась гроза!

— Честное слово, господи... Я только-только задремал.

— Расскажи это кому-нибудь другому!

— Клянусь тебе, учитель...

— Не клянись: этим ты усугубляешь свой грех. А твои коллеги?.. Тоже дрыхнут без просыпу! Хорошенькие у меня ученики!

Иисус разбудил Иакова с Иоанном и устроил обоим головомойку:

— Сказываю вам: бодрствуйте и молитесь! Я непременно должен знать, что вы со мной. Бодрствуйте, дабы не впасть в искушение.

На это Петр мог бы ему возразить: «Как раз во сне мы меньше всего рискуем искуситься!»

Но он ничего не ответил.

— Дух силен, а плоть слаба,— заключил Иисус и вернулся на прежнее место.

Очевидно, он еще не до конца осушил пресловутую чашу горечи.

Очутившись перед этой неаппетитной чашей, богочеловек снова принялся за свои ужимки и причитания:

— Господи, боже мой, какая страшная канитель!.. О-ля-ля, если бы я знал, что меня ожидает, когда проникал в непорочное лоно своей девственной мамы, я бы ни за что не совершил такой глупости! А главное, я уже сейчас предвижу: люди и не подумают поблагодарить меня за то, что я приношу себя в жертву... Отче, отче мой, убери от меня это омерзительное питье!..

Но ангел не уходил и продолжал протягивать ему роковую чашу.

— Пей, Иисус, пей! — уговаривал он миропомазанного.— То, что налито, должно быть выпито. Тебе все равно не отвертеться, так что лучше покончить с этим поскорее. Ведь умирают всего один раз!

— Знаю, слышал я эти басни, ангельский друг мой, но расскажи их кому-нибудь еще. Ты так говоришь, чтобы позолотить мне пилюлю, а сам не веришь ни одному своему слову.

И он задрожал всем телом. Однако вскоре Иисус немного оправился и заголосил с новым рвением:

— Отче мой, отче! Если не может чаша сия миновать меня, чтобы мне не пить её, да будет воля твоя!

Единым духом опрокинул он злосчастный сосуд себе в глотку, так что на дне остался лишь горький осадок.

Когда Иисус вернулся к своим ученикам, он нашёл их опять спящими, как и в первый раз. Пришлось снова их расталкивать и стыдить за недостойное поведение. «И они не знали, что ему отвечать»,— замечает евангелист Марк.

Иисус удалился в третий раз. Ангел поджидал его, настаивая, чтобы сын голубя вылизал даже гущу, все до последней капли. Право, это было уже слишком! Заодно ангел рассказал Иисусу, какие неприятности ожидают его в ближайшем будущем, и тот заявил, что вынести все эти страдания свыше его сил. Затем он закатил форменную истерику, точь-в-точь как красотка со слишком слабыми нервами, и добрых четверть часа колотился о землю, подпрыгивая, как лещ на сковородке.

— Нет, нет, это уже слишком, отче мой! — вопил он, дергаясь в конвульсиях.

«И был пот его, как капли крови, падающие на землю»,— уверяет евангелист Лука (гл. 22, ст. 44).

Однако ангел был неумолим.

— Долизывай все! — заорал он и заставил Иисуса проглотить горчайший осадок до последней капли.

Только тогда папаша Саваоф сжалился наконец над своим, так сказать, сыном. Когда чаша опустела, он ниспослал ангелу хорошую мысль.

Иисус в этот момент пребывал в полнейшей прострации. Ангел наклонился над ним и шепнул ему на ушко:

— Не будь дурачком и не порти себе нервы из-за какой-то дюжины оплеух! Если бы ты был простым смертным, тогда, конечно, тебе пришлось бы совсем не сладко, но ведь ты бог! Ты что, забыл об этом? Следовательно, ты будешь страдать ровно столько, сколько сам пожелаешь. А если тебя это устраивает, можешь вообще не страдать и только делать вид, будто принимаешь муки за род человеческий... Понял?

Иисус тотчас воспрянул духом и вскочил на ноги. Он поблагодарил ангела, вовремя напомнившего ему о его всемогуществе, и, сделав горделивый жест, изрек:

— Ныне я чувствую в себе силы перенести любые мучения!

В третий раз вернулся он к своим ученикам, в третий раз нашел их храпящими пуще прежнего и в третий раз с трудом разбудил.

— Вы неисправимы,— заявил сын голубя.— Вставайте, чтоб вам было пусто! «Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий меня».

(Смотри об этом у Матфея, гл. 26, ст. 36—46; Марка, гл. 14, ст. 32—42; Луки, гл. 22, ст. 40—46; Иоанна, гл. 15, ст. 1—27; гл. 16, ст. 1—33; гл. 17, ст. 1—26.)

ГЛАВА LIX

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ДРАКА

И один из них ударил раба первосвященникова, и отсек ему правое ухо.

Тогда Иисус сказал: оставьте, довольно. И, коснувшись уха его, исцелил его.

Первосвященникам же и начальникам храма и старейшинам, собравшимся против него, сказал Иисус: как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять меня.

Лука, гл. 22, ст. 50—52

Вернемся, с вашего позволения, к неверному апостолу Иуде.

Иисус, как известно, довольно определенно выразил свое согласие, чтобы Иуда передал его в руки первосвященников. Поэтому Иуда отправился на поиски храмовой стражи.

Увидев запыхавшегося апостола, капитан священной милиции встрепенулся.

— Уже? — спросил он.— Значит, берем его сегодня?

— Нельзя терять ни минуты! — ответил Иуда.— Сейчас Иисус только что отужинал и направляется к горе Елеонской, она же Гора олив: эта маленькая прогулка необходима для его пищеварения. Если вы соизволите последовать за мной, мы его зацапаем без труда. Второй такой возможности не представится!

— Сейчас подниму взвод по боевой тревоге.

Собрав стражу, капитан скомандовал:

— Вз-во-о-од, правое плечо впере-е-ед, шагом... арш!

Вслед за стражей увязалось несколько ответственных чиновников синедриона и слуг первосвященников. Так вся процессия добралась до ограды Гефсиманского сада. Тут капитан стражи забеспокоился:

— Погоди-ка! А как мы узнаем мессира Иисуса в толпе прочих оборванцев?

— Не извольте беспокоиться,— ответил Иуда.— Это я беру на себя. Кого я поцелую, тот и есть наш человек.

— Понятно.

Было еще темновато. Солдаты зажгли факелы и фонари. Простодушные апостолы, разбуженные этой иллюминацией, наивно удивлялись:

— Смотри! Это еще что за факельное шествие? Должно быть, где-то неподалеку свадьба и они хотят почествовать новобрачную!

Они даже не подозревали, что роль новобрачной в ту ночь предстояло играть сыну голубя.

Что касается Иисуса, то он не строил никаких иллюзий. Он знал. И спокойно ждал, чтобы стража вошла в сад.

Иуда тем временем решил предупредить солдат стражи относительно сверхъестественных способностей лица, подлежащего задержанию. Как это ни покажется странным моим читателям, но факт остается фактом. Евангелие утверждает, будто Иуда, обратившись к капитану стражи, сказал:

— Будьте осторожны! Он может совершать всякие чудеса, так что хватайте его быстрее, пока он не опомнился. Когда вы его схватите, он уже ничего вам не сделает, тогда все его божественные качества ему не помогут. Но действовать надо быстро. Главное — навалиться на него и схватить, как только я его укажу.

Однако осуществить свой план он не успел.

Едва солдаты ворвались в сад, Иисус вышел к ним навстречу и спросил:

— Кого вы ищете?

Иуда понял, что все его расчеты рухнули, и словно проглотил язык. Но капитан стражи, которому нечего было скрывать, ответил:

— Нам нужен Иисус из Назарета.

Миропомазанный сделал шаг вперед и просто сказал:

— Это я.

Слова его произвели потрясающий эффект. Произнося их, Иисус дохнул, и весь взвод стражи повалился наземь, словно карточный домик. Получилась всеобщая куча-мала. Несчастные солдаты думали, что их поразила молния. Лежа на земле, они с опаской щупали свои руки и ноги и перешептывались:

— Вот это да! Рука вроде уцелела... А нога?

— А моя рука? Ага, вот она!..

— Я уже думал, что умер...

Подобные сетования слышались со всех сторон. Иисус улыбался. Он только хотел продемонстрировать свою чудодейственную силу, и это ему вполне удалось. Ему важно было подчеркнуть, что если он и попадет в руки врагов своих, то лишь по собственной доброй воле. Когда желаемый резуль-

тат был достигнут, сын голубя приготовился играть свою роль дальше.

— Так скажите наконец, кто вам нужен? — снова спросил он.

— Нам нужен Иисус из Назарета,— снова ответил капитан стражи.

— Так я ведь уже сказал вам, что Иисус из Назарета — я!

На сей раз никто не полетел вверх тормашками. И никаких сомнений у стражи уже не оставалось. Так что Иуде совсем незачем было целовать своего учителя, который уже дважды представился полиции сам.

Тем не менее храмовая солдатня пребывала в великом смущении. Правонарушитель, который одним дуновением может опрокинуть на землю целый взвод, явно казался им слишком опасным.

— Раз вам нужен именно я,— продолжал Иисус,— позвольте моим приятелям удалиться.

Стража охотно пошла ему навстречу. И тогда Иуда, обещавший поцеловать Иисуса и стремившийся выполнить взятое на себя обязательство, приблизился к сыну голубя, хотя в подобных нежностях теперь уже не было ни малейшей нужды.

— Учитель! — воскликнул он.

— А, это ты?

— Да, учитель, я хочу с тобой проститься.

И вместо того, чтобы просто пожать Иисусу руку, Иуда его обнял и поцеловал. Надо сказать, что этот поцелуй Иуды был все равно что горчица после обеда — вещь абсолютно лишняя. Однако Иисус его вытерпел и только сказал предателю:

— Друг мой, между нами говоря, я прекрасно знаю, что́ означают твои объятья. Видишь ли, меня не так-то легко провести. Мне известно, зачем ты сюда явился, и я могу тебе только посочувствовать. Предать поцелуем сына человеческого, это, знаешь ли, просто неприлично!

Тем временем солдаты заметили, что Иуда, несмотря на все свое нахальство, не был опрокинут ни до, ни после предательского поцелуя. Поэтому они не без оснований рассудили, что бояться больше нечего, и дружно устремились к богочеловеку, по видимости утратившему свое всемогущество.

Мы уже знаем, что у апостолов на одиннадцать человек было два меча. Один из этих мечей принадлежал Петру.

И вот один из бывших с Иисусом, обладатель второго меча, спросил:

— Может, умрем героями?

Иисус не успел ответить, как Симон-Петр уже пустил свое оружие в ход. Он ринулся на одного из рабов первосвященников, который стоял поблизости, и своим секачом для рубки капусты отхватил его правое ухо напрочь.

Евангелие сохранило имя невинной жертвы: слугу, лишившегося уха, звали Молх.

Это отчаянное сопротивление с кровопролитием могло привести к непредвиденным осложнениям. Разъяренные солдаты в отместку за своего изувеченного приятеля несомненно бросились бы на апостолов и в три минуты приготовили бы из них рубленый бифштекс, если бы Иисус не вмешался. И вовремя! Всего несколько минут назад от чрезмерного страха у него был нервный припадок, но сейчас к нему вернулось все его былое хладнокровие, и он сумел успокоить остальных.

Подойдя к Молху, Иисус подобрал с земли отрубленное ухо, поплевал на него и приложил к голове несчастного раба. И — о чудо! — ухо тотчас приросло, и с того дня держалось на своем месте крепче прежнего.

Если верить евангелию, Молх отплатил чудотворцу черной неблагодарностью и не сказал Христу даже «спасибо». Между тем Иисус, повернувшись к Петру, отечески пожурил своего ученика:

— Что это такое! Ты оказываешь сопротивление властям? Я этого не потерплю!.. Какое тебе дело до всего, что здесь происходит? А ну-ка, живо вложи саблю в ножны! Ибо взявшие меч от меча и погибнут.

Петру это замечание показалось явно неуместным. Он проявил свою преданность и рвение. Он подал апостолам пример мужества. И вот в награду ему приходится выслушивать кисло-сладкие нотации. Тут бы любой смешался. Ничего не понимая, Петр вложил меч в ножны. Раз учитель велел, пусть будет так, однако про себя он подумал:

«Вот и ратуй за эту скотину! Если меня еще раз попросят за него вступиться, я за себя не поручусь. Ну и влип же я!.. Ко всем чертям, пусть теперь выпутывается сам, как знает!»

Если Петр не произнес эти слова во весь голос, то наверняка пробормотал их сквозь зубы, ибо Иисус, чтобы положить конец его воркотне, сказал:

— Я сам напросился на все эти неприятности, понятно? Неужели ты думаешь, что я не мог бы их избежать, если бы захотел? Или думаешь, что я не могу теперь умолить отца моего, и он не представит мне более двенадцати легионов ангелов, дабы меня защитить? Но все дело в том, что, если я уничтожу солдат — а мне это раз плюнуть,— как же сбудутся писания? Нет, этого я не сделаю, ибо надо, чтобы пророчества исполнились.

На сей раз Петр решил, что больше не проронит ни звука и не шевельнет даже пальцем, что бы ни случилось.

Солдаты тоже сообразили, что, судя по странным речам странного правонарушителя, им ничто не грозит и его вполне можно хватать, не опасаясь последствий. Поэтому они окружили Иисуса и крепко связали ему руки веревками.

В толкотне и суматохе перед сыном голубя вдруг предстала кучка старых знакомых из синедриона. Иисус их узнал и обратился к ним.

— Что я вижу! — закричал он.— Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями, чтобы взять меня! А между тем каждый день бывал я с вами в храме и учил, и вы не брали меня. Так вот, сказываю вам то, что уже сказал Петру: «Да сбудутся писания!» Ибо, если бы я захотел и не дал сбыться тому, что сбылось, все эти писания и пророчества можно было бы выбросить свиньям на подстилку!

Вполне естественно, что завсегдатаи храма, заслышав такие слова, оскорбились и подняли страшный крик, понося и пороча Иисуса. Перед лицом столь единодушной вспышки гнева апостолы струхнули.

— Пора нам проявить себя,— робко сказал кто-то из них.

— Да, сейчас самое время...

— В таком случае бежим!

И они ринулись наутек с поистине редкостным единодушием. Иисуса же увела стража.

Только один юноша, как свидетельствует евангелист Марк, впрочем не называющий даже его имени, следовал за учителем на почтительном расстоянии. Это был подросток, проживавший в долине Кедрона. Разбуженный посреди ночи громким шумом и криками, он сразу сообразил, в чем дело, и выскочил из дому, едва успев накинуть, как сказано в евангелии, «покрывало» — видимо, тунику. Заметив его, воины стражи заподозрили неладное.

— Что это еще за парень? — зароптали они.— Уж не собирается ли он освободить задержанного? Тут дело явно не-

чисто. Захватим-ка его заодно с этим назарянином,— так-то оно будет спокойней!

Солдаты попытались было схватить юношу, но он вывернулся как уж и, оставив покрывало в их руках, умчался в чем мать родила.

(Смотри евангелия от Матфея, гл. 26, ст. 47—56; Марка, гл. 14, ст. 43—52; Луки, гл. 22, ст. 47—53; Иоанна, гл. 18, ст. 2—11.)

ГЛАВА LX

ПРИГОТОВИМСЯ ВОСПЛАКАТЬ И ВОЗРЫДАТЬ

Люди, державшие Иисуса, ругались над ним и били его; и, закрыв его, ударяли его по лицу, и спрашивали его: прореки, кто ударил тебя? И много иных хулений произносили против него.

Лука, гл. 22, ст. 63—65

Когда мама Ева вместе с папой Адамом, своим благоверным, грызли в земном раю яблоко, они и не подозревали, к каким последствиям приведет этот маленький пикник на лоне природы. Точно так же, когда малютка Мария вместе с духом святым вкушали от яблока несколько иного сорта, они и предположить не могли, что плод галантного флирта, выношенный в благословенном чреве, впоследствии будет обречен на целый ряд пренеприятнейших переживаний.

Поэтому, сударыни, никогда не ешьте яблок, ибо неизвестно, к чему это приведет.

Не будь Евы, не было бы проблемы первородного греха. С другой стороны, если бы дочь Иоахима не побаловалась с голубем, не было ни Иисуса, ни страстей господних.

Но какой толк сожалеть о том, что уже совершилось? В наказание за нарушение правил внутреннего распорядка земного рая — нарушение, за которое, кстати, род человеческий, как известно, уже понес суровую кару,— сын господа бога нашего должен был претерпеть всевозможные мучения, им же самим определенные и расписанные заранее. Так что доставайте чистые носовые платки. Ибо теперь, друзья мои, надо приготовиться к рыданиям и плачу.

Тщательно связанного Иисуса отвели сперва к Анне, который был тестем Каиафы.

Говоря «отвели», я выражаюсь не совсем точно. Согласно евангелию, всемогущего господа нашего, творца небес и тверди земной, волокли до самого дома вышеупомянутого Анны, подбадривая пинками и подзатыльниками. Но чем сильнее ярились грубые солдафоны, тем больше радовался всемогущий творец и ликовал в сердце своем.

«Вот повезло так повезло! — говорил он себе.— Солдатики работают что надо! Трах!!! — кулаком в спину...

Бум!!! — сапогом чуть пониже... Правильно! Справедливая кара за съеденное яблоко... И если папа Саваоф все еще не доволен, ему сам черт не угодит!»

Анна учинил Иисусу допрос относительно доктрин, которые тот проповедовал.

Иисус, стремившийся пострадать как можно больше, отвечал ему довольно дерзко:

— То, что я говорил, я должен был сказать. Что спрашиваешь меня? Спроси слышавших, что я им говорил: они все знают.

И он указал на собравшуюся вокруг толпу.

Тогда один из присутствующих, оскорбленный тем, что его пытаются впутать в какую-то темную историю, закатил Иисусу полновесную пощечину по божественной ланите, сказав:

— Так-то ты отвечаешь первосвященнику?

Этот довод отрезвил миропомазанного, и он сразу стал кроток, как агнец.

— Если я сказал худо,— забормотал он,— покажи, что худо. А если хорошо, за что ты бьешь меня?

Следует напомнить — и больше не забывать,— что Христос имел две сущности: божественную и человеческую. Именно потому на протяжении всех страстей господних мы видим, как он то смеется над своими врагами, будучи богом, которому наплевать на всякие страдания, то корчится от боли и по-человечески мечтает лишь о том, чтобы это дурацкое представление как можно скорее окончилось.

Определить, в какой момент действовала божественная сущность Христа, а в какой человеческая,— важнейшая богословская проблема. Тайна двух сущностей чрезвычайно запутанна и сложна.

Между нами говоря,— надеюсь, с вами я могу поделиться, друзья читатели? — будь я одним из тех ловкачей, которые придумали христианскую религию, я бы не стал в нее вводить шутовскую догму о двуединой сущности. Я бы просто сказал, что с того момента, когда голубь затолкал в лоно девы Марии своего коллегу по божественной троице, последний утратил божественность, дабы вновь обрести ее лишь после смерти. Я бы представил господина Иисуса во всех его земных перипетиях обыкновенным простым человеком; он бы не совершал у меня никаких чудес, и каждый раз, когда по ходу действия необходимо было божественное вмешательство, эту роль с успехом играл бы у меня сам папа Саваоф,

доказывая маловерам, что они с Иисусом действуют заодно. Мой Иисус, если бы я его придумал, вновь превратился бы в божество, лишь испустив последний вздох как человек.

Ну рассудите сами, можно ли принимать всерьез муки страстей господних, когда даже священники твердят, что сын голубя был одновременно человеком и богом и мог по желанию либо претерпевать страдания, либо ничего не чувствовать?

Честно говоря, нужно обладать изрядной долей глупости, чтобы умиляться переживаниями какого-то непонятного существа со столь избирательной чувствительностью.

Анна так ничего и не добился от нашего не то бога, не то человека, перетянутого веревками, как сырокопченая колбаса, и отправил его в таком же виде к своему зятю Каиафе.

Каиафа, предупрежденный капитаном храмовой стражи, успел к тому времени созвать синедрион, игравший в Иудее роль верховного суда. Это собрание состояло из семидесяти одного члена в дни полного кворума, но достаточно было и двадцати трех присутствующих, чтобы решения духовного трибунала обретали силу закона.

Старейшина синедриона, или нази, во время разбирательств различных дел восседал на особом возвышении; в случае отсутствия, его заменял верховный первосвященник, избранный на текущий год. Вокруг него на подушках, положенных прямо на землю, полукругом располагались остальные члены суда. По краям этого полукруга сидели два секретаря; в обязанность одного входило записывать обвинения, а другого — собирать все, что можно было сказать в пользу обвиняемого. Справа от нази помещалась еще одна важная шишка — саган, или отец судилища, который следил за ходом дискуссий, а возле него — мудрецы, постоянные советники суда. Младшие офицеры стражи с веревками и ремнями в руках охраняли обвиняемого, готовые в любую минуту скрутить его, если он вздумает сопротивляться. Как видите, все происходило по твердо установленным правилам, без всякого произвола.

Именно таким, если верить евангелию, был духовный суд, перед которым предстал Иисус.

Надо сказать, что в данном случае кое-кому из судейских совершенно нечего было делать: речь идет о секретаре, обязанном записывать благоприятные для обвиняемого показа-

ния. Посудите сами: апостолы удрали все, как один, а больше там не было ни одного свидетеля, который мог бы выступить в защиту господа нашего.

Писец начал вызывать свидетелей обвинения. Их набралась целая куча. Читатели этой книги, написанной строго по материалам евангелия, уже знают, что Иисус вел жизнь далеко не безупречную, поэтому представленные суду сведения о поступках обвиняемого наверняка произвели на судей самое неблагоприятное впечатление. Что же касается его возмутительного фанфаронства, то тут доказательств было хоть отбавляй. В частности, два свидетеля напомнили Иисусу, как он неоднократно бахвалился в храме: могу, мол, разрушить храм божий и в три дня создать его вновь без посторонней помощи!

Помните эту историю? Мессир Христос, когда чувствовал поддержку толпы, частенько похвалялся, будто обладает сверхъестественным могуществом и может выкидывать самые невероятные трюки.

Свидетели объяснили суду, что именно благодаря таким похвальбам Иисус вводил в соблазн толпы наивных глупцов, готовых верить на слово даже самым отъявленным шарлатанам. Свидетелей привели к присяге.

— Знайте,— сказал им Каиафа,— если вы солгали, кровь невинного падет на вас и потомство ваше.

Это была традиционная формулировка. После такого торжественного предупреждения свидетели повторили свои показания.

Весьма забавно — я надеюсь, читатели это оценят,— что все четверо евангелистов называют лжесвидетелями этих людей, которые в конечном счете просто-напросто повторили то, о чем несколько раньше рассказали сами же евангелисты!

Иисус на это обвинение ничего не ответил.

Каиафа встал и обратился к задержанному.

— Ты слышал показания? — спросил он.— Правда ли, что, злоупотребляя доверием темных людей, ты старался ввести их в соблазн, хвалился, будто обладаешь сверхъестественным могуществом, и обещал в три дня вновь воздвигнуть храм божий, если он разрушится? Правда ли, что ты это говорил?

Иисус по-прежнему хранил молчание.

— Что же ты ничего не отвечаешь? — продолжал первосвященник.— Ведь если ты это говорил, значит, ты похва-

лялся всемогуществом. Для того чтобы совершить подобное чудо, надо быть самим богом или по крайней мере сыном божьим... Поэтому заклинаю тебя богом живым, скажи нам: ты в самом деле сын божий?

— Он самый! — ответил наконец миропомазанный.

Слова его вызвали бурю возмущения. Верховный первосвященник и весь синедрион были оскорблены. И их нетрудно понять! Никто из присутствующих не знал истории с голубем, и все считали, что отцом Иисуса был плотник Иосиф. Правда, Иосиф при жизни пользовался репутацией рогоносца, однако никому не приходило в голову, что рога ему наставила птица из породы голубиных. Если бы Иисус объяснился, судьи хотя бы знали, с кем имеют дело. Однако он предпочел умолчать о том, что крошку Марию оплодотворил, оставив девственницей, некий голубь, такой же бог, как Саваоф, и что он, Иисус, является таким образом сыном божьим. Ничего этого он не сказал и продолжал стоять на своем, чем, естественно, довел присутствующих до белого каления.

Что касается Каиафы, то он был вне себя от ярости.

— Вы слышали, как он богохульствует? — вопил первосвященник. — Нет, вы все слышали? Поистине, это чудовищно! Горе нам!

И тогда в благочестивом гневе Каиафа разодрал одежды свои. Находившимся в зале женщинам пришлось стыдливо отвернуться, чтобы не видеть довольно упитанных ляжек святого отца, выставленных на всеобщее обозрение.

Справившись с приступом ярости, Каиафа кое-как прикрылся лохмотьями, оставшимися от его одеяния. В душе он уже сожалел, что не сдержался вовремя, — от столь бурных проявлений чувств польза только портным.

— Полагаю, — сказал он, обращаясь к синедриону, — все ясно. На что нам еще свидетели? Теперь вы слышали богохульства его. Что скажете, коллеги?

Все дружно закричали в ответ:

— Смерть ему!

Кара, надо прямо сказать, слишком суровая за столь незначительные проступки. По моему скромному мнению, слова Иисуса, даже если допустить, что они являлись богохульством, не требовали высшей меры наказания. На месте Каиафы я бы приговорил Христа к принудительному лечению холодным душем, дабы малость остудить его, и надеюсь, читатели со мной согласятся.

Как видите, люди свободомыслящие куда милосерднее верующих! Иудейские святоши полагали, что еретик безусловно заслуживает виселицы, а когда власть перешла в руки христианнейших отцов церкви, они за те же проступки начали сжигать своих противников живьем.

Так что не христианам упрекать в жестокости иудеев, хотя они и приговорили к смерти обыкновенного хвастуна, не представлявшего, по-моему, никакой опасности для окружающих.

Выяснив, таким образом, общественное мнение, Каиафа прервал заседание и, оставив упрямого плотника под охраной солдат, поспешил к себе, дабы жена заштопала ему тунику и штаны.

Тем временем народ возмущался поведением Христа, и, если бы не стража, от сына голубя остались бы только пух и перья.

Что касается самих стражников, то они видели во всей этой истории скорее комичную сторону: как известно, солдатня всегда отличалась веселым нравом, как в древности, так и теперь.

Они посадили Иисуса на скамью и затеяли милую игру, которую можно сравнить разве что с современной игрой в «жучка», когда надо угадывать, кто тебя стукнул по выставленной назад ладони. Сыну голубя завязали глаза, и начались всяческие забавные дурачества, во время которых солдаты вели себя как выгнанные за неуплату жильцы, которым наконец попалась в руки их ведьма-консьержка.

Один из солдат щипал господа бога нашего за ягодицу, а остальные кричали:

— Эй, всезнайка! Пророк! Ясновидящий! А ну, скажи, кто тебя ущипнул?

Другие награждали его полновесными подзатыльниками, звонкими щелчками, солидными тумаками, а некоторые даже «ударяли его по ланитам». Самые грубые плевали ему в лицо.

Иисус, разумеется, мог прекратить эти игры после первого же щипка или пощечины. Для этого ему достаточно было сразу ответить:

— Меня ущипнул Иаков Трухелюбабель, капрал храмовой стражи; место рождения — Сихем, время — третий день шестых календ сорок один год тому назад!

Совершенно очевидно, что, если бы он так ответил, солдаты не только оставили бы его в покое, но немедленно при-

знали и провозгласили божеством. Из обвиняемого он не сходя с места превратился бы в победителя.

Однако Иисус этого не захотел.

Напротив, он, видимо, испытывал истинную радость, получая затрещины и тумаки. Про себя он наверняка говорил:

«Вот, что называется, привалило счастье! Щипки, тумаки, щелчки, оплеухи — как из рога изобилия! Теперь Адам и Ева должны наконец переварить это яблоко, которое застряло у них в желудках... Если бы я назвал по именам всех этих вояк, они бы сразу же прекратили свои грубые забавы... Но ведь тогда первородный грех остался бы неискупленным!..».

(Смотри евангелия от Матфея, гл. 26, ст. 57—68; Марка, гл. 14, ст. 53, 55—64; Луки, гл. 22, ст. 54, 63—65; Иоанна, гл. 18, ст. 12—14, 19—24.)

ГЛАВА LXI,

В КОТОРОЙ ПЕТР ВЫКАЗЫВАЕТ СЕБЯ ОТМЕННЫМ ТРУСОМ

Вскоре потом другой, увидев его, сказал: и ты из них. Но Петр сказал этому человеку: нет!

Прошло с час времени, еще некто настоятельно говорил: точно и этот был с ним, ибо он галилеянин.

Но Петр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда еще говорил он, запел петух.

Тогда господь, обратившись, взглянул на Петра; и Петр вспомнил слово господа, как он сказал ему: «прежде нежели пропоет петух, отречешься от меня трижды».

И, выйдя вон, горько заплакал.

Лука, гл. 22, ст. 58—62

В то время, когда всемогущий создатель небес и тверди земной терпел грубые шуточки храмовых вояк, апостол Петр делал все возможное, дабы оправдать предсказания своего учителя.

Сбежав было из Гефсиманского сада, он устыдился своей позорной трусости и вернулся.

«Куда, черт возьми, повели моего учителя?» — спрашивал он себя.

Затем, поразмыслив — кое-какие шарики у него в голове все-таки вертелись,— он решил, что Иисуса следует искать во дворце первосвященников. Придя к такому заключению, апостол отправился во дворец.

Когда он пришел туда, у входа стояла толпа любопытных и проникнуть в зал заседаний было невозможно. Петру пришлось удовлетвориться скромным местом в уголке двора.

Хотя время года было самое благодатное — если помните, апостолы спали прямо на голой земле,— по словам евангелия, вдруг стало холодно. Слуги, солдаты и рабы, толпившиеся во дворе, разожгли большой костер из колючего кустарника, и все приблизились к огню, чтобы погреться. Каждый развлекался, как мог: одни судачили о событиях ночи, другие рассказывали анекдоты.

Петр держал язык за зубами и только слушал: он хотел знать, чем все это кончится.

Вдруг одна из служанок Каиафы хлопнула по рукам воина, который слишком уж настойчиво жал ей колено, и, уставившись на ярко освещенное костром лицо апостола, сказала:

— Послушай-ка, а я тебя знаю!

— Вы это мне, сударыня? — отозвался испуганный Симон-Петр.

— Конечно, тебе! Где-то я тебя видела?..

— Меня?

— Ну да.

— Где же это?

— Вспомнила! Ты был с Иисусом из Назарета.

Петр пожал плечами.

— Вы сами не знаете, что говорите,— ответил он.

— Я-то не знаю? Не строй из себя невинного младенца!

— Да я этого человека в глаза не видел!

И чтобы доказать, что ему все нипочем, апостол беззаботно приблизился к огню.

Служанка не настаивала, однако тут же поделилась своими подозрениями с подружками.

— В самом деле,— заметила одна из них,— я прекрасно помню этого старого хрыча! У него такая рожа, что не скоро забудешь!

И в свою очередь приблизилась к Петру, чтобы разглядеть его получше. Апостолу все эти разглядывания начинали уже действовать на нервы. Он досадливо поморщился.

— Ну а этой... что от меня нужно? — проговорил Петр сквозь зубы.

— Ладно, ладно, без ругани! — осадила его служанка.— Здесь и не таких видали! А тебя мы знаем как облупленного. Так что можешь не отпираться. Ты один из тех, кто был с Иисусом из Назарета,— скажи, что нет!

Симон-Петр начал уже терять терпение.

— Послушайте! — сказал он.— Давайте говорить серьезно. Я вам официально заявляю, что вы ошибаетесь. А если это шутка, то шутка дурного тона. Разыгрывайте кого-нибудь другого, а меня оставьте в покое.

— Посмотрите на него! — не унималась служанка.— Молчал бы уж лучше или рассказывал свои басни старым девам. А мы не первый раз замужем, знаете ли, и нас не аист при-

нес. Тебя видели вместе с твоим хозяином-богохульником, и, что бы ты ни говорил теперь, никто тебе не поверит.

— В бога, в душу, в печенку и селезенку! — взорвался Петр, стукнув кулаком по ближайшему столу.— Когда бабе что-нибудь втемяшится, у ней хоть кол на голове теши! Говорю вам, что ничего не знаю, значит, не знаю, черт вас всех побери!

Один из солдат, слушавший этот спор, спросил:

— В самом деле, ты не из этой братии? Серьезно?

— Конечно, серьезно.

— Ну тогда ладно.

На сей раз Петра оставили в покое, и около часу он мирно грелся у костра.

На свою беду, вообразив себя в полной безопасности, апостол вскоре вмешался в общий разговор и начал отпускать разные заумные словечки. Так он болтал до тех пор, пока другой солдат не воскликнул:

— Тысяча чертей! Ну конечно, он из шайки этого Иисуса! И не втирай нам очки, старина, твой акцент тебя выдал: ты родом из Галилеи.

— Погоди-ка! — проговорил один из рабов первосвященника.— Ну конечно, ты один из подручных этого плотника из Назарета! Я даже помню, что видел тебя вместе с ним в саду этой ночью, отлично помню!

Петр чувствовал себя словно на горящих углях. Раб, который его уличил, как на грех был родственником того самого Молха, которому апостол отхватил ухо.

Тогда он решил сыграть ва-банк.

Со всем жаром принялся он уверять собравшихся, что явился жертвой какого-то рокового стечения обстоятельств и не понимает даже, о чем идет речь. При этом он божился и клялся, как только мог.

И тогда в соседнем курятнике закукарекал петух[1]. По странному совпадению, Иисуса, вдоволь вкусившего солдатского юмора, именно в этот момент вели через двор, чтобы снова доставить к Каиафе. Проходя мимо Петра, учитель остановил на нем многозначительный взгляд. Взгляд этот говорил:

---

[1] Анекдот с петухом остается весьма сомнительным для всех, кто хорошо знаком с историей и обычаями Иудеи. В самом деле, существовал строжайший запрет содержать и кормить петухов в стенах Иерусалима, и правило это благоговейно соблюдалось всеми.

«Ну что, Петр, теперь ты убедился, что я слов на ветер не бросаю? Я тебе предсказал, что ты отречешься от меня трижды, прежде чем пропоет петух. Слышишь? Петух пропел!»

Симон-Петр понял.

В отчаянии, ни о чем более не заботясь, выскочил он со двора на улицу и разразился таким потоком слез, что они переполнили придорожную канаву.

(Смотри евангелия от Матфея, гл. 26, ст. 58—75; Марка, гл. 14, ст. 54—72; Луки, гл. 22, ст. 54—62; Иоанна, гл. 18, ст. 15—27.)

ГЛАВА LXII

ЧЕМ КОНЧИЛ МОШЕННИК ИУДА

Тогда Иуда, предавший его, увидев, что он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребренников первосвященникам и старейшинам, говоря: согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребренники в храме, он вышел; пошел и удавился.

Матфей, гл. 27, ст. 3—5



Аврора уже высунула из-за горизонта кончик своего розового носика, когда Иисус вновь предстал перед синедрионом.
Каиафа и его коллеги — за исключением Никодима, продолжавшего хранить гробовое молчание,— спешили отделаться от беспокойного назарянина.

Пока ему дома зашивали тунику, разодранную сверху донизу, верховный первосвященник сообразил одну вещь, которую чуть было не упустил из виду: дело в том, что после победы римлян иудейская юстиция утратила право выносить смертные приговоры — это стало исключительной привилегией наместников кесаря.

Надо сказать, что Каиафа был рьяным патриотом: будь Иисус просто отъявленным проходимцем, это бы еще полбеды, но Каиафа считал, что он весьма и весьма опасен для всех его сограждан.

Подобно маньяку, Иисус всюду твердил, что он царь иудейский. Это могло рано или поздно привлечь на его сторону толпу зевак и вызвать беспорядки, которыми римляне не преминули бы воспользоваться как предлогом, чтобы учинить новое избиение евреев и обложить побежденных новой данью.

«Надо немедленно осудить задержанного,— рассуждал Каиафа сам с собой.— Он бесчисленное количество раз нарушал наши законы и заслуживает тяжкой кары. Таким осуждением мы покажем римским властям, что не хотим иметь с этим бездельником и его шайкой ничего общего. А потом можно будет отослать его к Понтию Пилату — губернатор живо сведет с ним счеты!»

Итак, второй допрос Иисуса стал пустой формальностью, не представляющей никакого интереса.

Его спросили, действительно ли он считает себя Христом, то есть мессией, или спасителем, который призван освободить евреев.

— Если ты Христос, скажи нам! — потребовал Каиафа.

У Иисуса в этот миг отказала божественная сущность и функционировала только человеческая слабость, он не ответил ни «да», ни «нет», надеясь таким образом смягчить свою участь.

— Ну да, — пробормотал он, — если я скажу, что я Христос, вы мне все равно не поверите, а начни я в свою очередь задавать вам вопросы, вы мне не ответите и меня не отпустите. Лучше уж я помолчу.

— Поскольку обвиняемый упорствует и отвечает двусмысленно, пусть отведут его к Понтию Пилату! — приказал Каиафа.

Капитан стражи передал приказ своим подчиненным, те поспешили его исполнить.

Что же происходило в это время с Иудой?

После того как солдаты покинули Гефсиманский сад, Иуда, чуть поотстав, последовал за ними и так дошел до дворца первосвященников. Пока суд да дело, он внимательно следил за событиями. И наконец — как говорится, нашел время и место — он почувствовал угрызения совести.

Тридцать монет на сумму в тридцать пять франков пятьдесят сантимов вдруг показались ему такими тяжелыми, словно были вычеканены из свинца.

Он вдруг решил, что непостоянство, бесчестность и прочие пороки Иисуса все равно не оправдают предательства, совершенного им, Иудой. Предательство всегда отвратительно.

Не медля ни минуты, Иуда взял деньги, из которых не истратил ни гроша, и явился к первосвященникам и старейшинам.

— Что тебе еще нужно? — спросили его. — Ты считаешь, что тебе мало заплатили?

— Да нет же, нет! Напротив, я хочу вернуть вам ваши тридцать сребреников. Мне они не нужны.

— Вот так номер! Все это очень странно. Два дня назад торговался, как на базаре, из-за каждого динария, а теперь и тридцать шекелей ему не нужны! В чем дело?

— Возьмите себе ваши деньги! — воскликнул Иуда. — Они жгут мне руки. В конечном счете Иисус не так уж виноват, как я думал раньше. Я предал невинного. Я осел и подо-

нок — вот кто я такой! Забирайте обратно ваше проклятое серебро.

Первосвященники и старейшины переглянулись.

— Помилуй, милейший, — сказал один из них, — позданенько же ты спохватился! Иисус сам себя осудил и подписал себе приговор. Он богохульствует не переставая... Деньги ты заработал честно, поэтому можешь спокойно оставить их себе.

— Да нет же, говорю вам, я не хочу!..

— А кроме того, это запутает нашу отчетность. Мы искренне сожалеем, что не можем тебя выручить из затруднения, но это уж так... Устраивайся теперь сам как знаешь.

Иуда плюнул, бросил злосчастные сребреники, повернулся и выбежал из храма.

Он дошел до слияния Кедрона с потоком Хинном и повесился там на дереве, стоявшем на поле некоего горшечника. В Деяниях святых апостолов, дополняющих евангелие, говорится, что веревка при этом оборвалась. Оборвалась так оборвалась — это мы охотно допускаем.

Похоже, в те времена земельные участки в Иерусалиме почти ничего не стоили, потому что на следующий день священники, узнав о самоубийстве Иуды, купили землю горшечника за те же самые тридцать пять франков пятьдесят сантимов и похоронили на этом месте того, кто предал Христа.

Великие светочи христианства по-разному освещают обстоятельства смерти Иуды.

Этот вопрос так и остался невыясненным до конца. Евангелист Матфей говорит, что Иуда «пошел, и удавился»[1]. Лука в своем евангелии не говорит об этом ничего, зато в Деяниях апостолов рассказывает, будто предатель повесился, но веревка при этом оборвалась[2]. Евангелист Марк хранит относительно последних дней Иуды полное молчание. И наконец, Иоанн, не обмолвившийся об этом в своем евангелии ни словом, потом вдруг рассказал своему верному ученику Папиасу, что нехороший апостол все-таки повесился, что веревка действительно оборвалась и что недоповешенный счастливо жил потом долгие годы.

---

[1] Матфей, гл. 27, ст. 3—10.

[2] Деяния апостолов, гл. 1, ст. 18—19.

Поди теперь разберись в этой куче древних противоречий!

Что касается меня, то вряд ли необходимо излагать здесь мое мнение: читатель уже с ним знаком. Я уверен, что Иисуса вообще никогда не было, точно так же, как Иуды, Матфея, Марка, Луки и Иоанна, и что все эти евангелия написаны в лучшем случае не раньше конца II века нашей эры, именно в ту эпоху, когда и была изобретена христианская религия, подарившая человечеству таких агнцев божьих, как Александр VI Борджиа и Мастаи, Пий IX *.

ГЛАВА LXIII

ОТ ПИЛАТА К ИРОДУ И ОБРАТНО

Пилат спросил его: ты царь иудейский? Он же сказал ему в ответ: ты говоришь.

И первосвященники обвиняли его во многом.

Пилат же опять спросил его: ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против тебя обвинений.

Но Иисус и на это ничего не отвечал, так что Пилат дивился.

Марк, гл. 15, ст. 2—5



-Стража, слушай мою команду! — затянул капитан.— Направление — на дворец правителя. Вперед, шагом... арш!

И вот Иисус в сопровождении солдат замаршировал к претории[1] римского правителя Понтия Пилата. Священники остались в храме, где уже начинались утренние жертвоприношения, остальные же поспешили за солдатами, образовав довольно многочисленную процессию. Пока она двигалась через город, в нее вливались любопытные прохожие и зеваки, и вскоре она достигла внушительных размеров.

К тому времени горожане проснулись и уже собирались приняться за повседневные дела, но не тут-то было!

Огородники, торгующие морковкой и цветной капустой, продавщицы корма для птиц, трубочисты, зеленщики, направлявшиеся к рынку с овощами и фруктами, молочницы с их бидонами, бакалейщики, уже открывшие свои лавочки,— короче, весь Иерусалим побросал свои занятия и устремился за осужденным ко дворцу правителя, ибо всем хотелось поглазеть на даровое зрелище.

Иисуса ввели в преторию. На какое-то время его оставили там одного, однако стража охраняла все входы и выходы. Пилат вышел к обвиняемому. Крепко связанный, сын голубя имел такой жалкий вид и настолько не походил на опасного преступника, что Пилат проникся к нему сочувствием. Он уже слышал о пророчествах этого темного простолюдина и о его призывах к восстанию против римлян, однако, пока никакого восстания не предвиделось, предпочитал не заносить карающую десницу.

[1] Претория — судилище, место суда.

Итак, Пилат посмотрел на бывшего плотника, вышел к иудеям и спросил:

— В чем вы обвиняете этого человека, приведенного в мою преторию?

В ответ посыпались обвинения, как из дырявого мешка:

— Он бунтовщик!

— Греховодник!

— Он восставал против наших законов, карающих прелюбодеек!

— Он нарушал закон субботы, запрещающий трудиться в день праздника саббат!

— Он путался с гулящими девками!

— Он подстрекал народ против правительства!

— Это бродяга!

— Мародер!

— Он украл осла!

И так далее и тому подобное.

— Все это понятно,— ответил Пилат,— но мне-то какое дело до вашего пленника? Берите его и наказывайте по своим законам.

— Видите ли,— возразил ему один из мудрецов синагоги,—ряд совершенных им преступлений у нас карается по закону смертной казнью. А вы сами знаете, что после того, как наша страна вошла в состав Римской империи, мы потеряли право выносить смертные приговоры без предварительного согласования с представителями цезаря.

— Это весьма опасный смутьян! — добавил другой, видимо сборщик местных налогов.— Неоднократно призывал он народ не платить налоги, говоря, что он царь иудейский. Кроме того, он уверял, будто он Христос, то есть спаситель, или мессия, призванный освободить Иудею. А это еще хуже!

— Хорошо,— согласился Пилат.— Но сначала я хочу его допросить.

Правитель вернулся к Иисусу.

— Послушай, ты в самом деле считаешь себя царем иудейским? — спросил он.

Иисус ответил:

— Вы спрашиваете об этом по собственному желанию? Или по наущению врагов моих, которые обвиняют меня, будто бы я считаю себя царем иудейским?

У него снова работала только человеческая сущность, а потому Христос просто увильнул от ответа.

Пилат поморщился.

— До твоих врагов мне нет никакого дела. Я римлянин, а не еврей. В ваши иудейские раздоры я не вмешиваюсь. Твой народ и твои жрецы привели тебя ко мне. Объясни, что ты сделал?

Однако Иисус воздержался от ответа.

— Скажи хотя бы, что представляет собой твое царство, на которое ты, говорят, претендуешь?

— Мое царство не здесь. Если бы это царство было на земле, мои приверженцы сражались бы за меня и не дали бы мне попасть в руки врагов моих.

— Значит, ты царь без царства?

— Повторяю: мое царство не от мира сего.

— Где бы оно ни было, ты все-таки считаешь себя монархом, не так ли? Значит, ты царь?

— Вот именно, вы сказали.

«Похоже, бедняга просто слабоумный»,— подумал Пилат. Он снова вышел к первосвященникам и народу.

— По-моему,— сказал он,— ваш пленник не заслуживает виселицы.

В ответ вся толпа дружно завопила:

— Нет, нет! Заслуживает! Смерть ему!

И снова на помазанную миром голову посыпались самые страшные обвинения.

Тогда правитель приказал привести Иисуса и обратился к нему:

— Слышишь, сколько свидетельствуют против тебя?

Бывший плотник хранил молчание. Ему снова предъявили обвинение в подстрекательстве к мятежу, и Пилат спросил:

— Где же он вел мятежные речи?

— Повсюду! — ответили ему.— От Галилеи до Иерусалима!

Слово «Галилея» подсказало правителю выход из положения: он вовсе не собирался брать на себя ответственность за это запутанное дело.

— Послушай-ка, Иисус,— обрадованно сказал он,— а ты случайно не галилеянин?

— Конечно, галилеянин!

— В таком случае, господа,— проговорил Пилат, обращаясь к первосвященникам и народу,— это дело не входит в мою компетенцию. Оно касается только Ирода. Так что берите вашего обвиняемого, и пусть его вешает Ирод, если хочет. Я здесь ни при чем.

И вот Иисуса повели к тетрарху. Ирод уже был наслышан о Христе. Как сообщает евангелист Лука, «Ирод, увидев Иисуса, очень обрадовался, ибо давно желал видеть его, потому что... надеялся увидеть от него какое-нибудь чудо». К сожалению, в тот день Иисус был не в ударе и решительно отказался продемонстрировать даже самый пустяковый фокус. Тщетно упрашивал его Ирод: бывший плотник, по одному слову которого якобы двигались горы, ничего не сказал и ничего не совершил.

Ирод, как и Пилат, подумал, что у обвиняемого просто не все дома и что вряд ли можно возлагать на него ответственность за подстрекательскую болтовню.

Он приказал облачить Иисуса в белые одежды — общепринятая в те дни форма для сумасшедших и слабоумных — и в таком виде отослал его обратно к Пилату.

Римский правитель был уже сыт этой историей по горло.

— Вы приводили ко мне этого человека,— сказал он первосвященникам,— и обвиняли его в том, будто он подбивает народ на восстание. Я его допросил и не считаю опасным преступником. Я отослал его к Ироду, но и тот не счел возможным предать его смерти. Чего же вы еще хотите?

Жрецы храма, уже совершившие утренние жертвоприношения и прибежавшие к тому времени во дворец Пилата, встретили его слова глухим ропотом. Им нужно было отделаться от назарянина любой ценой! Как известно, священнослужители всех времен и народов отличались одинаковой жестокостью.

Услышав ропот, Понтий Пилат решил их успокоить и предложил:

— За всякие мелкие провинности Иисус будет наказан: я прикажу его выпороть, но потом отпущу.

— Нет, нет! — закричали иерусалимские попы.— Мы совсем не за этим пришли! По нашим законам он должен умереть. Смерть ему!

Тогда правителю пришла в голову мысль, лишний раз свидетельствующая, что он был человеком гуманным. Понтий Пилат вспомнил о своем праве амнистировать на пасху одного заключенного. Это делалось, чтобы народ не забывал о милосердии римлян.

Он приказал своим воинам привести из тюрьмы самого мерзкого преступника. Это был некий Варавва, совершивший на своем веку все мыслимые и немыслимые злодеяния.

Замысел Пилата был прост.

«Я покажу толпе Иисуса и Варавву,— думал он.— А потом спрошу: «Кого вы хотите, чтобы я отпустил?» Священники злы на Иисуса, однако народ должен больше страшиться Вараввы. Кроме того, сегодня здесь у дворца собрался почти весь Иерусалим. Если этот Иисус действительно исцелил множество калек, как уверяют его последователи, все эти бывшие хромые, слепые, кривые, прокаженные и паралитики должны встать горой за своего врачевателя».

Идея была, право же, неплоха!

Но — увы, увы и еще раз увы! — Пилат не учел человеческой неблагодарности. Он не подозревал, что бывшие кривые, бывшие хромые, бывшие безногие и тому подобные первыми потребуют смерти для своего исцелителя и уж во всяком случае присоединятся к хору врагов Иисуса. Поэтому, когда Пилат представил народу Иисуса и Варавву, он услышал в ответ единодушный вопль:

— Отпусти нам Варавву! Распни, распни Иисуса!

Это была последняя попытка. Напрасно супруга Пилата, мадам Клавдия Прокула, которая принимала участие в судьбе сына голубя, послала своему мужу записку, где говорилось: «Не вмешивайся в это дело. Ночью мне приснился из-за Иисуса кошмарный сон, это плохая примета». Пилат решил, что перед лицом столь единодушного и недвусмысленного требования толпы отступать уже поздно.

Он приказал освободить Варавву от цепей, объявил первосвященникам, что те могут делать с Иисусом все, что им заблагорассудится, а чтобы яснее показать, что он умывает руки, велел принести умывальник и таз, и подтвердил свое заявление действием.

Тем временем солдаты уже бичевали Иисуса к вящему удовольствию собравшихся.

Богословы христианской церкви, дабы разжалобить паству, рассказывают об этом бичевании всякие ужасы: с Иисуса якобы сорвали одежды, обнажили его до пояса, привязали к столбу и принялись хлестать веревками, розгами и бычьими жилами. На это можно было бы им ответить, что пытки инквизиции были куда страшнее бичевания Христа, которому не выворачивали ни рук, ни ног, не дробили в тисках костей, не обливали кипящим маслом или расплавленным свинцом, не прижигали грудь горящей смолой, не сдавливали череп специальным обручем и не вливали ему в открытый с по-

мощью особой распорки рот целые ведра воды, причем не сразу, а капля за каплей на засунутую между зубов губку или мягкую тряпку. К этому можно прибавить, что иудейские священники не отрубили Иисусу кисти рук, не размозжили ему ноги в «испанском сапоге», не вырезали ремни из его спины, не посадили его на железный кол, не вывихнули ему руки из плеч и не подвесили его за ноги. Плотник из Назарета, который был одновременно богом и всегда имел в своем распоряжении вторую божественную сущность, позволявшую ему вообще ничего не чувствовать, если страдания превышали человеческие возможности, не испытал, таким образом, и сотой доли того, что претерпели мученики свободной мысли от милосердных служителей божьих.

Но мы не станем говорить всего этого нашим священникам. Достаточно будет взять в руки евангелие и сказать им, что все басни о бичевании Христа, о пролитой крови и рассеченной коже — плод их воспаленного воображения.

В Евангелии от Матфея (гл. 27, ст. 26) сказано:

«Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие».

Евангелие от Марка (гл. 15, ст. 15) повторяет:

«Тогда Пилат, желая сделать угодное народу, отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие».

Лука об этой детали вообще не упоминает.

Евангелие от Иоанна (гл. 19, ст. 1) гласит:

«Тогда Пилат взял Иисуса и *велел* бить его».

Следует заметить, что в переводе глагол «бить» не передает смысла подлинника «хлестать», связанного с понятием розги. По сути дела знаменитая мука господня, из-за которой чувствительные святоши проливают столько слез на страстной неделе, сводилась к самой обыкновенной порке. Кроме того, из рассказов евангелистов явствует, что если первосвященники и народ Иерусалима и требовали смерти Иисуса, то воины стражи ограничивались бранью, затрещинами и главным образом грубыми шуточками, не имеющими ничего общего с утонченным садизмом. Пара подзатыльников, полдюжины пинков, презрительный плевок — вот и все страсти пресловутого бичевания!

Чтобы не отставать от развеселых иудеев, Пилат не только оставил Иисусу белое одеяние сумасшедшего, но еще прибавил от себя «багряницу» — плащ из красной шерсти, — дал ему в правую руку трость и повелел надеть ему на голову венок, сплетенный из молодого тростника с парой вето-

чек чертополоха [1]. В таком наряде Иисуса представили толпе, говоря:

— Вот он, царь иудейский! Радуйтесь!

Солдаты для вящего веселья затащили бывшего плотника на помост, отобрали здесь у него трость и несколько раз стукнули этой же тростью.

Пилат, как следует вымыв руки, в последний раз обратился к народу:

— Предупреждаю вас самым серьезным образом: раз вы осудили этого человека и единодушно требуете его смерти, я не стану противиться, однако запомните: это вы его осудили, а не я. И если он невинен, пусть его кровь падет на вас.

— Согласны! — завопила толпа.— Пусть падет! Не возражаем!

При этом Иисус, должно быть, подумал, что, к сожалению, его кровь не может пасть ни на кого, ибо он для того и явился, чтобы пролить ее на земле во искупление прошлых, настоящих и будущих грехов всего рода человеческого.

Происходило это между половиной одиннадцатого и одиннадцатью часами утра. Теперь уже ничто не препятствовало казни осужденного.

(Смотри евангелия от Матфея, гл. 27, ст. 2—31; Марка, гл. 15, ст. 1—20; Луки, гл. 23, ст. 1—25; Иоанна, гл. 18, ст. 28—40; гл. 19, ст. 1—16.)

---

[1] Этот знаменитый «терновый венец», по уверениям архиепископа парижского, хранится у него в соборе Парижской богоматери. За умеренную мзду его можно там увидеть. Я сам его видел. Это обыкновенный веночек из морского тростника, на котором нет никаких колючек.

ГЛАВА LXIV

ЛОБНОЕ МЕСТО

И привели его на место Голгофу, что значит: «Лобное место».

И давали ему пить вино со смирною; но он не принял.

Марк, гл. 15, ст. 22—23

И вот мы на пути к месту казни. Последуем же с евангелием в руках за существом с двумя сущностями и посмотрим, сумеет ли оно умереть не дрогнув, как подобает герою. Прежде всего, куда его повели из претории Пилата? Римские ликторы смешались с солдатами храмовой стражи, и за ними повалила вся толпа во главе с первосвященниками, книжниками и фарисеями. Для начала весь кортеж двинулся к иерусалимской тюрьме. Там с Иисуса сняли красный плащ и наряд сумасшедшего и вернули ему его одежды. Там же к Иисусу присоединили еще двух проходимцев, приговоренных, как и он, к высшей мере наказания.

Дополненная таким образом процессия снова двинулась в путь, направляясь к холму за пределами города, где обычно совершались казни. Этот холм назывался Голгофа, или Лобное место, то есть череп. Такое название он получил из-за того, что верхняя его часть представляла собой голую скалу, отдаленно напоминавшую человеческий череп. Комментаторы евангелия, одержимые зудом повсюду отыскивать всевозможные чудеса, уверяют, будто холмик, на котором Иисуса подвесили к кресту, назывался черепом потому, что под этим холмом покоится череп Адама. Следует сразу сказать: до сих пор там никто не откопал ничего, хотя бы отдаленно напоминающего вышеупомянутый предмет.

Ниже я расскажу, как священники объясняют эту неувязку, продолжая тем не менее утверждать, будто знаменитый череп действительно погребен под Голгофой.

Итак, процессия двинулась по улицам города. На каждом перекрестке злосчастный сын голубя подвергался все новым насмешкам. На каждом углу он встречал какого-нибудь бывшего слепца, которому вернул зрение, или бывшего паралитика, которого поставил на ноги, и, наверное, рассчитывал,

что эти люди, столь многим ему обязанные, бросятся на солдат и освободят своего благодетеля. За свою жизнь он сотворил столько чудес, что всех чудесно исцеленных, наблюдавших страсти господни, было вполне достаточно, чтобы стереть его врагов в порошок.

Но, увы! Бессердечные экс-калеки только смеялись, глядя на жалкую фигуру своего исцелителя. Ни один из них даже не подумал прийти ему на помощь!

Грех надкушенного яблока искупался по всем правилам искусства.

Первыми, кто сжалился над осужденным, были солдаты стражи.

Главный склад крестов для распятия находился в здании тюрьмы. Осужденный, согласно обычаю, должен был тащить на себе свой крест до самого места казни. Оба разбойника довольно легко несли свои кресты, положив их на плечо. Что же касается Иисуса, то ему в довершение всех несчастий достался самый тяжелый, плохо оструганный крест, от которого у него сразу заломило спину.

Мы знаем, что бывший плотник разбирался в плотничьем деле, поэтому сейчас он испытывал двойные мучения: физические — от тяжести креста, и моральные — от того, как он сделан, ибо взглядом профессионала сразу увидел, какая это топорная работа.

Кроме того, не следует забывать, что уже в Гефсиманском саду, где ангел заставил его проглотить чашу горечи, наш миропомазанный был в самом тяжелом состоянии. Так называемые святые книги утверждают, будто в Гефсиманском саду началась его агония. Поэтому сейчас, когда его человеческая сущность преобладала над божественной, он с трудом передвигал ноги и едва не валился под тяжестью креста. А за городскими воротами он вообще плюхнулся на дорогу и не смог больше встать.

Тогда солдаты начали совещаться.

— Бедняга совсем выдохся,— говорили они.— Заставлять его дальше тащить на себе этот столб с перекладиной было бы просто жестоко.

Они огляделись по сторонам. В толпе любопытных выделялся здоровенный детина.

— Эй ты, как тебя зовут? — окликнул его один из солдат.

— Симон.

— А ну, Симон, берись-ка за крест: донесешь его до Голгофы!

Симону — как выяснилось, он был коринфянином — это предложение пришлось не по вкусу.

— Несите эту виселицу сами! — заворчал он.— При чем здесь я?!

Однако отвертеться ему не удалось.

Ругаясь последними словами, Симон взвалил крест на плечо и понес его за Иисусом.

Кстати, я давно себя спрашивал: почему это священники так восхваляют Симона Коринфянина? Они представляют его преданным другом Христа и делают из него чуть ли не святого, хотя в евангелии ясно сказано, что солдаты «*заставили* его нести крест». Именно так говорит евангелист Матфей и все остальные.

Злосчастный творец неба и земли был настолько измучен, что страже пришлось буквально тащить его до Лобного места (смотри у Марка, гл. 15, ст. 22).

По дороге им встретилась кучка женщин. Плачевный вид Иисуса разжалобил их, и они заплакали. Об этой подробности упоминает только святой Лука. Остальные три евангелиста, напротив, утверждают, что на протяжении всего крестного пути из толпы не раздалось ни одного возгласа соболезнования миропомазанному страдальцу.

Итак, если верить святому Луке, несколько дам пролили слезы. Иисус тут же обрел дар речи, обратился к ним и сказал дословно следующее:

— Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо мне, но плачьте о себе и о детях ваших. Ибо скоро придут дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы не питавшие. Тогда начнут говорить горам: «Падите на нас!» И холмам: «Покройте нас!» Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?

К этой басне евангелиста Луки церковь прибавила позднее другую легенду, которой нет ни в одном так называемом «священном» тексте. Впрочем, подлинность этих текстов и без того уже достаточно сомнительна.

Священнослужители уверяют, будто далее последовала следующая сцена.

Одна из рыдавших женщин, которую звали Вероникой, заметила, что Иисус весь взмок. Видимо опасаясь, как бы он не простудился, она приблизилась к нему и приложила к его лицу свой носовой платок, дабы утереть пот с божественного чела.

И вот — новое чудо! Черты Иисуса остались запечатлен-

ными на носовом платке. Это была своего рода моментальная и к тому же цветная фотография, воспроизводившая во всех подробностях физиономию осужденного.

Обратите внимание, сколь велика вина еврейского народа и солдат: даже после этого чуда они не догадались, что их жертва была истинным сыном божьим! Увы, ничто не может просветить людей, заранее предубежденных. Те, кто не хочет слышать, хуже всех глухих, и те, кто не хочет видеть, не сравнятся даже со слепорожденными.

Как и следовало ожидать, носовой платок Вероники сохранился до наших дней. Сотни утирок и стирок не смогли стереть с него черты Иисусова лица. Теперь эта драгоценная реликвия хранится у римских священников в сокровищнице собора святого Петра. Желающие могут ее там узреть, предварительно смазав как следует жирную лапу папского ризничьего.

Сведущие люди, изучившие греческий язык, уверяют, правда, что доброй женщины по имени Вероника, впоследствии причисленной за свой милосердный жест к лику святых, в действительности никогда не существовало, ибо этимология имени Вероника восходит к двум словам — «вера иконика», что означает «подлинное изображение». Разумеется, это словосочетание скорее можно применить к носовому платку из собора святого Петра, нежели к существу из крови и плоти. Но если «вероникой» был носовой платок, то что же остается от легенды о милосердной женщине?

Наконец, когда пот Иисуса был утерт носовым платком — конечно, если верить Луке и не верить остальным евангелистам,— трое осужденных двинулись дальше и достигли вершины Голгофы.

Христос к тому времени выбился из последних сил. Солдаты поспешили смешать вино со смирною и предложили этот напиток сыну голубя. Разумеется, такое питье по вкусу не напоминало даже самого дешевого бургундского, однако оно обладало живительными свойствами, и солдаты действовали из самых лучших побуждений. Дело в том, что смирна вызывает сильное искусственное возбуждение, которое позволяло осужденному легче переносить боль.

Но Иисус не захотел отхлебнуть ни глотка. Тогда солдаты заставили его сесть на землю и приступили к последним приготовлениям к казни.

Сначала они вырыли ямы для крестов. Затем поставили возле ям лестницы-стремянки. После этого осужденных по-

ложили каждого на свой крест и прибили им гвоздями руки и ноги. Два проходимца-разбойника, остававшиеся в полном сознании, должно быть, мучились при этом несравненно больше, чем Иисус. Впрочем, разве это важно? Даже если допустить, что Христос время от времени для передышки призывал себе на помощь свою божественную сущность, все равно распятие на кресте, по-моему, было чересчур жестоким наказанием за одно съеденное яблоко, тем более что съел-то его вовсе не Иисус!

Итак, злосчастный бог и два разбойника, его коллеги, подверглись этой неприятной операции. Римские воины, выполняя приказ Пилата, украсили крест Иисуса надписью, прибитой над его головой. И тут снова наши веселые шутники-евангелисты начинают плести кто во что горазд.

Матфей (гл. 27, ст. 37): «И поставили над головою его надпись, означающую вину его: «Сей есть Иисус, Царь Иудейский»».

Марк (гл. 15, ст. 26): «И была надпись вины его: «Царь Иудейский»».

Иоанн (гл. 19, ст. 19): «Пилат же написал и надпись, и поставил на кресте. Написано было:

«Иисус Назорей, Царь Иудейский»».

Людей, уважающих точность, не могут не смутить эти весьма странные разночтения у господ-евангелистов. Может быть, именно потому наши священники не воспроизводят на распятиях ни одной из этих надписей? Они предпочитают ставить латинские инициалы — I. N. R. I., частенько вводящие в соблазн богомольных старух, которые воображают, будто Христа звали Инри, хотя в действительности это просто-напросто сокращение от Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum — Иисус Назарей, Царь Иудейский.

Если верить Иоанну, Пилат сам сделал такую надпись. Видимо, римский правитель обладал какими-то каллиграфическими способностями и, надо полагать, весьма ими гордился.

По словам того же возлюбленного Иоанна, первосвященники придрались к содержанию надписи. Они пришли к Пилату и сказали ему:

— На вашей надписи, сделанной для Иисуса, написано: «...Царь Иудейский». Если вам не трудно внести маленькое исправление, мы будем вам очень признательны. Напишите, пожалуйста: «Называвший себя Царем Иудейским».

— О боже, что за формалисты! — воскликнул Пилат, возводя очи к небу.

— Мы, конечно, понимаем, это нюанс, так сказать оттенок, но для нас он важен.

— Я весьма сожалею,— ответил Пилат,— но вы поздно спохватились. Что я написал, то написал.

(Смотри евангелия от Матфея, гл. 27, ст. 32—38; Марка, гл. 15, ст. 21—28; Луки, гл. 23, ст. 26—38; Иоанна, гл. 19, ст. 17—22.)

ГЛАВА LXV

СВЕРШИЛОСЬ!

Тогда распяты с ним два разбойника: один по правую сторону, а другой по левую. Проходящие же злословили его, кивая головами своими и говоря: разрушающий храм и в три дня созидающий! спаси себя самого; если ты сын божий, сойди с креста.

Матфей, гл. 27, ст. 38—40



Приверженцы рьяные, души пламенные, овечки Христовы, приблизился миг рыданий! Увы, кротчайший агнец, принесший себя в жертву, дабы навсегда искупить первородный ужасный грех, случившийся из-за яблока, съеденного в Эдеме, сын белого голубя и девицы непорочной, повисев малость на своем кресте, начал приходить в себя и вскоре предался размышлениям еще более горьким, нежели содержимое чаши, выпитой в Гефсиманском саду.

Он говорил себе, что старина Саваоф — по совместительству его отец, хотя неизвестно, с какого боку,— сыграл с ним дурацкую шутку, позволив его распять, вместо того чтобы покончить с этим жертвоприношением поскорее.

Попробуем на минуту вникнуть в рассуждения Иисуса.

Речь шла о темном пятне, коим наша совесть отмечена со дня рождения, не правда ли? До распятия Христа люди, несущие на себе это черное пятно греха с момента появления из материнского чрева, были заранее обречены на муки и не могли даже мечтать о царстве небесном. Затем — алле гоп! — ходячее Слово превращается в висячее, выбрав последней своей трибуной крест на Голгофе, и с этого мгновения человечество избавляется от первородного греха. Души младенцев отныне ничем не запятнаны, как если бы Адам и Ева вовсе не пробовали яблок. Во всяком случае, так рассуждаете вы, мои непредубежденные грешные читатели.

Так вот, оказывается, все обстоит иначе. Человечеству распятие не дало ровным счетом ничего. И первородный грех продолжает тяготеть над невинными младенцами, словно Христос никогда и не висел на своем кресте.

В самом деле, чему учит нас церковь?

Что без крещения мы не можем попасть на небо. Значит, только крещение, изобретенное Иоанном Крестителем и

вошедшее в моду благодаря Иисусу, может смыть пресловутое черное пятно с нашей совести?

На это священники отвечают:

— Да, конечно, но если бы агнца божьего не приколотили гвоздями к кресту, крещение не имело бы никакой силы.

Превосходно, господа священники! Но в таком случае перестаньте молоть чепуху, будто Иисус пострадал за весь род человеческий. В действительности — разумеется, речь идет лишь о церковной легенде — он позволил себя распять единственно и исключительно ради тех, кому посчастливится встретить в жизни некоего благодетеля в рясе, который покапает им воды на голову.

Таким образом, какой-нибудь несчастный малыш, если он умрет, едва появившись на свет, и его не успеют окрестить, по-прежнему будет на веки-вечные лишен всех райских блаженств. Этому бедному младенцу все равно, пролилась за него кровь невинного агнца или нет. А вы еще говорите, что отец Саваоф — бог праведный и милосердный! Постыдились бы так безбожно врать, господа священнослужители!

Из этого порочного круга невозможно выйти, если хочешь оставаться до конца логичным. Если Иисус был действительно добрым посланцем доброго бога, он должен был с высоты креста послать своего отца Саваофа ко всем чертям и проклясть его за то, что его мучения пойдут на пользу лишь ничтожному меньшинству из всего рода человеческого. Ибо в конечном счете распятие обернулось бесстыдной мистификацией, жестокой шуткой, которую бог-отец сыграл с богом-сыном.

Однако миропомазанного в тот момент заботили не только результаты приносимой им жертвы.

Он взглянул на солдат, деливших у подножия креста его одежды. Они разрезали его плащ на четыре части, а когда дело дошло до хитона, то решили не раздирать его, а бросить жребий: кому достанется; тому и достанется. Речь шла о том самом чудесном хитоне, сотканном девой Марией, который верой и правдой служил Иисусу со дня его рождения и, видимо, рос одновременно с ним. Похоже, что солдат, получивший хитон, завещал его какому-то рьяному христианину, ибо потом, переходя из рук в руки, он очутился наконец у кюре из Аржантёе. Во всяком случае, эту хламиду до сих пор демонстрируют в церкви Аржантёе, близ Парижа, где она собирает немало любопытных.

Зрелище дележки его одеяний и острая боль в продырявленных ладонях — божественная сущность Слова не действовала — окончательно привели Иисуса в себя. В минуту просветления он произнес:

— Отче! Прости им, ибо сами не знают, что делают.

Однако народ и солдаты, у которых были поистине каменные сердца, только смеялись над распятым и его молитвами.

— Эй! — кричали они.— Ты, разрушающий храм и в три дня создающий! Вот тебе прекрасная возможность совершить еще одно чудо: отцепись и сойди с креста, если можешь! То-то мы подивимся!

Другие им вторили:

— Бахвалился, что спасет всех, а себя не может спасти!

Третьи добавляли:

— Кстати, он же нам все уши прожужжал, будто он сын божий! Почему же небесный родитель его не спасает?

Однако Иисус, у которого были на то свои причины, предпочел не слезать с креста.

Два жулика, распятые справа и слева от сына голубя, тоже начали приставать к нему с вопросами.

По этому поводу евангелисты снова не могут прийти к согласию.

Матфей пишет: «Также и разбойники, распятые с ним, поносили его» (гл. 27, ст. 44).

Марк вторит ему: «И распятые с ним поносили его» (гл. 15, ст. 32).

Иоанн вообще не упоминает о ругани братьев-разбойников.

Что же касается Луки, то он утверждает:

«Один из повешенных злодеев злословил его и говорил:

— Если ты Христос, спаси себя и нас!

Другой же, напротив, унимал его и говорил:

— Или ты не боишься бога, когда и сам осужден на то же? И мы *осуждены* справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а он ничего худого не сделал.

И сказал Иисусу:

— Помяни меня, господи, когда приидешь в царствие твое!

И сказал ему Иисус:

— Истинно говорю тебе, ныне же будешь со мною в раю» (гл. 23, ст. 39—43).

Эти пять стихов Евангелия от Луки послужили основой для легенды о добром разбойнике. Комментаторы-богословы,

пораскинув умом, выдумали набожному прохвосту имя Димас и теперь уверяют, будто это был тот самый Димас, который оказал гостеприимство Марии, Иисусу и Иосифу, когда те бежали в Египет. Подумать только, где люди не встречаются! Поистине, мир тесен...

Итак, согласно учению церкви, первым на небо попал грабитель и вор. Впрочем, Димасу вскоре составили компанию прочие многочисленные насильники и убийцы, успевшие перед казнью исповедаться.

Что же произошло дальше?

Здесь я вынужден снова процитировать всех четырех евангелистов одного за другим, чтобы показать, как они запутываются все больше и больше, хотя в принципе их должен был вдохновлять один и тот же дух святой.

Матфей (гл. 27, ст. 45—50): «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого. А около девятого часа возопил Иисус громким голосом:

«Илй, Илй! ламá савахфанй?»

То есть: «Боже мой, боже мой! для чего ты меня оставил?»

Некоторые из стоявших там, слыша это, говорили:

Илию зовет он.

И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал ему пить.

А другие говорили:

Постой; посмотрим, придет ли Илия спасти его.

Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух».

Марк (гл. 15, ст. 33—37) дает описание, довольно похожее на рассказ Матфея.

У Луки дурацкая шутка с губкой, пропитанной уксусом, происходит много раньше, еще до того, как распятые воры принялись поносить Христа. Что же касается его постыдных слов, то у Луки вместо всяких «Илй, Илй! ламá савахфанй» или марковских «Элои, Элои! Ламмá савахфани» он говорит просто: «Отче! В руки твои предаю дух мой!»

Но вот мы добрались до Иоанна. Именно он никак не согласен со своими коллегами-евангелистами. Ни с того ни с сего он заявляет, что у подножия креста вдруг очутились Мария, мать Иисуса, еще одна Мария, Магдалина, а также любимый ученик его, то бишь сам Иоанн.

Три других евангелиста единодушно утверждают, что все эти дамы держались вдалеке от креста на Голгофе. Ну, да бог с ними.

Итак, любимый ученик, который в момент появления солдат в Гефсиманском саду припустился наутек впереди всех апостолов, теперь неизвестно откуда появился на месте казни. Иисус тут же сказал ему, указывая на свою мать: «Иоанн, се матерь твоя!» А матери своей сказал, указывая на Иоанна: «Жено! Се сын твой!» И с того времени, говорит далее евангелист, ученик сей взял ее к себе. Это «к себе» — просто шедевр! Мы же знаем, что апостолы не имели ни кола ни двора и постоянно бродяжничали!

Затем Иисус закричал: «Жажду!» — то есть «Пить очень хочется!» Только тогда, если верить Иоанну, солдаты по просьбе распятого поднесли ему губку и он высосал уксус. Но при этом Иисус ни в чем не упрекал своего отца и не говорил: «Илй, Илй! ламá савахфанй?» Напротив, он проявил удивительное спокойствие. Преклонив главу, Иисус пробормотал: «Свершилось» — и испустил дух.

Вдобавок ко всему этому ни Матфей, ни Марк, ни Лука не знают, что, когда Иисус испустил дух, один из воинов ткнул покойника копьем под ребро, откуда «тотчас истекла кровь и вода», а что касается двух других жуликов, то «у первого перебили голени, и у другого, распятого с ним». Об этом знает один Иоанн (гл. 19, ст. 25—37).

Затем совершились два поразительных события.

На занавес храма смерть Иисуса произвела столь сильное впечатление, что он последовал примеру штанов первосвященника Каиафы: разодрался сверху донизу,— с той лишь разницей, что занавес это сделал без посторонней помощи.

Земля в свою очередь потеряла голову. Ее начала бить нервная дрожь, и какое-то время — евангелие не уточняет какое, но, должно быть, достаточно продолжительное — она тряслась, как в падучей. В нескольких местах она даже разверзлась! Голгофа, в частности, открылась, словно устрица на солнцепеке, и череп Адама, который, как мы уже говорили, там покоился, загремел в тартарары. Именно поэтому его до сих пор не находят.

Одновременно многочисленные могилы во всех частях света сами собой разверзлись, покойники приподняли надгробные плиты и высунули носы на свет божий. По уверениям богословов, началось всеобщее воскресение. Страшно довольные тем, что сумели выбраться из могил, покойники весело шлялись по улицам. Кафе и рестораны в тот день были переполнены. Население земли внезапно увеличилось, ибо к живым прибавились все те, кто преставился, скончался,

отошел, опочил, сыграл в ящик, дал дуба, загнулся, гигнулся, окачурился, околел или еще каким-нибудь способом умер за все предшествующие тысячелетия.

Я нисколько не преувеличиваю. Так сказано у Матфея, и это слова евангелия: «И, выйдя из гробов по воскресении его, вошли во святой град, и явились многим» (Матфей, гл. 27, ст. 53).

Я тебе верю, Матфей! Подобное зрелище вряд ли могло остаться незамеченным.

Сотник воинов, охранявших Иисуса, чувствуя, что земля под ним начала отплясывать сумасшедшую польку, изо всех сил вцепился в колеблющуюся скалу и завопил:

— Черт подери! Чтоб мне только не провалиться — этот парень воистину был сын божий!

К этому он, должно быть, прибавил:

— Ей-богу, жаль, что он умер! Какая досада!

Но евангелие последних слов не сохранило.

Что касается первосвященников, книжников, фарисеев, неблагодарных калек, исцеленных Иисусом, и прочих, то все они тоже прекрасно поняли, с кем имели дело. Посудите сами, разве столь всеобщее нарушение законов природы не являлось решающим доказательством божественного происхождения их жертвы?

Однако в те времена люди были такими хитрыми бестиями, что все, как один, сговорились нигде и ни при каких условиях даже не упоминать об этом сверхнеобычайном происшествии. Даже воскресшие проявили черную неблагодарность. Всевозможные знаменитости, которых смерть Христа снова вызвала к жизни, каким-то образом устроили так, что за все время их второго существования ни об одном из них не было ни слуху ни духу.

Очевидно, именно этим объясняется тот факт, что ни в одной книге того времени, разумеется, кроме евангелия, нет даже намека на это чудо, не имеющее себе равных.

Часть пятая

ЧУДЕСА ПРИ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЯХ

ГЛАВА LXVI

КАК СНИМАЮТ С КРЕСТА

Тогда некто, именем Иосиф, член совета, человек добрый и правдивый, не участвовавший в совете и в деле их, из Аримафеи, города иудейского, ожидавший также царствия божия, пришел к Пилату и просил тела Иисусова. И, сняв его, обвил плащеницею, и положил его в гробе, высеченном *в скале,* где еще никто не был положен. День тот был пятница, и наступала суббота.

Лука, гл. 23, ст. 50—54



рузья читатели, я надеюсь, вы не забыли Никодима, того самого забавного книжника, который пришел как-то ночью поболтать с Иисусом и удалился к себе, так и не поверив, что сын Марии — сын божий. Никодим колебался. На заседаниях синедриона он не голосовал ни за, ни против Иисуса, предпочитая мудро воздерживаться от всяких решений.

Бешеная пляска старушки земли в пятницу, предшествующую пасхе, положила конец его мучительной неуверенности. Теперь он знал, чего ему держаться. Подобно сотнику на Голгофе, он сказал себе:

— Воистину, человек сей был сыном божьим!

Его мнение было разделено другим высокопоставленным чинушей, причем дьявольски сходным образом. Речь идет о влиятельном и могущественном сенаторе, обладавшем сказочными богатствами. Звали его Иосиф из Аримафеи. Он при желании наверняка мог бы спасти Иисуса от подвешивания на кресте, если бы захотел вмешаться в судебное дело и выступить в его защиту. И если он не сделал этого раньше, то вовсе не потому, что боялся, а просто потому, что считал ниже своего достоинства вмешиваться в мелкую тяжбу какого-то плотника с синедрионом.

Необычайный спектакль — всеобщее воскресение давно похороненных покойников — вмиг обратил его в одного из самых ревностных приверженцев Христа. Само собой разумеется, он малость запоздал, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Итак, этот Иосиф Аримафейский пришел к Пилату и сказал:

— Поздравляю вас, правитель! Вы совершили доброе дело!..

— Позволив распять Иисуса?

— Разумеется!

— Не понимаю, что вы хотите сказать.

— Надеюсь, теперь-то вы убедились, что имели дело не с простым тунеядцем?

— Еще бы, теперь-то я знаю, что свалял дурака. Но послушайте, если бы этот Иисус захотел проявить свою истинную сущность — а как мы с Иродом его уговаривали! — ничего бы этого не случилось.

— Признайтесь лучше, что у вас не хватило твердости.

— Дорогой мой, я могу признаться лишь в одном: даже не подозревая о божественном происхождении Иисуса, я тем не менее сделал все, что было в моих силах, пытаясь его спасти. Но ваши иерусалимские жители просто взбесились! Этот парень оказал многим своим соотечественникам значительные услуги, а те вместо благодарности потребовали его смерти. Уверяю вас, я использовал все способы...

— Знаю, знаю: белая хламида, порка, Варавва... А потом вы умыли руки...

— Еще бы! Я бы вымыл заодно шею, ноги и прочее, если бы понадобилось... Но к чему это вы клоните?

— А вот к чему. Я весьма опечален, что сын божий преставился, а потому хочу по крайней мере прилично его похоронить. Я готов даже предоставить ему свой собственный превосходный склеп в одном из моих поместий.

— Пожалуйста, у меня нет никаких возражений. Однако разрешите задать вам один вопрос, уважаемый Иосиф... Я вас спрашиваю: вы вполне уверены, что он умер?

— Приходится верить! Я разговаривал с одним из воинов, охранявших Лобное место, и тот уверяет, что несчастного господа бога нашего на всякий случай проткнули еще копьем для полной гарантии, так что теперь он наверняка покойник.

Надо полагать, что в это время сотник уже вернулся с Голгофы, ибо Пилат, по свидетельству евангелия, обратился к нему с вопросом, возможно ли удовлетворить пожелание сенатора.

Официальный отчет сотника подтвердил слова Иосифа Аримафейского, и Пилат объявил, что не станет возражать, если друзья бывшего плотника похоронят его труп.

Выходя из дворца, Иосиф Аримафейский столкнулся нос

к носу с Никодимом, который спешил к Пилату с аналогичным делом.

Два высокопоставленных лица поздоровались, обменялись новостями и, выяснив, что ими руководит одна и та же идея, решили объединить свои усилия.

И вот уже вдвоем они отправились за бальзамировщиком, ибо хотели сделать все как полагается.

Тут нелишне будет напомнить об одном важном обстоятельстве: все это происходило в пятницу и час был уже довольно поздний. Нужно было спешить, так как следующий день, суббота, считался днем священного ничегонеделания.

Итак, Иосиф и Никодим развили бешеную активность. Ради кругленькой суммы бальзамировщик согласился отложить свой ужин и начал собирать инструменты. Пока он готовил пелены и благовония, Иосиф с Никодимом снова вскарабкались на Голгофу, надеясь встретиться там с родственниками покойного.

В самом деле, все три Марии, в числе которых была и мать Иисуса, не уходили от подножия креста, и любезный Иоанн был вместе с ними.

— Мамочка, не убивайтесь так! — говорил любимый ученик Христа.

— Ах, Иоаннчик, сынок мой! — отзывалась Мария из Назарета.

Заслышав такое, Никодим от изумления открыл рот и вытаращил глаза. Однако нас его удивление не поражает, ибо мы знаем, что старого книжника не было на Лобном месте в тот трогательный момент, когда Иисус назначал малютку Иоанна своим заместителем по сыновней части.

Первым к группе женщин приблизился Иосиф Аримафейский.

— Сударыня,— проговорил он, почтительно склоняясь перед Марией из Назарета,— примите наши самые искренние соболезнования. Понесенная вами жестокая утрата поистине невосполнима, и мы вам глубоко сочувствуем.

Мать Иисуса разразилась рыданиями. Несмотря на все неприятности, которые причинял ей старший сын, она все-таки предпочитала его остальным своим детям.

— Сударь,— ответила она,— благодарю вас за то, что вы пришли сюда в столь скорбный час и не остались глухи к нашему горю... Однако с кем имею честь?.. Мне кажется, я не имела счастья...

— Иосиф Аримафейский, сенатор,— представился тот, поклонившись.

Все три Марии отшатнулись.

— Простите,— заговорила Мария Магдалина,— но, если вы действительно сенатор, как вы говорите, мы не понимаем, о каком соболезновании может идти речь? Разве вы не были в числе врагов Иисуса?

Иосиф Аримафейский объяснил, как обстоят дела, и заодно представил Никодима. Сначала Марии слушали его недоверчиво, но предъявленное им разрешение за подписью Пилата на снятие тела смогло их убедить.

Наиболее хорошее впечатление произвел на них Никодим, вслед за которым прибежал бальзамировщик с большим набором всяческих благовоний. Присутствовавший при этом евангелист Иоанн ничтоже сумняшеся говорит о ста фунтах состава из алоэ и смирны (гл. 19, ст. 39). Без малого пятьдесят килограммов духов — это вам не шутка!

Сенатор привел с собой своих рабов с лестницами, клещами, веревками, пеленами и прочими принадлежностями, необходимыми для снятия с креста доброго сына божьего.

Операция эта была явно не из легких, особенно если учесть, что палачи наверняка приколотили свою жертву на совесть. Тем не менее, как уверяют священники, она прошла вполне благополучно, и руки Иисуса даже не были при этом оцарапаны.

Кое-кто из моих читателей может скептически заметить:

— Должно быть, мессир Христос при этом едва не сорвался от смеха! Еще бы: ведь он только притворялся трупом, потому что бог не может умереть. Он и не умирал ни на секунду, а последний вздох и прочее — весь этот спектакль был задуман для публики с галерки.

Но тут я не могу согласиться. Мессир Иисус был действительно мертв, и слуги Иосифа Аримафейского с бальзамировщиком Никодима возились именно с трупом.

Мои друзья священники объяснят вам даже, куда именно отлетела его душа, ибо, по их мнению, у нас есть душа, обладающая своей особой жизнью, независимой от жизни тела.

Так вот, душа Иисуса, покинув свое земное пристанище, как говорят мистики, спустилась, подобно Орфею, в обитель теней *. И там, по словам богословов, она увидела души всех умерших со дня сотворения мира.

Правда, эти очаровательные богословы забывают, что всего пять минут назад уверяли нас, будто в час смерти Хри-

ста произошло всеобщее воскресение покойников на всем земном шаре. Но не будем педантами! Стоит ли так ехидничать по поводу бесконечных противоречий, в которых путаются церковники? Ведь в конечном счете это вызывает скорее смех, чем негодование. Посмеемся же и пойдем дальше!

Итак, остальные души встретили душу Иисуса с небывалым энтузиазмом. Ей устроили настоящую овацию. Если наверху, на земле, смерть сына божьего оплакивали, то здесь, внизу, началось такое веселье, что дым коромыслом!

— Добрый наш Христос! Как он мил! Как любезен! Он умер за нас! Он спас нас! Он пострадал за нас! Как это великодушно!

Особенно радовалась вдова Юдифь, та самая, которая убила Олоферна *, чтобы угодить старине Саваофу. И как еще радовалась!.. Сейчас вы поймете почему.

Юдифь, согласно библейской легенде, обладала всеми достоинствами на свете: ни одна девственница не была более нее достойна занять место в раю. Но, увы, все из-за того же первородного греха рай оставался для нее недостижимой мечтой. Вместе с Авраамом, Моисеем, Давидом, Иаковом и прочими Юдифь вынуждена была дожидаться часа искупления в мрачном обиталище теней, которое богословы-католики почему-то называют также преддверием рая.

Вот почему сейчас душа Юдифи не могла удержаться от того, чтобы не облобызать душу Иисуса. Разумеется, это был целомудренный поцелуй — объятия душ не могут оскорбить блюстителей нравственности.

— Ах, спаситель мой, как ты добр! — воскликнула она.

— Душенька моя! — отвечал ей Иисус.

Короче, там царило в тот день такое бурное веселье, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Христа расспрашивали, как прошли его страдания,— так любители музыки обсуждают премьеру какой-нибудь оперы.

— Говорят, вас выпороли. Это правда? — интересовалась душа Гедеона *.

— Да, и надо сказать, среди тех, кто меня хлестал, я заметил одного сержанта с такой тяжелой рукой, что только держись!

— Тем лучше, тем лучше! — закричали души, радуясь, что теперь-то райские врата распахнутся перед ними настежь.

Наконец Иисус заставил души рассчитаться по порядку, запомнить свои номера и повел их за собой, чтобы представить своему отцу Саваофу.

Старина бог-отец был несказанно обрадован тем, что его царство небесное отныне наполнится пестрой толпой искупленных душ — все-таки какое-то развлечение! И повелел принять всех наилучшим образом.

Когда процессия уже входила в рай, душа Иисуса вдруг воскликнула:

— Господи, ведь завтра воскресенье!.. Не спохватись я вовремя, оказались бы наши пророки лжецами... Весьма сожалею, господа, но вынужден вас покинуть. Мне еще надо вернуться в мое тело, чтоб на пасху воскреснуть. До скорого свидания, отец мой, до скорой встречи, любезные души!

И с этими словами божественная душа кубарем скатилась вниз на землю.

Пока на том свете происходили все эти события, на этом свете друзья Иисуса бальзамировали его труп. Вот как это обычно делалось.

Из тела вынимали все внутренности, а из головы — мозг. Затем все полости и вены заполняли разными благовониями. После этого тело погружали в ароматные масла и, наконец, бинтовали погребальными пеленами.

Таким образом, Иисуса выпотрошили, как цыпленка, и, когда душа его вернулась к месту погребения, куда Иосиф Аримафейский, Никодим, Иоанн и святые Марии положили его труп, она не могла не заметить, что там многого не хватает. Однако довольно! Божественное провидение решило, что Христос после своего воскресения проведет на земле всего сорок дней — о чем же тут разговаривать? Раз Иисус всемогущ, для него прожить это время без мозгов и желудка было легче легкого (смотри евангелия от Матфея, гл. 27, ст. 57—61; Марка, гл. 15, ст. 42—47; Луки, гл. 23, ст. 50—56; Иоанна, гл. 19, ст. 38—42).

ГЛАВА LXVII

ФАЛЬШИВЫЙ ПОКОЙНИК

В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела господа Иисуса.

Лука, гл. 24, ст. 1–3



Иосиф Аримафейский имел сад, расположенный на самой Голгофе, близ того места, где стояли кресты. В евангелии нет точных указаний, что сад принадлежал именно сенатору, но священники это утверждают, и, право, лень с ними спорить из-за подобного пустяка.

Божественный труп донесли на руках до сада Иосифа Аримафейского. Здесь был тот самый превосходный новый склеп, о котором сенатор говорил Пилату. Три Марии и красавчик Иоанн были единственными свидетелями погребения, совершенного наспех и без всякой помпы.

Мария, жена Клеопова, и Мария Магдалина хотели собственными глазами убедиться, что все будет сделано без обмана. Они внимательно наблюдали за всеми подробностями невеселого обряда и удалились только после того, как слуги Иосифа заложили вход в склеп тяжелым камнем.

Тем временем, вскоре после посещения сенатора Аримафейского, к Пилату явилась делегация от первосвященников.

— Правитель,— сказали посланцы синедриона,— Иисус умер, но это еще не все. Мы вспомнили, как он при жизни бахвалился: по прошествии трех дней я, мол, воскресну! Так вот, мы опасаемся, что его приверженцы выкрадут труп, а потом начнут всюду кричать: «Смотрите, его нет! Смотрите, он был воистину богом и воистину воскрес!»

— Ну и что? — возразил Пилат.— Даже если они это сделают, разве исчезновение трупа доказывает подлинность воскресения? Напротив, единственным неопровержимым доказательством может служить лишь появление Иисуса в добром здравии, целого и невредимого.

— Ах, вы не знаете, какие пройдохи его ученики и как легковерны уличные зеваки! Одни будут говорить что хотят, а другие — им верить, даже если тело казненного просто исчезнет.

— Так что же вы предлагаете?

— Прикажите поставить у склепа стражу, чтобы она никого даже близко не подпускала хотя бы в течение первых трех дней.

Пилат немного подумал, затем ответил:

— А почему бы вам не поставить свою стражу? Разве у вас нет солдат?

— Есть, господин правитель.

— В таком случае поставьте их у склепа или охраняйте его сами.

Первосвященники отправились за солдатами храмовой стражи, привели их в сад Иосифа Аримафейского и дали строжайший наказ охранять склеп как зеницу ока. Кроме того, из предосторожности они опечатали камень, закрывавший вход в склеп.

Пасхальная суббота закончилась без всяких происшествий. Тело Христа было самым обыкновенным трупом, ибо душа его в тот день представляла отцу Саваофу души чистилища, удостоенные райских блаженств. Зато в воскресенье с утра дело начало принимать иной оборот.

Стража, конечно, спала на своих постах сном праведников. Было еще темно, когда Магдалина с другой Марией пришли ко гробу с новой порцией благовоний: они боялись, что пятидесяти килограммов алоэ и смирны, пожертвованных Никодимом, не хватит, и решили для лучшей сохранности тела добавить ароматических масел.

Вдруг земля задрожала у них под ногами. В то же мгновение проснулась и перепуганная стража.

Они увидели спускающегося с небес ангела с лицом ослепительным, точно молния, в одеждах белых как снег. Одним движением ангел отвалил от склепа тяжелый камень. Солдаты в ужасе попадали носами вниз. Вероятно, именно в этот момент Иисус вышел из гроба.

Четыре евангелиста, опять же каждый по-своему, рассказывают о воскресении Христа. Если верить Матфею, Магдалина с другой Марией шли ко гробу и, едва войдя в сад, увидели появление ангела, однако Христа не заметили. Согласно Марку, женщин было трое — Магдалина, Мария, жена Клеопова, и Саломея, и, когда они пришли, воскресение уже совершилось: ангел сидел на надгробном камне, отброшенном в сторону на порядочное расстояние, а солдаты все разбежались. Лука рассказывает, будто в сад кроме Магдалины и Иоанна явились все прочие дамы, присутствовавшие на Гол-

гофе, что ангелов было два, а не один и сидели они не у входа, а внутри склепа. По Иоанну же, выходит, будто ко гробу пришла одна Магдалина, никакого ангела не увидела и побежала за Петром, дабы тот вместе с нею засвидетельствовал, что склеп пуст.

Поскольку евангелисты противоречат друг другу, разумнее основываться на какой-либо одной версии. В этом так называемом «священном» писании столько несуразицы, что сам черт ногу сломит. Лучше уж держаться какого-нибудь одного, хотя бы Иоанна.

Итак, Магдалина вошла в сад.

— Вот так история! — воскликнула она.— Склеп-то открыт!

Она заглянула внутрь.

— И пуст, ей-богу, пуст!

Со всех ног припустилась она из сада, чтобы предупредить Петра и Иоанна.

— Идите скорей! — сказала она.— Унесли моего любимого из гроба, унесли вашего учителя и господина! Поди-ка теперь узнай, куда его дели!

— Успокойся, Магдалина,— отозвался Петр.— Труп не зонтик, его не так-то просто спрятать. Отыщется!

Магдалина, Петр и Иоанн поспешили в сад сенатора. Иоанн, бежавший быстрее всех, оказался первым. Он приблизился прямо к склепу, нагнулся, заглянул внутрь, но не увидел ничего, кроме погребальных пелен и заботливо свернутого савана, положенного отдельно. За ним подоспел Петр, вошел в склеп и констатировал то же самое. Ободренный его примером, Иоанн последовал за Петром. Пораженные апостолы посмотрели друг на друга и выбрались наружу, не проронив ни слова. Затем они возвратились к себе.

У гроба осталась одна Магдалина. Она проливала потоки слез и причитала:

— Бедный мой Иисус! Несчастный мой бедняжка! Чтоб этим всем фарисеям и книжникам ни дна ни покрышки! Варвары... Надругаться так над телом моего возлюбленного! Я уверена, это они его украли... Увы, увы! И зачем только им понадобился покойничек?..

Плача, нагнулась она, чтобы еще раз взглянуть на пустой гроб, и вдруг увидела в склепе двух ангелов в белых одеждах: один сидел у изголовья гроба, другой в ногах.

— Жена, что ты плачешь? — спросили ангелы.

— Господа моего унесли, и не знаю, где положили его,— ответила Магдалина.

Пока она отвечала, рядом с ней неизвестно откуда появился человек в широкополой соломенной шляпе с лопатой в руках.

— Садовник? — удивилась Магдалина.— Что ему здесь понадобилось?

Человек повторил вопрос ангелов:

— Жена, что ты плачешь? Кого ищешь?

— Господин садовник! — взмолилась Магдалина, заламывая руки.— Если ты вынес его, скажи мне, где ты положил его, и я возьму его (цитирую дословно).

Садовник шагнул к ней и, с нежностью глядя на нее, проговорил:

— Мария...

— О этот голос! — воскликнула любовница Христа.— Я узнаю теперь этот голос!.. И эту бородку, ведь это же бородка моего дорогого Иисуса!

И она бросилась к нему, чтобы обнять его, повторяя:

— О мой учитель! О мой господин!

Однако миропомазанный остановил ее поспешным жестом:

— Смотри, но не прикасайся. Я только что воскрес, у меня нет внутренностей, и вообще я еще очень слаб. Сначала мне надо подкрепиться, а пока ты беги, расскажи о том, что видела, моим ученикам.

Магдалина, послушней овечки, поспешила к апостолам и рассказала им обо всем, что случилось.

У евангелиста Матфея в этой сцене участвуют две женщины. Он рассказывает, что они облобызали воскресшему ноги и тот не протестовал против их прикосновений.

Тот же Матфей заканчивает свой рассказ эпизодом, отсутствующим у остальных трех евангелистов,— видимо, эта деталь была им неизвестна.

Оправившись от пережитого ужаса, солдаты опрометью бросились прочь из сада, где разгуливали ожившие мертвецы. Когда они добежали до дворца первосвященников, на них не было лица.

— Что случилось? В чем дело? — бросились к ним священнослужители храма.

— А то, что ваш покойник, которого нас заставили сторожить, откалывает хорошенькие номера!

— Что за черт! О ком вы?

— О вашем фальшивом мертвеце!

— Фальшивом?

— Конечно! Видели бы вы его приятелей, которые спускаются с небес... Все в белом, рожи сверкают, как молнии... Отвалили надгробный камень!.. Устроили землетрясение!.. Хватит с нас! Не очень-то весело сторожить таких покойников...

Первосвященники не могли прийти в себя от изумления. Наконец они сказали:

— Ну, ладно, ладно. Только никому не болтайте о том, что рассказали нам. Держите, вот вам на водку... Если будут спрашивать, говорите всем: ночью пришли ученики Иисуса и украли тело, пока мы спали.

По словам Матфея, они вручили воинам порядочную сумму денег, и те отправились в кабак, чтобы как следует выпить там за здоровье первосвященников и Иисуса.

(Смотри об этом у Матфея, гл. 27, ст. 62—66; гл. 28, ст. 1—15; Марка, гл. 16, ст. 1—11; Луки, гл. 24, ст. 1—12; Иоанна, гл. 20, ст. 1—18.)

ГЛАВА LXVIII

НЕКТО ХОЧЕТ ВЛОЖИТЬ ПЕРСТ В РАНУ

После восьми дней опять были в доме ученики его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди них и сказал: мир вам!

Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда, и посмотри руки мои; подай руку твою и вложи в ребра мои; и не будь неверующим, но верующим.

Фома сказал ему в ответ: господь мой и бог мой!

Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел меня; блаженны невидевшие и уверовавшие.

Иоанн, гл. 20, ст. 26—29



се-таки насколько свойственна людям недоверчивость! Это, пожалуй, самое естественное наше качество.

Когда Магдалина прибежала к апостолам и рассказала о том, что видела, те подняли ее на смех.

Один Иоанн, по словам евангелия, сразу поверил в чудо воскресения. «Тогда вошел и другой ученик, прежде пришедший ко гробу, и увидел (что он пуст), и уверовал»,— сказано в «священном» писании... от того же Иоанна (гл. 20, ст. 8).

Что касается Петра, он тоже видел разбросанные по земле пелены и аккуратно сложенный саван, однако это зрелище ничего ему не сказало. Он скреб затылок, в поте лица пытаясь сообразить, куда же девался труп учителя.

— Учитель вознесся,— подсказал Иоанн.

— «Вознесся, вознесся»! — передразнил его Петр.— Сказать «вознесся» проще всего. А я готов поставить четыре гроша против одного: покойника уволокли эти канальи фарисеи. Они хотят его сжечь тайком, чтобы мы не знали, где он, и не поклонялись гробу его.

Остальные ученики, с которыми Петр поделился своими соображениями, стали на его сторону. Отсутствие трупа неопровержимо доказывало, что гроб пуст, но пустой гроб никоим образом не означал, что исчезнувший покойник ожил. Поэтому, когда Магдалина явилась вслед за Петром и Иоанном в трапезную вечери — пиршественный зал, где состоялся

знаменитый банкет с приобщением к плоти и крови Христа и где апостолы собирались после его смерти,— все начали над нею подтрунивать.

Сначала она сказала, что видела в погребальной пещере двух ангелов. На это Симон-Петр ответил, что ангелов там было не больше, чем волос у него на ладони. Иоанн, склонившийся к варианту с вознесением, строго укорил любовницу Иисуса за искажение истины. Ангелы, совершенно очевидно, были плодом фантазии хорошенькой грешницы. Он полагал, что следует просто верить в воскресение Христа, однако убеждать в этом других, ссылаясь на херувимов или серафимов, которых он сам не видел, во-первых, запрещенный прием, а во-вторых, свидетельство дурного вкуса.

— Кто хочет доказать слишком многое, не доказывает ничего,— закончил Иоанн.

Однако Магдалина настаивала:

— Дайте мне дорассказать, что я видела, тогда и будете судить.

— Как, ты еще что-то видела? — насмехались апостолы.— Ну-ну, расскажи, послушаем!

— После ангелов я видела самого Иисуса.

— В самом деле? Интересно!..

— Иисуса во плоти и крови.

— И он, конечно, тебя обнял и поцеловал, как в старые добрые времена в Капернауме, не так ли?

— Нет, он меня не обнял, но мы с ним говорили.

— Вы только ее послушайте! Что же он тебе сказал?

— Он спросил, почему я плачу... потому что я плакала. Потом он спросил, кого я ищу...

— И ты ему ответила: «Поросеночек мой, конечно, тебя!» Так было дело?

— Нет, я ему просто сказала, что ищу моего возлюбленного Христа... Дайте же сказать! Я сначала не поняла, что это он сам и есть.

— Подумать только, не узнала своего милого! Как же так?

— А так, из-за его наряда. Я сначала подумала, что это сенаторский садовник. В саду, с лопатой в руках, в огромной соломенной шляпе, он был такой чудно́й... Только когда он назвал меня по имени своим нежным голосом, я догадалась, кто он. Я была так счастлива... как принцесса! Я хотела броситься к нему на шею, но он не позволил, потому что был еще слишком слаб. «Руками не трогать!» — сказал он,

А потом велел пойти к вам и объявить, что он воскрес и теперь живехонек, как будто и не умирал.

Апостолы слушали и недоверчиво крутили головами. А один из них вообще смотрел на Магдалину как на дурочку: это был Фома по прозвищу Близнец.

— Лучше бы он сам пришел и объявил нам о своем воскресении,— заметил Фома.— Что касается меня, то, «если не увижу на руках его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра его, не поверю» (Иоанн, гл. 20, ст. 25).

Посмеявшись над Магдалиной, апостолы сжалились над ней и велели ей успокоиться.

— Бедняжка! — переговаривались они между собой.— Она так его любила! Не удивительно, что его столь преждевременная и печальная кончина лишила ее рассудка. Надо же — принять сенаторского садовника за Иисуса! Ну, ничего, со временем это пройдет... Будем надеяться...

В тот день два бывших спутника Христа — не апостолы, а так, ученики второго сорта — отправились по делам в Эммаус, маленький городишко, расположенный в двух часах ходьбы от Иерусалима. По дороге они обсуждали события прошлой ночи. Вскоре к ним присоединился еще один спутник и вступил с ними в разговор.

— О чем это вы беседуете? — спросил он.— И почему у вас такой грустный вид?

Один из второразрядных учеников, по имени Клеоп, ответил:

— Сразу видно, что вы не из Иерусалима, иначе вы бы знали, какая история здесь приключилась!

— История? — Чужестранец сделал большие глаза.— Что за история?

— Дьявольщина! Неужели вы никогда не слышали про Иисуса из Назарета?

— Нет. Но я буду вам весьма признателен, если вы меня просветите.

— Тогда слушайте. Этот Иисус, сын плотника и сам по профессии плотник, был в то же время великим пророком и всемогущим чудотворцем. Три последние года своей жизни он только и делал, что удивлял народ своими чудесами. Наши первосвященники и сенаторы завидовали его славе, и вот недавно они засадили его в каталажку, а потом повесили...

— Да, это в самом деле печально.

— Погодите, это не все. Самое печальное заключается в том, что Иисус обязался в течение трех дней воскреснуть. Так вот, сегодня как раз третий день после казни, однако ни апостолы, ни мы до сих пор его не видели. Правда, когда Иоанн и Петр — это два моих приятеля — пришли к месту погребения, они обнаружили, что гроб пуст, но, по-видимому, покойника просто утащили фарисеи. Правда, любовница Иисуса клянется, что видела его переодетым в садовника, однако и это скорее всего плод ее больного воображения — она ведь сейчас сама не своя от любви и отчаяния!.. Теперь, надеюсь, вы понимаете, что нам веселиться не с чего? Мы ведь знавали покойника...

— В самом деле? Вы с ним были знакомы?

— Разумеется. Такой был забавник, за словом в карман не лазил, а уж анекдотов знал — не счесть! Бедный парень...

— Вы думаете, он в самом деле был пророком?

— Более пророческого пророка свет не видывал.

— И он был всемогущ?

— Всемогущественнее некуда.

— В таком случае, не в обиду будь сказано, вы просто олухи.

— Позвольте! То есть как это?

— А так это. Если он был всемогущ, если он был настоящий пророк и если он обещал воскреснуть, то, надо полагать, он сдержал свое слово и теперь должен быть жив точно так же, как вы или я.

И далее, чтобы доказать, что и он в пророчествах кое-что смыслит, незнакомец начал сыпать соответствующими цитатами из Библии.

Так они дошли до Эммауса. Незнакомец сказал, что ему надо идти дальше.

— Не уходите! Ведь скоро ночь, а дороги здесь ненадежные... Не уходите! — запротестовали приятели Иисуса.— Вы такой интересный попутчик. Окажите нам честь: преломите наш хлеб и разделите с нами вечернюю трапезу. Переночуем в харчевне, а завтра пойдете, куда вам надо; ведь уже ночь, а дороги здесь небезопасные...

Попутчик согласился. За столом беседа не утихала. Когда они уже дошли до десерта, незнакомец внезапно сказал:

— Вы хотели, чтобы я преломил с вами хлеб. Так вот, смотрите!

Заинтригованные приятели перестали жевать. Незнакомец, в котором мы, грешные, давно уже узнали Христа, хоть

и не обладаем ни верою, ни прозорливостью апостолов, взял ломоть хлеба и повторил комедию, разыгранную им в предыдущий четверг: благословил мякиш и корку и сказал, что в хлебе дает им свою плоть. Этого было достаточно, чтобы открыть его почитателям глаза.

— Господи! Иисусе! — закричали они и уже хотели броситься перед ним на колени, как вдруг — бум-трах-та-рарах! — обожаемый учитель исчез, словно его и не было.

Нетрудно представить, как потом сетовали оба добряка, что не признали Христа с первого взгляда. Незамедлительно подхватили они свои чемоданчики и помчались обратно в Иерусалим, чтобы сообщить приятелям добрую весть.

— Какой же я дурак! — угрызался по дороге Клеоп.— Мог бы сразу догадаться! Когда он заговорил, у меня вся кровь закипела, как бульон на полном огне.

— А у меня? По жилам словно лава струилась!

— Оба мы идиоты, вот и весь сказ.

— Что правда, то правда.

Теперь оба находили тысячи признаков, по которым могли бы узнать, кто был их спутник.

Добравшись до трапезной вечери, они рассказали обо всем апостолам. Те были буквально ошарашены. Но едва они обрели дар речи и начали обсуждать удивительное происшествие — бум-трах-та-рарах! — стена открылась и Иисус вновь предстал, на этот раз перед всей честной компанией[1].

«Они, смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа»,— говорит евангелие (Лука, гл. 24, ст. 37). Переубедить их было делом нелегким. Иисус показывал им свои руки и ноги, заставлял щупать свое тело и ребра. Несмотря на это, апостолы никак не могли поверить в свое счастье.

Тогда Иисус спросил:

---

[1] Здесь снова евангелисты впадают в неразрешимое противоречие. Если верить Марку и Луке, апостолы находились в этот момент в полном сборе, «в числе одиннадцати». Фома, следовательно, увидел Иисуса, появившегося во время рассказа двух странников из Эммауса, однако даже не подумал выразить сомнения, составившего ему столь лестную репутацию. По Иоанну же, никаким странникам в Эммаусе Христос вообще не являлся: его видела в образе садовника Магдалина, а потом он сразу вломился к апостолам, которые забаррикадировались от иудеев в трапезной вечери. При этом Фомы не было, и он увидел Иисуса лишь восемь дней спустя. А согласно Матфею, Иисус во время свидания с Магдалиной велел апостолам собраться в горах Галилейских, и именно там, на горе, а не в трапезной в Иерусалиме появился перед ними один-единственный раз, так что никто, кроме апостолов, его не видел, а странники из Эммауса здесь вообще ни при чем.

— Найдется у вас чем-нибудь закусить?

Ему подали печеной рыбы и кусок сотового меда. Он съел часть у всех на глазах и протянул им остатки. Потом дунул каждому в лицо, давая таким образом понять, что отныне на них снизошел дух святой.

— Я не просто дую вам в нос,— сказал он.— Дуновение это не что иное, как мой отец-голубь, принявший образ дыхания моего, дабы проникнуть в вас. Отныне грехи, которые вы простите, простятся, а которые оставите, останутся. Вы сможете изгонять бесов, сможете говорить на всех языках, не затрудняя себя их изучением, сможете брать в руки змей, и те вас не укусят, и, наконец, если кто-нибудь вздумает поднести вам кипящий бульон с мышьяком, выпьете его, как парное молочко.

Нечего и говорить, как обрадовались апостолы, услышав столь заманчивые посулы. Пришлось им признать, что Иисус воистину воскрес и, таким образом, сдержал свое обещание.

Магдалина была рада-радешенька, и теперь подпускала ученикам своего возлюбленного шпильки за то, что те не хотели ей верить. Она была безжалостна — впрочем, не без оснований.

— Вообрази себе, господи,— иронизировала Магдалина,— когда я рассказала, как ты явился мне переодетый садовником, они говорили, что я рехнулась! А? Каково?

— Меня это не удивляет: веры в них ни на грош. Если бы не все мои сверхъестественные и необычайные чудеса, они бы вообще ни во что не поверили!

— Учитель, прости нас! — каялись пристыженные апостолы.— И ты, Магдалина, не обижайся. Кто прошлое помянет...

Наконец Магдалина, которая в сущности была доброй бабой, перестала донимать их насмешками, и Христос удалился, дружески посоветовав своим ученикам впредь не удивляться ничему на свете.

По словам евангелиста Иоанна, в тот день, когда Иисус позволил себе роскошь явиться ученикам, один апостол отсутствовал. Это был Фома.

— Какого же дурака ты свалял! — потом говорили ему приятели.— И угораздило тебя куда-то деться! Ведь в тот день наш учитель завтракал вместе с нами! Он жив и здоров. Магдалина была права.

Фома отвечал своей обычной фразой:

— Верьте, сколько хотите, а я не поверю, пока не вложу перста...

Он был так упрям, этот Фома Близнец, что апостолы потеряли надежду его убедить и отступились.

Фоме нужно было еще одно явление Христа народу. И оно не заставило себя долго ждать.

Через несколько дней святая компания вновь собралась в обычном месте своих заседаний, то бишь в трапезной. На сей раз кворум был полный. Недоверчивый упрямец тоже присутствовал.

Бум-трах-та-рарах! Стена снова отверзлась, и Христос вновь протиснулся в щель между камней.

— Ай-яй-яй, дружище Фома, ты не веришь в мое воскресение? Как не совестно! Ты хочешь сунуть свои пальцы в мои зияющие раны? Так и быть, суй, не стесняйся. Тогда ты поймешь, что это действительно я.

Фома вытаращил глаза.

«А что если все это — шутки моих приятелей?» — подумал он.

И без малейшего стеснения объявил, что хочет пощупать Иисуса руками.

И вот он щупает.

Он тычет пальцем в раны своего спасителя и, только убедившись, что все это ему не снится, бросается перед сыном голубя на колени и восклицает:

— Теперь я не сомневаюсь, это действительно Иисус, мой спаситель! Теперь все в порядке!

Иисус помогает ему встать.

— Ах, Фома, Фома,— бормочет он укоризненно.— Ты не верил, пока не вложил перста. Блаженны верующие и не проверяющие!

(Смотри евангелия от Марка, гл. 16, ст. 12—14; Луки, гл. 24, ст. 13—43; Иоанна, гл. 20, ст. 19—31.)

ГЛАВА LXIX

ЗЕМЛЯ — НЕБО, ПЕРЕЛЕТ БЕСПОСАДОЧНЫЙ

И вывел их вон *из города* до Вифании и, подняв руки свои, благословил их.

И, когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо.

Они поклонились ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью.

Лука, гл. 24, ст. 50—52

На сей раз апостолы единодушно признали, что Христос ожил.

К тому же сам Иисус засвидетельствовал о своем воскресении многочисленными чудесами. Однако чувство справедливости заставляет меня выразить сожаление, что он не сотворил все эти чудеса лично и всенародно, под носом у Пилата, Ирода и Каиафы.

Никогда и никто, за исключением апостолов, даже не слышал об этих чудесах — обстоятельство поистине достойное сожаления! Ведь грешные скептики могут сказать, что сын голубя и не собирался воскресать и что просто апостолы сочинили очередную басню.

Правда, скептики могут пойти еще дальше: объявить, что Иисуса вообще не было и что легенду о нем сфабриковали основатели христианской религии не ранее начала третьего века. Но на то они и скептики.

В самом деле, если ни один историк не сообщает о чудесном воскресении некоего Иисуса, прибитого к кресту, это бы еще с полбеды, но, с другой стороны, ни один историк и ни один подлинный документ того времени не подтверждают даже факта существования вышеупомянутого индивидуума, а это уже гораздо хуже.

Различные авторы той эпохи — а их немало, ибо культура Римской империи была тогда в полном расцвете — часто упоминают о тетрархе Ироде, о правителе Иудеи Понтии Пилате, о первосвященнике Каиафе, однако нигде, кроме евангелия, не сказано, что хотя бы один из этих исторических персонажей когда-либо имел дело с каким-нибудь человеком по имени Иисус. Даже смерть его, которая неминуемо должна была вызвать какой-то отклик благодаря сопутствовавшим ей необычным обстоятельствам, не отмечена ни

в одном из трудов современников императора Тиверия-кесаря.

Таким образом, грешные скептики могут вволю иронизировать над евангелием, россказни которого не только не подтверждаются ни одним из заслуживающих доверия авторов, но, кроме того, буквально кишат нелепейшими противоречиями.

Сделав эту оговорку, я без труда могу теперь принять точку зрения богословов.

— Иисус,— говорят они,— вышел из гроба.

— Ну разумеется, превосходно придумано!

— Он явился апостолам.

— Еще бы, черт возьми!

— Он повторил всю серию чудес, совершенных до казни.

— Согласен, валяйте дальше!

Для начала, в один прекрасный день, Симон-Петр отправился с другими на рыбную ловлю и не поймал ни одного бычка. Сын голубя, по своей милой привычке, явился к ним в тот критический момент, когда апостолы возвращались, повесив носы, с пустыми руками.

— Дети, есть ли у вас какая пища? — спросил Иисус.

— Нет.

— Ну, ничего! Закиньте сеть по правую сторону от лодки и поймаете.

Петр и его коллеги повиновались. Через несколько мгновений сеть затрещала, переполненная рыбой, а лодка едва не опрокинулась.

Когда рыбаки добрались до берега, Петр сосчитал добычу и увидел, что поймал сто пятьдесят три здоровенные рыбы. Не больше и не меньше — так утверждает евангелие.

— Придите и обедайте,— сказал Иисус.

Апостолы принялись за дело. Но чем усерднее они лопали, тем больше становилось крупных рыб.

Какая жалость, что бедняки не обладают сверхъестественным могуществом Иисуса! Оно бы им весьма пригодилось для прокормления своих голодных семей.

Обед удался на славу, рыбы были самых лучших сортов, какие только водились в тех местах, однако не хватало десерта. На сладкое Иисус угостил апостолов небольшой речью.

— Петр, ты меня любишь? — обратился он к Симону-Камню.

— Да, господи, люблю.

— Тогда я тебя сделаю пастырем агнцев моих,

Минут через пять Иисус повторил свой вопрос:
— Петр, ты меня любишь?
Симон-Камень ответил, как и в первый раз.
На это ходячее Слово, обожавшее повторения, снова изрекло:
— Тогда паси овец моих.
Еще через пять минут глубокомысленный диалог сей повторился почти дословно. Именно на этом основании церковь утверждает, что Петр был первым папой.
Иисус еще не раз являлся своим апостолам.
Однажды утром в довольно ранний час он повел их на гору.
По дороге апостолы спрашивали себя, что бы это могло означать.
— Может, он собирается снова подбивать нас на бунт? Мало ему, что его один раз уже распяли?
Кое-кто всерьез забеспокоился:
— А что, если пришел наш черед пострадать?
Перспектива быть прибитым и подвешенным к кресту никому не улыбалась.
Когда они достигли вершины холма, ходячее Слово обратилось к ним так:
— Комедия окончена, пора опускать занавес. Моя миссия завершена: в этой юдоли слез мне больше нечего делать. Посему я возвращаюсь к отцу моему Яхве. Обнимемся и — до свидания в лучшем мире!
Апостолы остолбенели.
— Как так? Ты нас покидаешь?
— Ничего не поделаешь, надо. Так записано в книге судеб.
— Но что станет с нами, если ты нас оставишь? Кто будет вдохновлять нас личным примером?
— Не бойтесь, я о вас позабочусь. Я уже дунул на вас, а скоро мой отец номер два, то бишь дух святой, слетит с небеси, дабы вручить вам обещанные мною драгоценные качества. Ну же, чмокнемся последний раз! А то скоро третий звонок.
Апостолы полезли целоваться с учителем.
Затем, обняв на прощание Магдалину, Иисус влез на камень, присел, оттолкнулся посильнее и прянул вверх.
У Фомы тут мелькнула мысль, что сейчас он свалится обратно.
Ничего похожего.

Сын голубя превосходно держался в воздухе и возносился довольно быстро.

Он летел все выше и выше, пока апостолы не заметили, что больше ничего не могут разглядеть.

Тогда рядом с ними появились два ангела и пропели мелодичными голосами:

— Добрые галилеяне, полно вам таращиться на свод небесный! Иисус вознесся, и вознесся надолго. Он вернется только к концу света, чтобы судить живых и мертвых.

С этим и вернулись апостолы в трапезную вечери. Шли они молча, повесив носы, ибо хорошо понимали, что отныне путь их будет усыпан отнюдь не розами.

(Об этом заключительном акте христианской комедии смотри евангелия от Матфея, гл. 28, ст. 16—20; от Марка, гл. 16, ст. 15—20; от Луки, гл. 24, ст. 44—53; от Иоанна, гл. 21, ст. 1—25.)

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Книга «Забавное евангелие» — это не научный трактат и не научно-популярный антирелигиозный очерк в современном понимании этого жанра. Автор назвал свою книгу «Жизнь Иисуса». Под таким названием в XIX в. выходило много работ. Одни ученые и богословы пытались дать в своих трудах полное жизнеописание богочеловека Иисуса, опираясь на евангелия и измышления отцов церкви. Другие на основе исторических источников, напротив, доказывали, что никакого богочеловека не существовало, что Иисус Христос — плод религиозной фантазии. Одни были защитниками религии, другие — атеистами. Мировоззрение авторов и определяло их отношение к личности Христа.

Лео Таксиль (настоящее имя — Габриель-Антуан Жоган-Пажес) был атеистом. В детские и юношеские годы он получил воспитание в иезуитском коллеже. Однако вместо религиозной деятельности он избрал путь борца против религии. Противоречия и абсурдность «священного» писания, ложь, лицемерие, ханжество, тупость и корыстолюбие священнослужителей раскрыли ему глаза на подлинную сущность религии. С 1879 г. в течение пяти лет он выпускает около двух десятков антирелигиозных произведений — острых сатирических памфлетов: «Любовные похождения папы Пия IX», «Сын иезуита», «Семейство Борджиа», «Отравитель Лев XIII и пять миллионов каноников», «Святые распутники» и многие другие. В 1882 г. Таксиль пишет «Забавную Библию», а в 1884 г. выходит его «Жизнь Иисуса».

Специфика «Жизни Иисуса» Лео Таксиля в том, что автор не привлекает особого исторического материала, лишь изредка прибегая к свидетельствам историков I в. до н. э. и первых веков нашей эры. «Жизнь Иисуса» — это в основном пересказ новозаветных писаний, кое-где дополненный художественным вымыслом, но пересказ, сделанный человеком с ясным разумом, человеком, который лишен шор религиозного фанатизма. И мы вместе с Лео Таксилем убеждаемся в фантастичности, противоречивости евангельских мифов. Само евангелие, прочитанное критически мыслящим человеком, выносит себе приговор.

В настоящем издании перевода «Забавного евангелия» Таксиля каждой главе предпослан эпиграф из евангелий.

К стр. 7.

...Слово, то есть господин по имени Иисус...

Первые стихи Евангелия от Иоанна гласят: «В начале было слово, и слово было у бога, и слово было бог. Оно было в начале у бога» (Иоанн, гл. 1, ст. 1—2). По учению христианства, бог един в трех лицах:

бог-отец, бог-сын, бог — святой дух. Синонимом бога-сына богословы называют Слово, но поскольку Иисус считался в то же время богом, то и Слово оказывается синонимом бога. Таксиль в ряде мест обыгрывает эту фантастически нелепую путаницу христианского вероучения. По-разному называют и бога-отца. В христианской Библии он просто бог. Однако Ветхий завет — это «священная» книга также и другой религии — иудаизма. В переводе с древнееврейского бога иногда называют Яхве или Иегова. Саваоф в Ветхом завете употребляется как дополнение к имени бога Яхве. «Яхве Саваоф» означает «бог воинств», «бог сил». В греческом переводе это дополнение было оторвано от имени Яхве и превратилось в наименование единого бога-отца, как оно вошло впоследствии и в переводы Библии на европейские языки.

...левит...

Согласно иудейским преданиям, левиты — это потомки патриарха Иакова Левия, получившие особые права на священнослужение. У иудеев священнослужители разделялись на три степени: первосвященники, священники и левиты. На последних лежали низшие обязанности. Часто они были музыкантами и певцами при храмах, иногда чтецами «священных» книг и судьями.

...как сообщает апостол Лука.

В переводе с греческого слово «апостол» означает «посланник». Так называют в основном 12 первых учеников Иисуса Христа, потому что якобы Христос послал их благовествовать миру о себе и своем учении. Так же называют некоторых первых видных пропагандистов христианства, в том числе авторов евангелий Луку и Марка, хотя они и не были первыми учениками Христа, как Матфей и Иоанн. Евангелия (древнегреч.— благая весть, благовествование) — «священные» книги христианской религии, входящие в Новый завет. Они содержат миф об Иисусе Христе и христианскую догматику. Первоначально было составлено много евангелий: почти каждая секта или течение имели подобные книги. На Никейском соборе (325) были признаны каноническими четыре евангелия, якобы написанные мифическими учениками Христа (Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном). Исследования текстов евангелий показали, что они составлены путем подбора и обработки разных источников многими авторами. Установлено, что евангелия написаны не ранее середины II в. н. э. То, что евангелия не историчны и не повествуют о действительных событиях, вынуждены были признать даже отцы церкви. Блаженный Августин (353—430) говорил: «Если бы авторитет церкви не обязывал меня к этому, я бы тоже не верил евангелию».

К стр. 8.

...каждение.

Каждение, или воскурение фимиама,— обряд иудейской церкви, перешедший в христианство. При каждении сжигаются благовонные масла.

...весь народ Израилев...

Израиль — второе имя библейского персонажа Иакова, от 12 сыновей которого якобы произошел весь еврейский народ. Отсюда народ Израилев, сыны Израилевы — весь еврейский народ.

К стр. 9.

...быть твоему сыну предтечей мессии!

Мессия (древнееврейск.— помазанник) — мифический спаситель, образ которого возник в иудейской религии около VIII в. до н. э., в эпоху распада общины в Иудее и Израиле, когда земля была захвачена знатью,

а богатства концентрировались в руках господствующего класса. Классовое содержание этого образа было различным в представлениях разных классов и менялось в различные исторические эпохи. Эксплуатируемые — рабы и крестьяне — надеялись, что явившийся с неба спаситель установит царство справедливости и освободит их от угнетения; представители господствующего класса — рабовладельцы, землевладельцы, купцы — мечтали о царе из «дома Давидова», то есть из старой династии, который сделает их государство мощным и защитит их интересы. С усилением римского гнета в образе мессии появляются черты освободителя от чужеземного ига. Во все исторические эпохи мессинизм, отвлекавший внимание и силы народных масс от реальной борьбы за классовые интересы, был всегда глубоко реакционным явлением.

По учению иудаизма, чтобы подготовить народ к приходу спасителя, должен был явиться особый пророк. Христианство считает таким предшественником, предтечей, Иисуса Христа мифического Иоанна Крестителя.

К стр. 11.

...Захария не только онемел, но вдобавок еще и оглох, что вовсе не было предусмотрено.

В Евангелии от Луки сначала сказано: «...ты будешь молчать, и не будешь иметь возможности говорить» (Лука, гл. 1, ст. 20). А несколько ниже говорится, что пришедшие в дом Захарии «спрашивали знаками» у него, как назвать сына (Лука, гл. 1, ст. 62). Следовательно, Захария еще и оглох. Очевидно, архангел Гавриил позабыл, что собирался поразить Захарию только немотой. А скорее всего, составители евангелий опять не смогли свести концы с концами.

К стр. 13.

...царем Иудеи считался некий Ирод.

Ирод Великий (73—4 гг. до н. э.) — царь Иудеи в 40—4 гг. до н. э. В 40 г. до н. э. римский сенат назначил его тетрахом (четверовластником), одним из четырех правителей Иудеи, а затем Ирод получил титул вассального царя, подчиненного Риму. Пользовался поддержкой триумвира Марка Антония, а впоследствии римского императора Октавиана Августа. От Октавиана Ирод получил области на берегу Средиземного моря и в Заиорданье. Ирод основал Цезарею, построил иерусалимский дворец и перестроил храм Яхве в Иерусалиме. Ирод жестоко расправлялся с народными движениями, направленными против римского владычества. Воспоминания об этих зверствах, возможно, и отразились в мифе об «избиении младенцев» в Евангелии от Матфея.

В действительности же к тому времени, когда, согласно евангелиям, родился Иисус, Ирод уже умер.

...царский род Давидов...

Давид — второй царь Древнего Израиля (конец XI— начало X в. до н. э.), основатель династии, правившей сначала всем Израилем, а затем южным Иудейским царством до «вавилонского плена». «Вавилонское изгнание» (или «вавилонское пленение») древних евреев в VI в. до н. э.— насильственное переселение знати, чиновников, торговцев и ремесленников в Вавилон после взятия Иерусалима в 597 г. до н. э. и окончательного разгрома Иудейского царства вавилонским царем Навуходоносором в 586 г. до н. э. В 30-х годах VI в. до н. э. персидский царь Кир, завоевавший Вавилонию, разрешил большинству пленных евреев вернуться на родину.

При Давиде Иерусалим стал столицей государства. Давид впервые в истории древних евреев ввел постоянную запись всех происходящих событий специальными летописцами. Впоследствии эти летописи вошли в так называемые библейские книги Царств. По библейской легенде, Давид совершил ряд подвигов (победил великана Голиафа, боролся со львом и т. д.) и является автором псалмов, которые входят в Ветхий завет.

Кроме того, Давид прославился жестокостью, вероломством и многоженством. Он предал своего покровителя Саула, завладел троном и окружил себя сотнями женщин. Он убил своего полководца Урию, чтобы овладеть его женой красавицей Вирсавией. Когда были завоеваны области Заиорданья, Давид приказал убить каждого третьего жителя на глазах оставшихся в живых.

К стр. 24.

...к всевышнему явился Авраам.

По библейским сказаниям, Авраам — древнееврейский патриарх, родоначальник еврейского народа. Своей праведностью и силой своей веры Авраам превосходил всех ветхозаветных праведников — так утверждают защитники религии; однако в самом Ветхом завете содержатся рассказы, убеждающие в абсурдности этого утверждения. Авраам почитается не только в иудаизме, но и в христианстве и в исламе.

К стр. 25.

...не преступал законов морали, как Соломон, никогда не спекулировал прелестями своей жены, как Авраам, не являюсь сыном блудницы, как толстяк Вооз.

В Ветхом завете содержится ряд легенд о Соломоне, которые отнюдь не свидетельствуют о высоких моральных устоях этого «благомудрого» царя, как его называют богословы и священнослужители. Он не гнушался подлостью, убийствами, когда хотел достичь своей цели: по приказанию Соломона умертвили его брата Адонию, его друга военачальника Иоава, он изгнал священнослужителя Авиафара и т. д. и т. п. А вот что говорится в Библии о его отношении к семье и браку: «И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок, хеттеянок; из тех народов, о которых господь сказал сынам Израилевым: «Не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим ногам»; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него семьсот жен и триста наложниц» (3 Царств, гл. 11, ст. 1—3).

Не более привлекательной личностью был и патриарх Авраам. Он, по сути дела, был самым настоящим сутенером. Об этом свидетельствует следующий эпизод (и таких немало!): «Когда же он приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда египтяне увидят тебя, то скажут: «Это жена его»; и убьют меня, а тебя оставят в живых. Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя. И было, когда пришел Авраам в Египет, египтяне увидели, что она женщина весьма красивая; увидели ее и вельможи фараоновы, и похваляли ее фараону; и взята была она в дом фараонов. И Аврааму хорошо было ради ее; и был у него мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки и верблюды» (Бытие, гл. 12, ст. 11—16).

В главе второй Книги Иисуса Навина идет речь о некой иерихонской блуднице Раав. В Евангелии от Матфея (гл. 1, ст. 5) в числе пред-

ков Иисуса назван Вооз, сын Рахавы. Раав и Рахава — имена тождественные. Редакторы русского перевода Библии в одном месте оставили букву «х», а в другом ее исключили, думая тем самым избавиться от потаскушки в родословной Иисуса, о чем, очевидно, не позаботились авторы «священного» писания.

К стр. 29.

...выдержка из Вульгаты.

Вульгата (Vulgata) — название католической латинской Библии, текст которой Тридентским собором (1546) признан единственно правильным латинским переводом и считается равным по боговдохновенности и авторитету подлиннику. В действительности в этом переводе, сделанном еще в конце IV в. одним из отцов церкви — Иеронимом (330—413), содержалась масса ошибок, возникших в результате переписки. В 1590, 1592, 1593 и 1598 гг. римскими папами был сделан ряд попыток устранить ошибки. Издание 1598 г. было признано окончательным вариантом, не подлежащим исправлению. Однако и в нем остались значительные расхождения с Вульгатой Иеронима.

К стр. 31.

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись всех подданных Римской империи.

Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.) — римский император (цезарь, или кесарь) (27 г. до н. э.—14 г. н. э.). Внучатый племянник Юлия Цезаря, он в 27 г. до н. э. принял имя Цезарь Август (т. е. священный, возвеличенный богами). Август сумел сосредоточить в своих руках всю полноту светской и духовной власти; в 12 г. до н. э. он был избран великим понтификом (жрецом) римской религии. Позднее Август был объявлен божественным (divus) и был учрежден его культ. По всей Римской империи воздвигались статуи Августа и храмы в его честь. При Августе Римская империя владела колоссальными территориями. Одной из римских провинций была Иудея, расположенная на полуострове Малая Азия.

В те времена довольно регулярно в Римской империи производились переписи (в основном для определения годных к военной службе и для установления налогов в зависимости от владения имуществом). Однако ближайшая к тому времени перепись производилась в Самарии и Иудее лишь через 6—7 лет после рождения мифического Христа и не распространялась на Галилею, где находился мифический город Назарет (исторической наукой определенно установлено, что такого города на территории Палестины в I в. н. э. не существовало).

К стр. 33.

...совершить над собою еврейский обряд.

Христианство отвергает обряд обрезания. Тем не менее священнослужителями христианской религии до сих пор в ряде монастырей и церквей (их около 20) сохраняется в качестве реликвий крайняя плоть Христа, причем везде она выдается за подлинную.

К стр. 34.

Согласно закону Моисееву...

Моисей — в библейской мифологии пророк (XVI—XV вв. до н. э.), которому приписывается спасение древних евреев от преследований со стороны египетских фараонов («исход из Египта»), написание так назы-

ваемого Пятикнижия (первые пять книг Библии), установление законодательства еврейскому народу и другие деяния.

Научная критика Библии уже давно пришла к выводу, что Пятикнижие Моисея не могло быть написано одним человеком. Оно представляет собой собрание мифов и сказаний различной древности и различного происхождения. Все предания о Моисее содержатся почти исключительно в Пятикнижии и притом связаны почти исключительно с законодательными кодексами, которые появились в сравнительно поздние эпохи и лишь искусственно были перенесены в древность. Окончательная редакция Пятикнижия относится к V в. до н. э.

Все данные археологии и истории свидетельствуют о том, что Моисей и все его деяния относятся к области мифологии.

К стр. 35.

Правили ими монархи, которых называли волхвами или магами, потому что они занимались магией, астрологией и тому подобными науками.

За несколько веков до нашей эры в Ассирии и Вавилоне процветали астрология и подобные «науки», которые занимались изучением небесных светил и предсказанием человеческих судеб на основании их расположения на небе. Евангельская легенда рассказывает о том, что три восточных волхва пришли поклониться родившемуся младенцу Иисусу. Впоследствии стараниями отцов церкви и других проповедников христианства, пытавшихся поднять авторитет Христа, эти три колдуна превратились в мудрых царей Каспара (Гаспара), Мельхиора и Валтасара.

...достопочтенный Беда, английский монах, живший в VIII веке...

Беда, прозванный «достопочтенным» (673—735),— англосаксонский ученый монах из Нортамберленда. За труды по истории его называли в Англии «отцом истории». Им написана пятитомная «Церковная история англов», в которой излагается история Британии от времен Юлия Цезаря до 731 г.

Беда написал много комментариев к отдельным книгам Ветхого и Нового заветов, а также ряд «житий святых».

К стр. 52.

По словам святого Бонавентуры...

Бонавентура (1221—1274) — один из крупнейших религиозных деятелей в средние века. Он учил, что истины христианства могут быть постигнуты не разумом, а божественным озарением. Бонавентура оставил после себя массу религиозно-мистических сочинений. В XV в. был причислен к лику святых, а в XVI в. был провозглашен одним из пяти величайших отцов церкви.

К стр. 64.

Святой Епифаний... Епифаний (397—403) — архиепископ кипрский. Распространял христианство в Египте и Персии. Написал «Анкорат» («Якорь веры») и «Панарий» («Домашняя аптека»).

К стр. 67.

В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а

Лисаний четвертовластником в Авилинее, при первосвященниках Анне и Каиафе, был глагол божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне.

Тиверий Клавдий Нерон — второй римский император. Получил власть в 14 г. н. э. Умер в 37 г. Таким образом, события, описываемые в евангелиях, относятся ко времени, когда Тиверий был императором. Однако источники ни словом не упоминают ни об одном из событий, излагаемых в евангелиях. Не только смерть Иисуса нигде не упоминается, но не говорится и о чудесах, будто бы сопровождавших смерть Иисуса: затмение, землетрясение и т. д., хотя о такого рода явлениях немедленно сообщалось в Рим. Все попытки церковников извлечь из сведений о Тиверии какие-либо данные, подтверждающие существование Иисуса, оказались безрезультатными.

Пилат Понтий — римский прокуратор (наместник) Иудеи с 26 по 36 г. Отсутствие каких бы то ни было упоминаний о Христе в документах времени правления Пилата подтверждает мифичность Иисуса Христа.

Сообщение о двух первосвященниках, Анне и Каиафе, весьма недостоверно, так как по законам иудейской религии одновременно мог быть только один первосвященник.

К стр. 69.

Святой Юстин...

Юстин Мученик (ок. 105—166) — раннехристианский богослов, автор апологий «Беседа с Трифоном-иудеем», «Апология», а также свода раннехристианских ересей.

К стр. 74.

...члены синедриона, высшего совета иудейского духовенства...

Синедрион — верховное судилище у иудеев. Синедрион находился в Иерусалиме и состоял из 72 членов под председательством первосвященника. Раввины и талмудисты возводят возникновение синедриона ко временам Моисея. Синедрион решал многие важные вопросы общественной жизни. Так, он решал вопросы войны и мира, обсуждал назначение на правительственные должности и т. д. До покорения римлянами Иудеи синедрион пользовался правом выносить смертный приговор. Впоследствии его власть была ограничена: на исполнение смертного приговора требовалось согласие римского наместника.

...были из секты фарисеев, которые у иудеев занимали примерно такое же положение, как иезуиты у католиков...

Таксиль имеет в виду сходство между методами действий иезуитов и фарисеев, которые не останавливались ни перед чем при распространении своей веры.

Орден *иезуитов* был создан испанским дворянином Игнатием Лойолой в 1534 г. для распространения католицизма среди еретиков и язычников и существует по сей день. Он обладает большим влиянием в католическом мире, а громадные средства позволяют ему содержать массу иезуитских школ в разных странах и вести широкую пропаганду.

Фарисеи (древнееврейск. «перушим» — отделенные, обособленные) — религиозно-политическая партия в Иудее (I в.), состоявшая из богатых рабовладельцев, торговцев, высшего жречества. Фарисеи вели политику приспособления к римскому гнету, тяжесть которого они перекладывали на плечи трудящихся, а сами извлекали для себя выгоду. Религиозное учение фарисеев характеризовалось верой в бессмертие души и загробное воздаяние, а также положением об ограничении свободы человеческой воли. Фарисеи вызывали ненависть трудящихся масс не только

потому, что защищали интересы крупных рабовладельцев, но и потому, что считали себя единственными представителями «богоизбранного» народа и приручали остальных, как нечистых.

К стр. 75.

Илия — мифический древнееврейский пророк, которого бог якобы взял живым на небо.

К стр. 89.

Слова эти «равви» и «рака».

Равви (еврейск.) — учитель. *Рака* — древнееврейское ругательство.

К стр. 91.

И как Моисей вознес медного змия в пустыне...

Имеется в виду библейский рассказ о блужданиях еврейского народа во время бегства из Египта. Народ был недоволен богом, так как в пустыне, по которой приходилось идти, не было ни воды, ни пищи. И тогда разгневанный бог наслал ядовитых змей. «И пришел народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против господа и против тебя; помолись господу, чтоб он удалил от нас змеев. И помолился Моисей (господу) о народе. И сказал господь Моисею: сделай себе (медного) змея и выставь его на знамя, и (если ужалит змей какого-либо человека), ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (Числа, гл. 21, ст. 7—9).

Богословы, ссылаясь на Евангелие от Иоанна, видят в медном змее прообраз Иисуса Христа, несущего наказание за грехи людей: «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть сыну человеческому, дабы всякий, верующий в него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Иоанн, гл. 3, ст. 14—15).

К стр. 108.

...предмет меблировки, по форме напоминавший ящик, в котором сидел бог во время ночного разговора с юношей Самуилом...

По библейскому сказанию, к будущему пророку Самуилу, когда тот еще был отроком, являлся бог. Бог несколько раз обращался к Самуилу во время сна, когда Самуил ночевал в храме возле «божьего ковчега» (1 Царств, гл. 3, ст. 1—14).

К стр. 109.

...подавать чтецу или кантору...

Кантор — главный певец в синагоге. В католической церкви канторами называют певчих, а у протестантов кантор — это учитель и дирижер церковного хора, органист.

К стр. 111.

...толковать пророков, особенно Исаию! Ведь его распилили плотничьей пилой!

Исаия — один из мифических древнееврейских пророков. Ему приписана одна из книг Ветхого завета, в которой он предсказывает приход мессии. Согласно библейской легенде, Исаию распилили деревянной пилой по приказанию царя Манассии.

...при пророке Елисее.

Елисей — один из библейских пророков, ученик и последователь Илии, якобы видевший восшествие Илии на небеса.

К стр. 134.

...святой Амвросий, живший в первых веках нашей эры...

Амвросий (IV—V вв.) — один из отцов церкви. Боролся за твердую, сильную церковную организацию, выступал против ересей, за чистоту христианских догматов. Написал пять книг «О вере».

К стр. 141.

Цицерон Марк Туллий (106—43 гг. до н. э.) — выдающийся оратор, адвокат, писатель и политический деятель Древнего Рима. В своих произведениях «О государстве», «О законах», «Об обязанностях» («De officiis») и других выражал идеалы и настроения аристократического слоя римских рабовладельцев.

Стобей Иоанн (VI в.) — византийский компилятор, родом из города Стоби (Македония). Для воспитания и образования своего сына Септимия составил сборник цитат, отрывков из более чем 500 древних философов, историков, поэтов, ораторов. Этот сборник — важное пособие при изучении истории литературы и философии.

К стр. 148.

Тацит Публий Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — известный римский историк. Его произведения «Анналы», «Истории», «Германия» и другие служат важнейшими историческими источниками, хотя в их тексте встречаются позднейшие вставки (например, о Христе).

К стр. 159.

Маймонид (Моисей бен Маймун) (1135—1204) — средневековый еврейский философ, теолог и медик. Родился в Кордове (Испания), эмигрировал в Марокко, а затем в качестве знатока медицины был приглашен в Каир на должность лейб-медика при дворе Салах-ад-дина. В произведении «Далалат аль-хайрин» («Наставник колеблющихся», или «Книга наставлений») Маймонид пытается примирить философское учение Аристотеля с иудаизмом. Противоречие между религией и философией Маймонид старался устранить путем аллегорического истолкования библейских мифов.

К стр. 161.

...Никейский собор объявил его апокрифом...

Апокрифы (древнегреч.— тайный, сокровенный) — памятники мифологическо-религиозной литературы, близкие по сюжету к произведениям, канонизированным церковью, но по трактовке отличающиеся от них и отвергаемые церковью, как ложные, греховные. Апокрифические сочинения отражают борьбу разных течений в формировании религиозной идеологии. На *Никейском соборе* (325) — съезде христианских церковников в г. Никее — из многочисленных евангелий были отобраны четыре евангелия: от Матфея, от Марка, от Луки и от Иоанна. Они были признаны истинными, а остальные были отвергнуты и объявлены апокрифами, хотя принципиальной разницы между ними и апокрифами нет.

К стр. 190.

...Менее грубым именем нарицательным — альфонс.

Альфонс — презрительная кличка мужчины, получающего плату, содержание от женщины за половую связь с ней (по имени героя комедии французского писателя А. Дюма-сына «Месье Альфонс», 1870 г.).

К стр. 193.

...исцеляя очередного бесноватого, который, по словам евангелиста Матфея, был нем и слеп, а по словам евангелиста Луки, только нем.

Вот что говорят по этому поводу Матфей и Лука. Матфей (гл. 12, ст. 22): «Тогда привели к нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть». Лука (гл. 11, ст. 14): «Однажды изгнал он беса, который был нем; и когда бес вышел, немой стал говорить; и народ удивился».

К стр. 202.

Их оказалось ровно шесть тысяч...

В русском переводе евангелия говорится не о шести тысячах свиней, а просто о большом стаде свиней.

К стр. 213.

Климент Александрийский (II—III вв. н. э.) — христианский богослов, один из отцов церкви, руководитель церковной школы в Александрии. Защищал и обосновывал христианство в сочинениях «Слово, направленное на увещание греков», «Педагог», «Строматы» и многих других.

К стр. 217.

Терпсихора — в греческой мифологии одна из девяти муз — богинь, которые покровительствовали искусствам и наукам. Терпсихора считалась покровительницей танца и хорового пения. Изображалась с лирой в руках.

К стр. 230.

...родился печально известный каламбур, который евангелие приписывает Христу.

Таксиль имеет в виду ту мрачную роль, которую сыграло христианство, и в частности католицизм, в истории человечества. Свои действия, свое стремление к власти над умами и жизнью людей римские папы зачастую оправдывали именно этим местом из евангелия. Римские папы считали, что их власть над христианской церковью перешла к ним от Петра, этой мифической личности, которого они объявили первым епископом (папой) римским.

К стр. 241.

Франция навсегда избавилась бы от немецких вояк, и Гарибальди не пришлось бы приходить к нам на помощь.

Гарибальди Джузеппе (1807—1882) — замечательный итальянский революционер, сыграл видную роль в борьбе за объединение Италии, в борьбе за освобождение ее от австрийских захватчиков. В 1870 г. Гарибальди сам предложил свою шпагу французской республике для ее защиты от прусских войск. Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Гарибальди командовал корпусом.

К стр. 259.

Ориген Александрийский (185—254) — христианский писатель, автор большого числа богословских сочинений. Сочетал христианство с идеями

философской школы неоплатонизма. Исходя из теологических рассуждений, неожиданно пришел к выводу о вечности материи, ибо без природы богу «нечего было бы делать». Ориген призывал бороться с «грешниками» путем применения пыток, вплоть до сожжения на костре. Его призывы были воплощены в деятельности средневековых инквизиторов.

Кирилл — александрийский патриарх (421—445), крайний фанатик, поборник монашества и аскетизма. При нем уничтожена большая часть Александрийской библиотеки.

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (II—III вв. н. э.) — видный христианский богослов. Написал много сочинений апологетического, догматического характера, выступал в защиту христианских обрядов и молитв, боролся с язычниками. Главнейшие работы: «О крещении», «О покаянии», «О терпении», «О зрелищах», «О душе», «Об идолопоклонстве» и другие.

Киприан (ум. в 258 г.) — раннехристианский богослов, епископ карфагенский, ярый защитник установления сильной власти высшего духовенства в церкви. В своем «Послании к Донату» ярко обрисовал языческие нравы своего времени. Из других сочинений наиболее значительные «О суете идолов», «Против иудеев», «О смертности».

Иоанн Златоуст (345—407) — один из крупных церковных деятелей, проповедник и писатель. За свое красноречие получил наименование Златоуста. Был архиепископом в Константинополе. Перу Иоанна Златоуста принадлежит много произведений. Это главным образом толкования отдельных книг Ветхого и Нового заветов и беседы на различные религиозные темы.

Августин Аврелий (354—430) — наиболее влиятельный авторитет католической церкви. Был епископом в африканском городе Гиппоне. Написал много сочинений в защиту и обоснование христианства. Наряду с богословскими вопросами интересовался философско-психологическими проблемами.

К стр. 313.

Миссон Франсуа-Максимилиан (ок. середины XVII в.— 1722 г.) — французский писатель. Депутат французского парламента. Родился в протестантской семье. После отмены в 1685 г. Нантского эдикта 1598 г., по которому протестантам предоставлялась во Франции свобода вероисповедания (господствующей религией был католицизм), Миссон подал в отставку и эмигрировал в Англию. Путешествовал по Германии, Голландии и Италии. Большим успехом пользовалось лучшее его произведение — «Новое путешествие по Италии».

К стр. 320.

...подошли саддукеи — приверженцы влиятельной иудейской секты.

Саддукеи, или потомки Садока,— религиозно-политическая партия в Иудее (II в. до н. э.— I в. н. э.), идеологи иерусалимской знати, ростовщичества, жреческой аристократии. От фарисеев саддукеи отличались лишь трактовкой некоторых религиозных вопросов: они верили в свободную волю человека, важным для них было соблюдение писаного закона; саддукеи отвергали верование в телесное воскресение.

К стр. 331.

...Валтасарову пирушку.

В пятой главе ветхозаветной Книги пророка Даниила рассказывается о пире, который устроил вавилонский царь Валтасар. В разгар праздне-

ства на стене появились три таинственных слова: «мене», «текел», «перес». Пророк Даниил истолковал их как конец царства Валтасара, раздел его земель. По Библии, Валтасар был убит в ту же ночь. Вся эта история — сплошной вымысел, так как такой царь никогда не упоминался среди вавилонских царей.

К стр. 334.

Боссюэ Жак Бенин (1627—1704) — французский писатель и проповедник. Боролся с протестантизмом за строгий католицизм. Написал «Трактат о познании бога и самого себя», «Рассуждение о всемирной истории» и другие сочинения. В 1682 г. Боссюэ руководил собранием французского духовенства, созванным французским королем по поводу спора с римским папой.

К стр. 368.

...таких агнцев божьих, как Александр VI Борджиа и Мастаи, Пий IX.

Александр VI (1442—1503) — римский папа (1492—1503), происходил из испанского дворянского рода Борджиа, переселившегося в Италию. Время его папства представляет картину произвола, вероломства, разврата. Он уничтожал своих врагов, прибегая к кинжалу и яду. Маркс назвал его «чудовищем разврата».

Пий IX (граф Джованни Мариа Мастаи Ферретти; 1792—1878) — папа римский (1846—1878). В 1850 г. установил террористический режим в папском государстве. Всячески боролся против революционных выступлений, был противником объединения Италии. Проводил реакционную и антинациональную политику. В 1870 г. Пий IX добился от ватиканского церковного собора провозглашения догмата о папской непогрешимости.

К стр. 394.

...спустилась, подобно Орфею, в обитель теней.

Орфей — герой древнегреческой мифологии, певец и поэт. Его лира издавала такие чудные звуки, что дикие звери выходили из своих логовищ и следовали за ним, деревья и скалы сдвигались со своих мест, чтобы послушать его дивную игру. Один из мифов рассказывает о том, как Орфей спускался в подземное царство за своей женой Эвридикой.

К стр. 395.

Особенно радовалась вдова Юдифь, та самая, которая убила Олоферна...

Юдифь, или Иудифь,— библейский персонаж. Библейская Книга Иудифь рассказывает о подвиге этой вдовы из города Ветилуи. Ассирийская армия под начальством мифического полководца Олоферна окружила Ветилую. Иудифь проникла в их лагерь, отрубила голову Олоферну, когда тот спал, и тем самым навела панический страх на ассирийскую армию и обратила ее в бегство. Вся эта история — сплошной вымысел. Города Ветилуи, так же как и полководца Олоферна, в действительности никогда не существовало.

Гедеон — библейский персонаж, мифическая личность. О нем повествуется в Книге судей израильских. Гедеон якобы был судьей израильским и избавил израильский народ от бедствий и нападения мадианитян и других кочевников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИИСУС ЗА РАБОТОЙ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРЕСКВЕРНАЯ НЕДЕЛЯ

ТАКСИЛЬ ЛЕО.
ЗАБАВНОЕ ЕВАНГЕЛИЕ, ИЛИ ЖИЗНЬ ИИСУСА,
Пер. с франц. М., Политиздат, 1963.
429 с.

2

Редактор *С. Никоненко*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*
Технический редактор *Т. Климова*

Сдано в набор 24 июля 1963 г. Подписано в печать 17 сентября 1963 г.
Формат 60 × 84[1]/16. Физ. печ. л. 27. Условн. печ. л. 24,6.
Учетно-изд. л. 22,77. Тираж 370 000 (1—170 000) экз. Заказ № 1522.
Цена 88 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата
Москва, Краснопролетарская, 16.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БУДУТ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ И БРОШЮРЫ ПО АТЕИЗМУ:

С. А. Токарев. **Религия в истории народов мира.** 30 л., с илл.

Эта книга известного советского историка-этнографа — плод многолетней работы ученого. В ней впервые в советской литературе дается последовательный общий обзор религий различных народов и стран: от зарождения примитивных первоначальных верований до формирования цельных мировоззренческих систем так называемых «мировых религий». Автор анализирует богатый материал, накопленный этнографией и археологией, «священные» книги и богословскую литературу всевозможных направлений.

Прочитав книгу С. А. Токарева, читатель познакомится с религиозными верованиями народов далекой Австралии, знойной Африки, холодного Севера, Северной и Южной Америки, Европы и Азии, узнает о тех объективных причинах, которые вызвали к жизни те или иные религиозные верования, поймет, что ничего сверхъестественного в религиозных легендах нет. Глубокий и всесторонний научный анализ сочетается в этой работе с простотой и доходчивостью изложения.

В книге содержится большое количество иллюстраций, многие из которых публикуются впервые.

Календарь атеиста.
35 л., с илл.

Это издание представляет собой популярный справочник по атеизму, в основу которого положен хронологический принцип. Календарь содержит в себе материалы, рассказывающие о вековой борьбе науки и религии, о мужественных мыслителях, боровшихся за истину, о величественных открытиях и достижениях современной науки, не оставляющих места для бога во Вселенной. Читатели познакомятся также со статьями, посвященными разоблачению различных религиоз-

ных организаций, приспособленчеству современных богословов, с материалами, раскрывающими сущность религиозных праздников и обрядов.

Книга богато иллюстрирована репродукциями с картин выдающихся живописцев и оригинальными фотодокументами.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРОДОЛЖАЕТ ВЫПУСК «ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АТЕИСТИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕЧКИ».

В «Библиотечку» входят антирелигиозные произведения классиков мировой литературы, видных советских писателей, лучшие образцы народного творчества. Брошюры «Библиотечки» выпускаются комплектно.

В 1964 г. в «Художественной атеистической библиотечке» выходят следующие книги:

А. П. Чехов. **Канитель.**

О. Бальзак. **Ведьма.**

Т. Шевченко. **Еретик.**

Шолом-Алейхем. **Царствие небесное.**

А. С. Серафимович. **Две божьих матери.**

Арк. Аверченко. **Оккультные науки.**

Остап Вишня. **Дела небесные.**

К. Басенко. **Божья биография.**

Сборник атеистических стихотворений советских поэтов.
Сборник антирелигиозной зарубежной новеллы.

Приобретайте эти книги в магазинах Книготорга и Потребкооперации